

Е. Р. ДАШКОВА: ВЕЛИКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМ. Е.Р. ДАШКОВОЙ

**Е.Р. ДАШКОВА:
ВЕЛИКОЕ НАСЛЕДИЕ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Москва

2009

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 46
Д 21

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук *Л.В. Тычинина* (отв. ред.)
канд. воен. наук *Р.Б. Мухин*
канд. ист. наук *Н.В. Бессарабова*

Точка зрения отдельных авторов не обязательно совпадает
с мнением ответственных редакторов

Авторы несут ответственность за аутентичность
использованного фактического материала и за справочный аппарат

Д 21 **Е.Р. Дашкова:** Великое наследие и современность. – М.:
МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2009. – 360 с., [12] с. илл.

ISBN 978-5-89903-128-1

Сборник составлен по материалам докладов, прочитанных в
марте 2008 г. на XIV Международных Дашковских чтениях. В него
вошли статьи, посвященные мировоззрению Е.Р. Дашковой и исто-
рии создания ее «Записок», работы о родственниках и современни-
ках княгини, а также статьи о русской культуре XVIII в. и о значении
наследия екатерининской эпохи для нашего времени.

Для историков и широкого круга читателей.

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 46

Редактор РИО – *Н.В. Бессарабова*
Компьютерная верстка *Н.В. Бессарабовой*

Подписано в печать 03.02.08. Формат 60x90^{1/16}.
Гарнитура Times New Roman Суг.
Усл.-печ. л. 22,5. Тираж 200 экз.

© Московский гуманитарный институт
им. Е.Р. Дашковой, 2009

ISBN 978-5-89903-128-1

© Коллектив авторов, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Л.В. Тычинина

Дашковское общество. 2008 год: хроника событий 5

Н.Н. Лисовой

Екатерининское время и современность:

Империя, Церковь, Культура 10

М.Л. Маррезе

Дворцовый переворот 1762 г. и традиция женских интриг

при российском дворе XVIII века 18

Л.В. Тычинина

О христианских основах мировоззрения Е.Р. Дашковой 32

О.В. Мамаева

Универсальная женская личность в «Записках» Е.Р. Дашковой 44

М.М. Сафонов

«Записки» Е.Р. Дашковой и их авторы 83

Е.Н. Фирсова

Еще раз об авторстве записок Е.Р. Дашковой 152

О.А. Байрд

Екатерина Великая и Екатерина Малая

в Бирмингеме (Англия): мифы и факты 169

Х. Итурраран

Неожиданная находка: испанский ученый – член-корреспондент

Санкт-Петербургской императорской Академии наук 183

Т.М. Фадеева

Е.Р. Дашкова и английская ветвь Воронцовых:

о малоизвестном портрете княгини,

хранящемся в поместье Вилтон-хауз (Англия) 187

С.Р. Долгова

Как делили наследство Анны Карловны Воронцовой 201

Е.В. Полевщикова

Русские периодические издания XVIII века

в библиотеках Воронцовых 207

М.П. Пряшников

- Английские музыкальные связи Воронцовых и Дашковых
 (по материалам нотно-музейного архива
 и библиотеки Воронцовых) 218

Н.Я. Серебрякова

- О захоронениях Екатерины Алексеевны
 и Семёна Романовича Воронцовых 232

Е.Н. Фирсова

- Московские адреса родственников Е.Р. Дашковой
 по линии Воронцовых 236

К.Г. Боленко

- Проект Генерального суда Екатерины II: истоки и результаты 263

Н.В. Козлова

- Уклад жизни в богадельнях Москвы XVIII века 269

Н.Ю. Болотина

- Зубовы в Литве (обзор фондов РГАДА) 282

Е.В. Пчелов

- Образ и эпоха Екатерины Великой
 в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» 294

О.И. Елисеева

- Удар – поцелуй: тактильный контакт в русской культуре XVIII века 312

С.В. Моисеева

- Художник Леонтий Семёнович Миропольский и его творчество 321

Л.Я. Таёжная

- Усадьба в селе Троицком и ее роль в становлении
 отечественной школы изобразительных искусств
 1930-х годов 349

Л.М. Пищулина

- Десять лет с именем Е.Р. Дашковой 353

В.А. Стручков

- Восстановление русских усадеб – дело государственной важности 358

- Список сокращений 360

ДАШКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО. 2008 ГОД: ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Л.В. Тычинина

В 2008 г. продолжалась деятельность Дашковского общества*.

28 марта 2008 г. состоялись традиционные XIV Международные Дашковские чтения, посвященные 265-летию со дня рождения Е.Р. Дашковой и 225-летию со дня учреждения Российской Академии. В работе чтений приняли участие многочисленные ученые из различных вузов, академических институтов, музеев и других организаций Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Тамбова, Твери, Калуги, зарубежные гости из США, Украины, Белоруссии, Сенегала и Румынии.

Перед началом пленарного заседания был продемонстрирован созданный институтом документальный фильм «Штрихи к портрету», посвященный жизни и деятельности княгини. Во вступительном слове ректор института Л.В. Тычинина рассказала о вкладе Екатерины Романовны в развитие отечественной науки и культуры. С приветствиями к участникам чтений обратились научный руководитель МГИ им. Е.Р. Дашковой академик Российской Академии наук Е.П. Чельшев, профессор из США М.Л. Маррезе, президент Российской генеалогии-

---

* О Дашковском обществе см.: *Семенова А.В.* Дашковское общество: история здания, перспективы деятельности // Е.Р. Дашкова и ее время: исследования и материалы. М., 1999. С. 32–34; *Она же.* Дашковское общество. 1999 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и А.С. Пушкин в истории России. М., 2000. С. 9–12; *Она же.* Дашковское общество. 2000 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и российское общество XVIII столетия. М., 2001. С. 10–12; *Она же.* Дашковское общество. 2001 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и ее современники. М., 2002. С. 14–18; *Она же.* Дашковское общество. 2002 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова: Личность и эпоха. М., 2003. С. 18–21; *Она же.* Дашковское общество. 2003 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова: Портрет в контексте истории. М., 2004. С. 6–10. *Она же.* Дашковское общество. 2004 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и эпоха Просвещения. М., 2005. С. 6–9; *Она же.* Дашковское общество. 2005 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и Золотой век Екатерины. М., 2006. С. 6–9; *Она же.* Дашковское общество. 2006 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова в науке и культуре. М., 2007. С. 6–9; 2007 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и представители века Просвещения. М., 2008. С. 6–10.

ческой ассоциации кандидат исторических наук С.В. Думин, были оглашены приветствия, поступившие в адрес участников чтений от член-корреспондента РАН Н.Н. Скатова и директора Института слаvisteческих исследований Сорбонны (Париж-4) Ж. Брейара.

Большой интерес вызвали доклады и выступления участников пленарного заседания. В выступлении доктора исторических наук Н.Н. Лисового, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН, прозвучало переосмысление путей развития русской культуры от Петра I до наших дней, причем эпоха Екатерины II была названа вершиной российской государственности и культуры. В выступлении истинного патриота и носителя высокой духовности русской интеллигенции отдается дань почтения деяниям Русской православной церкви. Ректор Института русского языка им. А.С. Пушкина, главный редактор журнала «Русский язык за рубежом» доктор филологических наук и доктор педагогических наук профессор Ю.Е. Прохоров рассмотрел проблемы использования русского языка в моно- и поликультурной семье, а секретарь Ученого совета Московской духовной академии и семинарии кандидат богословия протоиерей Павел Великанов изложил свою точку зрения на проблему семьи как «малой церкви» в эпоху постмодерна.

На пленарном заседании состоялась презентация последних изданий МГИ им. Е.Р.Дашковой, были вручены знаки отличия Министерства образования и науки РФ, медали княгини Е.Р. Дашковой «За служение Свободе и Просвещению» и другие общественные награды.

На заседаниях четырех секций: «Е.Р. Дашкова и ее время», «Проблемы политики, экономики и права», «Межкультурная коммуникация в глобализующемся мире», «Проблемы психологии и управления» – было заслушано около восьмидесяти докладов, значительная часть которых публикуется в настоящем сборнике, а также в выходящих одновременно с ним трех сборниках серии «Россия и мир: вчера, сегодня, завтра».

Члены Дашковского общества и другие исследователи, интересующиеся отечественной историей XVIII в., работали в секции «Е.Р. Дашкова и ее время». Заседание секции открыла ректор института Л.В. Тычинина, которая рассказала о деятельности Дашковского общества за истекший год и перспективах его развития. Ряд

докладов был посвящен эпохе Екатерины Великой. Так, профессор Нью-Йоркского университета М.Л. Маррезе по-новому, с точки зрения традиции «женской интриги», взглянула на дворцовый переворот 1762 г. и отметила значение Е.Р. Дашковой, заложившей фундамент особого поведения дворянок в эпоху Отечественной войны 1812 г. и восстания декабристов. Большой интерес вызвало сообщение Х. Итурран об обнаруженных в архивах документах о Кабанильесе – испанским ученом, ставшем в 1792 г. членом Санкт-Петербургской Академии наук.

Оживленную дискуссию вызвало сообщение санкт-петербургского исследователя кандидата исторических наук М.М. Сафонова, полагающего, что Е.Р. Дашкова вовсе не была единственным автором своих знаменитых мемуаров. По его мнению, в написании «Записок» активное участие приняли М. и К. Вильмот. М.М. Сафонову возразили кандидат исторических наук О.И. Елисеева и Л.В. Тычинина, убедительно доказывавшие авторство Екатерины Романовны. Действительно, Марта Брэдфорд как издатель несколько вольно поступила с «Записками» княгини, но следует согласиться с мнением историка XIX в. М.Ф. Шугурова, который сопоставил лондонское издание с рукописной копией «Записок» из архива князя Воронцова и пришел к выводу, что многие отступления от подлинника М. Брэдфорд совершила из-за ошибочного понимания своей задачи. К счастью, трудолюбивое перо Марты сделало две копии с утраченного оригинала «Записок». Аргументация М.М. Сафонова приводит к предположению, что британская копия была первой, она была сделана Мартой, а вывезена из России Кэтрин Вильмот. Вторую копию Марта вновь выполнила с оригинала, но уже с учётом замечаний княгини, при этом по ходу работы Е.Р. Дашкова делала новые поправки. Начатая в хорде чтений дискуссия продолжается на страницах данного сборника Е.Н. Фирсовой. Традиция обсуждения докладов и научной полемики, без сомнения, обогащает наши знания о Е.Р. Дашковой и ни в коем случае не умаляет ее достоинств и нашего к ней уважения.

Традиционно на заседании секции «Е.Р. Дашкова и ее время» делаются сообщения, посвященные жизни и деятельности Е.Р. Дашковой и членов ее семьи, культуре и мировоззрению людей эпохи Просвещения, проблеме сохранения исторического и культурного наследия в наши дни. Все они нашли отражение в данном сборнике.

Так, большой интерес представляют работа Н.В. Козловой о московских богадельнях и статья О.И. Елисейевой о значении тактильного контакта в жизни русских людей второй половины XVIII в. Работа Н.Ю. Болотиной о последнем фаворите Екатерины Великой П.А. Зубове, возможно, положит начало изменению традиционного взгляда на эту личность. Статья Л.Я. Таёжной наводит на размышления о возможном поиске работ студентов института им. В.И. Сурикова, выполненном в селе Троицкое Калужской области – мы могли бы получить новые сведения о состоянии любимой усадьбы Екатерины Романовны в 1930-е гг. Нельзя читать без внутреннего волнения и восхищения статью Л.М. Пищулиной, директора школы им. Е.Р. Дашковой в г. Кремёнки, по инициативе которой в школе был создан мемориальный музей княгини. Истинной озабоченностью и болью проникнута статья В.А. Стручкова о разрушении усадьбы И.И. Воронцова-Дашкова в селе Новотомниково Тамбовской области. Это очень созвучно с происходящим в Троицком, где буквально на глазах разрушаются последние постройки и некогда великолепные ворота усадьбы Екатерины Романовны.

Радостным и волнующим событием стало вручение научно-му руководителю МГИ им. Е.Р. Дашковой высокой государственной награды. Указом Президента РФ за выдающийся вклад в развитие гуманитарных наук и многолетнюю плодотворную деятельность академик-советник Российской Академии наук Евгений Петрович Челышев награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени.

Продолжается изучение жизни и деятельности княгини. В МГИ им. Е.Р. Дашковой составлена и опубликована летопись жизни Екатерины Романовны. Члены Дашковского общества традиционно принимают участие в научных конференциях, посвященных русской истории и культуре в XVIII в.

Ведется изучение портрета Е.Р. Дашковой работы неизвестного художника, где она изображена со «Словарем Академии Российской». На сегодняшний день известно четыре полотна одинаковой композиции: в Президиуме РАН и Государственном Историческом музее (Москва), в Пушкинском доме (Санкт-Петербург) и в частной коллекции в Великобритании. Есть ли среди них оригинал, и если да – то какой из четырех портретов? Скорее всего, это портрет из Президиума РАН. Высказанное предположение об авторстве

Л.С. Миропольского убедительно опровергла сотрудник Государственного Русского музея С.В. Моисеева, отметив вероятность выполнения этой работы его учениками или художниками из его ближайшего круга. Известно, что портрет, ныне хранящийся в Пушкинском доме, был заказан для Российской Академии в 1808 г. Сохранившееся письмо Е.Р. Дашковой подтверждает, что это копия московского художника с портрета, подаренного княгиней Московскому университету вместе с минералогической коллекцией. Возможно, портрет из Президиума РАН и есть тот портрет, который Екатерина Романовна передала в университет... Вопросов больше, чем ответов. Поиск продорлжается.

5 декабря 2008 г. в МГИ им. Е.Р. Дашковой состоялось традиционное празднование именин княгини – дня св. Екатерины. В теплой непринужденной обстановке в институте собрались члены Дашковского общества – исследователи жизни княгини и эпохи Екатерины Великой. С интересными сообщениями выступили В.Н. Алексеев, Е.Г. Горохова, Л.И. Третьякова, К.Г. Боленко и другие гости.

16 января 2009 г., в годовщину смерти Е.Р. Дашковой, члены Дашковского общества традиционно почтили память княгини в храме Малого Вознесения на Большой Никитской улице, где настоятель этого храма о. Василий (Строганов) отслужил панихиду.

ЕКАТЕРИНИНСКОЕ ВРЕМЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ИМПЕРИЯ, ЦЕРКОВЬ, КУЛЬТУРА

Н.Н. Лисовой

Эпоха императрицы Екатерины Великой и ее соратников – одна из бесспорных вершин русской государственности, русской культуры, и если угодно – российской цивилизации, такой, какой сегодня мы ее знаем. Если взглянуть на карту России с геополитической точки зрения, становится очевидным, что дело, начатое Петром Великим, вернувшим России Варяжское (то есть Балтийское) море, продолжила Екатерина II, которой пришлось отвоевывать Русское, как оно называлось когда-то в древних источниках, то есть Черное море. Древний путь из Варяг в Греки вновь становится магистральным для исторического движения России.

К числу стереотипов и мифов, с которыми приходится сталкиваться при анализе екатерининского времени, относятся не только вполне анекдотические, русофобской пропагандой запущенные «потемкинские деревни». В нашей историографии донныне отсутствует такой важнейший конструкт, как правильное понимание соотношения государственного, светского и церковного в нашей культуре.

Эпоха Петра I, а затем и Екатерины II была во многом антиклерикальной – это подтверждается многочисленными и вполне неопровержимыми документальными источниками. Наступление на древние институты монашества и Церкви, начавшееся в петровскую эпоху, активно продолжила Екатерина II. Ее указ 1764 г. о монастырских штатах действительно наносил мощнейший удар по русской церковной культуре: почти половина древних монастырей, в том числе более сотни из тех, что были основаны великими преподобными, были в одночасье закрыты. Трудно оспорить оценку молодого А.С. Пушкина: «Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но, лишив его независимого состояния и ограничив монастыр-

ские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному... От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушные к отечественной религии. Жаль! Ибо греческое (православное. – *Н.Л.*) вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер. Мы обязаны монахам нашей истории, следственно, и просвещением. Екатерина знала все это и имела свои виды»¹. Тем не менее, попробуем взглянуть на проблему с другой точки зрения. Так что же знала императрица и что она делала?

Россия вступила в XVIII в. без духовных академий (не считая Киево-Могилянской, которая во многом была построена на иезуитских латинских основах и находилась в только что присоединенной Малороссии). В пределах же собственно Великороссии отсутствовало духовное образование, не было духовных академий и семинарий и подлинного научного интереса к изучению церковной старины. Кончается же век эпохой Паисия Величковского, реформой и возрождением русского монашества, изданием «Добролюбия» – энциклопедии православного подвижничества, главной церковной книги русской православной культуры на все времена, созданием четырех духовных академий – Петербургской, Московской, Казанской и Киевской, которые просуществовали до 1917 г. и наследие которых до настоящего времени обеспечивают высокий уровень богословского образования в нашей стране.

Для того, чтобы это сделать, от многого пришлось отказаться, в том числе от некоторых традиционных форм бытования церковной культуры, характерных для XVII столетия. Трудно сказать, правильно ли это и хорошо ли это, так как вся последующая история Русской Церкви и духовности будет состоять в последующей борьбе за возвращение России православия. Это утверждение может показаться парадоксальным, но на самом деле это было именно так. Возвращение к источникам, к подлинному святоотеческому наследию было бы невозможно без той коренной ломки образования, без выработки четкой системы критериев и ориентиров в области изучения и освоения греческой культуры и греческого языка, латинской культуры и латинского языка, византийских и западных заимствований, которые характерны для XVIII в.

Возникает вопрос: что такое Россия, в чем ее религиозно-культурное призвание? Давайте посмотрим, чем вообще знаменательна христианская эпоха в истории цивилизации, почему именно грекам

было дано в первые столетия после Рождества Христова, а затем и на протяжении всей византийской эры максимально обогатить сам язык, сам алфавит фундаментальных понятий европейской христианской культуры. Это произошло потому, что именно греки оказались более гибкими, более глубокими в восприятии евангельской истины. Понятие **меры** – одно из ключевых в Евангелии. «В какую меру мерите», – говорил Спаситель. «Вместите нас», – говорили апостолы. Именно по способности **вмещения**, по глубине той **меры**, которая была задана, византийские греки не знали себе равных. В последующие столетия Бог и История были не за греков, а за русских, за Россию. Византийская цивилизация, греческая по языку и культурному коду, православная по существу, оборвалась с падением Константинополя, а русская начала возрастать, потому что мы превзошли греков по глубине и мере усвоения, по увеличению радиуса смелых и гибких культурных заимствований, по технике и искусству перевода.

Вспомним историю нашей культуры. С киевских времен, с московских времен, с Максима Грека и Острожской Библии, особенно с XVII в. и XVIII в. мы видим нарастающую лавину новых источников, новых заимствований, причем широчайшего радиуса. Мы вместили в себя и «галльский острый смысл, и сумрачный германский гений». Спросите сегодня у немцев, так ли хорошо они помнят своего Гете и своего Шиллера, как помнят у нас в России. Найдите на Западе хотя бы одного поэта, который, как наш В.А. – Жуковский, сумел бы перевести лучше, чем было в оригинале, все произведения и английского романтизма, и немецкой поэзии, и французской классики. Россия в этом смысле уникальна. Кульминационным пунктом этой **культуры заимствований и освоений** становится время Екатерины Великой. Не является исключением в этом смысле и церковная культура.

Обратим еще раз внимание на только что переизданные шесть томов Словаря Академии Российской (1789-1794). Треть состава авторов, работавших над Словарем – это представители духовного сословия во главе с митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Гавриилом (Петровым). Среди авторов – представителей духовенства наибольшее количество словарных статей написано протоиереем Иоанном (Красовским). Кстати, Гавриил и Иоанн получили золотые медали Академии Российской за работу над словарем.

Эта традиция продолжилась и в дальнейшем. Русский язык – один из немногих в мире, который так органично связан со своими церковно-славянскими истоками. Борьба Екатерины II и ее сподвижников за Черное море, за византийское и, как мы теперь говорим, поствизантийское наследие – это и борьба за язык. Мы выиграли в этой борьбе. А.С. Пушкин был бы невозможен без эпохи Екатерины Великой. Вспомним, какими гордыми словами говорит об этом великий русский поэт в своем замечательном стихотворении «Воспоминания в Царском Селе». Славная екатерининская эпоха станет, если угодно, национальным мифом, золотым веком нашей культуры.

Сподвижниками Екатерины II были люди широчайшей культуры, способные говорить на равных с лучшими представителями европейской науки и культуры. 18-летняя Екатерина Романовна Дашкова может беседовать с лучшими представителями европейской образованности того времени. Императрица принимает у себя в Петербурге Дени Дидро и переписывается с Вольтером, с лучшими умами Европы; ее при жизни называют мудрой правительницей – и отнюдь не только из соображений этикета, хотя, разумеется, культура того времени была насквозь этикетной и театральной, – а в силу реального уважения к императрице, ее Империи и достижениям. Это уважение строилось именно на способности России воспринять и умножить по существу все духовные богатства, которые накопила к этому времени Европа. Речь идет о **философии прорыва**. Для Российской Империи в духовном и глобальном геополитическом смысле, вширь и вглубь, вся эпоха Екатерины II была **прорывом**.

Не только Е.Р. Дашкова, но и другие сподвижники Екатерины Великой говорили на равных с европейскими мыслителями, учеными, политиками того времени, – и оставались при этом настоящими **русскими людьми**. В этом собственно и состоит величие эпохи, та самая мера, о которой уже шла речь.

У нас и сегодня немало людей, которые могут восхищаться новейшими зарубежными технологиями (и политехнологиями), однако мало таких, кто решается и умеет оставаться при этом русскими, умеет отстаивать свою русскость, свой менталитет, достоинство и характер перед американцами, немцами, англичанами. Вся трагедия русской культуры последних десятилетий состоит именно в этом. До крушения Союза мы были великой державой и великой цивилизацией, а где мы сейчас? Это произошло именно из-за отсут-

ствия того мощного сплава Империи, Церкви и Культуры, которого смогли добиться Екатерина Великая и ее соратники. Ее окружали такие деятели, как Г.А. Потемкин-Таврический, А.В. Суворов-Рымникский, П.А. Румянцев-Задунайский. Они были в авангарде, на самом острие европейской науки и цивилизации того времени, оставаясь при этом абсолютно русскими людьми. Вспомним образ князя Г.А. Потемкина, созданный актером Б. Ливановым в фильме про знаменитого флотоводца адмирала Ф.Ф. Ушакова. Сейчас трудно найти фигуры подобного масштаба. Уроки и наследие великой культуры екатерининского времени, может быть, заключаются, прежде всего в том, что мы являемся сегодня и должны быть продолжателями и наследниками великой эпохи.

Сейчас мы переживаем сложные времена, но ведь Господь Иисус Христос и не обещал ничего хорошего. России всегда было трудно, русский путь в истории всегда был крестным путем, отечественная культура всегда была прорывом, а идти в прорыв – значит, обрывать свою душу и плоть на колючей проволоке «общечеловеческих ценностей», прорываться к евангельским истокам нашей культуры и нашей духовности. Давайте посмотрим, с чего начинали люди эпохи Петра Великого и Екатерины Великой, и на каком высоком полете оборвалась русская культура в 1917 г. Это было нечто, не имеющее аналогов в мировой истории.

А русский двадцатый век? Мы привыкли осуждать и клясть его в своих «плюралистических» концепциях минувшего и в своих исторических оценках. На самом же деле люди веками будут обращаться к наследию русского двадцатого столетия, в том числе, к тому великому социальному и духовному эксперименту, который осуществлялся на нашей земле. Неизвестно, вернется ли когда-либо человечество и наша Россия к тем духовным установкам, хочу только напомнить, что 1945 г. – это время, о котором Екатерина Великая и ее внук, взявший Париж Александр I, могли только мечтать. И только сегодня на полном серьезе мы вновь говорим о проблемах духовности, религиозности и церковности русских. Давайте же сравним поверхностные писания благополучного XIX в. с трудами богословов второй половины завершившегося столетия. Они пережили кровавые испытания времени – и выстрадали существенно более глубокое видение Бога, мира и человека. Это происходит не просто так, это дается только великими испытаниями. Подобно тому, как в

XVIII в. Россия не даром получила, но **выстрадала** Екатерину Великую, и Академию Российскую, и Словарь Академии Российской, в русском двадцатом веке мы выстрадали те достижения, которые у нас были еще двадцать лет тому назад.

Хотелось бы пожелать, чтобы нынешнее молодое поколение могло гордиться достижениями своего Отечества и его ролью в мировой культуре, подобно тому, как мы гордимся своим русским и советским вкладом в мировую цивилизацию, мировую культуру и литературу. Я говорил выше, что за время своего исторического развития Россия всегда была сильна заимствованиями и культурой перевода. Еще двадцать лет назад, как нигде в мире, в нашей стране переводили Пушкина, Данте и Шекспира на 150 национальных языков, включая малые и бесписьменные ранее языки. Более того, в издательствах была даже установлена соответствующая норма издания национальной поэзии, национальной прозы – в переводах со всех языков и наречий. Это была государственная имперская политика. Мы боимся произнести слово «Империя», чтобы нас не осудили поборники «общечеловеческих ценностей», а на самом деле просто не знаем, что это такое. Империя – это ведь не кичение своей мощью и своими достижениями, Империя – это служение человечеству, подобное тому, как Пастырь Добрый взвалил себе на плечи непосильную ответственность за грехи мира.

Римская империя погибла потому, что несла на себе Европу, Византийская империя рухнула, поскольку несла на себе весь христианский мир. Россия же рухнула и в 1917 г., и в конце XX в. именно потому, что слишком много на себя взвалила. Империя – это служение всем тем людям, народам и народностям, которые вошли в то **пространство спасения**, которое и называется Империей.

Отношение с Церковью у нас тоже не такое, как на Западе, где все по-другому. Да, Е.Р. Дашкова встречалась с Римским Папой, архиепископом Кентерберийским и с другими деятелями, но в западных странах государство вышло еще в давние времена из-под псевдосветской папской власти. У нас же было иначе, поскольку Церковь в соответствии с православной моделью и православной парадигмой всегда была **внутри Империи**. У нас теперь осуждают нередко Патриарха и митрополитов за отсутствие критики правительства. Православная Церковь никогда этим не занималась – ни в византийские, ни в российские времена, в том числе и в эпоху Пет-

ра Великого и Екатерины Великой. Именно этим объясняется чрезвычайная крепость симбиоза Империи и Церкви. В отличие от Европы, в России Церковь сильна именно той державной оболочкой, внутри которой она существует. Преподобный Серафим Саровский, великие подвижники XVIII–XIX вв. жили внутри Империи. Неслучайно Серафим Саровский получил от Александра I золотой крест за молитвы 1812 г. Это единая система, – своеобразная «модель ореха», в которой Церковь представляет собой духовное ядро, а государство, Империя – это окружающая его мощная структура.

Мы сохранили нашу государственность в XX в. именно благодаря жертвенности нашей Церкви. Весь XX в., в сущности, представлял собой геноцид против Церкви, против религии и духовности. Тем не менее, мы и это пережили: век завершился небывалым взлетом – канонизацией сразу двух тысяч новых мучеников и исповедников российских. Тем самым уже в наше время мы подтвердили исконную модель нашего культурного существования. В российской цивилизации по-другому не бывает. В России ни Церковь не может существовать без государства, ни государство без Церкви.

Даже советская власть по времена Патриарха Тихона и Патриарха Сергия навязчиво требовала признания со стороны Церкви, что может показаться исторической загадкой. Власть ведь могла пойти на окончательное и полное истребление Церкви, могла расстрелять и уничтожить всех несогласных, но именно Церковь была хранительницей печати, великой матрицы национального исторического опыта, которую она должна была поставить – и могла не поставить, – утверждая легитимность той или иной власти. Как во времена Петра Великого и Екатерины Великой, даже в самые суровые годы XX в. Церковь давала силу нашему государству и нашей культуре.

Петр I действовал не менее жестко, он посылал митрополитов на дыбу, а своего духовника отправил на Соловки, в тот самый скит, где уже в 1920-е гг. большевики продолжали мучить и убивать русских священников. Все это было, но кто сказал, что в истории может быть по-другому? Вся христианская цивилизация – это цивилизация великих жертв и жертвенного служения. Империя – это тоже великая жертва. Е.Р. Дашкова с тяжелым чувством покидала Петербург в 1994 г. А с каким тяжелым чувством покидал Петербург А.В. Суворов, когда его уволили из армии и отправили в ссылку, с

каким тяжелым чувством покидал столицу М.М. Сперанский, направляясь в пермскую ссылку? Этим и отличается **служение** от пресуспевания и бизнеса.

Сейчас нам пытаются навязать модель бизнеса и в науке, и в культуре, и в религии, и в других сферах. На самом же деле в России все строится на идее жертвенного служения. Начиная с XVII в. нас пытаются учить «общечеловеческим» ценностям, у нас же пути и перспективы развития намного выше и значительнее. Как сказал когда-то великий австрийский поэт Р.М. Рильке, у России нет границ ни на Западе, ни на Востоке, Россия граничит только вверх – с Богом.

---

¹ *Пушкин А.С.* В Заметках по русской истории XVIII века // Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1958. С. 130.

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1762 Г. И ТРАДИЦИЯ ЖЕНСКИХ ИНТРИГ ПРИ РОССИЙСКОМ ДВОРЕ XVIII ВЕКА

М.Л. Маррезе

В 1773 г., после тщетной попытки получить аудиенцию у Екатерины II, граф де Сольмс заметил в донесении королю Пруссии: «Нынче в России не время женщин. Императрица благоволит только графине Брюс, а последняя никогда не осмеливается говорить с ней о делах». Далее Сольмс сделал наблюдение о том, что все это тем более курьезно, если принять во внимание череду женцинправительниц в России на протяжении столетия. «Очевидно, – добавил он, – княгиня Дашкова и представить себе не могла подобного положения дел, когда в офицерской форме сопровождала императрицу в ее “походе за короной” в день дворцовой революции 1762 года, которая и привела Екатерину к власти. Как только Екатерина достигла своей цели, влияние Дашковой при российском дворе быстро сошло на нет»¹.

Роль Е.Р. Дашковой в качестве одной из заговорщиц и организаторов дворцового переворота 1762 г. и последующие ее отношения с Екатериной II составляют центральную часть ее знаменитых «Записок»². Тем не менее, начиная с XVIII в. важность участия княгини в перевороте являлась предметом споров сначала среди ее современников, а затем и среди исследователей той эпохи³. Екатерина Романовна представляла себя движущей силой заговора по свержению Петра III, с чем соглашались многие европейские наблюдатели при российском дворе. Британский дипломат Роберт Кейт писал о княгине вскоре после этих событий: «Бесспорно то, что она играла важнейшую роль в планировании и выполнении заговора с начала до самого его конца». Австрийский посол также отмечал, что Екатерина II советовалась с Е.Р. Дашковой по всем вопросам⁴, однако вскоре после того, как императрица вззошла на престол, европейские дипломаты начали пересматривать свою оценку влияния княгини. В 1763 г. Р.Кейт отмечал, что Екатерина Романовна лиши-

лась доверия государыни из-за своего «заносчивого поведения», а Сольмс, в свою очередь, доложил королю Пруссии, что Екатерина II на самом деле вовсе не собиралась посвящать Е.Р. Дашкову в планы заговора⁵.

Хотя ученые постоянно спорят о политической роли и значении княгини при дворе Екатерины II, их оценка страдает от явного нежелания поместить Екатерину Романовну в исторический контекст. В частности, историки не смогли поставить более общую проблему отношения дворянок к государству в эпоху императриц. Выдающаяся роль Е.Р. Дашковой в дворцовом перевороте 1762 г. была, безусловно, уникальна в том отношении, что она привлекла к себе внимание дипломатов и интеллигенции по всей Западной Европе. В то же время как современники Екатерины Романовны, так и историки называли XVIII столетие веком «женских интриг» при российском дворе. Это мнение до сих пор в значительной степени оставалось неоспоримым. Согласно данной оценке, появление княгини рядом с Екатериной II в момент ее победы в 1762 г. было не отклонением, а скорее кульминацией той роли, которую приняли на себя дворянки в век женского правления.

Целью данного эссе является переоценка роли дворянок в эпоху императриц, особенно в отношении политических «интриг», чтобы тем самым отвести внимание от вопроса «реальной» роли Е.Р. Дашковой в дворцовом перевороте 1762 г. Так, многие историки утверждали, что Екатерина Романовна, возможно, преувеличила свою роль в этом событии, однако важность ее участия в организации действий заговорщиков бесспорна⁶. Ученые слишком увлеклись степенью влияния княгини на достижение Екатериной II престола, вследствие чего пропустили истинное значение ее участия в перевороте. В своей работе я покажу, что роль Е.Р. Дашковой в дворцовом перевороте 1762 г. коренным образом отличалась от действий ее предшественниц, участвовавших в «политических интригах» с целью либо навредить монарху либо привести к власти нового правителя. Подрывная деятельность с сопутствующими ей рисками была в основном семейным делом в России XVIII в. Когда Дашкова разорвала отношения со своей родной семьей, чтобы поддержать Екатерину II в ее борьбе за власть, она выступила против правил гендерного поведения и родственных связей, управлявших двором XVIII столетия. Она косвенно подтверждала это отступничество в

своих «Записках» и письмах с частыми намеками на то, как она использовала свое влияние на Екатерину II, чтобы содействовать интересам своей родни⁷. Безусловно, помощь со стороны родственников мужа – в частности, со стороны Н.И. Панина – была отнюдь не маловажной, когда Екатерина Романовна завоевывала поддержку будущей императрицы, но в отличие от ее предшественниц, действия княгини были продиктованы скорее ее политическими убеждениями, нежели семейной политикой. Поэтому заметная роль Е.Р. Дашковой в дворцовом перевороте 1762 г. не стала кульминацией века «женских интриг» в той мере, как предполагали историки, такие, как В.О. Ключевский, назвавший этот переворот «дамской революцией»⁸. Скорее, она обозначила первую ступень нового уровня политической сознательности российских дворянок, которая особенно проявится во времена наполеоновских войн и в последующих десятилетиях.

Дворянки в обществе: патронаж и политические преступления

Взаимосвязь между женским правлением в России XVIII столетия и видным положением дворянок при российском дворе обсуждалась критиками Екатерины II с конца XVIII столетия и фактически стала триумфом в работах историков XIX в. Современники и историки открыто осуждали предполагаемое вмешательство дворянок в государственные дела, которое проявлялось через неофициальные каналы, поскольку женщины не могли занимать государственные должности. В результате в России XVIII в., как и в дореволюционной Франции, женщины и политика стали «синонимами интриг»⁹. Исследователь истории женщин С. С. Шашков утверждал, что с приходом к престолу императриц женщины стали играть решающую роль «в придворных интригах, дворцовых переворотах и заговорах»¹⁰. Подобного мнения придерживался и С. Либрович, заявлявший, что «женские интриги» был признаком «быстрой эмансипации» дворянок в эпоху Петра I¹¹. На самом деле, согласно Д.Л. Мордовцеву, участие женщин в дворцовых интригах в последние годы правления Петра I ознаменовало настоящее начало «женской власти» при российском дворе¹².

С установлением отдельного хозяйства для супруги Петра I, Екатерины I, в 1712 г. и последующем введении Табели о рангах в

1722 г. у русских дворянок появилась возможность делать «карьеру» при дворе. Наличие двора у женщин царской крови было в новинку для России: хотя в допетровскую эпоху царицы руководили своей свитой из знати в пределах терема¹³, Табель о рангах регламентировала положение женщин в окружении императрицы согласно строгой иерархии, аналогичной чинам мужчин, находившихся на военной и гражданской службе¹⁴. Большинство дворянок получили свое звание от отцов, а потом от мужей; однако новый порядок позволял женщинам получать собственное звание также на службе у императрицы¹⁵. Освобождение знатных женщин от заточения в тереме, наравне с введением чинов для женщин на службе означали начало вхождения дворянок в жизнь общества и мир придворной политики¹⁶.

Женский след в дворцовых интригах был замечен еще до смерти Петра I, который после допросов в Тайной канцелярии сослал в ссылку, замучил пытками и лишил имущества не одну женщину¹⁷. Уже современники, как в России, так и в Европе, были убеждены, что чередой женщин-правительниц на российском престоле способствовала усилению роли дворянок в обществе, предоставив женщинам почти неограниченную и беспрецедентную возможность вмешиваться в государственные дела. Князь М.М. Щербатов описал свиту императрицы Елизаветы как «подлых и распутных женщин», которые брали взятки и пользовались своей близостью к императрице, чтобы получать должности для своих мужей и любовников, выигрывать судебные дела, расторгать брак¹⁸. Одна из горничных Елизаветы была, по слухам, «настоящим министром иностранных дел того времени»¹⁹. В конце XVIII в. Ш. Массон утверждал, что за время правления Екатерины II «женщины получили превосходство при дворе, которое привнесли с собой в общество и в свой дом», и продолжал критиковать подчинение российских мужчин своим женам²⁰. На самом же деле, вкус к публичной деятельности оставался у русских дворянок и спустя много времени после правления Екатерины II, если верить высказыванию маркиза де Кюстина, который называл их в 1839 г. «политическими амазонками», служившими орудием в добыче секретной информации у европейских дипломатов²¹.

Опираясь на мемуары современников, ученые впоследствии сделали представление о женской власти неотъемлемой частью исто-

рии России в XVIII столетии. С.М. Соловьев повторил слова Ш. Массона в своем фундаментальном труде по российской истории, написав, что «в правление Екатерины II [женщина] иногда играла центральную роль, деспотично отдавала приказы своему мужу, надевала его форму и даже командовала полком»²². С.С. Шашков также считал, что женщины той эпохи под именами своих мужей или любовников «правили городами, уездами и целыми регионами, командовали полками и т.д.»²³. Быть может, единственный голос несогласия подала Е. Н. Щепкина, которая утверждала, что за исключением деятельности княгини Дашковой в должности директора Академии наук политическое влияние женщин в XVIII в. было незначительным²⁴.

Очевидно, что роль фрейлины и статс-дамы открывала многим дворянкам доступ к императрице и давала шанс влиять на назначения, что было бы гораздо менее вероятно, если бы монархом был мужчина. Тем не менее, когда Петр I установил иерархию официальных должностей для дворянок при российском дворе, он не собирался открывать женщинам законный путь к власти и тем самым давать им «политический голос», а тем более предоставлять возможность влиять на государственные дела. С одной стороны, при монархиях дворянки заняли беспрецедентное положение в придворных церемониях, они стояли к трону гораздо ближе, чем мужчины²⁵. В то же время нет существенных доказательств, что «беспрецедентный доступ к монарху»²⁶ в эпоху правления императриц на самом деле перешел в женское влияние на ход «придворных, социальных и даже государственных дел»²⁷. Новая церемониальная роль дворянок в публичной сфере отнюдь не возвращала осязаемое политическое самосознание у знатных дам. Кроме того, с самого начала придворные должности для женщин гораздо больше ассоциировались с привилегией, нежели со службой: за исключением женщин-управительниц при дворе императрицы (обергофмейстерина, гофмейстерина) у служительниц не было постоянных обязанностей. Многие фрейлины надолго покидали двор, а статс-дамы даже не были обязаны присутствовать на придворных церемониях²⁸. Дворянки чаще получали свои посты и награды, такие как орден св. Екатерины, за свою связь с императрицей или за службу их мужей либо отцов²⁹.

Придворные должности женщин не соответствовали должностям мужчин. Они не открывали те же возможности продвижения

за заслуги по социальной лестнице, которые Табель о рангах давала мужчинам, по крайней мере в теории. Многие дворянки желали служить императрице, ожидая от нее денежных подарков, благопритствования членам их семьи или в расчете на удачное замужество. В то же время эти должности не включали формальные средства влияния на ход государственных дел. Даже если дамы из свиты императрицы и «обсуждали вопросы внутренней или внешней политики» либо действовали в качестве покровительниц, вмешиваясь в споры в Сенате или Юстиц-коллегии от имени своих клиентов³⁰, тому не осталось ни одного письменного свидетельства.

В самом деле, само выражение «интрига» оставалось в центре отношений дворянок и «политики» на протяжении XVIII столетия. Закулисная роль женщин, действовавших в тишине императорских покоев, постоянно всплывает в мемуарах и переписке. Екатерина II приписывала удачный брак князя Петра Салтыкова вмешательству госпожи Владиславовой, стоявшей во главе ее двора, когда та была еще великой княгиней, и близкой дружбе матери П. Салтыкова с императрицей Елизаветой. По словам Екатерины II, сам по себе он никогда не нашел бы такой партии, так как был «дураком в полном смысле этого слова»³¹, Е.Р. Дашкова утверждала, что Елизавета согласилась быть ее крестной из-за близкой дружбы с Марфой Ивановной Сурминой, матерью Екатерины Романовны³²; брат княгини, А.Р. Воронцов, вспоминал в своих записках, что другие женщины при дворе пытались подорвать влияние М.И. Сурминой на императрицу после того, как их отношения вылились в привилегированное положение рода Воронцовых³³. В 1776 г. графиня Елизавета Румянцева в письме к своему супругу рассказывала, будто князь Г.А. Потемкин полагал, что сможет извлечь пользу, поддерживая дружбу с графиней П.А. Брюс, статс-дамой и близким другом Екатерины II, хотя Прасковью Александровну в последнее время и не приглашали во внутренние покои императрицы³⁴.

Все же детальный взгляд на два ключевых аспекта политического влияния дворянок очерчивает границы их власти, как формальной, так и неформальной. Несмотря на заметное присутствие при дворе, дворянки гораздо реже занимались политическим патронажем, нежели мужчины. Сенаторы и фавориты императрицы получали тысячи обращений от благородных людей всех чинов с просьбой о повышении или восстановлении на службе, о пенсии или других видах финансовой помощи или о вмешательстве в су-

дебную тяжбу с коррумпированными чиновниками³⁵. В этих бумагах нет никакого упоминания о посредничестве дворянок. Прошение графа Петра Девиера, бывшего камергера Петра III, к одной из фрейлин Екатерины II, Екатерине Шаргородской, составляет редкое исключение. Вскоре после того, как Екатерина II свергла своего мужа, П. Девиер обратился к Е. Шаргородской за помощью в восстановлении его в военном чине, так как, по его словам, он остался «без надежды и без покровителя»³⁶.

Из этого не следует, что дворянки не имели власти в обществе или не участвовали в придворной политике. Для знатной женщины было привычным делом ходатайствовать за своего мужа, члена семьи, друга или родственника, которому нужна была какая-то должность или пенсия³⁷. Женщины, приближенные к средоточию власти, такие, как графиня Екатерина Румянцева или графиня Дарья Салтыкова, докладывали своим мужьям о придворных делах в мельчайших подробностях, говорили, кто находится в фаворе, а кто уже нет, кто получил награду или был пожалован деньгами, а также помогали устраивать выгодные партии³⁸. Их письма доказывают осознание ими своей зависимости от расположения к ним императрицы и их вмешательство в семейные и придворные дела. Тем не менее близость к правителю и влияние на ход политических дел оставался преимущественно мужской прерогативой, а доступ дворянок к монарху чаще всего зависел от благоволения, которым пользовались их родственники или покровители мужского пола. Как писал граф Букингом в 1763 г. о фаворите Екатерине II, Г.Г. Орлове, «его влияние настолько велико, что не только его братья, но и дамы, которым они благоволили, составляли ближний круг императрицы»³⁹. Несмотря на утверждения современников, что женщины правили русским двором, церемониальное значение женщин было несоизмеримо с масштабами их влияния на политические дела.

Женские интриги и семейные амбиции

Маргинальная роль дворянок в политической жизни XVIII столетия подтверждается далее документами Тайной канцелярии. Хотя современники и историки считают тягу к придворным интригам отличительной чертой женщин петровской эпохи, сравнивая их с прешественницами допетровского времени⁴⁰, архивные матери-

алы доказывают, что дворянки играли в лучшем случае вспомогательную роль в заговорах и интригах, сотрясавших российский двор в XVIII столетии. Дурная слава, которая окружала таких женщин, как Наталья Лопухина и Анна Бестужева, обвиненных в 1743 г. в участии в заговоре по свержению императрицы Елизаветы, вытекала не из главной роли в этом заговоре, а из их жестокой участи: обеих публично били кнутом, у них вырвали языки и сослали в Сибирь. Лопухина и Бестужева стали столь известны именно потому, что появление женщин в делах Тайной канцелярии в качестве заговорщиц было весьма нетипичным. Действительно, они стали единственными дворянками, обвинявшимися в организации заговора против монарха в правление Елизаветы⁴¹. Как отмечали многие историки, правители XVIII столетия были угнетателями всех подданных без изъятия. Женщины всех социальных слоев наравне с мужчинами представляли перед Тайной канцелярией, когда судачили о монархе или выражали недовольство, и несли соответствующее наказание. Женщины, тем не менее, в эпоху императриц гораздо реже мужчин были склонны к каким-либо изменническим действиям и, за редким исключением, практически не участвовали в заговорах против монархов.

Тем не менее, эти исключения преобладали в исторических исследованиях о XVIII столетии, когда дворянки становились предметом особого интереса Тайной канцелярии в трех случаях: предполагаемый заговор против Петра I, организованный его сыном и наследником Алексеем в 1718 г.; поддержка князя А.Д. Меншикова после того, как в 1727 г. он впал в немилость; заговор против императрицы Елизаветы в 1743 г.⁴². Во время каждого из этих эпизодов женщины навлекали на себя гнев монарха в основном из-за своей близости с мужчиной, впадшим в немилость или совершившим государственное преступление. После побега и последующего ареста старшего сына Петра I, Алексея, в 1718 г. было допрошено несколько женщин, включая сводных сестер царя, об их причастности к делу⁴³. Абсолютное большинство этих женщин были близкими подругами Евдокии Лопухиной, матери Алексея и первой жены Петра I, которую он сослал в монастырь в Суздаль после своего развода с ней в 1698 г. Она попала под подозрение после неудачи Алексея. Как ясно показали сами допросы, участие женщин в основном ограничивалось повторением слухов, как агент Петра I П.А. Толстой

завлек Алексея обратно в Россию, и что император собирался лишить своего сына наследства – слухов, которые, по показаниям княгини Марии Львово́й перед ссылкой, уже были всенародны⁴⁴. Княгиня Настасья Троекурова была подвергнута телесному наказанию перед ссылкой в монастырь, так как она обвинялась в переписке с Евдокией Лопухиной и, предположительно, высказывалась в пользу царевича Алексея⁴⁵. Женщины, подозревавшиеся в поддержке Евдокии и Алексея, были приговорены к телесному наказанию или сосланы, а мужчинам – участникам заговора вынесли более суровый приговор – их пытали и публично казнили⁴⁶.

Схема второстепенного участия дворянок в подрывной деятельности повторялась в ходе всего XVIII столетия. Варвара Арсеньева потеряла свое место статс-дамы, а также все полученные от Екатерины I владения после падения свояка, князя А.Д. Меншикова. В ссылке она просила о помиловании, диктуя своей племяннице письма к приближенным бывшей императрицы мужского и женского пола, однако все они отказались вступать с ней в переписку. В результате В. Арсеньева была вынуждена принять постриг в монашество вдалеке от Москвы⁴⁷. Княгиня Аграфена Волконская также выступала всего лишь посредником между своими родственниками-мужчинами, когда они из-за границы злоумышляли против Петра II⁴⁸. Ни Наталья Лопухина, ни Анна Бестужева не были инициаторами заговора против императрицы Елизаветы, но они поддерживали своих мужей, недовольных новой властью⁴⁹. Кроме того, ни одна из этих женщин не была приговорена к смертной казни, в отличие от Марии Гамильтон, фрейлины Екатерины I, которая в 1718 г. после того как ее дважды пытали, призналась в убийстве трех своих незаконнорожденных детей⁵⁰.

В XVIII столетии женщины подвергались телесным наказаниям и ссылке из-за того, что выражали недовольство государем или тосковали по милости, которой пользовались при предыдущем правителе. Вдова Агафья Елагина была обвинена, заявив, что хотя другие и разглашали, будто императрица Анна Ивановна «была особа не мужского роду» и потому не мудра, сама А. Елагина верила в ее милость⁵¹. Некоторые женщины, такие как княгиня Жирово-Засекина, утверждали, что были «чрезмерно пьяны», когда позволили себе оскорбления в адрес монарха⁵², а другие объявляли за собой «государево слово и дело», чтобы обратить внимание монарха на

своих жестоких родителей или супругов⁵³. Дворянки, впавшие в немилость, как, например, графиня П.А. Брюс, иногда теряли расположение монарха не в результате политических интриг, а из-за сексуальных отношений с фаворитами монарха⁵⁴. Хотя дворянки воплощали в жизнь политические амбиции своей семьи, существует очень мало доказательств того, что они предпринимали какие-либо шаги по поддержке или свержению правителя по своей собственной воле.

Роль Е.Р. Дашковой в дворцовом перевороте 1762 г. на фоне ограниченного влияния дворянок при дворе и их второстепенной роли в заговорах, сотрясавших российский двор в XVIII столетии, кажется еще более выдающейся. Самое примечательное здесь то, до какой степени княгиня выделялась из компании своих предшественниц, когда решила взять сторону Екатерины II, пренебрегая интересами родной семьи. Для таких женщин, как Н. Лопухина и А. Волконская, преданность семье, досада по поводу потери положения при дворе и клановая политика лежали в основе «женских интриг», действия же Екатерины Романовны, напротив, были мотивированы – по крайней мере частично – политическими убеждениями: она была уверена в том, что Екатерина II, в отличие от Петра III, будет справедливым монархом, поддерживающим имущественные привилегии знати⁵⁵. Необычная природа роли Е.Р. Дашковой в перевороте 1762 г. не ускользнула от внимания современников, которые порицали ее за личные амбиции, тщеславие и стремление занять государственную должность⁵⁶.

Таким образом, несмотря на репутацию “политических амазонок”, интерес русских дворянок к предметам государственной важности оставался в значительной мере под спудом в продолжение эпохи правления императриц. Женщины, приближенные к монарху, пристально следили за фаворитами, но редко проявляли интерес к более значительным внутренним или внешним делам. В переписке императриц и их придворных дам внимание в основном сосредоточено на здоровье получателя и прочих вещах личного характера. Даже такие женщины, как графиня Е.М. Румянцева, которая информировала своего супруга о раздате различных чинов, почестей и денежных вознаграждений их друзьям и врагам, не уделяла никакого внимания столкновению России с Османской империей, в котором ее муж играл ключевую роль⁵⁷. Неослабевающий

интерес Е.Р. Дашковой к политике сделал ее исключением среди российских современниц.

В противоположность тому, в XIX в. дворянки гораздо чаще высказывали свое мнение о конфликтах с другими европейскими державами и о внутренних беспорядках. Во время наполеоновских войн графиня Софья Строганова неоднократно касалась в переписке с мужем вопросов как внешней, так и внутренней политики, хотя и не забывала прикрываться женской скромностью. «Мое мнение, конечно же, мало что значит, но, будучи джентльменом, Вы позволите женщинам выражать свои чувства, даже если они касаются политики», – писала она в 1805 г., а позднее уверяла супруга: «Ваше мнение определяет мое»⁵⁸. Письма Антонины Блудовой отцу часто затрагивали дела политики: в типичном, исполненном негодования письме 1831 г. она осуждает восстание в Польше и высказывается в пользу объединения славянского мира с Россией⁵⁹. Последствия нашествия 1812 г.⁶⁰, споры вокруг отмены крепостного права и Крымская война, не говоря уже о растущем уровне грамотности, благоприятствовали росту политической сознательности дворянок, кульминацией которой стала их видная роль в радикализме XIX столетия. Ирония заключается в том, что в отношении политического сознания, по логике графа де Сольмса, кончина Екатерины II в 1796 г. ознаменовала не конец, а начало «времени женщин» в России.

---

¹ Сб. РИО. Т. 72. СПб., 1891. С. 352–353.

² The Memoirs of Princess Dashkova: Russia in the Age of Catherine the Great / Trans. and ed. by K. Fitzlyon, with an introduction by J.M. Gheith. Durham, 1995.

³ Для более детального изучения этого вопроса см.: *Тычинина Л.В.* Великая россиянка: Жизнь и деятельность княгини Екатерины Романовны Дашковой. М., 2002. С. 91–104.

⁴ Сб. РИО. Т. 12. СПб., 1873. С. 3; Т. 18. СПб., 1876. С. 461.

⁵ Сб. РИО. Т. 12. СПб., 1873. С. 113; Т. 22. СПб., 1878. С. 101.

⁶ *Курукин И.В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 394; *Longmire Argent R.* Princess Dashkova and the Intellectual Life of Eighteenth Century Russia. Unpublished M.A. thesis, University of London, 1955. С. 36–45; *Тычинина Л.В.* Указ. соч. С. 97–107.

⁷ См., в частности, письма Е.Р. Дашковой брату А.Р. Воронцову, где она утверждала, что делала все возможное, чтобы помочь своей семье – особенно своему отцу и

сестре, бывшей любовнице Петра III, – после переворота 1762 г. – Архив князя Воронцова. Т. 5. М., 1872. С. 161–164. См. также: *The Memoirs of Princess Dashkova*. P. 84–85.

⁸ Цит. по: *Longmire Argent R.* Op. cit. P. 40.

⁹ *Connor S.P.* Women and Politics // *French Women in the Age of the Enlightenment* / Ed. by S.I. Spencer. Bloomington, 1984. С. 52.

¹⁰ *Шашков С.С.* История русской женщины. СПб., 1879. С. 316.

¹¹ *Либрович С.* Петр Великий и женщины: исторический очерк. СПб., 1904. С. 73.

¹² Цит. по: Там же. С. 73.

¹³ *Thyrkt I.* Between God and the Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. DeKalb, 2001. С. 120.

¹⁴ *Васютинская Е.-Ф.В., Перевезенцева Н.А.*, За любовь и отечество: фрейлины и кавалерственные дамы XVIII – начала XIX в. // *Фрейлины и кавалерственные дамы XVIII – начала XX века*. М., 2004. С. 10.

¹⁵ На похоронах Петра I в 1725 г. фрейлины Екатерины I имели преимущество перед женщинами, чьи мужья занимали первые восемь рангов. – *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, 1998. P. 194.

¹⁶ Это, однако, не означает, что женщины допетровской России не участвовали в политической жизни. И. Тире утверждает, что патриархи и церковь «позволяли и даже способствовали возможности этих женщин проявлять себя в политической и культурной жизни страны». См.: *Thyrkt I.* Op. cit. P. 15.

¹⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 9, 18 (1718 г.); Д. 114. Л. 1, 2 об. (1718 г.); Д. 117. Л. 1–1 об. (1718 г.); Д. 125. Л. 1, 3 об. (1718 г.); Д. 150. Л. 1, 20 (1718 г.). См. также: *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 56.

¹⁸ *Shcherbatov M.M.* On the Corruption of Morals in Russia / Ed. and trans. by A. Lentin. Cambridge, 1969. P. 209, 219, 227.

¹⁹ *Писаренко К.А.* О фамилии любимой горничной императрицы Елизаветы Петровны // *Загадки русской истории: Восемнадцатый век*. М., 2000. С. 47.

²⁰ *Masson Ch.* Secret Memoirs of the Court of St. Petersburg. London, 1895. P. 310–312.

²¹ *Custine de.* La Russie en 1839. 2nd ed. Vol. 3. Paris, 1843. P. 106–107.

²² Цит. по: *Selivanova N.N.* Russia's Women. Westport, CT, 1923. P. 87.

²³ *Шашков С.С.* Указ. соч. С. 316.

²⁴ *Щепкина Е.Н.* Из истории женской личности в России. СПб., 1914. С. 118.

²⁵ *Bisha R.* The Promise of Patriarchy: Marriage in Eighteenth-Century Russia. Ph. D. dissertation. Indiana, 1993. P. 36–37.

- ²⁶ Bisha R. Op. cit. P. 36.
- ²⁷ Карabanов П.Ф. Штатс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII столетии // Русская старина. 1870. Т. 2. С. 468–469.
- ²⁸ Шенелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 2001. С. 410–411.
- ²⁹ Карabanов П.Ф. Указ. соч. 1870. Т. 2. С. 468–498; 1871. Т. 3. С. 39–48, 272–282, 457–473; 1871. Т. 4. С. 57–67, 379–404.
- ³⁰ Ионов И.Н. Женщины и власть в России: История и перспективы // Russian Studies in History. Vol. 40. № 3. Winter 2000–2001. P. 25; Либрович С. Указ. соч. С. 73.
- ³¹ The Memoirs of Catherine the Great / Trans. by M. Cruse and H. Hoogenboom. New York, 2005. P. 92.
- ³² The Memoirs of Princess Dashkova. P. 31.
- ³³ Цит. по: Kozelsky M. The Vorontsov Women: Gender and Power in Eighteenth-Century Russia. M.A. thesis. West Virginia University, 1996. P. 36–37.
- ³⁴ Письма графини Е.М. Румянцевой к ее мужу, фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву-Задунайскому. 1762–1779. СПб., 1888. С. 198.
- ³⁵ См. прошения: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5; Ф. 10. Оп. 1. Д. 496–592, 601, 607–635; Ф. 193. Оп. 1.
- ³⁶ Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 210. Л. 1 (1762 г.).
- ³⁷ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3358. Л. 1; Ф. 1386. Оп. 2. Д. 55. Л. 1.
- ³⁸ Там же. Ф. 1386. Оп. 2. Д. 76.
- ³⁹ Сб РИО. Т. 12. СПб., 1873. С. 126.
- ⁴⁰ Schlafly D.L., A Muscovite Boiarynia Faces Peter the Great's Reforms: Dari'ia Golitsyna Between Two Worlds // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 31. № 3. Fall 1997. P. 261.
- ⁴¹ Bryner C. The Issue of Capital Punishment in the Reign of Elizabeth Petrovna // The Russian Review. 1990. Vol. 49. P. 397–398.
- ⁴² Дело так называемой княжны Таракановой, которую группа польской знати назвала дочерью императрицы Елизаветы, произвело в Тайной канцелярии множество бумаг. Правда, Тараканова, чья подлинная личность так и осталась не установленной, никак не участвовала в придворных заговорах: ее похитили и привезли в Россию в 1775 г., по истечении нескольких месяцев она умерла в Петропавловской крепости. См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 531, 532, 533.
- ⁴³ Hughes L. Op. cit. P. 408.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 7, 18.
- ⁴⁵ Там же. Д. 114. Л. 1–2.

- ⁴⁶ Hughes L. Op. cit. P. 408.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 161. Л. 1, 13–14, 22.
- ⁴⁸ Там же. Д. 162. Л. 90–93; Шубинский С. Княгиня А.П. Волконская и ее друзья // Исторический вестник. 1904. Т. 98. №. 12. С. 927–965.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 368. Л. 237–245, 254–256.
- ⁵⁰ Там же. Д. 150. Л. 20–22.
- ⁵¹ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 471. Л. 10, 20, 28 (1735 г.).
- ⁵² Там же. Д. 878. Л. 4–6 (1743 г.).
- ⁵³ Там же. Д. 1481. Л. 1–2 (1751 г.).
- ⁵⁴ *Madariaga I de*. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven, 1981. P. 354.
- ⁵⁵ О поддержке Е.Р. Дашковой привилегий российского дворянства см.: *Marrese Lamarche M*. Liberty Postponed: Princess Dashkova and the Defense of Serfdom // The Princess and the Patriot: Ekaterina Dashkova, Benjamin Franklin, and the Age of Enlightenment / Ed. by S.A. Prince. Philadelphia, 2006. P. 23–38. «Записки» и другие сочинения княгини исполнены критикой деспотизма и восхищения более либеральными институтами на Западе.
- ⁵⁶ Наиболее известное из этих нелюбимых наблюдений принадлежит Г.Р. Державину, который предположил, что Екатерина Романовна «даже хотела занять место в Сенате». См.: *Державин Г.Р.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1864. С. 219.
- ⁵⁷ РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 30, 124, 125, 135, 139.
- ⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 4. Л. 20 об., 22. См. также: РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 67. Л. 42–44, 50–51, 75, 83–84, 90–92.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1672. Л. 58–59.
- ⁶⁰ *Martin A*. Lost Arcadia: The 1812 War and Russian Images of Aristocratic Womanhood // European History Quarterly. 2007. Vol. 37. №. 4. P. 603–621.

О ХРИСТИАНСКИХ ОСНОВАХ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Е.Р. ДАШКОВОЙ

Л.В. Тычинина

В истории каждого народа есть личности, само существование которых определяет ход исторического процесса. Л.Н. Гумилев назвал их пассионариями. Пассионарии творят историю народов, именно их жажда действия и энергия изменяют мир, предопределяют траекторию развития человечества.

Екатерина Романовна Дашкова родилась в середине XVIII в., века страстного, богатого великими событиями и личностями, выдающимися по смелости, просвещенности, благородству и коварству. Собственная судьба княгини переплетена с историей ее времени, происходящее с нею было самой историей. Перефразируя Н.А. Бердяева, без преувеличения можно сказать: духовный путь Екатерины Романовны был духовным путем ее времени.

Интерес к личности Е.Р. Дашковой всегда был достаточно высок, при этом современники и историки зачастую давали диаметрально противоположные оценки как личности княгини, так и ее роли в тех или иных исторических событиях. Определяя морально-нравственный облик и деятельность женщины XVIII столетия с позиций человека начала XIX в., а затем и XX в., многие авторы склонны были делать выводы об огромных политических амбициях Екатерины Романовны, ее стремлении участвовать в политической жизни на первых ролях. Свои выводы они аргументировали преимущественно сведениями из не всегда добросовестных мемуарных источников и документально не подкрепленных суждений о причастности Е.Р. Дашковой к заговору Ф. Хитрово, делу В.Я. Мировича и проекту Н.И. Панина по ограничению самодержавия.

Складывается впечатление, что размышляя об участии княгини в политической и общественной жизни российского общества, исследователи часто не утруждали себя анализом мировоззренческих позиций княгини, и в первую очередь – на происхождение царской власти и сущность просвещенного абсолютизма, на понимание ею свободы и вытекающей из этого ответственности каждого чело-

века перед Богом и обществом. Некоторые современные авторы даже задают себе вопрос: была ли Е.Р. Дашкова верующей?

В достаточно обширной научной и публицистической литературе проблема религиозности мировоззрения Екатерины Романовны, как правило, обходится молчанием – то ли подразумевается, что иным, кроме как религиозным, сознание личности в XVIII в. быть не могло, то ли, подчеркивая прагматизм княгини, авторы не допускают возможности рассуждать о его совместимости с религией.

Как бы отвечая на это, Е.Р. Дашкова говорила: «Я слышала людей знаменитых, знала многих строгих исполнителей внешних условий религии, но никогда не встречала ни одного человека, который бы так высоко понимал величие Божества, как я его чувствую»¹.

Хорошо известно, что Екатерина Романовна аккуратно исполняла все обряды православной церкви, прекрасно знала религиозную литературу, чтит свою небесную покровительницу святую Екатерину. Вместе с родственниками мужа, придерживающимися патриархальных традиций, даже через 40 лет после его смерти торжественно княгиня отмечала главный христианский праздник – Рождество Христово. Образ справедливого, милосердного Господа помогал Екатерине Романовне в трудные минуты ее жизни, о чем она неоднократно упоминает в «Записках».

Е.Р. Дашкова много путешествовала не только по Европе, но и по России. Неотъемлемой частью каждой поездки было паломничество в святые для православного человека места. В частности, в 1768 г. Екатерина Романовна поклонялась святыням Киево-Печерской Лавры, где ее встречали на высшем уровне, в соответствии со статусом статс-дамы².

Анализируя корни религиозного мировоззрения княгини, важно отметить традиционный религиозный уклад семьи ее дяди, вице-канцлера, а затем и канцлера М.И. Воронцова, в которой до замужества воспитывалась Е.Р. Дашкова, и основанное на глубоком интересе к религии самообразование Екатерины Романовны.

Заветы Господа глубоко проникли в ее душу, и христианская мораль стала внутренним регулятором нравственности и поведения княгини во всех сферах жизни и деятельности. По словам Марты Вильмот, Е.Р. Дашкова говорила: «Я очень рано определила путь и обязанности своей жизни. Я старалась исполнить их, и если не исполнила, то в этом виновато заблуждение разума»³.

Такие христианские добродетели, как любовь к ближнему, смирение, верность своему долгу, честность и милосердие воплотились в лучших чертах личности княгини. Вместе с тем она ясно осознавала и греховные изъяны своей души: гордыню, страстность, иногда несдержанность и уныние. Как истинная христианка, Екатерина Романовна боролась со своими слабостями и всеми силами старалась превозмочь посланные свыше испытания: в двадцать один год она потеряла горячо любимого мужа и осталась с двумя детьми и огромными долгами; неоднократно обвинялась в участии в заговорах против Екатерины II и была сослана Павлом I; была глубоко уязвлена непослушанием и неблагодарностью детей; на склоне лет потеряла сына и окончательно разорвала отношения с дочерью. Иногда казалось, что испытания превышали человеческие возможности, и тогда спасала лишь истинная вера. Так, в 1807 г. безутешная мать оплакивала безвременно ушедшего из жизни сына Павла в Ново-Иерусалимском монастыре.

С Божьей помощью Екатерина Романовна выстояла и прошла свой путь. На закате дней, как бы исповедуясь перед молодыми друзьями, сестрами Вильмот, она говорила: «Идею правды я строго соблюдала наперекор мирским интересам, поэтому надежда на отчет в день Великого Суда поддерживает меня в печальные и томительные минуты»⁴.

Такая твердая и последовательная вера вызывает уважение и восхищение.

Е.Р. Дашкова – яркий представитель эпохи российского Просвещения. Еще в юности она познакомилась с произведениями европейских мыслителей П. Бейля, Вольтера, К.А. Гельвеция, Д. Дидро, Ш.Л. Монтескье, в основе своей носившими антиклерикальный характер. Именно в сохранении веры состояла незаурядность ее натуры, щедро одаренной и интеллектуально, и духовно. Ей рано удалось разделить два понятия: личную религиозность (веру) и церковь в ее исторических традициях и обрядах. Несмотря на антиклерикальную направленность европейского Просвещения, Е.Р. Дашковой удивительным образом удалось соединить главные его идеи с истинной и непоколебимой православной верой.

Несомненно, вопросы религии затрагивались в беседах Екатерины Романовны с французскими просветителями во время ее заграничных путешествий, возможно, именно о них она рассказы-

вала М. Вильмот: «Разговаривая с философами и атеистами, я не могла не заметить им: “но к чему же все это приведет? Моего красноречия не достанет на то, чтоб доказать вам истину, но во мне есть внутреннее сознание. Моя вера тверда, и ваши умствования не одолеют ее, но если б было и иначе, что я выиграю от ваших софизмов? Если ваши убеждения хороши, справедливы, то правила Нового Завета также превосходны. И так много в них человеческого начал, благородных истин, сколько утешения для несчастных!”»⁵.

Таким образом, княгиня видела в идеях Священного Писания, касающегося человеколюбия и справедливости, основополагающие начала гуманности мыслей и дел любого человека. Православная вера Екатерины Романовны преодолела многие искушения, которые вполне могли поколебать даже сильного, но сомневающегося человека: близкое масонское окружение, продолжительные беседы с философами-атеистами, встреча с главой римской католической церкви Папой Пием VI и архиепископом Кентерберийским, дружба с ирландскими протестантами и даже написание церковного гимна по их просьбе. Все это в который раз подчеркивало духовную цельность и зрелость религиозного мировоззрения княгини.

Е.Р. Дашкова считала одним из главных критериев жизненного успеха личности ее относительную независимость от власти и общества. Недаром в своих «Записках» она подчеркивала: «Свободная от укоров совесть может дать достаточно сил, чтобы твердостью духа обезоружить злобу тирана и помочь тем, кто чист душой, перенести самые несправедливые гонения»⁶. Иными словами, истинная свобода личности, по мнению княгини, состоит в свободе выбора каждого человека между добром и злом. Эта мысль вполне созвучна сказанному в Священном Писании: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу» (Галл. 5, 13). В беседе о религии с М. Вильмот Екатерина Романовна говорила: «Я не предполагаю, чтоб провидение вмешивалось в каждый акт нашей жизни; сотворив и одарив нас полным сознанием добра и зла, оно дало нам безграничную свободу избирать тот или другой путь»⁷.

Е.Р. Дашкова, наверное, согласилась бы с мыслью наших современников – православного священника, настоятеля Университетской церкви Максима Козлова и преподавателя Московской Духовной академии Михаила Дунаева: «В православной культуре

антинонимически сочетаются дух внутренней свободы человека, не понимаемый при этом как произвол, и дух послушания авторитету Церкви (без слепого следования канону), пристекающего из свободного духовного устремления человека»⁸.

Основой формирования подобной свободной и независимой личности Екатерина Романовна полагала достижение человеком экономической самостоятельности, употребляемой в интересах самой личности и благополучия общества. Княгиня считала, что богатство само по себе не делает человека добродетельным, но является для этого необходимым условием. При этом в своих сочинениях она давала резко отрицательную оценку людям, наживающим богатство не праведными трудами, а путем использования слабости других⁹. В этой жизненной позиции Е.Р. Дашкова вполне определенно и четко следовала Священному Писанию, порицающему подобный источник богатства: «Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас» (Иак. 5, 1); «Вот плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа. Вы роскошествовали на земле и наслаждались; питали сердца ваши, как бы на день заклания. Вы осудили, убили Праведника; Он не противился вам» (Иак. 5, 4–6).

Важным условием независимости личности, по мнению Екатерины Романовны, является умеренность в желаниях и отсутствие неумной тяги к почестям и богатству, поскольку эти качества вынуждают человека зачастую поступаться принципами¹⁰.

Другой достаточно четко выраженной особенностью взглядов княгини на жизнь российского социума XVIII столетия являлась ее позиция по проблеме соотношения свободы личности и ее ответственности перед обществом. Как истинная христианка, Е.Р. Дашкова справедливо полагала, что человек и общество несут друг перед другом взаимные обязательства¹¹. При этом, по ее мнению, долг человека перед обществом состоял в наиболее полном использовании своих талантов и ума в интересах общества¹². «Чем дольше будешь жить, тем больше будет лежать на тебе нравственной ответственности»¹³, – писала Екатерина Романовна сыну Павлу Михайловичу. Эта мысль княгини перекликается с евангельскими высказываниями: «Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем. Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере» (Галл. 6, 9–10); «Никто не ищи своего, но каждый пользы другого» (1 Кор. 10, 24).

В то же время Е.Р. Дашкова считала, что независимость человека от общества заключается в определяющем значении для личности ее собственной самооценки. По мысли княгини, именно ум и совесть человека являются для него самыми объективными судьями на земле, а не мнение подчас далеко не блестящего высокими нравственными качествами окружения. Обращаясь к читателям журнала «Новые ежемесячные сочинения», Екатерина Романовна сформулировала свое жизненное кредо следующим образом: «Тот, кто исполнил долг свой по всей пространности одарованного ему понятия и все обязанности свои выполнил, того несправедливость людская возмутить не может: спокоен в совести своей, он выше неблагодарности, злословия и глупости людской»¹⁴. Таким образом, Е.Р. Дашкова еще раз подчеркнула свободу каждого человека в выборе между добром и злом.

Наряду с этим Екатерина Романовна крайне отрицательно относилась к тому, что она именвала «раболепством», а мы назвали бы лицемерием, перед теми, кто, невзирая на собственные принципы, был готов поддержать любое мнение человека, стоящего выше на лестнице власти¹⁵. «Раболепство» пагубно для любого человека, а власть предержащих оно развращает, считала княгиня. Это созвучно словам Христа: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! Ибо так поступали с лжепророками отцы их» (Лк. 6, 26).

Особую роль в формировании сильной, независимой и самодостаточной личности Е.Р. Дашкова отводила родителям, подчеркивая: «В них в одних самолюбие и зависть противу детей не существует»¹⁶. По мысли Екатерины Романовны, именно на старшем поколении лежит ответственность за обучение и воспитание молодежи, ибо сказано в Евангелии: «Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый» (Лк 6, 43). Мысли княгини о воспитании и обучении созвучны идеям Просвещения, знакомым ей с ранней юности. Так, К.А. Гельвеций писал: «Воспитание, главным образом, должно засеять наши сердца полезными для индивида и общества привычками»¹⁷.

При всестороннем анализе воззрений Е.Р. Дашковой становится очевидным, что для нее характерно представление о божественном происхождении власти монарха, недаром княгиня сделала следующую надпись к портрету Екатерины II: «Соразмерно вели-

чию души ее, ей небо дало владычество... чтоб ничего невозможного для нее не существовало, благий творец ей россиян подданными дал»¹⁸.

Обращалась Екатерина Романовна к проблеме божественного происхождения монархической власти и в стихотворной форме. В своем сочинении «Мнение некоего россиянина о Единоначалии» она писала:

Права властителям от Бога даны,
Которым их главы помазаны, венчаны:
Погибнуть должно все, где сильной власти нет,
Без ней давно бы весь погиб прекрасный свет¹⁹.

Безусловно, представление о божественном происхождении самодержавной и любой другой власти было характерно для российского общества XVIII в. в целом, оно имело основой положение Священного Писания: «Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли... – ибо такова есть воля Божия» (1 Петр. 2, 13–15).

Вера у Е.Р. Дашковой органично сочеталась с историческими знаниями и личными убеждениями. Она считала монархию формой правления, наиболее полно отвечающей национально-ментальным особенностям России и единственно способной обеспечить ее исторический прогресс. В одном из журнальных произведений Екатерина Романовна вложила в уста своего героя следующую мысль: «Просвещенный и кроткий Государь, пекущийся о благе своих подданных, есть драгоценнейший залог милующего промысла»²⁰.

Княгиня принадлежала к аристократическому кругу, которому екатерининские реформы дали гражданские и иные права, поэтому стоил ли удивляться ее почти харизматическому отношению к Екатерине II? На склоне лет Е.Р. Дашкова писала о своем восприятии личности императрицы: «Я душевно была привязана и по гроб чувства свои сохранию к Великой Монархине, благотворительнице России», которую Бог отличил «превосходными дарованиями»²¹.

Рассуждая о пороках, свойственных современному ей обществу, в качестве антиподов дружбе и доброжелательности Екатерина Романовна называла такие черты характера, как зависть, лицемерие, наглость, надменность и мстительность²².

Важное место в системе нравственных ценностей личности и общества княгиня отводила честности и справедливости человека,

его стремлению к правде, закрепленным в Священном Писании как заповедь Христа: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5, 6). «Честность основана на естественной справедливости»²³, – подчеркивала Екатерина Романовна. Истина должна быть для человека превыше всего²⁴, она – путь достижения главной общечеловеческой добродетели – справедливости к людям и их делам²⁵. Аналогичные, по сути, мысли высказывает и К.А. - Гельвеций: «Лишь по поступкам людей общество может судить об их добродетели»²⁶, и П. Бейль: «Нет иной морали, кроме той, которая основана на принципах разума и вытекает из естественной склонности человека к добру»²⁷. Напротив, ложь, нечестность, полагала княгиня, ставит человека в оппозицию обществу: «Лжец добровольно лишается доверенности и почтения людского, и права ни какового на оные не имеет»²⁸.

Непреложным, особенно значимым для всего общества качеством нравственно зрелого человека Е.Р. Дашкова считала патриотизм: «Отечество мое да будет мне всегда драгоценно»²⁹. Когда она давала в «Словаре Академии Российской» определение понятию «добродетель», то связала это качество с готовностью человека жертвовать собой ради Отечества. Такой человек, отмечала княгиня, «не довольствуется тем, чтобы наряду с другими должность свои выполнять, но стремится лучше и совершеннее Отечеству своему с пожертвованием всего служить»³⁰. В своем понимании патриотизма как чувства не врожденного, а приобретенного в процессе обучения и воспитания, Екатерина Романовна намного опередила свое время. Она исходила из того, что человек должен «приготавливать» себя к служению своему Отечеству³¹. Помимо того, Е.Р. Дашкова видела в любви к Отечеству не только одно из лучших качеств истинного гражданина³², но и необходимое свойство ментальности общества, совершающего поступательное развитие. Княгиня писала: «В моих понятиях отношение взаимное, как частных людей между собой, так и народов к народу, основывается не только на силе, преимуществе и важности, содержащейся в себе, но и на внутреннем о себе восчувствовании и заключении. Кажется, весьма естественно заключить можно, что если мы сами себя почитать не умеем или не хотим, то мы не можем ожидать, а менее еще требовать, чтоб нас почитали»³³.

Слова Екатерины Романовны звучат особенно актуально сегодня, когда в нашем обществе недостаточно четко сформулирова-

ны общенациональные ценности, которые должны объединять всех людей. К сожалению, выраженная в Священном Писании мысль: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13) – для многих перестала быть нравственным ориентиром. Согласно взглядам Е.Р. Дашковой, воспитание патриотизма неразрывно связано с формированием у всех членов общества гражданственности на основе «познания всеобщих правил, предписанных нам законами церковными и гражданскими»³⁴. В этой мысли Екатерины Романовны чувствуется влияние идей Просвещения, в частности, позиции Вольтера: «Свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов»³⁵.

Наряду с другими проявлениями гражданственности, особо значимой виделась княгине забота каждого человека о своих ближних³⁶, определяемая христианской моралью как долг истинно верующего человека.

Размышляя над путями нравственного оздоровления российского общества, Е.Р. Дашкова определила ценностные ориентиры для различных групп современной ей России, к достижению которых, по ее мнению, необходимо стремиться: для женщины – «скромность, стыдливость, прилежность к нравственности, блюдение хозяйства, нежность сердца», для воина – «неустрасимость в опасностях, неутомимость в трудах, мужество и твердость во всех случаях», для судьи и правителя – «просвещение, справедливость, осторожность, бескорыстность и твердость», для купца – «порядок, печность и осторожность»³⁷. Этими же христианскими нравственными ориентирами Екатерина Романовна руководствовалась и в своей жизни. Безусловно признавая десять христианских заповедей правилами любых поступков человека, княгиня утверждала, что слепая вера в судьбу, рок – есть участь людей непросвещенных, а человек просвещенный должен поступать по выбору своего ума, дарованного ему свыше³⁸.

О безусловной вере Е.Р. Дашковой свидетельствуют принадлежащие ее перу строки:

Что есть всему Творец, сомненья не имею:
Мне сердце говорит о Нем;
Но иначе любить я Бога не умею,
Как только в ближнем лишь своем³⁹.

Княгиня внесла значительный вклад в развитие материальной культуры Русской православной церкви. После смерти мужа в 1764 г., находясь в крайне затруднительном финансовом положении, продолжая строительство своего дома, она начала возведение каменного храма Живоначальной Троицы в любимом имении Троицкое Калужской губернии, освящение которого произошло в 1767 г. В 1782 г., после возвращения из заграничного путешествия, Е.Р. - Дашкова получила в подарок от императрицы село Круглое Могилевской губернии. В этом новом имении на средства Екатерины Романовны была построена церковь в честь св. Кира и Иоанна, освященная летом 1802 г., в сороковую годовщину восшествия Екатерины Великой на престол.

Пригласив в состав Российской Академии видных деятелей Русской православной церкви (митрополитов Гавриила и Самуила, архиепископов Иннокентия и Амвросия, епископов Аполлоса, Дамаскина, Иннокентия, протоиереев Петра Алексея, Иоанна Красовского, Георгия Покорского, священников Иоанна Сидоровского, Василия Григорьева, Савву Исаева, Ивана Памфилова, княгиня привлекла к работе над «Словарем Академии Российской» высокообразованных людей своего времени, имевших огромный авторитет среди православной паствы и духовенства.

Воззрения Е.Р. Дашковой были характерны для определенной части образованных православных людей второй половины XVIII в., но и в эти устоявшиеся нормы Екатерина Романовна смогла привнести яркую индивидуальность и страстность своей натуры, ставшие близкими ей идеи эпохи Просвещения, одну из которых Д. Дидро сформулировал следующим образом: «Правильно понятая и отправляемая с просвещенным усердием религия непременно пробуждает нравственные добродетели»⁴⁰.

Е.Р. Дашкова честно выполнила христианский долг не земле, и, пройдя череду страданий, до конца дней оставалась истинно православным человеком. Жизненный путь княгини является для всех последующих поколений примером усердного служения Богу и Отечеству.

---

¹ Записки княгини Е.Р. Дашковой. М., 1990. С. 404.

² Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева. Сост. Г.А. Веселая. М., 1987. С. 92.

- ³ Записки княгини Е.Р. Дашковой. С. 405.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот. С. 35.
- ⁷ Записки княгини Е.Р. Дашковой. С. 404.
- ⁸ Православие и культура. Январские тезисы // Татьяна день. 1997. № 10.
- ⁹ *Дашкова Е.Р.* Моя записная книжка // Собеседник любителей русского слова. 1784. Ч. 13. С. 28.
- ¹⁰ *Она же.* Отрывок записной книжки // Новые ежемесячные сочинения. 1790. Ч. 47. С. 12; Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // Русский вестник. 1820. № 5. С. 11.
- ¹¹ *Дашкова Е.Р.* О общественном условии (перевод) // Опыт трудов Вольного Российского собрания. 1774. Ч. 1. С. 85.
- ¹² Материалы для биографии княгини Е.Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 107.
- ¹³ Там же. С. 105.
- ¹⁴ *Дашкова Е.Р.* Отрывок записной книжки. С. 17.
- ¹⁵ *Она же.* Послание к слову «Так» // Собеседник любителей русского слова. 1783. Ч. 1. С. 16.
- ¹⁶ *Она же.* Записки тетушки // Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. 1. С. 78.
- ¹⁷ Энциклопедия афоризмов. М., 1999. С. 814.
- ¹⁸ *Дашкова Е.Р.* Изображение Великой Екатерины, писанное в 1784 году // Друг просвещения. 1804. Ч. 4. № 10. С. 41–42;
- ¹⁹ *Она же.* Мнение некоего россиянина о Единоначалии // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Ч. 80. С. 5.
- ²⁰ *Она же.* Записки тетушки. С. 63.
- ²¹ *Она же.* Письмо к издателям // Друг просвещения. 1804. Ч. 2. № 4. С. 38.
- ²² *Она же.* Сокращение катехизиса честного человека // Собеседник любителей русского слова. 1783. Ч. 1. С. 34–35; *Она же.* Моя записная книжка. С. 35; *Она же.* О смысле слова «воспитание» // Собеседник любителей русского слова. 1783. Ч. 12. С. 18.
- ²³ *Она же.* Моя записная книжка. С. 36.
- ²⁴ *Она же.* Сокращение катехизиса честного человека. С. 34–35.
- ²⁵ *Она же.* Письмо к издателям сих сочинений // Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. 5. С. 69.
- ²⁶ Энциклопедия афоризмов. С. 818.

- ²⁷ Там же. С. 612.
- ²⁸ *Дашкова Е.Р.* Отрывок записной книжки. С. 15.
- ²⁹ *Она же.* Сокращение катехизиса честного человека. С. 34–35.
- ³⁰ Цит. по: *Сухомлинов М.И.* Княгиня Е.Р. Дашкова. С. 46.
- ³¹ *Дашкова Е.Р.* Отрывок записной книжки. С. 19.
- ³² *Она же.* Записки тетушки. С. 77.
- ³³ *Она же.* Письмо к издателям. С. 39.
- ³⁴ *Она же.* Записки тетушки. С. 64.
- ³⁵ Энциклопедия афоризмов. С. 701.
- ³⁶ *Дашкова Е.Р.* Сокращение катехизиса честного человека. С. 34–35.
- ³⁷ *Она же.* Отрывок записной книжки. С. 13–14.
- ³⁸ *Она же.* Истины, которые знать и помнить надобно, дабы следуя оным, избежать несчастий // Новые ежемесячные сочинения. 1795. Ч. 114. С. 4–5.
- ³⁹ *Она же.* Четырехстишие // Друг просвещения. 1805. Ч. 4. № 11. С. 144.
- ⁴⁰ *Дидро Д.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 58.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В «ЗАПИСКАХ» Е.Р. ДАШКОВОЙ

О.В. Мамаева

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743–1810), урожденная Воронцова, снискала себе известность и славу как легендарная соратница Екатерины Великой, участница дворцового переворота 1762 г., получившая имя Екатерины Малой. Она занимает далеко не последнее место в пантеоне российской истории и политики последней трети XVIII столетия: княгиня была видным общественным деятелем, руководителем Санкт-Петербургской Академии наук и Российской Академии, литератором и, пожалуй, единственной в то время в России профессиональной женщиной-ученым. С 1783 г. – с момента окончания путешествий по Европе и назначения на пост руководителя двух академий – Е.Р. Дашкова занималась всеми сферами академической деятельности. Это время считается, по словам М.И. Сухомлинова, «лучшей порою для Российской Академии»¹. Под ее руководством вышли несколько периодических изданий: журналы «Собеседник любителей русского слова» (16 книг в течение года с 1783 г. по 1784 г.), «Новые ежемесячные сочинения» (с 1786 г.), «Российский театр» (с 1783 г.). Она руководила академической подготовкой будущих переводчиков с классических языков на переводческом отделении Академии. По обоюдной инициативе Екатерины Романовны и императрицы осуществился проект создания первого толкового словаря русского языка, в котором княгиня принимала непосредственное участие как составитель словаря и его идейный вдохновитель².

Помимо собственно издательской деятельности, Е.Р. Дашкова занималась и литературой – с 1763 г., когда вышел ее первый перевод («Опыт о эпическом стихотворстве» Вольтера), и до самой смерти в 1810 г. Она переводила с нескольких языков (преимущественно – с английского и французского), писала драматические произведения (комедии и драмы), статьи, сатиры, эпиграммы, стихотворения и философские трактаты, речи и обращения, заметки и памфлеты. Наиболее серьезные научные работы Екатерина Рома-

новна издавались в «Новых ежемесячных сочинениях» Академии (1805–1806).

Княгиня оставалась на посту руководителя двух академий вплоть до смерти Екатерины II. В 1796 г. Павел I отправил ее в отставку, а затем и в непродолжительную ссылку. Благодаря императрице Марии Федоровне Е.Р. Дашкова смогла вернуться в Москву в 1807 г. Когда новый император Александр I предложил княгине вернуться к управлению Академией, Екатерина Романовна отказалась, сославшись на годы и дела в имении, где она проявила себя и как архитектор, и как садовник, и как врач. Обо всем этом можно узнать в итоговом произведении этого уникального автора – в ее «Записках», которые очевидно связаны не только с личностной рефлексией мемуаристки, но и с осознанием ею своей историко-политической судьбы. Не случайно Е.Р. Дашкова пишет: «Из моего рассказа будет видно, как опасно плыть на одном корабле с “великими мира сего” и как придворная атмосфера душит развитие самых энергических натур; за всем тем совесть, свободная от упрека, может дать нам достаточно сил – чтобы обезоружить твердостью души свирепость тирана и спокойно перенести самые несправедливые гонения»³.

«Записки» княгини были написаны в 1804–1805 гг., но можно предполагать, что какие-то записи велись ею на протяжении всей жизни и послужили в дальнейшем материалом для создания «Mon histoire». «Mon histoire» – это название рукописи мемуаров на французском языке, опубликованной в книге XXI «Архива князя Воронцова». Впервые текст «Записок» был издан в Лондоне в 1840 г. в двух томах на английском языке Мартой Вильмот, в замужестве Брэдфорд (подругой Е.Р. Дашковой, которой они и были посвящены) и имел отличное от оригинала название: «Memoirs of the princess Dashkaw, lady of honour to Catherine II empress of all the Russians, written by herself, composing letters of empress and other correspondence». Тем не менее, русские читатели были знакомы с рукописным вариантом текста Екатерины Романовны уже в 1810-х гг., о чем оставили свои свидетельства современники эпохи, например А.С. Пушкин⁴. Внешним поводом для создания мемуаров послужила просьба М. Вильмот записать для нее все, что пережила Е.Р. Дашкова. Об этом упоминается в письме к Марте, предвещающем мемуары: «Приступая к описанию своей жизни, я удовлетворяю вашему желанию, мой молодой и любезный друг. Перед вами картина жизни беспокойной и бурной или, точнее говоря, печальной и обремененной затаенными от мира

тревогами сердца, которых не могли победить ни гордость, ни мужество. В этом отношении я могу назвать себя мучеником принуждения; я говорю мучеником, потому что скрывать свои чувства и представлять в ложном свете всегда было противно и невыносимо тяжело для моей природы.

Уже давно мои друзья и родственники требовали от меня тот труд, который теперь посвящаю вам. Я отклонила все их просьбы, но не могу отказать вам. Итак, примите историю моей жизни, грустную историю, из которой легко было бы составить увлекательный роман. Она с вашим именем явится в свет, Я писала ее без приготовления, так, как я говорю, и с полной откровенностью, устоявшей против всех горьких уроков опыта»⁵.

Самое важное, что следует упомянуть, предваряя анализ «откровений» Е.Р. Дашковой: ее мемуары являются едва ли не самым широко цитируемым и, на первый взгляд, изучаемым текстом, однако по сложившейся исследовательской традиции этот текст также воспринимается слишком прямолинейно: он расценивается или как ценный исторический документ (достоверность которого, правда, периодически оспаривается, а потому и ценность часто ставится под сомнение), или как памятник исторической эпохи Просвещения⁶. Из общей исследовательской парадигмы выбивается замечание О. Чайковской о крайней субъективности записок княгини: «Эти записки не обладают той непосредственностью и, конечно, правдивостью, которые свойственны мемуарам XVIII века... Слишком много обид накопилось у Екатерины Романовны». Факт, который мог бы стать специальным предметом исследовательских размышлений, для автора работы о русских мемуарах конца XVIII в. является лишь подтверждением того, что текст Е.Р. Дашковой в силу его недостоверности неинтересен и сух: «Эгоизм и злопамятность старой женщины сушат ее воспоминания»⁷.

Тем не менее, именно субъективизм написанного княгиней текста представляется вполне закономерным и для ее «Записок», и для такого рода дискурсивных практик в целом, как было показано выше. А потому интерес к этому явлению должен быть интересом именно исследовательским, проясняющим не характер самой Екатерины Романовны, а специфику ее дискурса, то есть отвечающим на вопросы о том, как построено это высказывание о самой себе и что хотел передать в своем рассказе автор-мемуарист читателям.

Более того, субъективизм позиции в автобиографии Е.Р. Дашковой вполне оправдан и объясняется авторским замыслом, который хорошо понятен читателю из текста самих «Записок». Уже на первых их страницах княгиня объясняет: «Здесь же (в «Записках». – О. М.) мы найдем пример, как зависть и ее верная подруга – клевета – преследуют нас на известной ступени славы. Когда мне было уже шестьдесят лет... мой взор в первый раз обратился к прошедшему; и я увидела всю ложь и пристрастные обвинения, распространенные некоторыми французскими писателями против Катерины **большой**, но вместе с тем они не пощадили по дороге своего злословия и ее друга, Катерину маленькую. В этих памфлетах ваша Дашкова очернена всеми пороками, совершенно чуждыми ее характеру; у одних она является женщиной самого преступного честолюбия, у других – грубой развратницей»⁸.

Как видно, княгиня в этом начальном фрагменте текста определяет и коммуникативную специфику «Записок», и основные повествовательные интенции и стратегии их автора. Для нее важно не только оставить «память» о себе (этот мотив также присутствует в «Записках»), но и высказать свою точку зрения на себя, противоположную «клевете» и «очернению». Таким образом, мемуаристка уже изначально ориентирует читателя на разворачивающийся в тексте процесс самопознания, самоопределения и автомоделирования. Поэтому «Записки» кажутся столь субъективными. Тем не менее, исследователю, принимающему авторский замысел таковым, как он есть, важны не оценочные характеристики, а проблема построения текстового высказывания, которое призвано реализовать авторский замысел. Отвечая на первый вопрос, закономерно возникший при обращении к мемуарам Екатерины Романовны и к устоявшимся правилам их прочтения – как построено высказывание о самой себе? – следует обратить внимание прежде всего на тот дискурсивный потенциал современной мемуаристке культуры, который определил ее повествовательные стратегии.

Дискурсивные потенциалы Я-повествования в «Записках» Е. Р. Дашковой

Очевидно, что «Записки» княгини определены уникальной для русской культуры личностью мемуаристки и дискурсивной практи-

кой ее времени – эпохи Просвещения, просто временного отрезка русской и европейской истории, совпадающего с биографией Е.Р. Дашковой. Она была активным участником реализации просветительских идей и практик в России и испытала на себе самое сильное влияние интеллектуальных устремлений и идеалов своих современников, философов-просветителей. Именно в трудах просветителей XVIII в. рождается новое представление о человеческой личности: родоначальником новой философской антропологии стал Ж.-Ж. Руссо, идеи которого, как и антропологическая модель «нового человека», были чрезвычайно популярны в России. Как представляется, именно в рамках просветительской антропософии Екатерина Романовна создает в своих «Записках» образ личности нового времени русской культуры. Даже авторское стремление к самооправданию, опровержению «клеветы», вполне соотносимо с антропософскими концепциями времени: княгиня во многом следует философским «рецептам» и «рекомендациям» своей эпохи. Так, например, обращаясь к идеально конструируемому человеку, А.Н. Радищев писал: «Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения... Пребудь незыблем в душе твоей... Старайтесь паче всего во всех деяниях ваших заслужить собственное свое почтение, дабы, обращая во уединении взоры свои вовнутрь себя, не токмо не могли бы вы раскаяваться о сделанном, но взирали бы на себя со благоговением»⁹.

Описывая основные составляющие концепции новой личности в культуре XVIII в., исследователи говорят об образе «благородного российского дворянина», сложившемся в дискурсивной практике эпохи как отражение этических идеалов нового времени. Основные концепты, определяющие этот образ, начали складываться в русской культуре очень рано, еще в первой половине XVIII в. (например, в сатирах А.Д. Кантемира и А.П. Сумарокова). К концу столетия в сознании современников этот идеальный образ, интенсивно обсуждавшийся в литературе и публицистике, устойчиво соотносился с идеями или концептами гражданственности, служения и любви к государству, благородного воспитания, добронравия, долга и чести. Наиболее яркое выражение этот образ нашел в литературных текстах: основные положения, определяющие его семантику и идеологию, были хорошо знакомы русскому читателю по произведениям А.П. Сумарокова, Н.И. Новикова, Д.И. Фонвизина, А.Н. Радищева, М.М. Щербатова.

това, Н.М. Карамзина. Естественно, что эта концепция нашла свое отражение и в мемуарных текстах эпохи. Г.Г. Елизаветина пишет в этой связи: «Для мемуарно-автобиографических жанров оказалось чрезвычайно важным то, что... одной из главных задач классицистического искусства стала задача воспитательная, причем охвачены были все сферы жизни: от гражданского служения до личных, интимных отношений... Взгляд на жизнь с точки зрения долга становился для мемуаристов одним из главных принципов построения повествования»¹⁰.

Конечно, в сознании человека XVIII в. высокие представления о долге, служении, чести соотносились с культурой и поведенческими нормами элитарных кругов. Потому и одним из важнейших составляющих концепции «нового человека» оказывается его «благородство». Под «благородством» понималось не только и не столько «высокое рождение, дворянское происхождение», сколько гарантированные благородством «добронравие» и следование образцам гражданского служения, принятым в семье, чем, собственно, и гордился «род», и определялось «благородство». Неслучайно этим идеальным построениям противопоставлялись в литературных текстах «зависть», «гордость» и «злонравие» («О благородстве» А.Д. Кантемира, «На зависть и гордость дворян злонравных» А.П. Сумарокова, «Недоросль» Д.И. Фонвизина и др.). Именно с такой позиции повествуют о «благородстве» и мемуары XVIII – начала XIX в., среди которых даже «выделилась особая группа текстов, авторы которых рассказывают о своем роде, своей жизни, своей службе»¹¹.

Напротив, в сатирических произведениях находим прямо противоположный образ «рода» и «дворянина»: например, в таком тексте Н.И. Новикова «Следствие дурного воспитания», опубликованном в журнале «Живописец» в 1773 г. и написанном в форме «записок», автор-повествователь которых не может гордиться своим благородным происхождением. Например: «Отец мой дворянин... был человек простого нрава... а жена его, мать моя, была сложения тому противного, отчего нередко происходили между ними несогласия, и всегда друг друга не только всякими бранными словами... ругали, но не проходило дня, чтобы они между собою не дрались или бы людей на конюшне не секли»¹².

Показательно, что именно к этому же времени относится первое употребление такого понятия, как «благородная гордость»: «Раз-

витие морально-этической лексики в русском языке XVIII в. было вызвано, прежде всего, необходимостью языкового выражения новых понятий, появившихся в процессе становления в России светской культуры европейского типа, по мере распространения и усвоения русской культурой идей Просвещения. Языковое оформление понятия “самоуважение” было связано с появлением ряда номинативных единиц, среди которых – устойчивое сочетание БЛАГОРОДНАЯ ГОРДОСТЬ»¹³.

В этом контексте рождается и образ «благородной россиянки». Хотя он не был концептуально явлен в дискурсивных практиках времени, открытый в середине XVIII в. Смольный институт предназначался для воспитания «благородных девиц». Тем не менее, образ «благородной россиянки» и «история жизни благородной женщины» эпохи представляли в мемуарных женских текстах, созданных в это время. Так, например, рассказывая о своей ранней юности, упоминает «благородно рожденных» и Н.Б. Долгорукая в своих «Своеручных записках». Без сомнения, и Е.Р. Дашкова ориентируется в первую очередь на моделирование именно такого образа и такой «истории». Она помещает Я–героиню в идеальные рамки новой культуры изначально: «Я родилась в 1744 г. в Петербурге. Императрица Елизавета уже вернулась к тому времени из Москвы, где она венчалась на царство. Она держала меня у купели, а моим крестным отцом был великий князь, впоследствии император Петр III. Оказанной мне императрицей честью я была обязана не столько ее родству с моим дядей, канцлером, женатым на двоюродной сестре государыни, сколько ее дружбе с моей матерью»¹⁴.

В первом же абзаце, выполняющем важную роль по отношению ко всему тексту в целом, мемуаристка, рассказывая о своем рождении и крещении, как бы невзначай сообщает очень значимые сведения о своем благородстве. Ее род – это не только знаменитый канцлер М.И. Воронцов, но и императрица Елизавета, находившаяся в родственных связях с ее дядей, а также и будущий император Петр III. В этом случае важно учесть тот факт, что по давней русской традиции крестные считались ближайшими родственниками, а в петровскую эпоху даже более близкими, чем кровные родители¹⁵. Несмотря на лаконизм мемуаристки, читателям было хорошо известно, что она сама принадлежала к высшим кругам. В.В. Огарков, автор биографического очерка о княгине, писал в 1893 г.: «Она

была дочерью графа Романа Илларионовича и племянницей великого канцлера Михаила Илларионовича Воронцовых. Ее братья: Александр Романович (бывший канцлер при Александре I) и Семен Романович, наш посланник в Англии, – прославились как талантливые и стойкие государственные деятели. ...Как известно, положение фамилии Воронцовых при этой государыне (Елизавете. – О. М.) было блестящим, чему способствовала как дружба с императрицей матери Дашковой, урожденной богачки Сурминой, снабжавшей когда-то деньгами нуждающуюся в них опальную царевну, – так и участие дяди Екатерины Романовны, Михаила Илларионовича Воронцова, в возведении на трон дочери Петра I»¹⁶.

Кроме того, в приведенном фрагменте «Записок» речь идет и о благородном происхождении, о «дружбе» с императрицей и о том, что появление на свет и крещение ребенка в семье Воронцовых произошли сразу же вслед за коронацией императрицы. Все это в сознании читателя записок должно было уравниваться с событием коронации, с которого начинается новая эпоха в жизни империи, на что настраивает очевидный параллелизм этих событий в тексте. С самого начала читателю становится понятно, что родился на свет человек, который кроме «благородства» и «чести» с рождения обладает особыми качествами. Это и «близость» к государыне / государю, и к государственно-политической позиции семьи Воронцовых, что также оказывает влияние на весь последующий путь героини: служение государыне и государству становится основной темой «Записок» Е.Р. Дашковой и определяет жизненный путь ее автобиографической героини.

При этом в дальнейшем повествовании княгиня активно использует необходимые концептуальные составляющие образа «благородного дворянина» или «благородной россиянки», хотя, скорее всего, именно ее текст во многом способствовал формированию женского типа «благородства». Прежде всего она вводит в текст концепт «благородной гордости»: «Не буду говорить о моей фамилии; ее старинное происхождение и выдающиеся заслуги моих предков так прославили имя графов Воронцовых, что им могли бы **гордиться** даже люди, гораздо более меня придающие значение знатности рода»¹⁷.

Одновременно в тексте «Записок» присутствуют и организуют целые повествовательные блоки, такие концепты, как «граждан-

ское служение», «долг», «честь», «воспитание». При этом следует отметить, что в просветительских концепциях и интерпретациях личности нового человека именно воспитанию отводилась главенствующая роль. Показательно, что процесс становления личности нового типа стал главным предметом описаний и размышлений в начальных фрагментах текста Е.Р. Дашковой. В этом случае необходимо указать на комментарий, поставленный автором в скобки и открывающий степень авторефлексии над проблемой: «Обращаю на это внимание тех людей, которые мнят себя сведущими в воспитании и измышляют собственные теории относительно **столь важного предмета, имеющего решающее значение для дальнейшей жизни и счастья людей** и вместе с тем столь мало ими исследованного»¹⁸.

Те же идеи определяли педагогические идеи русских просветителей: в упоминавшемся произведении Н.И. Новикова речь идет о «дурном воспитании», которое воспринималось и как «вина» родителей, и как ущербное для воспитуемого. В «Записках» же Е.Р. Дашковой представлена сложная и многообразная система образовательно-воспитательных событий, способствовавших не только широкой образованности Я-героини, но и формированию ее необычной и яркой личности (чтение широкого круга литературы, в том числе – и философской, усердные занятия, размышления и т.д.). Так, княгиня пишет: «Спустя несколько месяцев, канцлер, старший брат моего отца, вовсе изъял меня из теплых объятий моей доброй бабушки и стал воспитывать меня со своей единственной дочерью. ... Мой дядя не жалел денег на учителей, и мы – по своему времени – получили **превосходное образование**»¹⁹.

При этом, однако, она подчеркивает, что ее героиня с детства все-таки отличалась от других: в совместном воспитании с кухней, считает Екатерина Романовна, «все должно было сделать из нас два совершенно одинаковых существа». Однако они оказались совершенно разными – «между тем трудно было найти людей более различных во всех обстоятельствах жизни»²⁰. Как представляется, в этом фрагменте проявляется не только попытка княгини показать необычность своей героини, но и ее ориентация на философский дискурс, прежде всего, на философско-антропологические представления Ж.-Ж. Руссо о «Другом», находившиеся в основании просветительских концепций и хорошо знакомые русским писателям и мыслителям эпохи. Таким образом, можно говорить о том, что ре-

ально-биографический материал под пером Е.Р. Дашковой оказывается существенно преобразованным под влиянием «рецептов» и построений философии ее времени. Можно говорить и о том, что именно философский дискурс непосредственно повлиял на организацию образно-речевой и нарративной структуры «Записок».

Подтверждением тому может служить интересная философско-литературная аналогия, возникающая при чтении текста «Записок». Рассказывая о воспитании, княгиня конструирует и описывает особую ситуацию, которая стала переломной в судьбе юной героини. Речь идет о серьезной болезни, время которой и преобразует девочку: «Только благодаря случайности – кори, которою я заболела, – мое воспитание было закончено надлежащим образом и сделало из меня ту женщину, которою я стала впоследствии»²¹. Описание «болезненного» состояния и означает переход от «неведения» к «прозрению». Такой переход зафиксирован в тексте в особом, но хорошо понятном образно-речевом воплощении. Екатерина Романовна описывает не просто «болезнь», но именно болезнь глаз, что соотносилось уже с просветительской концепцией «заблуждения» и «слепоты» человека: «Болезнь моя пала главным образом **на глаза**»²².

Мотив «слепоты» человека, не способного «взглянуть» на окружающую мир, определяет в том числе философскую концепцию А.Н. Радищева, представленную в его главной книге – «Путешествии из Петербурга в Москву». Движение его героя Путешественника связано с прозрением, так же прозревает и героиня Е.Р. Дашковой: «Когда мои глаза выздоровели, я отдалась чтению»²³, получая вместе с этим возможность выйти за пределы некоего общего знания – «и я решила не открывать поглощавшей меня тайны»²⁴, преодолеть его границы и стать «философом в 15 лет»: «Глубокая меланхолия, размышления над собой и над близкими мне людьми изменили мой живой, веселый и даже насмешливый ум. Я стала прилежной, серьезной, говорила мало, всегда обдуманно»²⁵.

«Прозревшая» девочка занимается серьезным чтением, что открывает перед ней новое видение и понимание мира. Не случайно Екатерина Романовна отмечает: «Я смело могу утверждать, что, кроме меня и великой княгини, в то время не было женщин, занимавшихся серьезным чтением»²⁶. Развитие мотива «болезни» на этом не завершается. В дальнейшем «болезнь» будет постоянно сопровождать героиню «Записок» княгини, однако она получит дар или

возможность лечить и излечивать других: «Благодаря некоторым познаниям в медицине... вследствие того что я часто ухаживала за больными и на практике изучила проявления и влияния некоторых болезней на организм, мне удалось вылечить мисс Бетс с помощью усиленного ухода и немногих лекарств, бывших в моем распоряжении»²⁷.

Упоминание об умении «лечить» также имеет философско-просветительские корни. Так, например, Н.И. Новиков, издавая журналы, посвященные воспитанию и формированию нового человека, формулировал свою просветительскую позицию в своеобразном псевдониме – «Лечитель». Образ женщины-целительницы нашел свое отражение в произведении А.Н. Радищева. В главе «Спасская Полесть», написанной в жанре философско-аллегорического «сна», герою-«слепцу» (он «слеп и слеп совершенно») является женщина-врач, имя которой – «Истина» или «Прямовзора». Она излечивает несчастного тем, что снимает с его глаз «бельмы», и прозревший герой видит мир уже совершенно по-другому²⁸. Очевидно, что все эти сходства неслучайны, поскольку текст Е.Р. Дашковой действительно ориентирован не только на философские идеи времени, но и на их дискурсивную реализацию, в том числе в русской литературной традиции второй половины XVIII в.

Этой традицией также обусловлено и другое важнейшее в судьбе героини событие – ее европейское путешествие. Героиня мечтает о совершении путешествия с юности: «Я расспрашивала их [иностранцев] об их странах, законах, образах правления; я сравнивала их страны с моей родиной, и во мне **пробудилось горячее желание путешествовать**; но я думала, что у меня никогда не хватит на это мужества, и полагала, что моя чувствительность и раздражительность моих нервов не вынесут бремени болезненных ощущений, уязвленного самолюбия и глубокой печали любящего свою родину сердца»²⁹.

Тем не менее, «мужества» героине хватило, и она позже осуществляет свою мечту. Помимо реально-биографической подоплеку, давшей основания для описания путешествия, существуют, несомненно, литературно-философские ориентиры в организации этого фрагмента повествования. Дело в том, что именно в жанре «путешествия» философы-просветители XVIII в. представляли свою концепцию «пути» человека от заблуждения к «прозрению», то есть процесс усовершенствования личности. Все эти идеи нашли свое

отражение не только в европейской традиции, хорошо знакомой Е.Р. Дашковой (например, произведения Вольтера и Монтескье), но и в русской («Письма из Франции» Д.И. Фонвизина, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева или, например, такое знаковое путешествие, как поездка императрицы Екатерины II в Крым).

Следует обратить внимание и на то, что в приведенном отрывке княгиня использует слово «мужество». Как представляется, оно далеко не случайно. Все черты Я–героини, предопределенные в повествовании дискурсивным потенциалом просветительской философии, были закреплены в культуре скорее за мужским типом поведения и мужским дискурсом. Об этом могут свидетельствовать, помимо прочего, и издававшиеся в России на протяжении всего XVIII в. «образцы» литературы европейского Просвещения, написанные авторами-мужчинами, или такие авторитетные тексты как «Записки о Галльской войне» Цезаря или «К самому себе» Марка Аврелия³⁰. Следовательно, с включением героини в текст данного типа ей присваивается и качество «мужественности», и основной набор мужских социокультурных ролей.

Наряду с воплощенной моделью личности эпохи Просвещения существует в «Записках» и другая модель, значительно более традиционная для русского сознания, которая, как было показано выше, связана с традициями религиозно-учительной культуры. Какой бы уникальной, в сравнении с другими авторами женских мемуаров, ни была личность самой Е.Р. Дашковой, она не могла избежать влияния дискурсивного потенциала церковнославянской книжности. Правда, если в отношении «Своеручных записок» Н.Б. Долгорукой можно было говорить о синтезе двух моделей на основе традиционной, то в произведении княгини синтез двух моделей происходит на базе просветительского дискурса новой культурной парадигмы. Возможности соединения двух дискурсивных типов определялись не только индивидуальным замыслом Дашковой-автора, но и спецификой русской культурной ситуации. В отличие от европейских дискурсивных практик XVIII в., ориентированных на античные идеалы государственности и гражданственности, новая Россия обращалась к «своей» античности, пусть даже и мифологической, сконструированной еще в теоретических трудах В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова³¹. Такой русской «античностью»

представало церковнославянское наследие³², восходящее к наследию Византии. Такое обращение наиболее полно нашло свое отражение в феномене эпохи русского Просвещения – «греческом проекте» Екатерины II. Серьезное и сложноорганизованное государственно-идеологическое построение было призвано в гармоничном соединении «старого» и «нового» определить характер Российской империи³³. Конечно, «греческий проект» кажется очень далеким от текста княгини явлением, однако позволяет увидеть, что соотношения, нерелевантные для предшествующего этапа русской истории и дискуссии, стали в конце XVIII столетия вполне возможными и даже востребованными.

К тому же дискурсивный потенциал агиографического канона оказался в тексте Е.Р. Дашковой вполне гармоничным, поскольку трансплантированные и усвоенные на русской почве идеи европейского Просвещения получили такие обоснования, которые способствовали сродству основных просветительских концептов с православно-религиозным пониманием человека. Так, можно увидеть, что сложившееся в России со времен Петра I религиозное поклонение государству, о котором уже неоднократно писали исследователи, во многом уравнило идею гражданского служения христианскому долгу. Гражданский долг как долг перед государством мыслители XVIII в. считали и долгом христианским: любовь к ближнему, реализовавшаяся в активной благотворительной и филантропической деятельности, был именно долгом гражданина, например, для Н.И. Новикова или И.И. Бецкого. Активизация благотворительности во второй половине столетия была связана с тем, что частный человек, истинный христианин, считал себя вправе решать проблемы государства: помогать голодающим и бедным, как Н.И. Новиков; подбирать и воспитывать обреченных на гибель незаконнорожденных детей, как И.И. Бецкой; покупать дворцы для Воспитательного дома, как это сделала в 1797 г. императрица Мария Федоровна. Неслучайно проблема «долга» определила, как было показано, и структуру повествования в мемуарах А.Е. Лабзиной: милосердие, помощь бедным, нищелюбие являются реализацией настоящего долга человека, описание которого противопоставлено суждениям родственников героини и названо «долгом христианским»: ухаживая за больными, мать и дочь «делали долг христианский»³⁴. И героиня Е.Р. Дашковой, лишившись преимуществ своего положения при дворе, посвя-

щает себя «благу своих крестьян»³⁵. На первый взгляд, забота о «благе крестьян» может показаться слишком упрощенным воспроизведением идеи христианского долга, но в русском контексте такая забота, о чем неоднократно упоминается Екатериной Романовной, воспринималась как настоящее проявление гражданского и христианского долга человека перед «братьями во Христе».

Вполне сопоставим с православной традицией и просветительский концепт «воспитания»: представление о воспитании как превращении личности в совершенного человека характерно для религиозно-учительной литературы (например, для текстов св. Димитрия Ростовского). В агиографической традиции воспитание представляло как воспитание ранней мудрости, верности вере, аскезы, что отразилось в мемуарных текстах эпохи (например, у А.Е. Лабзиной). Сходным образом представлена идея воспитания и в «Житие Федора Васильевича Ушакова» А.Н. Радищева, которое откровенно ориентировано на агиографические каноны.

Другие знаковые для просветительской идеологии концепты – «благородство» и «честь» – имеют свои аналогии с обязательными для житийной литературы формулами «рождение от благородных, благочестивых родителей» и «честность, чистота, невинность, простота сердца». Они гарантируют герою жития стойкость в свершении духовного подвига. В текстах русских писателей XVIII в. и христианская, и философско-просветительская интерпретация идеальных черт личности представлены в единстве (например, в «Недоросле» Д.И. Фонвизина). Здесь в рассуждениях о долге и чести дворянина появляются такие определения: «имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знания мода, как на пряжки, на пуговицы»; «Вы говорите истину. Прямое достоинство в человеке есть душа... Без нее просвещеннейшая умница – жалкая тварь. Невежда без души – зверь. Самый мелкий подвиг вводит его во всякое преступление. Между тем, что он делает, и тем, для чего он делает, никаких весков у него нет»³⁶.

Представленная в этих словах героев пьесы концепция Д.И. Фонвизина, несомненно, связана со своеобразным синтезом религиозного и философского понимания человека.

Для религиозно-учительной и просветительской традиций был значим концепт «пути». Как показала О.М. Гончарова, в «путешествиях» конца XVIII в. оказывается актуализованной семантика,

инспирированная религиозно-учительной традицией и жанром хождений и паломничеств³⁷. Особенно очевидно это сказывается в «Путешествии» А.Н. Радищева – тексте, который парадоксальным образом сочетает просветительские идеи с православной антропологией. И если в философии эпохи «путь» понимался как движение от заблуждений к «свету», как совершенствование человека, то сходным образом видели это и религиозно мыслящие современники Е.Р. Дашковой, например, св. Тихон Задонский. В своей книге «Сокровище духовное, от мира собираемое» он представлял идею «пути» так: «Что путь от села в село и от града во град, тое житие наше, христиане! И житие наше **путь** есть... иной – пространный и широкий, иной – тесный и узкий... На пространном пути – искание чести, славы и богатства мира сего, на тесном пути – всего того презрение»³⁸.

Таким образом, можно говорить о том, что дискурсивные практики эпохи Просвещения и русского средневековья опирались на схожие механизмы создания идеальных моделей. В «Записках» Е.Р. Дашковой используется особый текстовый механизм, организующий структуру повествования, которое опирается одновременно на модель жития (как единственную хорошо известную и освоенную культурным сознанием модель сакрализации женской личности) и на дискурсивную модель Просвещения (как новую для русской культуры речевую практику осмысления человеческой личности). Я–повествование в «Записках» легко варьирует систему аналогий и аллюзий: просветительский дискурс может сменяться на религиозно-учительный в пределах одного фрагмента. Например, значимыми и знаковыми в судьбе героини оказываются ранее сиротство и воспоминание о матери: «Я имела несчастье потерять мать на втором году жизни и только впоследствии узнала от ее друзей и людей, хорошо знавших ее и воспоминавших о ней с **восхищением и благодарностью**, насколько она была **добродетельна, чувствительна и великодушна**»³⁹.

Мать в этом случае, независимо от ее реальных качеств, наделена идеальными чертами, в чем видится проецирование ее свойств на характер самой героини. В дальнейшем повествовании Е.Р. Дашковой происходит развертывание названных и основных качеств Я–героини, намеченных в начале текста. По традиционной же модели воспоминаний сразу после сообщения о раннем сиротстве автор

повествует о своем «благородном воспитании», концептуальном для «Записок», так как (если говорить о их функциональной направленности) они во многом играют «воспитательную» роль, что тесно связано и со средневековым восприятием житийной литературы как «примера» для читателей, так и с просветительской идеологией и ее отражением в данном тексте.

В «Записках» княгини, таким образом, личность героини реализуется одновременно в двух дискурсивных пространствах: в пространстве традиционной культуры и в пространстве новой. При этом она наделяется чертами личности универсальной: дискурс новой культуры определяет ее соответствие основным чертам идеального мужского образа, а обращение к религиозно-учительной традиции позволяет ей быть выражением женской идеальности. Такой универсализм личности проявляется во всех выделенных выше смысловых компонентах структуры текста. При этом важно, что от всех рассмотренных текстов «Записки» Е.Р. Дашковой отличаются степенью осознания идеологизации своей автомодели. Чрезвычайно показателен в этом плане «программный» фрагмент ее «Записок», повествующий о перемещении героини в иное, отличное от привычных норм пространство: «Нам удалось уехать в Москву... Передо мной открылся новый мир, новая жизнь... Меня смущало и то обстоятельство, что я довольно плохо изъяснялась по-русски, а моя свекровь не знала ни одного иностранного языка. Ее родня состояла все из стариков и старушек, которые относились ко мне очень снисходительно... но я все-таки чувствовала, что они желали бы видеть во мне москвичку и считали меня почти чужестранкой. Я решила заняться русским языком и вскоре сделала большие успехи»⁴⁰.

Чтобы быть любимой и, главное, «своей» (принятой в московском патриархальном обществе и в семье), героиня легко осваивает и «другое» пространство, и другой тип поведения, и, главное – другой тип дискурса или речеповедения, то есть русский язык патриархальной Москвы, которая в сознании XVIII в. соотносилась с семантикой «своего», «старого», «русского» и «православного». Для живущей в столице и воспитанной в европейских традициях героини это действительно был «новый мир, новая жизнь», тогда как для ее родных именно столичная жизнь считалась «новой» и необычной. Такое типичное для эпохи противопоставление Москвы и Петербурга во многом определяло и разность мировоззренческих

установок, поведенческих стереотипов, самооценок «жителей» каждой из столиц⁴¹. При этом «московская» точка зрения была хорошо представлена и в литературе того времени в текстах М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина. Единственным произведением, в котором была высказана идея синтеза «старого» и «нового», необходимая для универсальной личности эпохи, было «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева⁴². Не без влияния этого текста описано Е.Р. Дашковой и ее путешествие из Петербурга в Москву, позволившее охарактеризовать героиню также как личность универсальную, способную вобрать в себя противоборствующие в сознании современников начала русского бытия. Неслучайно Екатерина Романовна повествует именно о «стариках и старушках», считавших героиню «чужестранкой», и о том, что, подчиняясь их желанию, героиня успешно пытается стать «москвичкой».

Дискурсивные потенциалы культуры, актуализованные в сознании человека XVIII в., активно влияют на повествование княгини. Этим предопределяется и специфика авторских интенций мемуаристики: она моделирует культуру своего времени в идеальных границах текста, создает свой, по всей видимости – далекий от реальности, образ времени и культурного пространства, в котором реализует себя ее героиня. Несомненно, что она в контексте «самооправдательных» намерений Екатерины Романовны наделяется чертами идеальными и сакральными, соответствующими семантике и идеологии тех типов дискурса, которые определяют образно-речевой ряд Я-повествования в «Записках».

Строительство, творение, воздвигание: религиозно-философская утопия Е.Р. Дашковой

Перипетии судьбы самой Е.Р. Дашковой и ее автобиографической героини в ретроспективном освещении потребовали разных принципов автомоделирования и интерпретации личности Я-героини. В этой связи текст «Записок» условно, но вполне осязаемо делится на две части. Первая связана со временем успехов и активной деятельности княгини и посвящена теме воспитания и становления личности нового типа и нового времени. Эта тема была особенно актуальной для русской культуры и литературы в 1750–1760-е гг., то есть в то время, когда происходило становление личности самой

Екатерины Романовны. Чуть позднее она вошла в круг литераторов и журналистов и была хорошо знакома с творчеством тех, кто наиболее активно развивал идеи воспитания «новой породы» людей (например, с произведениями Н.И. Новикова и Д.И. Фонвизина). Закономерно в этой связи то, что рассказ Е.Р. Дашковой о молодых годах ориентирован не просто на философские идеи Просвещения, но и на дискурсивные практики времени, литературные приемы и образы. А потому перед внимательным читателем ее автобиографическая героиня предстала не столько в реально-биографическом измерении, сколько в типичном для описываемой эпохи дискурсивном облике.

Можно заметить, что в первой части текста княгини не столько занята проблемой женской личности и женской судьбы, сколько очерчивает уникальность своей героини через явное или неявное сравнение / уравнение ее с мужчиной. В своем повествовании мемуаристка дает ей ту роль, которая в культуре того времени была предписана мужчине. Например, необычное воспитание совсем юной героини очень мало соответствует реальной педагогической практике обучения «благородных девиц». Оно в описании Екатерины Романовны в большей степени напоминает «воспитательные» трактаты просветителей, связанных преимущественно с развитием мальчиков. Примером тому могут быть трактат Н.И. Новикова «О воспитании и наставлении детей» или глава «Крестьяцы» из «Путешествия» Радищева, в которой изложены главные педагогические идеи этого русского философа. В «Крестьяцах» отец, правильно воспитав на принципах просветительского отношения к личности своих сыновей, отправляет их для свершения главного дела жизни – служения государству, дело сугубо мужское, поскольку сыновья идут на военную службу. По тому же пути следует и героиня Е.Р. Дашковой, оказавшись на государственной службе при дворе: ее положение типичной, на первый взгляд, придворной дамы представлено как исполнение государственной должности. Если сравнить ее позицию с авторскими интенциями В.Н. Головиной, можно заметить громадную разницу, хотя в действительности они обе принимали, каждая в свое время, активное участие в придворной жизни, будучи близки членам царской семьи. При этом из-под пера В.Н. Головиной вышли «придворные» мемуары, Е.Р. Дашкова же очевидно пыталась избежать того, чтобы ее героиня воспринималась как светская

дама, занятая сугубо женскими делами. Жанр «придворных» мемуаров ей был хорошо известен, поскольку был распространен в европейской традиции: например, такие известные тексты как «Мемуары» Маргариты де Валуа или «Мемуары» Великой Мадемуазель, досконально описывающие двор и придворную жизнь. В «придворном» тексте В.Н. Головиной возможны и даже внутренне необходимы для реализации образа «светской дамы» подробности, переходы от размышлений, свойственных и героине Е.Р. Дашковой, к мелочам придворной жизни или, например, к прическе, что было принципиально невозможно для Дашковой-мемуаристки.

В.Н. Головина пишет, например: «По мере того как я разыскиваю в прошлом воспоминания... невольные сравнения приходят мне на ум... Что такое жизнь, как ни постоянное сравнение прошлого с настоящим? Ощущения притупляются с возрастом, чувства успокаиваются, точка зрения проясняется, душа освобождается понемногу от своих оков. В ней, как в прекрасной картине, потемневшей от времени, легкие тени теряют свой блеск, но зато больше силы в общем впечатлении, и она дороже ценится знатоками. Возвратимся, однако, ко двору, к человеческим слабостям и... к моей прическе»⁴³.

Для Екатерины Романовны в ее героине важно совсем другое – ее гражданская позиция и бескомпромиссное служение родине. Неслучайны в тексте такие сентенции: «У меня составила репутация искренней и твердой патриотки»; «Мною руководили строгие принципы и восторженный патриотизм, а не личные интересы»⁴⁴. Даже близость к императрице объясняется в «Записках» не личными отношениями, а интересами государства. В обращении к императрице звучат совсем другие ноты, нежели в «светских» мемуарах младших современниц княгини: «Умоляю Вас, не жалуйте мне этого ордена; как украшению я не придаю ему никакой цены; если же Вы хотите вознаградить меня за мои заслуги, то я должна сказать, какими бы ничтожными они не являлись, по мнению некоторых лиц, в моих глазах им нет цены, и за них нельзя меня ничем вознаградить, так как меня никогда нельзя было и впредь нельзя будеткупить никакими почестями и наградами»⁴⁵.

Показателен в этом плане и приведенный в «Записках» разговор с канцлером Австрии А.В. Кауницем, который демонстрирует читателям политическую зрелость и государственное мышление героини, поскольку в беседе с видным государственным деятелем

она выступает на равных, как знаток государственно-правовой проблематики и истории России⁴⁶. Интересно при этом, что, путешествуя как частное лицо, Е.Р. Дашкова в «Записках» приписала себе возможность общения на государственном уровне как представителя и защитницы политических интересов страны.

Именно этой проблематикой и тематикой объясняется описание придворной службы еще юной героини «Записок». К тому же это описание имеет и свой особый смысл, особенно понятный тем русским читателям, которые хорошо помнили «золотой век» Екатерины II. Дело в том, что в собственном самоописании и понимании Екатерины Романовны оказывается не тривиальной юной дамой, а прозорливой и умной личностью, верно определившей еще в эпоху весьма непрочного положения великой княгини при дворе ее значимость для государственной политики и занявшей место рядом с ней. Несомненно, в сознании читателя возникало и прогнозируемое самой мемуаристкой сравнение сестер Воронцовых, состоявших в то время в разных «партиях». Елизавета Романовна Воронцова прославилась (благодаря, в том числе, и оценкам сестры) как недалекая девушка дурного тона и любовница Петра III, из-за которой император собирался устранить законную жену Екатерину Алексеевну. Зато Е.Р. Дашкова оказывается не по годам мудрой и, несмотря на родственные отношения, занимает аналогичное «ведущее» место в другой «партии», проявляя при этом недюжинный характер и мужество. Сестры реализуют разные поведенческие типы: Елизавета Романовна – ставший уже традиционным тип глупой и алчной фаворитки, то есть выступает в типичной женской роли, хотя и занимает самое высокое положение, которого могла добиться женщина в социальной иерархии.

Е.Р. Дашкова – во всем прямая противоположность сестре, она личность действительно новая. Для нее «женский» путь к успеху и славе невозможен. Во-первых, она не хочет быть похожей на кого-то другого (вернее, другую). Показательно в этом плане уже упоминавшееся замечание в «Записках» – «Кроме меня и великой княгини, в то время не было женщин, занимавшихся серьезным чтением»⁴⁷. Во-вторых, и философия Просвещения и мировоззрение современников-интеллектуалов (Д.И. Фонвизина, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова, А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина и др.) исключали придворные интриги и карьерные успехи («кривые пути», по словам Д.И. Фонвизина)

из сферы подлинного бытия настоящей человеческой личности. Поэтому автобиографическая героиня Е.Р. Дашковой в «Записках» оказывается уравненной мужчине, что, по всей видимости, было единственной возможностью для автора дискурсивно воплотить уникальность той женской личности, о которой она пишет.

Даже описывая дни переворота и свое участие в нем, княгиня лишь упоминает, что она была женой и матерью двоих детей, но подчеркивает, что одевает, как и будущая императрица, офицерский мундир. Его описание в тексте более пространно, чем рассказ о женских заботах, и имеет свой особый смысл. Во-первых, этот костюм – мужской, и потому две единственные женщины, участвовавшие в государственном перевороте и возглавлявшие его (как думает Екатерина Романовна), представляли перед современниками «мужчинами» и выступали в значимой и героической, но – мужской, роли зачинщиков и исполнителей «революции». В «Записках» это отмечено: «В мундире я была похожа на пятнадцатилетнего мальчика». Во-вторых, костюм дает Е.Р. Дашковой повод, как бы случайный, для изложения политической позиции, которая, по сути, является повторением тех политических деклараций, которые сразу же после переворота активно озвучивала Екатерина II в своих манифестах: «Замечу, кстати, что то был прежний мундир преобразенцев, который они носили со времен Петра I, вплоть до царствования Петра III, заменившего его мундиром прусского образца»⁴⁸. В документах начала царствования Екатерины II четко прослеживаются два основных и прямо повторенных княгиней тезиса: с одной стороны, это заявления о наследовании дел Петра I; с другой – дискредитация Петра III, которому приписывалось, наряду с другими многочисленными прегрешениями, и то, что он «возненавидел полки гвардии»⁴⁹.

Важно при этом, что условно выделенная первая часть записок свидетельствует о стремлении автора не только оставить по себе память, но соответственно новой идеологии государства и личности такую «память» (то есть прошлое) выбрать или создать. Как представляется, стремление к дискурсивному сотворению или пересозданию своей собственной личности и судьбы определяет весь строй «Записок» Е.Р. Дашковой. Если ее современник С.Н. Глинка в своих мемуарах написал, что императрица «Екатерина сочинила царствование свое»⁵⁰, то можно сказать, что и Екатерина «Малая»

аналогичным образом «сочинила» свою биографию и создала тот свой мифо-легендарный образ, который навсегда закрепился в русском сознании. Весьма симптоматично и то, что талантливо оформленные княгиней мифотворческие механизмы в тексте «Записок» успешно «работают» до сих пор. Можно рассмотреть целый корпус популярных работ и научных исследований, в которых по мемуарам княгини авторы пытаются восстановить точный ход исторических событий или адекватно оценить ее вклад в русскую культуру второй половины XVIII в.⁵¹ Текст Екатерины Романовны как бы диктует правила прочтения, главным из которых является подкупающая исследователей «правдивость».

Впрочем, Е.Р. Дашкова слишком сильно акцентирует эту идею в тексте «Записок», а потому и ее «правдивость» тоже представляется моментом мифотворчества. Так, она постоянно повторяет: «Я смело могу утверждать, что, кроме меня и великой княгини, в то время не было женщин, занимавшихся серьезным чтением»; «Я считала долгом каждого честного человека: всегда говорить правду»; «Я в этих Записках не хочу ничего скрывать и расскажу о незначительных недоразумениях, происходивших между государыней и мной»; «Предупреждаю читателей, что Записки эти будут напечатаны лишь после моей смерти... поэтому прошу разрешения, не навлекая на себя обвинений в тщеславии, передать слова и события в таком виде, в каком они действительно произошли или были сказаны»; «Природа отказала мне в искусстве притворяться»⁵² и т.д.

Наконец, уже заканчивая мемуары, княгиня пишет: «Я смело утверждаю, что я писала только истинную правду, которой придерживалась даже в тех случаях, когда она не говорила в мою пользу, и пропустила только то, что могло бы повредить некоторым лицам; однако читатель ничего от этого не потерял»⁵³. «Правдивость» ее повествования, несомненно, является необходимым формульным элементом автобиографического текста, поскольку напрямую соотносится с наиболее значимым для таких текстов концептом «памяти». Одновременно, как уже отмечалось, возникшее в русской дискурсивной практике соотношение «памяти» и «памятника» обеспечивает возможность и «правде», якобы отраженной в «Записках», быть также мифогенной, мифотворческой.

«Память» в произведении Е.Р. Дашковой, как и в мемуарах Н.Б. Долгорукой, и в многочисленных произведениях XVIII в., вы-

полняет конституирующую функцию. Автор оформляет свое «воспоминание» как заведомо и тщательно продуманное, используя систему автокомментариев, выведенных за пределы основного текста и направляющих взгляд читателя и в прошлое, и в будущее, что позволяет перевести повествование во вневременной пласт. Сам текст книгини дает почувствовать и выборочность воспоминаний, и игру «воображения», и желание автора не только помнить, но и что-то забыть или умолчать, то есть все то, что работает именно на «сочинение», на «создание» идеального образа женской личности. Например: «Детство мое было счастливее моей последующей жизни, вследствие чего мое воображение, естественно, искало светлой точки в прошлом, чтобы остановиться на ней»; «Предаю забвению все остальное и обращаюсь к своему возвращению в Петербург»⁵⁴ и т.д.

При этом важным оказывается основной посыл создания текста первой части, в которой, как мы говорили, речь идет о реализации государственно-политического и гражданского потенциала личности Я–героини. Е.Р. Дашкова откровенно пишет в тексте о том, что она не только воссоздает идеальное время и идеальных женщин (себя и Екатерину II), но и фиксирует историческое прошлое всего государства, защищая от многочисленных нападок императрицу и ее время. Причем ее позиция «историка», хранящего настоящую память о прошлом, оказывается исключительной, прямо противопоставленной мнению общества, а потому, несомненно, не только независимой, индивидуальной, но и субъектной и субъективной. Например: «Непоправимая потеря, постигшая мою родину со смертью императрицы, приводила меня в ужас и отчаяние, но прошлое вызывало во мне воспоминания... Настоящее было тревожно... Павел... уничтожал все совершенное ею, и лучшие ее постановления были заменены актами необузданного произвола»; «Россия была наводнена клеветническими памфлетами на Екатерину Великую... Но я... не положу пера, пока не дополню эту книгу (которая, может быть, и не заслуживает внимания потомства, но заинтересует моих друзей) заметками, которые, надеюсь, докажут всю лживость утверждений, написанных под влиянием ненависти и зависти»⁵⁵.

При этом Екатерина II наделяется чертами идеальной героини, образ которой конструируется в ориентации на мифологему «просвященной монархини», о чем пишет претерпевшая много неприятностей от императрицы Е.Р. Дашкова: «Не роняя своего до-

стоинства, она [Великая Екатерина] была доступна всем, и в обращении с ней не было ни тени раболепного страха; она своим присутствием вызывала чувство благоговейного почтения и уважения, согретого любовью и благодарностью»⁵⁶.

В такой объективности оценок и проявляется, как ни парадоксально, повышенный уровень субъективности интерпретаций, поскольку образ императрицы создавался как параллель образу Я–героини княгини. Своеобразное «двойничество» этих героинь «Записок» проявляется и в описании «революции» – так определяет Е.Р. Дашкова характер событий 1762 г. Себе она приписывает роль идейного их вдохновителя и организатора, непосредственно влиявшего на Екатерину II. Одновременно как личность, воспитанная эпохой Просвещения и занятая государственными интересами, княгиня наделяет свою автобиографическую героиню чертами «пророчицы», предвидящей ход событий и их результат. Так, она пишет: «У меня был сильный жар, и мой ответ на него (письмо от Екатерины II. – *О.М.*) был, вероятно, так же несвязен, как и мои мысли. Потом я помнила только, что писала частью по-русски, частью по-французски, стихами и прозой. Когда мне стало получше, императрица спросила меня в одной из своих последующих записок, с каких пор я начала пророчествовать»⁵⁷.

При этом слово «революция» является ключевым в сознании автора – оно подчеркивает отказ от старого и переход к новому, вернее – возможность творения и созидания нового, важного и значимого для судеб государства. Показателем этих государственно-устроительных способностей героини «Записок» становится ее способность понимать, предвидеть, то есть «пророчествовать». Как представляется, в этом случае Е.Р. Дашкова не просто уравнивает свою Я–героиню императрице, но даже в чем-то возвышает ее. На других страницах «Записок» княгиня явно или неявно оперирует аналогичными приемами. Она, как уже говорилось, выступает за границу защитницей интересов России не как частное лицо, а в общении на государственном уровне. Целый ряд других, иногда кажущихся незначительными, фрагментов текста были созданы в ориентации на эту семантику. Это, например, подробное описание небольшого «происшествия» в немецкой гостинице: «В Данциге я жила в лучшей гостинице под названием “Россия”, где останавливались все русские и вообще знатные путешественники. Тем более

меня удивило, что в зале висели две картины, изображающие битвы, проигранные русскими войсками; раненые и умирающие на коленах просили пощады у победоносных пруссаков. Я спросила у нашего поверенного в делах, Ребиндера, как он это терпит, но он ответил, что не может вмешиваться в это дело и что граф Алексей Орлов, проезжая через Данциг, останавливался в той же гостинице и сердился при виде этих картин... Я поручила секретарю миссии купить... масляной краски, и после ужина они оба и я, хорошо заперев дверь, перекрасили мундиры на картинах, так что пруссаки, мнимые победители, превратились в русских, а побежденные войска – в пруссаков. ... Не знаю, что подумал хозяин, увидев, что пруссаки вдруг проиграли обе битвы, но я была собой очень довольна»⁵⁸.

Этот фрагмент интересен и по своему содержанию, и тем, что вновь помогает увидеть особое, внутреннее построение текста «Записок» Е.Р. Дашковой с его полунамеками, аллюзиями, недомолвками. Они должны были быть понятными, по всей видимости, только заинтересованному читателю – знатоку русской истории и политики, то есть «ровне» самой мемуаристки – такой же уникальной «русской личности», как и она сама. Интересно, что аналогичным образом строились и «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина – крайне сложный для восприятия и прочтения текст, как показали Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский⁵⁹. Причем, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина – это также «путешествие», как и у княгини, и упоминает он того же графа Г.Г. Орлова, путешествующего по Европе, а за этим упоминанием стоят свои «потаенные» смыслы. Все это дает основания считать, что и в этом случае Екатерина Романовна хотя бы отчасти ориентируется на литературные модели, в том числе – и на текст Н.М. Карамзина с его сложными механизмами реализации скрытой затекстовой семантики.

Что же скрывается в «Записках» Е.Р. Дашковой за приводимым анекдотическим происшествием? Очевидно, что она вновь показывает свою героиню как человека, способного к «переустройству» обстоятельств. К тому же, эта женщина снова выступает в «мужской роли»: она не только действует с мужчинами, перекрашивая ночью картины, но даже и опережает их, неспособных к действию, – и «поверенного в делах», то есть государственного служащего, и графа А.Г. Орлова, который когда-то был одним из самых активных участников дворцового переворота 1762 г.

При всех этих характеристиках выдающейся личности героини княгиня действительно очень мало внимания уделяет женским ее проявлениям. В первой части «Записок» она с большой теплотой пишет о муже и о своей любви к нему, что также должно было подчеркнуть идею состоятельности и самодостаточности моделируемой женской героини. Например: «Я была безутешна, и мысль о разлуке с мужем меня так печалила, что не могла даже наслаждаться его присутствием, пока он был еще со мной, и с грустью думала о горестной разлуке и печальном прощании»⁶⁰. Тем не менее, даже в таких «интимных» фрагментах Е.Р. Дашкова подчеркивает свое «мужество», что также ориентировано на мужское начало. Она пишет, например: «Я привыкла к физическим страданиям, и так как жила вне себя, то есть только для других и любовью к детям, я способна была смеяться и шутить во время сильных приступов боли»⁶¹.

Екатерина Романовна пишет о себе как о достойном человеке, исключившем из своей жизни компонент «личного», «женского» и заполнившем ее эквивалентом «женского» долга – государственным служением, что, несомненно, соотносится с идеей петровского времени, когда «дело» приравнивалось к «благу» государства. Теперь «делом» ее жизни оказывается сохранение «памяти» об «идеальном времени» (иными словами, мифотворчество и сакрализация своего образа и образа Екатерины II), а также стремление выразить себя в «деле» и «слове», что для человека второй половины XVIII в. означало двойную рефлексию над собой и, следовательно, закономерное проявление элементов самосакрализации и мифотворчества в тексте. Текст, таким образом, назначен быть открытым образцом для читателя (неслучайны в «Записках» многократные прямые обращения к читателям), а Я–героиня – идеалом новой личности в пределах концепций новой культуры Просвещения. Причем, как представляется, утопизм, свойственный просветительской идеологии, наложил свой отпечаток на идеальные характеристики героини «Записок» и пространство-время ее бытия: идеальное время – идеальная героиня – идеальные деяния. Все это во многом напоминает основные черты мифолегендарного «златого века» екатерининского царства.

Окончание «Записок» связано уже со временем отставки Е.Р. Дашковой от всех государственных дел после смерти Екатерины Великой и с ее жизнью в селе Троицком Калужской губернии.

Суть этих серьезных перемен княгиня выразила в неявной форме: «Я не знала, впрочем, будет ли мне когда-нибудь разрешено жить в Москве; я и не желала поселиться в ней, в особенности с тех пор как вернулась в Троицкое»⁶². Таким образом, пространство Троицкого знаменует собой новый статус Я–героини и изменение границ пространства ее личностной реализации: она не только удалена от государственных дел, но и из столичных городов, из светского общества, из привычной атмосферы. К тому же теперь героиня живет в ограниченном «деревенском» пространстве, особенно «узком» и статичном в сравнении с совершенным ранее масштабным европейским путешествием. Несомненно, такая резкая перемена поставила перед Дашковой-автором, пишущей автобиографию, сложные дискурсивные задачи. Они были связаны с тем, что основные механизмы автомоделирования, средства и приемы идеализации образа личности, которые использовались в первой части, теперь откровенно не соответствовали положению героини и не помогали реализации общего замысла «Записок».

Княгиня становится частным лицом, живущим на периферии культурной и общественной жизни, а потому во второй части «Записок» на первый план выдвигается иная роль героини, которая оказалась единственной из оставленных ей и, к тому же, социально не ущербной: роль женщины. Она специально отмечает: «Я считала свою общественную деятельность законченной и посвятила себя любви к брату и деревенской жизни не только спокойно, но и радостно»⁶³. Причем, мемуаристка акцентирует внимание на столь значимых характеристиках, как женщина-мать и женщина-наставница. В русской традиции образ матери как наставницы всегда имел самые высокие и сакральные черты, поэтому, как представляется, Е.Р. Дашкова так настойчиво пишет о материнстве и о воспитании детей как об особом и очень значимом теперь для героини способе реализации личностного потенциала. Например: «Я принялась с энергией за свои обязанности матери и наставницы. Мой спокойный и веселый характер приводил в изумление моих друзей и знакомых... Я сама принуждена была подвергать себя всевозможным лишениям, но ничуть этим не тяготилась, так как всей душой была предана материнской любви и обязанностям. Я была всецело поглощена стремлением дать моему сыну лучшее образование и воспитание»⁶⁴.

«Женские» и «материнские» характеристики героини – это только один путь к новым принципам идеализации Я-героини. Более сложным оказывается другой, не всегда очевидный для исследователей жизни и творчества Е.Р. Дашковой. Так, например, принято считать, что, удалившись в имение, Екатерина Романовна без остатка предалась хозяйственным заботам и хлопотам, что она входила в самые мелкие вопросы и проблемы и т.д. Действительно, «Записки» с подробными «хозяйственными» описаниями, казалось бы, дают материал для такого рода выводов. За этими описаниями у талантливой писательницы скрывается свой сложно-устроенный смысл, призванный передать читателю мысль о том, что несмотря на перемены, она осталась прежней, то есть самой собою, что она всегда и во всех обстоятельствах была верна себе, что храня «память» об идеальном времени и идеальной женщине – Екатерине Великой, она остается преданной своей царственной подруге, но теперь она не только равна императрице, но и возвысилась над ней, пройдя путь испытаний и страданий. Почти через десять лет после смерти Екатерины II она пишет о том времени, которое прожила без нее и которое оказалось «несчастливым», по сути, из-за ее прошлой преданности императрице и верности ее памяти – «Я вынесла много несчастий, болезней, жестокое изгнание»⁶⁵.

Как же возникают все эти подспудные идеи в «Записках» Е.Р. Дашковой? В первую очередь, следует обратить внимание на то, что княгиня все более настойчиво пишет о болезнях, смерти, страданиях, которые призваны подчеркнуть, и опять – неявно, то, что она живет теперь именно в состоянии испытаний: «Я думала, что достигла уже всего, и если бы кто-нибудь мог бы тогда предсказать мне **страдания**, ожидавшие меня, я бы положила конец своему существованию: у меня уже появлялось предчувствие, предсказывавшее мне, что **я буду несчастна**»; «Моя жизнь представляла из себя сплошную **борьбу со смертью**. ...я, если господу богу не угодно будет продлить мою жизнь для ниспослания мне новых **несчастий и бедствий**, вследствие состояния моего здоровья, по всей вероятности, не выдержу и двух дней путешествия... Между Троицким и Тверью мы два раза чуть не погибли, а особенно во второй раз»⁶⁶.

Интересно, что сходным образом реализуется аналогичная семантика и в «Своеручных записках» Н.Б. Долгорукой: «Не всегда бывают щасливы благородно рожденные... Божий суд совсем не

сходен с человеческим определением: он по своей власти иную мне жизнь назначил, об которой никогда и никто вздумать не мог... Боже мой, какая буря грозная восстала, со всего свету беды совокупились! Господи, дай сил изъяснить мои беды»⁶⁷.

Во всех своих «несчастиях и бедствиях» героиня Е.Р. Дашковой, тем не менее, активно проявляет те свойства, которыми отличалась и раньше. Ее стремление к созидательной деятельности, организации окружающего пространства, к руководству обстоятельствами, переустройству их, как, например, в случае с перекрашенными картинами, теперь реализуется в том, что княгиня приписывает своей героине откровенные функции Творца и Демиурга. Их семантика при внимательном чтении текста «Записок» оказывается во многом эквивалентной государственной деятельности Петра I и Екатерины II, которые вошли в культурное сознание именно как строители-Демиурги: первый строил «новую Россию», вторая – свою империю и по аналогии с Петром I – свою «Новороссию»⁶⁸. Как представляется, именно по этому образцу и строится описание Е.Р. Дашковой хозяйственной деятельности по организации и строительству собственного и «своего» пространства. Например: «Вернувшись из Круглого в Троицкое, я решила закончить начатые постройки. Четыре дома были достроены, и я еще больше украсила свой сад, так что он стал для меня настоящим раем, и каждое дерево, каждый куст был посажен при мне и в указанном мною месте»; «Наконец на десятый день мы приехали в Троицкое. Прежде всего я отправилась в церковь... Летом я принялась за свои садовые, земледельческие и строительные работы... Я чертила планы предполагаемых построек и плантаций или коротала время за чтением своей библиотеки»⁶⁹ и т.д.

Показательно и строительство церкви, упоминаемое княгиней: «На следующий год я поехала в Белоруссию, чтобы достроить и освятить новую церковь, сооруженную мной на большой площади в Круглом»⁷⁰. Это событие в системе аналогий представляется вполне закономерным и оправданным, поскольку и Петр I, и Екатерина II начинали свое «строительство» с возведения патрональных храмов (соответственно, в Петербурге и Екатеринославе – столице Новороссийской губернии). Увиденный принцип аналогий, сходств или параллелей, по всей видимости, осознанно использован Дашковой-автором, поскольку о параллелях упоминает и она

сама: «Если я проживу еще некоторое время, я запишу разные случаи из царствования Екатерины II, справедливо прозванной Великой, напому все благодетельные начинания этой государыни и проведу параллель между ней и Петром I, которого ошибочно сравнивали с этой гениальной женщиной, стоявшей несравненно выше его и поднявшей Россию на высоту великой державы»⁷¹.

Правда, может показаться, что все это сказано совсем в другой связи, однако текст Е.Р. Дашковой показывает, что случайных оговорок в нем нет. И в данном случае параллели между Петром I и Екатериной II с пользой «гениальной женщины» вполне определенно бросают свой «отсвет» и на другую гениальную женщину – автора «Записок». Тем более что она и свое Троицкое отчасти уравнивает целому государству: «Я... в уединении посвятила себя благу своих крестьян»⁷²; «Троицкое – одно из самых красивых имений в России и за границей. Мне особенно приятно и утешительно было жить в нем, потому что крестьяне мои были счастливы и богаты»⁷³.

Таким образом, во второй части «Записок» происходит замена концепта «жизнь-путь» на концепт «жизнь-строительство». Показательно при этом, что строительство своего дома и сада-рая соотносится с отсутствием дома в первой части «Записок». Там Екатерина Романовна упомянула случай с арендой: «Покажется, пожалуй, странным, что у княгини Е.Р. Дашковой не было собственного дома и что она вынуждена была нанять дом своего протеже, который получил его от щедрот императрицы»⁷⁴. Интересно, что и в этом случае читатель встречается со сложным в смысловом отношении построением фразы. Вскользь упомянутое отсутствие дома в период успехов и государственного служения оказывается в перспективе синтагматики текста очень важным. Во второй части отсутствие с лихвой компенсируется не только наличием дома, но и собственноручным его строительством и перестройкой. Так Екатерина Романовна пытается избежать впечатления ущербности героини, которая, как оказывается, ничего не потеряла, не утратила или вместо утраты обрела нечто новое – «Мое уединение стало для меня раем»⁷⁵. Важно к тому же, что прежний, даже арендованный дом в конечном итоге принадлежал Екатерине II – ее подруге и одновременно лидирующей покровительнице. Теперь героиня Е.Р. Дашковой имеет свой дом и не нуждается в покровительнице: отныне она является «собственным архитектором, садовником и управляю-

щим»⁷⁶, и, храня «память» об идеальной императрице, может мыслить себя еще более идеальной, чем она.

Особенно важным в такой концептуализации идеальности оказывается образ сада, постоянно присутствующий на страницах второй части «Записок». Утопическое значение «сада» отмечают многие исследователи: «XVIII век как век распада средневековой культуры демонстрирует выход утопии за пределы компенсаторных, то есть праздничных форм в саму реальность. Поэтому многие явления реальной истории (город, архитектура, разбивка садов и парков) приобретают символические значения. За ними угадываются утопические смыслы. При этом в императорской России и город, и архитектура, и любовь к садам, и ярмарки, и пиры, и праздники не просто наделены утопическими значениями. Эти последние пронизывают идеологию утопическими значениями. Во власти утопии находятся прежде всего самые значительные лица государства. Например, пытаясь подражать Западу, Екатерина II проявляла особую заботу о «среднем роде людей», то есть проживающем в городах торгово-промышленном слое населения... Несмотря на вполне материальные формы градостроительства, в этой его жажде очевидно проявление архаической ментальности. По сути дела, сознанием градостроителей владеет архетип преобразования земли в сакральное пространство»⁷⁷.

Поскольку сад оказывается настоящим раем, то и пространство всего бытия героини наделяется теми же чертами. Ведь «сад» традиционно расшифровывается как «символ жизни человека» и идеальный текст. По словам Д.С. Лихачева, «Сад – это подобие Вселенной, книга, по которой можно прочесть Вселенную. Вместе с тем сад – аналог Библии, ибо и сама Вселенная – это как бы материализованная Библия. Вселенная своего рода текст, по которому читается божественная воля. Но сад – книга особая: она отражает мир только в его идеальной сущности... Поэтому высшее значение сада – рай, Эдем»⁷⁸.

Именно в этой семантике сад присутствует в «Записках» Е.Р. Дашковой. Например: «Я еще больше украсила свой сад, так что он стал для меня настоящим раем»⁷⁹, причем садовые работы, которыми так занята героиня «Записок», во многом уподобляются строительству вселенной и даже шестидневному творению мира, поскольку в описании сада часто присутствует цифра «шесть»: «На

следующий год мой брат приехал в Троицкое и остался в восторге от моего сада и различных плантаций и построек, произведенных мной, и когда я осенью приехала к нему в имение, он уполномочил меня изменить план его сада и продолжить плантации и дорожки, которые я наметила во время моего первого шестидневного пребывания»; «этот дом... очень любила, потому что он был окружен садом, который, благодаря моим заботам в течение тридцати лет, достиг совершенства; даже зимой он содержался в величайшей чистоте и порядке, дорожки были расчищены и посыпаны песком, так что я могла гулять в нем и в зимнее время»; «На возвратном пути я прожила шесть недель у брата. У него в саду я посадила много деревьев и кустов, выкопала те, которые были посажены безвкусно, образуя ломаную линию, и в общем мне удалось украсить его сад»⁸⁰.

Мотив «сада», тесно связанный с обретением «своего» пространства, представлен и в других женских автобиографических текстах, например, в «Воспоминаниях» А.Е. Лабзиной, однако при всем сходстве мотивных комплексов важно, что героиня А.Е. Лабзиной так и не обрела дома и сада, они не стали ее собственными, поскольку в ее мемуарах героиня все время пребывает в пути-испытании. Тем не менее, приведем цитату, которая демонстрирует не только сходство описаний Е.Р. Дашковой и А.Е. Лабзиной, но и то, что семантика образа сада была хорошо знакомой современникам мемуаристок: «Местоположения были живописные: горы, наполненные цветами душистыми и персиками, яблонями, из гор били ключи и меж цветов протекали по долинам... На другой день был дом куплен на мое имя и приказано было ломать и возить бревна, и план был сделан. Я столько была сим тронута, что не было слов... На закладке сам был наш благодетель и велел и сад развесть, и это шло все вместе – и строение дому, и саду. ...первое было мое чувство – идти в комнаты и упасть перед распятием и благодарить»⁸¹.

Образно-речевой потенциал идеализации Я–героини во второй части «Записок», очевидно, становится иным. Невозможные теперь ориентации на философско-политический дискурс Просвещения сменяются обращением к традиционным способам сакрализации «женской» личности. Именно в этой части текста более явно проявляется связь с житийными образами и концептами. Например: «Меня поддерживали сознание моей невинности, чистота совести и какая-то душевная гордость, придававшая мне силы и мужество,

неожиданные для меня самой и являющиеся загадкой для меня, которую я могу разрешить только приписывая их смирению, присутствующему каждому благоразумному человеку... время шло мирно и тихо в безропотной покорности воли божией. Мое спокойствие внушало и моим спутницам мужество и терпение»⁸².

Е.Р. Дашкова с заметной частотой актуализирует элементы, связанные уже не опосредованно (например, через соотношение механизмов новой культуры и культуры традиционной), а непосредственно с церковнославянской книжностью. Можно здесь обратить внимание не только на слова-концепты из выше процитированных отрывков, но и такие концепты, как «строительство» («возделывание», «планирование») и «письмо» («чтение», «книга») которые соединяются общим представлением о функциях Творца (в рамках идеологемы «со/творения»). Вновь актуальным и в этом случае становится образ «сада»: по словам Д.С. Лихачева, «Сад можно и должно “читать”, и поэтому главное в саду – чтение книг»⁸³. Симптоматично, что еще в самом начале текста упоминается особая любовь к книгам и чтению: «О моей любви к чтению... Никогда драгоценное ожерелье не доставляло мне больше наслаждения, чем эти книги; все мои карманные деньги уходили на покупку книг»⁸⁴. Во второй части *Я*-героиней уже осознается связь «книги» и «сада», поэтому рассказы о саде часто сменяются повествованием о книгах и библиотеке:

«В дождливые дни, когда приходилось сидеть дома, я... коротала время за чтением книг из своей библиотеки. Мне хотелось приобрести новые иностранные книги, и... я написала об этом моим друзьям»⁸⁵.

«Слово», «книга», «чтение» наделяются сакральными свойствами, а потому и их обладатель способен, по словам *Я*-героини, «своими беседами, совместным чтением, кротостью и приветливостью» внести «в мою жизнь тихие радости»⁸⁶.

Одновременно творение сада у Е.Р. Дашковой эквивалентно и творению «текста»: в «Записках» *Я*-героиня располагается в центре и творимого сада-рая, и творимого текста, и собственной истории, которую данный текст буквально творит. Если с «садом» и его текстом теснейшим образом связаны «слово» и «книга», то создатель сада уподобляется создателю вселенной, имеющему право на Слово, на «письмо». Отсюда вытекает значимость концепта «пись-

мо», также актуализированного у княгини. Неслучайно в оформлении внешних границ текста «Записок» автор задействует отдельно вынесенные комментарии к произведению и многочисленные случаи рефлексии над «словом» вообще и своим «словом» в частности. В одной плоскости располагаются «строительство сада» и «письмо», чему находятся основания в культурном тождестве этих знаков. «Письму» в тексте отводится ведущая роль: оно наделяется свойствами «правдивости, искренности» и, что самое важное, «действенности». Например: «Я вложила в пакет письмо на имя государя; могу сказать, что оно было очень гордое и не заключало в себе униженных просьб. Я писала... что мне не стоило его писать... но что мои религиозные принципы и чувство сострадания не позволяли мне равнодушно смотреть на мучения людей»⁸⁷.

«Сад» и «слово» приобретают особое значение в тексте в связи с очевидной усиливающейся ориентацией на житийный канон. В самом конце произведения героиня представляет собой героиню жития, обладающую всеми житийными качествами. Она наделяется такими атрибутами и предикатами, как «смирная», «радостная», «мужественная», «уединенная», «претерпевающая лишения» или, например – «женщина, нуждавшаяся в смягчении ее жгучего горя и приветствовавшая окончание каждого дня как облегчение тяжелого и горестного бремени, которое судьбе угодно было наложить на ее печальную жизнь»⁸⁸. Через механизм отождествления себя с агиографическим образом героиня «Записок» приобретает сакральные функции. Именно поэтому она является и строителем, и архитектором, и садовником, и управляющим, с помощью таких номинаций усваивая сакральные свойства. Формульно-житийным оказывается и заключение «Записок»: «В заключении я могу сказать со спокойной совестью, что сделала все добро, какое было в моей власти, и никогда никому не делала зла; я отомстила забвением и презрением за несправедливости... со своим чистым сердцем и честными намерениями я вынесла много жгучего горя... я без страха и тревоги, бестрепетно и спокойно смотрю в глаза приближающейся смерти»⁸⁹.

Этот фрагмент текста подытоживает своеобразные образно-речевой строй «Записок» Е.Р. Дашковой и завершает ее религиозно-философский утопический дискурс. Показательно в этом плане и то, что в приведенной цитате соединяются два семантических ряда

повествования: здесь Я–героиня во многом уподоблена святой и одновременно характеризуется через просветительский «язык» («спокойная совесть», «честные намерения»). Также княгиня использует такие образы, которые могут быть поняты в двойной перспективе: например, «делать добро» – одинаково релевантное для религиозной традиции и для просветительского дискурса действие; или определение «чистое сердце»: оно часто встречается в религиозно-учительных текстах, но использовалось и в светском дискурсе. Наиболее интересная в этом случае связь исповедального текста Е.Р. Дашковой с произведением уже упоминавшегося и хорошо ей знакомого произведения Д.И. Фонвизина – «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (1791).

Таким образом, в тексте создается образ героини, одновременно существующей в двух традициях: в традиции нового времени и в традиции средневековой культуры, когда героиня совмещает в себе образец «светского» и «житийного». Благодаря использованию этого механизма, автор достигает того, что личность героини не только становится идеальной и сакральной в тексте «Записок», но в первую очередь представляет собой модель универсальной женской личности. Универсализм этот проявляется на уровне воплощения в одной женской личности двух начал (мужского и женского), двух культурных моделей (просветительской модели нового времени и житийной модели средневековья) и на уровне присвоения личностью функций Творца и Демиурга.

При этом в ориентации на дискурсивные потенциалы русской традиции моделируемая женская личность оказывается в «Записках» именно «русской личностью», над чертами и характеристиками которой так много думали современники Е.Р. Дашковой и одновременно творили ее, воплощали в самих себе. Примером тому могут быть яркие и феноменальные судьбы и тексты Н.И. Новикова, А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина, Г.Р. Державина. Не случайно свою книгу о Н.М. Карамзине Ю.М. Лотман назвал «Сотворение Карамзина» и рассмотрел в ней не только творчество писателя, но и сложный процесс сотворения им собственной личности. Такому же «сотворению», как представляется, посвятила свой труд по созданию «Записок» княгини, который одновременно оказался актом «сотворчества» с нравственно-философскими и этическими исканиями ее великих современников. Потому с полным правом можно ска-

зать, что Екатерина Романовна создала «памятник» русской личности «безумного и мудрого», по словам А.Н. Радищева, «осмнадцатого столетия».

-
- ¹ Сухомлинов М.И. История Российской Академии. Вып. 1. СПб., 1874. С. 1; 37
- ² Подробнее об академической деятельности Е.Р. Дашковой см.: Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1979. С. 71–104; Коломинов В.В., Файнштейн М.Ш. Храм муз словесных (Из истории Российской Академии). Л., 1986. С. 11–22.
- ³ «Записки» Е.Р. Дашковой цитируются по изданию: Дашкова Е.Р. Записки: 1743–1810. Калининград, 2001. С. 6.
- ⁴ Гиллельсон М.И. Пушкин и «Записки» Дашковой // Прометей. 1974. Т. X. М., 1974. С. 137–144.
- ⁵ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 5–6.
- ⁶ См., например: Моисеева Г.Н. О «Записках» Е. Р. Дашковой // Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 470.
- ⁷ Чайковская О. «И в прозе глас слышен соловьян...» (Заметки о документальной литературе XVIII века) // Вопросы литературы. 1980. № 11. С. 211.
- ⁸ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 6–7.
- ⁹ Радищев А.Н. Сочинения. М., 1998. С. 93.
- ¹⁰ Елизаветина Г.Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм: Проза. М., 1982. С. 241.
- ¹¹ Билинкис М.Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб., 1995. С. 50
- ¹² Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 208.
- ¹³ Круглов В.М. Из истории морально-этической лексики: Благородная гордость // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории»: Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 76–77.
- ¹⁴ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 5.
- ¹⁵ Успенский Б.А. Historia sub specie semioticae // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 286–291.
- ¹⁶ Огарков В.В. Е. Р. Дашкова: Ее жизнь и общественная деятельность: биографический очерк. СПб., 1893. С. 6–7.
- ¹⁷ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 6.
- ¹⁸ Там же. С. 6.
- ¹⁹ Там же. С. 7.

- ²⁰ Там же. С. 7.
- ²¹ Там же. С. 8.
- ²² Там же. С. 8.
- ²³ Там же. С. 8.
- ²⁴ Там же. С. 10.
- ²⁵ Там же. С. 8.
- ²⁶ Там же. С. 14.
- ²⁷ Там же. С. 344.
- ²⁸ *Радищев А.Н.* Указ. соч. С. 53–54.
- ²⁹ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 13–14.
- ³⁰ См. об этом: *Елизаветина Г.Г.* Указ. соч. С. 242.
- ³¹ Подробнее об этом см.: *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- ³² Например, в трактате М.В. Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке» (1747).
- ³³ Подробнее об этом см.: *Гончарова О.М.* Власть традиции и «Новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века. СПб., 2004.; *Зорин А.Л.* Русская ода конца 1760-х – начала 1770-х годов, Вольтер и «греческий проект» Екатерины II // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 5–29; *Проскурина В.Ю.* Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.
- ³⁴ *Лабзина А.Е.* Воспоминания. Описание жизни одной благородной женщины // История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 18.
- ³⁵ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 6.
- ³⁶ *Фонвизин Д.И.* Недоросль // Он же. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1959. С. 129.
- ³⁷ *Гончарова О.М.* Указ. соч. С. 134–160.
- ³⁸ *Тихон Задонский.* Сокровище духовное, от мира собираемое. М., 2000. С. 860.
- ³⁹ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 5.
- ⁴⁰ Там же. С. 18.
- ⁴¹ *Исупов К.Г.* Диалог столиц в историческом движении // Москва – Петербург: Pro et contra. СПб., 2000. С. 6–78.
- ⁴² См. об этом: *Гончарова О.М.* Указ. соч. С. 134–160.
- ⁴³ *Головина В.Н.* Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной // История жизни благородной женщины. С. 135–136.

- ⁴⁴ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 36,62.
- ⁴⁵ Там же. С. 92.
- ⁴⁶ Там же. С. 214–218.
- ⁴⁷ Там же. С. 14.
- ⁴⁸ Там же. С. 80.
- ⁴⁹ Цит. по: *Исключь С.Н.* Роковые годы России: Год 1762: документальная хроника. СПб., 2001. С. 184.
- ⁵⁰ *Глинка С.Н.* Записки // «Золотой век» Екатерины Великой: воспоминания. М., 1996. С. 24.
- ⁵¹ См., например: *Сафонов М.М.* Екатерина Малая и ее «Записки» // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 13–22.; *Нивьер А.* Дашкова и французские философы Просвещения Вольтер и Дидро // Там же. С. 40–54; *Чекунова А.Е.* Дашкова в оценке современников и потомков // Там же. С. 55–63.
- ⁵² Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 14, 35, 101, 153, 351.
- ⁵³ Там же. С. 361.
- ⁵⁴ Там же. С. 158, 161.
- ⁵⁵ Там же. С. 322–323, 346.
- ⁵⁶ Там же. С. 351.
- ⁵⁷ Там же. С. 61.
- ⁵⁸ Там же. С. 132–133.
- ⁵⁹ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 525–606.
- ⁶⁰ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 21.
- ⁶¹ Там же. С. 173.
- ⁶² Там же. С. 345.
- ⁶³ Там же. С. 315.
- ⁶⁴ Там же. С. 173–174.
- ⁶⁵ Там же. С. 7.
- ⁶⁶ Там же. С. 14, 320, 329.
- ⁶⁷ *Долгорукая Н.Б.* Своеручные записки // История жизни благородной женщины. С. 5.
- ⁶⁸ Подробнее об этом см.: *Гончарова О.М.* «Греческий текст» в русской культуре // Культура и текст. Вып. 1. Литературоведение. Ч. 1. Материалы международной на-

учной конференции. СПб.; Барнаул, 1997. С. 94–100.; *Панченко А.М.* О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 422–424.

⁶⁹ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 316–317, 344–346.

⁷⁰ Там же. С. 357.

⁷¹ Там же. С. 362.

⁷² Там же. С. 7.

⁷³ Там же. С. 317.

⁷⁴ Там же. С. 115.

⁷⁵ Там же. С. 361.

⁷⁶ Там же. С. 360.

⁷⁷ *Хренов Н.А., Соколов К.Б.* Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001. С. 148–149.

⁷⁸ *Лихачев Д.С.* Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей: Сад как текст. СПб., 1991. С. 19

⁷⁹ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 317.

⁸⁰ Там же. С. 315, 345, 350.

⁸¹ *Лабзина А.Е.* Указ. соч. С. 73–75.

⁸² *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 337–339.

⁸³ *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 19.

⁸⁴ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 13.

⁸⁵ Там же. С. 346.

⁸⁶ Там же. С. 361.

⁸⁷ Там же. С. 339.

⁸⁸ Там же. С. 361.

⁸⁹ Там же. С. 362.

«ЗАПИСКИ» Е.Р. ДАШКОВОЙ И ИХ АВТОРЫ

М.М. Сафонов

Глава I. «Жизнь покойной княгини, переписанная рукой аглинки...»

«A life of Sorrow»

4 января 1810 г. в Москве, в доме на Большой Никитской, в приходе Малого Вознесенья, скончалась Екатерина Романовна Дашкова. «Тетушка занемогла 23-го числа декабря, – писал племянник покойной, – у нее сделался большой жар и бред. Доктора полагали, что у нее горячка. На четвертый день жар прошел, но она жаловалась спиной, что доктора приписывали эмороидам. На пятый день боль сия умножилась, и тогда оказался нарыв, который пользовали примочками, предупреждая антонов огонь. На седьмой день один из докторов говорил, что у нее рожа, а другой – что нет, а просто нарыв; когда нарыв сей подошел к самой голове, то, на тринадцатый день болезни ее, она скончалась очень тихо»¹.

Бывший крепостной человек Е.Р. Дашковой Венедикт Малышев проводил гроб из Москвы в Троицкое. Как того и хотела княгиня, ее похоронили в каменной церкви Пресвятой Троицы. Гроб опустили под пол в левом зимнем пределе у боковой стены².

В бумагах усопшей ее душеприказчики, действительный камергер П.Л. Санти и Ю.А. Нелединский, поэт, тайный советник, сенатор, обнаружили прелюбопытнейшую рукопись. Это была «жизнь покойной княгини, переписанная рукой аглинки, miss Wilmot, и пополненная в некоторых местах» рукой самой Екатерины Романовны. Ю.А. Нелединский взял рукопись к себе и, несмотря на просьбы П.Л. Санти, продержал ее около двух лет – настолько она оказалась интересной. Видимо, зачитался³. Между бывшими душеприказчиками возникла перепалка по этому поводу. Пока они препирались, «агличка», то есть англичанка, Марта Вильмот, рукой которой была написана автобиография княгини, находилась в Великобритании и готовила свой экземпляр рукописи к печати.

Племянница усопшей А.П. Исленева укрепила на стене Троицкой церкви табличку: «Здесь покоятся тленные останки княгини Екатерины Романовны Дашковой, урожденной графини Воронцовой, штатс-дамы, ордена святой Екатерины кавалера, императорской Академии президента, разных иностранных Академий и Российских всех ученых обществ члена. Родилась 1743 года марта 17, скончалась 1810 января 4»⁴.

Марта Вильмот собиралась воздвигнуть своей «русской матери» нерукотворный памятник величественнее и грандиознее, чем тот, что поставили родственники. Этим памятником должна была стать публикация «Memoirs of the Princess Daschkaw, Lady of Honour to Catherine II, Empress of all the Russias: Written by Herself».

А.П. Исленева не сочла лишним упомянуть о том, кто установил надгробную плиту. Так же поступила и М. Вильмот. Все должны были знать, кто воздвиг памятник Е.Р. Дашковой, который «прах переживет и тленья убежит». Расчет был верен. Могильная плита затерялась, монумент же М. Вильмот, на котором ее имя стоит рядом с именем Екатерины Романовны, ни один раз воспроизводили типографии Лондона, Парижа, Гамбурга, Штутгарта, Петербурга и Москвы. И будут делать это впредь, «доколь в подлунном мире, жив будет хоть один пиит». Столько же раз был и воспроизведен миф Е.Р. Дашковой, созданной ее «приемной дочерью».

Когда А.П. Исленева сочиняла текст надгробной надписи, она не очень четко знала, кем в действительности была ее тетушка, президентом или директором императорской академии, но она была уверена: ничто лучше ни характеризует усопшую кавалерственную статс-даму, как-то, что она была членом «Российских всех ученых обществ» и «разных иностранных Академий». Для М. Вильмот же жизненный путь Е.Р. Дашковой – это прежде всего жизнь «статс-дамы Екатерины II, императрицы всероссийской», а то, что придворная особа состояла также членом научных обществ, российских и «разных иностранных», возглавляла две академии – лишь эпизод ее придворной карьеры.

Что же представляла собой эта жизнь?

Марта определила ее так: «a life of sorrow», то есть «жизнь, полную печали, горя, скорби», но это еще не все. Жизнь эта, оказывается, была еще трагичнее от того, что остроту душевных потрясений не могли притупить ни гордость, ни сила духа, и княгиня была

вынуждена тратить много сил, чтобы скрыть от всех страдания своего сердца. Но ничто так не противоречило ее натуре и ни было так несовместимо с ней, как необходимость скрывать свои истинные чувства и стараться быть не тем, кем она была на самом деле. Вот эта постоянная необходимость казаться, а не быть, превратила Екатерину Романовну в мученицу, потому что невозможность быть всегда самой собой, представляло для нее настоящее мучение.

Итак, получалось, что на людях Е.Р. Дашкова была одной, но в действительности-то ее настоящую почти никто не знал, потому что на самом деле, она была совсем другим человеком.

Какой же она была на самом деле? Для того чтобы узнать это, нужно прочитать ее записки. Таково было интригующее начало этого сочинения. Правда, у того, кто хорошо знал княгиню, такой пассаж мог вызвать неподдельное удивление. В памяти современников она осталась человеком, который поражал всех своей прямой, естественностью, почти шокирующей прямоотой: «резала правду, как хлеб»; на лице ее всегда отражалось то, что она думала, природа отказала ей в искусстве притворяться. Да и сами «Записки» содержали много таких свидетельств, которые находились в вопиющем противоречии с этим заявлением М. Вильмот⁵.

Другая причина, по которой, по словам Марты, в обществе сохранилось неверное представление о Е.Р. Дашковой, носила политический характер. Французские публицисты в своих памфлетах, направленных против Екатерины II, не пожалели красок, чтобы очернить ее статс-даму. Под их пером княгиня предстала женщиной, наделенной пороками, которых у нее в действительности не было. Памфлетисты изобразили ее грубой развратницей, женщиной самог преступного честолюбия⁶.

Итак, жизнь Е.Р. Дашковой – это «a life of sorrow», то есть история, причиняющая боль, мучительная. «Горести, терзающие мое сердце, – говорится в заключительных пассажах этого сочинения, – делали жизнь тягостной. Они были такого свойства, что я сама хотела скрыть это в своей душе, и не стану рассказывать о них тем, кто будет читать мои записки»⁷.

В самом деле, тема страдания является лейтмотивом «Mon Histoire».

«Записки» охватывают шестьдесят лет жизни княгини: с момента рождения до 1803 г., то есть до приезда в Троицкое «ангела-

утешителя» М. Вильмот. До этого радостного события Екатерина Романовна, если верить рассказчице, постоянно мучительно страдала. Страдать Е.Р. Дашкова начала еще в детстве. Причина этих страданий не совсем ясно обрисована в «Записках», но все же чувствуется, что это страдания одиночества. Автор сообщает, что с детства «хотела быть любимой и интересной тем, кого она любила», но в тринадцать лет она поняла, что не может добиться этого, и почувствовала себя «un être isolé», то есть существом совершенно одиноким. Случайность сделала Екатерину Романовну именно тем, кем она стала. Девочка заболела корью, и ее отправили в деревню. Здесь она ощутила одиночество в полной мере. При ней была немка и жена какого-то майора, горничные. «Но этого было недостаточно для моей чувствительности и моего любящего сердца», потому, что счастье Е.Р. Дашкова представляла себе только так: быть счастливым – значит быть окруженным нежными родственниками и друзьями.

Глубокая меланхолия, размышления над собой и окружающими ее нелюбимыми людьми резко изменили характер девочки-подростка. Она стала задумчивой и пристрастилась к серьезному чтению. Именно тогда девочка сумела убедить себя в том, что время может не быть тягостным для человека одинокого, надо только воспользоваться всеми возможностями, которые дают мужество, стойкость, согласие с самим собой. Рядом не было ни одного человека, который своей нежностью мог бы смягчить страдание сердца, оскорбленного равнодушием. Только музыка и чтение, которым девочка-сирота при живом отце предавалась в одиночестве, приносили спокойствие и довольство. Музыка отвлекала от душевных страданий и расслабляла, давала выход чувствам. По болезненному виду девочки родственники догадались, что с ней происходит что-то неладное. Лейб-медик нашел, что она здорова, но какое-то душевное страдание отражается на ее внешности. На все расспросы Екатерина Романовна не сказала ни слова правды, а если бы сказала, то ей пришлось бы нарисовать довольно неясный портрет. По ее словам это была смесь «гордости, уязвленной чувствительности и решимости быть всецело такой, какой она могла быть сама по себе, то есть без всякой посторонней помощи, без кого-либо, и предположения, что можно довольствоваться самим собой»⁸. Другими словами, девочка хотела себя убедить в том, что можно быть счастливой самой по себе и никто больше не нужен, но это оставалось тайной. Она

отговорилась расстроеными нервами и головными болями. В то же время ее состояние передано такими словами: «Я не знала, что когда-нибудь смогу обрести мужество, напротив, я полагала чувствительность и раздражительность нервов сделают мою жизнь настолько печальной, что я согнусь под тяжестью грустных ощущений, обиженного самолюбия, щемящей тоски любящего сердца». Юная Екатерина Воронцова была уверена, что уже в то время она была тем, кем ей предстояло быть всю последующую жизнь. Если кто-либо сказал бы ей тогда, что ей предстоит вынести, она бы «положила конец своему существованию», ибо у нее уже появилось предчувствие того, что она будет несчастна⁹.

Девочка стала задумчивой и пристрастилась к серьезному чтению.

Зимой 1759 г. произошло событие, которое оказало огромное влияние на всю последующую жизнь Екатерины Романовны и вознесло ее впоследствии на такой пьедестал, о котором она и мечтать не могла. Страсть к чтению и серьезным занятиям обратила на нее внимание великой княгини Екатерины Алексеевны, жены наследника. Та могла расположить к себе кого угодно, если этого хотела, покорить же такое наивное существо, жаждущее внимания и ласки, каким была Екатерина Воронцова в свои неполных пятнадцать лет, великой княгине не представляло большого труда. Девушка немедленно увидела в Екатерине Алексеевне существо высшего порядка и «навсегда отдала ей свое сердце».

Именно великая княгиня должна была дать Екатерине Романовне то, чего не могли и не хотели дать ей ее равнодушные родственники. Пятилетняя супружеская жизнь с Михаилом Ивановичем Дашковым, а также рождение детей не изменили мироощущения Е.Р. Дашковой. Несмотря на «ребяческую», по словам княгини, привязанность к мужу, подлинным кумиром ее стала Екатерина Алексеевна, «потом справедливо названная Великой». Избегавшая светского общения Е.Р. Дашкова, предпочитавшая затворническую жизнь, наслаждалась обществом великой княгини. «Там господствовали ум, тонкий вкус и приличия». Великая княгиня представлялась ей женщиной, «столь выдающейся по уму, по знаниям, по величию и смелости мыслей». По словам Екатерины Романовны, между ней и женой наследника установилась переписка и «возникло доверие, составляющее счастье моей жизни; я была так привяза-

на к великой княгине, что, за исключением мужа, пожертвовала бы ей всем»¹⁰. Действительно, когда в связи со смертью императрицы Елизаветы, Екатерине Алексеевне, как жене нового императора Петра III, стала угрожать опасность, Е.Р. Дашкова сразу же по своей инициативе, не советуясь с мужем, предложила Екатерине Алексеевне свою помощь. Княгиня опрометчиво заявила, что «не уступит в рвении к жертвам, которые готова принести» ради нее. По какому-то наитию Е.Р. Дашкова была уверена, что Петр III будет свергнут с престола, и твердо решила принять в этом участие. Едва ли не главной побудительной причиной к этому явилось желание спасти и возвеличить Екатерину Алексеевну, составлявшую счастье жизни княгини. Ради этого Екатерина Романовна была готова даже переносить разлуку с мужем, одна мысль об отъезде которого еще недавно казалась ей невыносимой. Теперь же Е.Р. Дашкова решила, что лучше отправить мужа за границу, чтобы в случае неудачи не подвергать его опасности. Эти планы настолько захватили Екатерину Романовну, что она потеряла сон, худела и временами ощущала упадок сил, но в то же время планы, возникшие в голове княгини и тут же отвергаемые, спасали ее от болезни и давали силы перенести горечь разлуки с обожаемым мужем. Определенно, Е.Р. Дашкова, уже несколько лет убежденная, что только она сама устроит свое счастье, мучительно раздумывала, как этого добиться. Она установила контакты с теми, кто желал низвержения Петра III, но никакого определенного плана выработано не было. Заговор оказался накануне раскрытия. Это заставило заговорщиков и прежде всего саму Е.Р. Дашкову действовать решительно. Она настояла на том, чтобы Алексей Орлов привез Екатерину Алексеевну из Петергофа в Петербург и в Измайловском полку провозгласил императрицей.

Когда самое трудное и самое важное было совершено руками братьев Орловых, княгиня появилась перед Зимним дворцом и приняла участие в походе на Петергоф, где Петр III был низложен и арестован. Буквально через несколько часов после переворота произошла первая размолвка с императрицей. В Петергофском дворце во время ужина на трех кувертах Е.Р. Дашкова поняла, что у нее есть опаснейший соперник – Григорий Орлов, фаворит Екатерины Алексеевны. Недовольство и грустный вид княгиня не умела скрыть. Она была в отчаянии от мысли, что императрица не сможет утаить от публики свою связь с Г.Г. Орловым. Екатерина Романовна тут же

продемонстрировала, что она совсем не обладает качествами придворного: все ее чувства и мысли отражались на лице. К исходу дня Е.Р. Дашкова поняла, что Григорий Орлов был ее врагом. Вечером княгиня испытала такое возбуждение в крови, что не могла спать. Стоило ей задремать, как ноги и руки начинали сотрясать судороги. Переживания первых дней после переворота оказались столь сильны, что только кровопускания и возвращение мужа успокоили нервы и кровь Екатерины Романовны¹¹.

В «Записках» подробнейшим образом описана вторая пустяшная ссора, которую устроила императрица. При этом описание введено следующим пассажем: «Я не хочу ничего исказить в этом сочинении; я расскажу о небольших размолвках, которые у нас были с императрицей, ничего не скрывая; будет видно, что я никогда не впадала в немилость, как утверждают некоторые писатели, и что, если она не сделала для меня большего, то потому, что знала: корысть не владела моей душой». Далее автор пишет: «Без ложной скромности, я обнажу посреди дворца свое сердце, столь наивное и простодушное, что я простила моим врагам, так же и неблагодарным, я не буду говорить о том, что я делала, но о том, что мои всесильные враги сделали, обладая искусством обращать против меня тех, кому я оказала немаловажные услуги, и, несмотря на это, последующие за тем 42 года я делала все добро, какое было в моих силах, часто стесняя себя в денежных средствах, весьма посредственных».

Суть же эпизода заключалась в том, что Е.Р. Дашкова, покровительствуя сослуживцу мужа Михаилу Пушкину, передала ему мнение императрицы о нем, М. Пушкин же пересказал все Григорию Орлову. Тот, желая повредить княгине, сообщил Екатерине II об этом эпизоде, и государыня стала упрекать Е.Р. Дашкову за то, что она заставляла «волноваться ее подданных, внушая им, будто она о них скверного мнения». Объяснение, во времени которого Екатерина Романовна с большим трудом сдержала горячность, отстаивая свою правоту, очень огорчило ее. В мае 1763 г., когда в Москве был раскрыт заговор Ф.А. Хитрово, пытавшегося вместе с другими бывшими заговорщиками помешать браку Екатерины II и Г.Г. Орлова, императрица прислала мужу Е.Р. Дашковой записку, чтобы он повлиял на жену так, чтобы она не забывалась. До императрицы дошли слухи о том, что княгиня осмелилась ей угрожать. Все это были происки Орловых, как и попытка замешать Е.Р. Даш-

кову в дело В.Я. Мировича, пытавшегося посадить на престол Ивана Антоновича – ведь сама Екатерина Романовна не давала никаких поводов подозревать ее в соучастии. Эта попытка причинила ей огорчения и подвергла ее «новым несправедливостям». По словам автора, главная причина всех этих инсинуаций была такова: «Мои принципы не разделяли, а неприятности и огорчения являются неизбежным следствием высокого положения при дворе. Я сделала слишком много для императрицы и вопреки собственным интересам, чтобы не подвергнуться нападкам злобы и клеветы». Е.Р. Дашкова сокрушалась, что императрицу довели до того, что она стала подозревать даже «самых больших патриотов»¹².

Когда в 1772 г. Г.Г. Орлов перестал быть фаворитом, у княгини «появилась надежда на лучшее будущее»¹³. Императрица стала принимать Е.Р. Дашкову милостиво, пожаловала ей шестьдесят тысяч рублей на покупку земли. «Возможно, либо ей прежде не было известно, что кроме болота под Петербургом и деревянного дома в Москве, – говорится в “Записках”, – у меня не было никакой собственности, либо, когда она больше не находилась под влиянием Орлова, ей захотелось увеличить мое состояние. Я была крайне удивлена этим поступком, который вовсе не походил на обращение императрицы со мною в течение десяти лет, прошедших со времени ее восшествия на престол».

Настоящая полоса удач началась у Е.Р. Дашковой только десять лет спустя, в начале 1780-х гг. Сын княгини был зачислен в гвардию и стал адъютантом Г.А. Потемкина, племянницу сделали фрейлиной, а сама Екатерина Романовна поставлена во главе двух академий. Ей было разрешено обедать во дворце, посещать маленькое интимное общество императрицы в Эрмитаже. Екатерина II подарила ей свой мраморный бюст, имение в Белоруссии и две тысячи крестьян, предложила купить дом в Петербурге, оплатить долги, меблировать дом в Москве. Рассказывая об этих пожалованиях, автор «Записок» замечает: «Я привожу эти анекдотические случаи, дабы показать, что то, чем меня щедро наделяли, могло вызвать зависть, но не имело реальной ценности; все это создавало врагов при дворе, хотя мое состояние всегда оставалось ниже среднего»¹⁴. При этом Е.Р. Дашкова проявляла чудеса бескорыстия, отказывалась от выгодных предложений, берегла средства казны, старалась вопреки собственным интересам устроить жизнь своей племянницы. Прин-

ципов княгини окружающие не понимали, и было очень мало людей, которые могли бы оценить их по достоинству. Это не смущало Екатерину Романовну. В таких случаях она всегда рассказывала историю про немецкого барона, который имел страсть говорить по-французски, но его никто не мог понять. На это барон отвечал: «Что мне с того? Я-то сам себя хорошо понимаю»¹⁵. Ни раз и ни два Е.Р. Дашкова благодаря своему бескорыстию, оставалась в дураках, но она твердо решила молчать в таких случаях. Особенной ненавистью к княгине отличались фавориты Екатерины II: А.Д. Ланской, М.А. Мамонов, П.А. Зубов. Последний пытался обратить гнев императрицы из-за публикации «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева против брата Екатерины Романовны А.Р. Воронцова и совокупно с генерал-прокурором вынудил-таки его покинуть службу и уехать в свою деревню «Я ощущала себя, – пишет автор “Записок”, – одинокой в этой среде, которая стала для меня еще более отвратительной»¹⁶.

Именно недоброжелатели Е.Р. Дашковой явились причиной последней размолвки с Екатериной II. После того, как княгиня, будучи совершенно уверена в политической благонадежности трагедии Я.Б. Княжнина «Вадим Новгородский», приказала ее напечатать за счет академии, П.А. Зубов сумел ловко использовать эту ситуацию, чтобы повредить Екатерине Романовне. «Кто бы мог подумать, к каким нелепостям это приведет и по каким каналам!»¹⁷.

Фаворит и его приспешники сумели «заставить императрицу невзлюбить эту благонамеренную пьесу». Екатерина II даже смогла допустить мысль о том, что Е.Р. Дашкова распространяет сочинения, очерняющие ее. Императрица прямо обвинила в этом Екатерину Романовну, но княгиня была уверена, что государыне внушили эти мысли. Е.Р. Дашковой удалось смягчить ситуацию так, что инцидент не привел к разрыву с императрицей, но княгиня сама захотела уединиться в деревенской глуши и «обрести спокойствие духа». Она продала свой петербургский дом, в полном одиночестве поселилась в огромном доме своего отца и казалась «принцессой, зарочкованной злым гением, не дававшим возможности вырваться оттуда»¹⁸. Наконец ей удалось уладить дело с долгами дочери, и она собиралась покинуть Петербург, но и здесь П.А. Зубов испортил последнее в жизни свидание с императрицей. За несколько минут до аудиенции в Таврическом дворце фаворит подсунул Екатерине II

счет портного Щербининых и ловко вызвал гнев императрицы, так как Е.Р. Дашкова обещала не уезжать, не оплатив долги дочери. Поскольку это был счет портного мужа Анастасии Михайловны, и следовательно, княгиня не несла за него ответственности, этот инцидент очень огорчил Екатерину Романовну. Она уезжала из столицы, испытывая смешанные чувства к императрице. «Я горячо любила ее еще в то время, – говорится в “Записках”, когда она не была императрицей, и когда я могла оказывать ей услуги более существенные, чем она мне; стало быть мои чувства к ней были бескорыстны. Несмотря на то, что она не всегда относилась ко мне так, как ум и сердце ей подсказывали, я не переставала любить ее; мне доставляло удовольствие любоваться ею всякий раз, когда она давала к тому повод. Я ставила ее много выше всех самых прославленных государей, занимавших русский престол»¹⁹.

Е.Р. Дашкова покидала столицу в неприятном психологическом состоянии: ее отношение к Екатерине II не могло измениться к худшему. С другой стороны она чувствовала себя правой, несправедливо обиженной. «Если некоторые успехи, особенно в управлении обеими Академиями, не вскружили мне голову, так покажется ли странным, что я устояла перед превратностями и ударами судьбы, выпавшими на мою долю. Я твердо верю, что противостоять несчастью может лишь тот, кто умеет обуздать свое честолюбие или самолюбие. Свою общественную карьеру я считала окончательно законченной и посвятила себя братской дружбе и сельской жизни спокойно и с удовольствием, которое только смутные воспоминания о том, как люди, мною любимые и уважаемые, вредили себе в глазах других несправедливостями по отношению ко мне»²⁰.

После смерти Екатерины II княгиня перебирала в памяти свои отношения с ней и пришла к заключению, что «некоторые из фаворитов покойной императрицы ставили целью вывести меня из равновесия и добиться, чтобы по вспыльчивости характера я устроила какую-нибудь сцену, которая поссорила бы меня с ее величеством. Граф Мамонов, более умный, чем его предшественники, был убежден, что не удастся охладить отношение государыни ко мне до такой степени, чтобы она совершила слишком заметную несправедливость, во всяком случае, если я не дам к тому повода. А это, конечно, могло случиться, коль скоро, сердясь на императрицу, я не удержалась бы от свойственной мне горячности, которая неизбежно должна была выз-

вать ее негодование. Мамонов исподтишка вредил мне и моему сыну, чтобы ожесточить меня. Но моя преданность императрице и опыт, подсказывавший мне, что я была помехой для всех фаворитов, помогали отличить в ее поступках то, что исходило от нее самой, от того, что было делом рук этих людей, которых я отнюдь не боготворила, как бы не замечая их могущества, и которым никогда не льстила»²¹.

«A Painful Story»

На протяжении шестидесяти лет, описанных в «Записках», Е.Р. Дашкова двенадцать раз находилась на грани жизни и смерти.

1. В момент подготовки дворцового переворота княгиня, не отличавшаяся крепким здоровьем, заметно похудела и побледнела. Когда же заговорщица провалилась в болото на своей даче по Петергофской дороге, она схватила простуду, которая «чуть не прикончила» ее²².
2. Второй случай, поставивший Екатерину Романовну на край могилы, оказался намного серьезнее. Когда Дашковы получили в Москве записку Екатерины II с явно выраженными угрозами, княгиня пыталась задремать, но пьяные ткачи, возвращавшиеся после оргии у Орловых, своими криками разбудили Е.Р. Дашкову, разрешившуюся накануне от бремени. «Я почувствовала сильные внутренние боли» и судороги в руке и ноге, – рассказывает в «Записках», – ...когда хирург меня увидел, он совершенно растерялся...». Придворный доктор приехал лишь на следующее утро. «Он меня спас»²³.
3. Смерть мужа, последовавшая 17 августа 1764 г., стала для Е.Р. Дашковой «самой ужасной катастрофой». «Я была в состоянии, – говорит автор “Записок”, – достойном сожаления. Левая нога и рука, уже пораженные после родов, совершенно отказались служить и висели как колодки. Доктор Крузе своим искусством и уходом спас мне жизнь»²⁴.
4. В шотландских горах Е.Р. Дашкова была сражена ревматизмом, ее мучили боли в желудке, и лишь нежный уход К. Гамильтон, когда Е.Р. Дашкова «лежала больная при смерти в Скарборо», спас ей жизнь²⁵.
5. В Италии поездка на Везувий в 1782 г. чуть не стала для Е.Р. Дашковой смертельной. «Я уже несколько дней, – пишет автор “Записок”, – чувствовала себя плохо и эта утомительная экскурсия

- окончательно подорвала мои силы». Врач друзей «спас мне жизнь, заставив меня принять во время дозу касторового масла...»²⁶.
6. В следующей предсмертной ситуации отличился доктор И.С. Роджерсон. Это произошло вскоре после возвращения Екатерины Романовны из второго заграничного путешествия. Вначале заболел сын княгини, а потом и она сама. «В ту же ночь мой ревматизм поднялся в кишки, и я оказалась сама больной при смерти, но Роджерсон спас меня». «Мое выздоровление тянулось более двух недель и было сопряжено с довольно сильными страданиями, так как припадки рвоты, хотя и стали реже, но не прекратились вовсе, и спазмы в желудке и кишках давали себя чувствовать с прежней силой»²⁷.
  7. Когда А.М. Щербинина решила вернуться к мужу, Е.Р. Дашкова опять оказалась перед лицом смерти: «Моя сестра и мадам Гамильтон боялись за мою жизнь»²⁸.
  8. Узнав о свадьбе сына, Екатерина Романовна сделала над собой усилие, которое чуть не стало роковым²⁹. Это было в 1788 г.
  9. Следующий почти смертельный удар нанесла матери Анастасия Щербинина, когда кутила в Польше. В течение двух месяцев княгиня ни одного дня не была уверена, что доживет до вечера и не положит конец своему существованию³⁰. Известие о смерти Екатерины II, в ноябре 1796 г. оказалось для Е.Р. Дашковой «самым ужасным несчастьем», поставившим ее «на край могилы». «В течение двадцати четырех часов меня терзали невыносимые страдания; я тряслась всем телом, но знала, что не настало еще мое избавление», – говорится в «Записках»³¹.
  10. В декабре 1796 г. Е.Р. Дашкова получила приказание императора Павла I покинуть Москву и жить в деревне. «С тех пор, – утверждает автор, – моя жизнь представляла из себя сплошную борьбу со смертью»³².
  11. По дороге в новгородскую ссылку Екатерина Романовна и ее провожатые два раза чуть было не погибли³³.
  12. Наконец, в 1797 г., когда Павел получил письмо княгини с просьбой разрешить ей вернуться в Троицкое, император был готов «нанести может быть последний удар едва живой женщине, борющейся с суровой судьбой», но какая-то задержка в пути этот удар отвела³⁴.

Вот уж воистину «a painful story», но в самом конце эта «a life of sorrow» неожиданно превратилась в «un paradis» – необыкновенная метаморфоза стала возможна благодаря появлению Марты! «Мисс Вильмот, – говорится в “Записках”, – явилась в Троицкое, чтобы своим разговором, чтением со мною, своей кротостью и любезностью разлить вокруг меня тихие удовольствия дружбы, которые так дороги для жаждущего симпатии сердца и требующего пищи ума, и которые, по-моему, составляют ничем не заменимое благо».

Итак, Марта – «ангел-утешитель», ниспосланный небом.

«Ее родители так превосходно образовали ее ум и сердце, что она, конечно, составляет предмет удивления для тех, кто ее знает и умеет ценить. Тем живее мое любящее сердце чувствует удовольствие отдать ей эту справедливость и оценить то доверие, которое оказали мне ее родители, дозволив ей приехать ко мне; я нуждалась в облегчении жгучих страданий, заставивших меня радоваться наступлению вечера, так как с каждым отходящим днем все больше и больше близится конец того грустного жизненного поприща, по которому вела меня суровая судьба. Нет, никогда, никогда мне не отблагодарить ее вполне за все, чем я обязана. Мое уединение обратилось для меня в рай. Да, это так, если бы... но это уже не зависит от нее»³⁵.

Итак, что бы ни говорили в обществе о русском вояже М. Вильмот, как бы ни подозрительна казалась эта дружба шестидесятилетней Е.Р. Дашковой с двадцативосьмилетней «маленькой бедной иностранкой», как уничижительно называла себя эта ирландская мисс³⁶, читатель «Записок» должен был знать: напрасно общественное мнение осуждало ее. Эта девушка с честью выполнила свою историческую миссию – утешать и спасать!

Этого дифирамбического пассажа Марте показалось недостаточно. Она решила сопроводить «Записки» «Посвящением», в котором также содержались дифирамбы в ее адрес. Это посвящение крайне любопытно. Именно оно объясняет нам поведение Марты в России, снимает малейшую тень, которая могла бы быть брошена на ее репутацию, и возводит ирландку на пьедестал, на который даже Е.Р. Дашкова при всей своей болезненной привязанности к ней, никогда однако не ставила.: «Итак, примите историю моей жизни... она с Вашим именем явится в свет... – говорилось в “Посвящении”, – Позвольте лучше поговорить с Вами, мой милый и юный друг, о

том, что ближе к нам – о нашей взаимной и нежной дружбе; я невыразимо глубоко чувствую Вашу доверенность ко мне; и Вы не могли лучше доказать ее, как покинув семейство и родину, чтоб посетить меня здесь и утешить своим присутствием старую женщину на закате дней ее... Нужно ли говорить о том, как дорого для меня Ваше присутствие, как я... удивляюсь **Вашим талантам, Вашей скромности, Вашей врожденной веселости, соединенными с чистыми побуждениями Вашей жизни?** (выделено мной. – М.С.) Я ограничусь одним простым уверением, что я уважаю, люблю и удивляюсь Вам со всей силой любящего сердца; вы его знаете и поверите, что эти чувства только прекратятся с последним вздохом Вашего искреннего друга...»³⁷.

Итак, «Записки» начинались с восхваления Марты Вильмот и этим же заканчивались. Прелюбопытнейший факт. Устами Е.Р. Дашковой на весь мир провозглашалось, что девица Вильмот талантлива, при том скромна, но весела, ее главные жизненные побуждения чисты. Да, ради такой характеристики стоило издать «Записки». Если княгине было всегда решительно все равно, «что будет говорить княгиня Марья Алексеевна»³⁸, то для М. Вильмот общественное мнение никогда не было пустым звуком. По возвращении из России ей предстояло оправдываться от тех обвинений, которые молва возвела на нее: она-де явилась яблоком раздора между Екатериной Романовной и ее детьми.

Замыслы Марты внезапно наткнулись на неожиданное препятствие.

Семен Воронцов против Марты Брэдфорд

Как только М. Вильмот вернулась в Англию, она сразу же – 1 января 1809 г. – встретилась с С.Р. Воронцовым, родным братом Е.Р. Дашковой, отставным послом России в Великобритании. По словам Марты, это было «очень продолжительное свидание»³⁹. К сожалению, собеседники никак не зафиксировали то, о чем говорили. Можно лишь искренне пожалеть об этом. Впоследствии и М. Вильмот, которая наконец-то вышла замуж и стала госпожой Брэдфорд, и С.Р. Воронцов неоднократно апеллировали к содержанию этого разговора, но совсем по-разному интерпретировали его.

Прошло четыре года со дня возвращения М. Вильмот и три года после смерти Е.Р. Дашковой. Марта, наконец, решила осуществить свой план и сделала очень важный шаг к публикации того,

что она вывезла из России. Почему она не сделала этого сразу после смерти своей «русской матери»? Очевидно, рукопись еще не была готова к печати. Какое-то (и, видимо, немалое) участие в подготовке рукописи к печати играл Сильвестр Деглас Гленберви – литературный советник М. Брэдфорд.

2 февраля 1813 г. Марта обратилась к С.Р. Воронцову со следующим письмом: «Только в эту минуту я могла получить от лорда Гленберви позволение послать вашему сиятельству... первую часть “Записок” княгини Дашковой. Не теряя ни минуты, я отправлю их к вам и полагаю, что завтра вы их получите перед вечером. Вспомните, ваше сиятельство, же рассказанную вам мною историю подлинной рукописи (*manuscrit originel*). Я говорю теперь об этом для того, чтобы вы не подумали, будто у меня есть подлинник (*l’original*), а вам я показываю копию. Ваше сиятельство легко поймете, с каким волнением я буду ожидать ваших замечаний по прочтении вами любопытных “Записок” и с обычною вам снисходительностью простите мне это выражение нетерпения»⁴⁰.

Сын С.Р. Воронцова, Михаил Семенович Воронцов, за год до этого получил от А.Л. Неледенского-Мелецкого, брата душеприказчика Е.Р. Дашковой, «жизнь пера покойной княгини», переписанную рукой Марты, и, видимо, сообщил отцу о своих впечатлениях. Во всяком случае, Семен Романович, еще не видя рукописи, уже выразил намерение написать свои замечания на нее. 5 февраля 1813 г. он сообщил М. Брэдфорд, что получил посланное ему сочинение. «По прочтении его я не премину, – писал С.Р. Воронцов, – набросать на бумагу мои замечания, которые я должен буду сделать со всею откровенностью из любви к истине и из уважения к памяти сестры. Возвращая вам рукопись, я приложу к ней мои замечания, без всякого притязания повлиять ими на то решение, какое, по отношению к ней, вы примите, руководствуясь собственным мнением и привязанностью к вашему покойному другу. У меня нет на то никакого права. Рукопись принадлежит вам, и вы можете располагать ею, как найдете наиболее сообразным с репутацией друга, памятью которого вы так дорожите». Таким образом, любезно соглашаясь писать замечания, Семен Романович уже знал, что уважение к памяти сестры их потребует.

Вскоре Марта переслала С.Р. Воронцову вторую часть «Записок». Она спешила. Свою спешку миссис Брэдфорд объясняла тем, что весь сбор от издания «Записок» Е.Р. Дашковой намерена пожерт-

вовать в пользу пострадавших во время Отечественной войны 1812 г. В воронцовском архиве сохранилась копия письма, которое Семен Романович написал Марте по прочтении записок. Копия не имеет даты, неизвестной рукой по-французски помечено: «15 или 16 октября 1813». «Я читал и перечитывал, – писал С.Р. Воронцов, – первый том рукописи, которую вам угодно было мне прислать. Удивляясь все более и более содержанию его, я не мог оставить вас в неведении на счет произведенного на меня этим чтением впечатления. Думая писать замечания на все, что в этом томе есть неточного, что в нем рассказывается не только ложного, но и невероятного, на явные анахронизмы, которые бросаются в глаза всем и каждому, да и здесь не могут ускользнуть от внимания многих, кому известны факты, констатированные газетами, журналами и брошюрами, я перечитал его еще в четвертый раз и отметил цифрами те места, на которые из уважения к истине я должен был указать и которые обязан был опровергнуть, чтобы не иметь на совести упрека за то, что преступным молчанием, так сказать, дал свое одобрение изданию, которое может только сильнейшим образом повредить памяти моей сестры. Но так как количество замечаний, которые мне пришлось бы сделать, далеко превзошли бы объемом самое сочинение, то я оставил эту мысль в надежде, что вы откажетесь от этого издания из сострадания к памяти вашего друга, сострадания, которому следует пожертвовать вашим сердобольным намерением – вырученные от продажи деньги употребить на облегчение участи лиц пострадавших в России от нашествия французов». Далее С.Р. Воронцов заметил, что потери составляют 30 млн. фунтов, тысяча или полторы тысячи, которые могут дать это издание – капля в море, тогда как публикация «много повредит памяти княгини Дашковой».

«Второй том, – продолжал отставной дипломат, – также изобилует неточностями и явными анахронизмами, и в обоих сквозит питающееся ни для кого не интересными дворскими сплетнями чувство ненависти к людям, сошедшим в могилу за четверть века до смерти автора. Что подумать о такой вовсе не христианской ненависти, которой не может примирить и самая смерть? Живые также не избегли несправедливых нападков. Дети самых почтенных семейств, видя оклеветанными отцов своих и будучи поставлены в необходимость опровергать ничем не вызванные нападки, не пощадят, конечно, той, которая выдается за сочинительницу этих записок. Из

уважения к истине и для устранения могущего пасть на меня подозрения в пособничестве такому изданию я буду вынужден прибегнуть к заявлению как в Англии, так и в России, что протестовал против него».

«При свидании с вами в Лондоне, я буду иметь честь представить вам, милостивая государыня, доказательства, вполне оправдывающие высказанное мною по этому предмету мнение, а тем временем не премину отослать оба рукописные тома в тот дом, который вы указали моей дочери»⁴¹.

Свидание состоялось в Лондоне, у М. Брэдфорд. При этом присутствовал племянник Е.Р. Дашковой Д.П. Татищев и старый знакомый Екатерины Романовны врач И.С. Роджерсон. К сожалению, опять-таки почти ничего неизвестно об этом очень важном свидании. Если бы современные комментаторы «Записок» узнали то, что высказал Семен Романович, то комментарии к сочинению Е.Р. Дашковой приняли бы совсем иной вид. Бывший дипломат развернул перед Мартой основательную аргументацию, произведшую сильное впечатление на ирландку. Свидание закончилось тем, что М. Брэдфорд произнесла знаменательную фразу: «Вы меня заставили задуматься»⁴².

Думала Марта не так уж долго. Вначале она решила временно отложить публикацию «Записок», подлинность которых С.Р. Воронцов поставил под сомнение своими замечаниями, но от мысли рано или поздно издать их она не отказалась и через несколько месяцев вновь стала действовать в этом направлении.

«Как ни тяжело мне высказывать вашему сиятельству мысли, совершенно противные вашим, или возражать против мнений столь близкого родственника моей благодетельницы, – писала М. Брэдфорд 12 октября 1813 г., – но я должна на это решиться». Марте шел уже тридцать восьмой год, и она впервые собиралась стать матерью, поэтому могла допускать возможность неблагоприятного исхода. Она сообщила С.Р. Воронцову, что завещает родственникам издать «Записки»: «...мне хорошо известно, – заявила М. Брэдфорд, – желание покойной княгини Дашковой насчет издания ее “Записок”, и я считала бы чуть ли не святотатством, против которого восстало бы мое сердце и моя совесть, поколебаться в исполнении этого желания, так часто высказываемого ею и хорошо известного вашему сыну, гр. Ростопчичу, гр. Ирине Воронцовой, ее сыну и многим другим».

Они уже спрашивали, подчеркнула Марта, почему воля княгини остается неисполненной? «Все ждут от меня этого. Даже и русскому правительству не безызвестна воля княгини, так как при самом моем отъезде из Кронштадта меня целых пять дней продержали под арестом с целью отнять у меня ее рукопись. Что же касается до возражений ваших, милостивый государь, то я, не полагаясь на собственное суждение, из опасения по пристрастию и по многим другим причинам впасть в ошибку, сообщила об них лицам, гораздо лучше меня могущим оценить их силу, и должна заявить теперь, что решительно все они согласны в том, что эти “Записки”, раскрывающая мотивы действия и твердость правил и понятий сочинительницы о добродетели, могут способствовать очищению ее личности от всей той грязи, которой так долго забрасывала ее клевета, что сквозь наивность рассказа и внутреннюю очевидность его истины, в которой никто не сомневается, везде видна княгиня, увлекающаяся до энтузиазма, иногда (может быть слепого) добродетелями своей государыни, но никогда не мирволящая ее порокам – и, в конце концов, мне предлагают вопрос, имею ли я право оставлять навсегда под спудом подобное свидетельство, вопрос ежеминутно отдающийся в моем сердце».

«Вот что я сочла нужным сказать вам, граф, в то время, когда опасность моего положения делает подобные признания священным долгом. Я приближаюсь к грозной минуте, и вы хорошо понимаете, что движения моего ума должны быть подчинены моей совести, которая требует, чтобы эта рукопись, рано ли, поздно ли, но была издана в свет»⁴³.

15 или 16 октября 1813 г. С.Р. Воронцов резко ответил Марте: «Я получил письмо... ваше от 12 октября. Вы совершенно властны делать то, что вам вздумается. Я не могу воспрепятствовать вам печатать рукопись, которую вы сообщили мне и которая, по словам вашим, есть воспроизведение по памяти другой, написанной княгиней Дашковой и потом сожженной. У меня сохранился отпуск письма, которое я писал к вам по прочтении этого произведения. Я не забыл и того, что говорил вам в присутствии г. Татищева, что вам говорил по этому предмету сам Татищев, и что со своей стороны заметил вам доктор Роджерсон. Я доказывал вам, милостивая государыня, что в этом произведении пропасть анахронизмов, что в нем рассказываются факты не только ложные, но и совершенно неве-

роятные, даже невозможные, и что в нем жестоко оклеветаны лица, еще живущие, а равно и умершие, но оставившие в России детей, из коих некоторые находятся теперь в Англии. И все это предано будет печати с рукописи, воспроизводящей по памяти (можно представить себе, с какой верностью и точностью) другую сожженную рукопись!

Вы считаете, милостивая государыня, своей обязанностью напечатать подобное писание. Не мое дело судить об обязанностях других; но свою я исполню так, чтобы и в России и в Англии знали, кто из нас обоих больше питает уважения к памяти покойной княгини Дашковой.

Великое желание с вашей стороны напечатать, а с моей желание воспрепятствовать напечатыванию произведения, которое повредит той, кого вы думаете восславить, подало повод к переписке между нами; но после принятого вами решения эта переписка теряет всякий смысл и потому должна быть прекращена; по крайней мере, со своей стороны я не имею охоты больше продолжать ее»⁴⁴.

Марта Брэдфорд энергично запротестовала. «Целью моей переписки с вами, – писала она 18 октября 1813 г., – было не иное что, как только желание засвидетельствовать уважение к покойной княгине Дашковой в лице ее брата. Это желание и побудило меня сообщить вашему сиятельству о моем намерении издать в свет вверенную мне рукопись и препроводить ее к вам. Сделав это, я обратила должное внимание и на возражения вашего сиятельства, возражения, которые угодно называть доказательствами неверности фактов, рассказанных вашею сестрой. Я пишу к вам теперь не с тем, чтобы оправдать то, что я намерена делать, не с тем, чтобы представлять новые доказательства подлинности “Записок” (*preuves de l’authenticité de cette histoire*) и не с тем даже, чтобы делать какие-нибудь замечания насчет тона полученного мною вчера от вашего сиятельства письма. Я отвечаю на него, чтобы самым положительным образом объявить вашему сиятельству лишенным всякого основания предположение, которое вы себе, по-видимому, усвоили, и на котором покоится вся аргументация вашего письма. Вам следовало бы только... обратиться к вашей памяти, и вы не впали бы в такое непонятное заблуждение. Я никогда не говорила вам, что имеющаяся у меня рукопись “есть воспроизведение по памяти другой, написанной княгиней Дашковой и потом сожженной”. Мудрено

несколько было бы мне учинить подобный подлог, потому что за два года еще до возвращения моего в Англию копия этой автобиографии, списывавшаяся на глазах княгини, и в которой много строк и целые страницы вместе с посвящением писаны ей собственноручно, привезена в эту страну и читалась друзьями княгини, из коих некоторые были с ней в переписке. Эта-то рукопись и находится теперь в моих руках. В третий раз объявляю вам, милостивый государь (два раза я делала это словесно) о существовании этого подлинного списка (*pièce authentique*): тут не может быть никакого сомнения, и если в настоящую минуту я пишу об этом, так единственно потому, чтобы мое молчание не было перетолковано в смысле признания мною того, в чем нет ни правды, ни даже правдоподобия.

Мне остается... добавить к этому следующее: очень может быть, что обстоятельства замедлят издание в свет этого сочинения, но ни в коем случае не изменят моего решения»⁴⁵.

Итак, С.Р. Воронцов выдвинул серьезнейшие обвинения против подлинности «Записок» Е.Р. Дашковой. Что двигало Семеном Романовичем?

Он был убежден, что публикация этого сочинения сильнейшим образом повредит памяти сестры. Граф, конечно же, заметил, что «Записки» задевают отцов «почтеннейших семейств», дети которых станут энергично протестовать как в России, так и в Англии. Сделать это будет совсем нетрудно, потому что в сочинении много «есть неточного... не только ложного, но и невероятного», а «явные анахронизмы... бросаются всем в глаза». У брата Е.Р. Дашковой были серьезные основания для беспокойства: в России делал блестящую карьеру его сын Михаил Семенович, будущий фельдмаршал. Публикация «Записок» его тетки могла вызвать гнев двора и расстроить блестящую будущность Воронцова-сына. Воронцов-отец категорически заявлял, что сочинение М. Брэдфорд представляет собой воспроизведение по памяти подлинной рукописи Екатерины Романовны, ранее сожженной. При этом С.Р. Воронцов ссылался на первую беседу с Мартой по приезде из России. Сама же М. Брэдфорд настаивала на том, что, хотя подлинник уничтожен, у нее есть копия «Записок» с пометками самой Е.Р. Дашковой, удостоверяющими их подлинность.

Историк М.Ф. Шугуров, впервые обративший внимание на полемику М. Брэдфорд с С.Р. Воронцовым, полагал, что брат кня-

гини был предубежден против «Записок», поскольку, еще не читая, уже был готов делать на них замечания «из любви к истине и из уважения к памяти сестры». Отставной дипломат, не видя «Записок», отнесся к ним с крайне предвзятой мыслью, или давно уже знал их содержание, которое почему-либо ему не понравилось. В каждом высказывании Семена Романовича М.Ф. Шугуров видел стремление «дискредитировать во что бы то ни стало» неприятные ему «Записки» сестры в глазах М. Брэдфорд и заставить ее отказаться от их издания. «В самом деле, – писал М.Ф. Шугуров, – трудно, даже невозможно было иностранке, не знающей ни нашего языка, ни нашей истории, воспроизвести по памяти обширную автобиографию исторического лица, не наделав в ней, действительно, чудовищных промахов, на какие он указывал в характеристике этого произведения».

Кто же прав?

Казалось, в споре с С.Р. Воронцовым у Марты был сильный козырь: у нее на руках находилась копия «Записок», в которой много строк и целые страницы вместе с посвящением написаны Е.Р. Дашковой собственноручно. Стоило только предъявить Семёну Романовичу эту рукопись, и все недоразумения были бы разрешены. М. Брэдфорд не воспользовалась этим козырем. Почему же?

Да потому, что показать С.Р. Воронцову рукопись, которая была у нее на руках, Марта не могла. В рукописи не было написанного рукой Екатерины Романовны посвящения «Записок» ей, Марте Вильмот, а без автографа этого посвящения госпожа Брэдфорд выглядела бы самозванкой. Марта знала, что в России, в бумагах умершей «русской матери», есть еще одна копия «Записок», снятая также ее, М. Брэдфорд, рукой. М.Ф. Шугуров недоумевал, почему же Марта не сообщила об этом С.Р. Воронцову? Ведь «указанием на это обстоятельство она могла бы воспользоваться как убедительным доказательством подлинности имевшейся у нее рукописи»⁴⁶.

Очевидно и это «доказательство» было для М. Брэдфорд неприемлемо. Ведь в рукописи, оставшейся в России, тоже не было посвящения мисс Марте.

Как же развивались события дальше?

В 1814 г., М. Брэдфорд, готовясь к решительной схватке за свое право издать мемуары Е.Р. Дашковой, стала создавать письменную версию своей российской эпопеи: как она попала в Россию, что там делала, как создавались «Записки» и как они были уничтожены.

Теперь это стало особенно нужным, ведь брат автора, пользовавшийся большим авторитетом в английском обществе, готов был объявить их подложными.

Марта придала своей версии форму письма к лорду С.Д. Гленберви, который принимал непосредственное участие в подготовке «Записок» к печати. Конечно же, это письмо было литературной фикцией. Марта подробно рассказала про то, что отправилась в Россию излечиться от апатии, вызванной смертью брата, поведала о том, как Е.Р. Дашкова привязалась к ней. Лишь слегка М. Брэдфорд упомянула о том, что общественное мнение, и русское, и английское, настроилось против нее. Рассказывала Марта и о смерти Павла Михайловича Дашкова, но почти не коснулась того, какие последствия для княгини имела эта кончина. Свой отъезд из России Марта объяснила ухудшением русско-английских отношений. Именно этим она мотивировала попытки таможенного начальства изъять ее рукописи. Опасаясь личного обыска, Марта уничтожила оригинал «Записок» в Кронштадте, но особенно не горевала по этому поводу, потому что еще в 1807 г., когда Россию покинула ее сестра Кэтрин, она увезла с собой копию «Записок»⁴⁷.

Как тщательно ни «прорабатывала» М. Брэдфорд свою версию, обнаружить ее при жизни Семена Романовича она так и не решилась.

Между тем брат Е.Р. Дашковой вскоре доказал всем, и в том числе Марте Брэдфорд, что с ним шутки плохи. В 1816 г. в Лондоне вышла из печати книга некоего Wraxall «Historical Memoires of My Own Time»⁴⁸. В этой книге имя С.Р. Воронцова оказалось замешанным в историю загадочной смерти принцессы Зельмиры, жены Фридриха Виртембергского, родного брата великой княгини Марии Федоровны. Сюжет это был небезынтересен английскому обществу, потому что вдовец, принц Виртембергский, после смерти жены просил руки дочери английского короля. Раксаль обвинил русского посла С.Р. Воронцова в том, что он вначале утверждал, будто Екатерина II не была виновницей этой смерти (виновником объявлялся принц Виртембергский), а потом, после кончины российской императрицы, отказался от своих слов. Семен Романович потребовал от Раксаля, чтобы он указал источники, на которых основывалась эта версия. Раксаль ответил, что не желал его оскорбить и пообещал во втором издании исправить ошибку. С.Р. Воронцов

вначале написал прокурору Шенгерду, что собирается «протводействовать клепам», а потом подал в суд и выиграл процесс. Автора книги приговорили к шести месяцам тюрьмы. Тут граф проявил великодушие. Он обратился к принцу-регенту с просьбой освободить Раксаля от полугодового заключения. С.Р. Воронцов заявил, что для того, чтобы его честь была защищена Раксально достаточно про сидеть в тюрьме и шесть дней⁴⁹.

М. Брэдфорд стремилась публикацией «Записок» оправдать свою репутацию, подмоченную после русского вояжа, но скандал, который обещал затеять С.Р. Воронцов в случае издания мемуаров Е.Р. Дашковой, мог подмочить эту репутацию еще сильнее. Видимо, судебный процесс против Раксаля повлиял на окончательное решение Марты отложить публикацию «Записок».

Глава II. «Правда, чистая правда» или Большая ложь Марты Брэдфорд

Е.Р. Дашкова in English

Семен Романович Воронцов умер 9 июня 1832 г. Казалось, смерть брата ее «русской матери» открывала Марте Брэдфорд возможность наконец-то обнародовать «Записки» Е.Р. Дашковой, уже два десятилетия готовые к печати. Но не тут-то было. Прошло еще восемь лет, прежде чем эти мемуары вышли из печати в Лондоне на английском языке.

В архиве Брэдфорд сохранилась записка, написанная рукой дочери Марты Елизаветы Брук: «Записки, заключающие некоторые неисправности в слоге, были сочтены неготовыми к опубликованию без некоторого изменения в конструкции фраз. Это выражала моя мать, миссис Брэдфорд... Итак, записки кн. Дашковой не появились в свет прежде, чем были переведены на английский язык...»⁵⁰.

Не очень убедительное объяснение! Если его принять, то придется признать, что перевод на английский язык потребовал почти тридцать лет. Мемуары княгини, выпущенные в 1840 г. лондонским издательством «Henry Colburn», имели подзаголовок «Written by Herself... Edited from original». То есть самое название подчеркивало, что мемуары написаны именно Екатериной Романовной и опубликованы по ее собственноручной рукописи. Публикация была осуществлена на английском языке, но Брэдфорд ни словом не об-

молвилась о том, на каком языке был написан оригинал. Более того, непосредственно перед «Посвящением» «Записок» Марте факсимиле воспроизводило английское письмо Е.Р. Дашковой мисс Вильмот в высшей степени комплиментарное для ее «дочери»⁵¹. У читателя должно было создаться ложное впечатление, что «Записки» написаны на английском языке. Публикация состояла из двух томов. Первый содержал текст «Записок», разбитых на главы. Во втором томе М. Брэдфорд поместила последние четыре главы мемуаров. Основное содержание второго тома составляли приложения. Среди них было опубликовано письмо Марты С.Д. Гленберви. Оно носило название «Personal narrative of the editor»⁵². Этого Марте показалось недостаточно. Публикация предварялась обширным введением «Introduction by the editor»⁵³.

«Много уже прошло лет с тех пор, как умерла княгиня Дашкова, – писала М. Брэдфорд. – Почему же, возникает вопрос, публикация ее “Записок” была отложена столь надолго. Мне было бы очень трудно дать вполне удовлетворительный ответ как для себя самой, так и для публики»⁵⁴.

Действительно, вполне удовлетворительного ответа для публики Марте дать так и не удалось. Она попыталась объяснить задержку возражениями «ближайшего родственника» ее «русской матери», то есть С.Р. Воронцова, «только недавно умершего». Почему М. Брэдфорд была вынуждена ждать еще восемь лет после его смерти, она не объяснила. Видимо, Марта ожидала, когда вымрет то поколение, которому все «невозможные и просто невероятные», по словам Семена Романовича, факты, описанные в «Записках», сразу же бросились бы в глаза.

«Предисловие» к английскому изданию может быть правильно понято и оценено только в том случае, если читатель уже знаком с перепиской М. Брэдфорд и С.Р. Воронцова в 1812–1813 гг. Это предисловие составлено так, чтобы опровергнуть все сомнения брата в подлинности «Записок» его сестры, однако концы с концами издательнице так и не удалось свести. В «Предисловии» Бредфорд сочла нужным затронуть те же вопросы, которые уже были освещены в письме к С.Д. Гленберви, оно же было воспроизведено затем во втором томе «Записок», причем данные, приведенные в обоих документах, не согласуются друг с другом. Прежде всего это касается датировки работы над рукописью. «Я жадно прислушивалась, – пи-

шет Марта в «Предисловии», – к каждому ее слову, бросавшему свет на ранние годы ее жизни, и желала знать об них подробнее. Я думала также, что она обязана была написать свою автобиографию столько же ради самой себя, так и ради тех, кто любил ее». Осенью 1804 г., – заверяет М. Брэдфорд, – Е.Р. Дашкова уступила ее пожеланиям описать события своей жизни⁵⁵. В конце текста «Записок» в публикации была даже поставлена дата: «27 октября 1805 г.», в рукописи отсутствующая. Эта же дата стояла и в «Посвящении» «Записок» самой Марте, предпосланном тексту⁵⁶.

В письме к С.Д. Гленберви приводятся иные сведения. Здесь начало работы над «Записками» датируется «осенью, в первый год пребывания» М. Вильмот у Е.Р. Дашковой, то есть осенью 1803 г. «Года через два, кажется, они были, кончены»⁵⁷.

Еще М.Ф. Шугуров заметил, что обе датировки начала работы над «Записками» в «Предисловии» и в письме к С.Д. Гленберви не согласуются между собой ровно на год⁵⁸. Это обстоятельство не смутило М.Ф. Шугурова. Он не обратил внимания, как и все ученые, писавшие после него, что в «Предисловии» приводится еще одна, третья дата. Рассказывая о том, как она слушала рассказы Е.Р. Дашковой о жизни, побудившие ее обратиться к княгине с просьбой записать их, Марта случайно проговорила, когда же это было в действительности: «Такая чистота сердца... в шестидесяти-трехлетнем возрасте», – патетически восклицает М. Брэдфорд⁵⁹. В «Записках» упоминается, что Е.Р. Дашкова родилась в 1744 г.⁶⁰ (хотя в действительности она появилась на свет на год раньше)⁶¹, следовательно, шестьдесят три года Е.Р. Дашковой, по мнению автора, должно было исполниться в 1807 г.! Эта случайная обмолвка М. Брэдфорд свидетельствует, что работа над «Записками» осуществлялась еще в 1807 г. Кстати сказать, текст публикации содержал упоминания о книге «Анекдоты царствования Екатерины II»⁶², вышедшей из печати в Москве в 1806 г.⁶³ и, следовательно, появиться в тексте «Записок» такое упоминание могло не ранее этой даты.

Почему Марта путалась в хронологии? Зачем ей было нужно во что бы то ни стало убедить читателя в том, что «Записки» были завершены в октябре 1805 г.?

Затем, чтобы можно было заявить, как это было сделано в «Предисловии», что несмотря на возражения С.Р. Воронцова, его брат Александр Романович, которого Екатерина Романовна почита-

ла более всего, был знаком с первой частью «Записок» и одобрил их. А.Р. Воронцов умер 2 декабря 1805 г. Вот только как мог Александр Романович, которого считали, и не без основания, политическим двойником своего брата Семена, одобрить сочинение столь сильно им порицаемое? Сохранилось письмо А.Р. Воронцова сестре от 28 октября 1805 г. Оно написано, если верить Марте, через день после того, как были закончены «Записки». Из письма явствует, что княгиня незадолго перед тем («В вашем последнем письме», – пишет Александр Романович), попросила сообщить ей даты некоторых событий, чтобы воспользоваться ими в работе над «Записками». Е.Р. Дашкова желала получить сведения о русско-турецкой и русско-шведской войнах, об отставке самого А.Р. Воронцова, подробности о его службе. Сообщая их, граф выразил радость по поводу того, что «Записки» «далеко продвинулись вперед»⁶⁴. Из письма, впрочем, не видно, чтобы Александр Романович был знаком с их содержанием – скорее напротив, письмо свидетельствует о том, что содержание их графу неизвестно. Сведения, им сообщенные, очень мало пригодны для того характера сочинения, который носят дашковские «Записки». Письмо не оставляет сомнений в том, что в конце 1805 г. работа над воспоминаниями княгини еще продолжалась. Видимо, Марте было необходимо убедить читателя в том, что «Записки» были закончены до отъезда ее сестры Кэтрин из России в 1807 г., ведь, по словам М. Брэдфорд, ее сестра увезла копию «Записок» в Англию⁶⁵.

Если работа над «Записками» все еще продолжалась в 1807 г., то что же она могла увезти?

В начале 1930-х гг. в Королевской ирландской академии в Дублине был обнаружен «Дневник» Марты Вильмот, который она будто бы вела в России⁶⁶. Он был опубликован только в 1934 г. и оставался неизвестным М.Ф. Шугурову. Дневник содержит еще один ряд показаний о времени создания «Записок» Е.Р. Дашковой. Эти сведения противоречат обеим датировкам, которые Марта привела в письме к С.Д. Гленберви и в «Предисловии».

В «Дневнике» 10 февраля 1804 г. есть запись: «Княгиня уже начала записывать историю своей жизни. Она говорит, что к этому ее побудила лишь дружба ко мне и добавила, что саму рукопись и право публикации она передает мне»⁶⁷. Казалось бы, это свидетельство настолько ясно, что не может возникать сомнений, когда нача-

лась работа над «Записками». Именно так и поступили все комментаторы воспоминаний Е.Р. Дашковой, пользовавшиеся дневником Марты⁶⁸. Сразу возникает вопрос: если этот «Дневник» действительно ввелся в России во время пребывания там девицы Вильмот, почему издательница не заглянула в него, когда составляла письмо к С.Д. Гленберви или писала «Предисловие» к своей публикации?

Теперь внимательно прочтем запись в «Дневнике» 25 августа 1804 г.: «В настоящее время княгиня очень усердно пишет свои “Записки”, и я наблюдаю, с какой быстротой она продвигается вперед. Вот она ведет долгие расчеты со своим старостой, затем напишет полстраницы, потом начнет улаживать ссору между двумя крестьянами, и снова – за перо. Ни на минуту не остановится она, чтобы обдумать, что хочет сказать или лучше построить предложение. Каждое слово ложится на бумагу так же естественно, как ведется обычный разговор; каждое событие, о котором она вспоминает, воспроизводится точно и нужными словами. Грешно было бы скрывать от публики происшедшие в ее жизни замечательные события и истинные чувства, часто представляемые в ложном свете»⁶⁹.

В самом деле, читая эти строки, становится очевидным, что писавший их уже знает о том, что мемуары Е.Р. Дашковой будут подвержены уничижительной критике за содержащиеся в них неточности, и поэтому спешит объяснить, откуда они произошли: Екатерину Романовну все время отвлекали от этой работы, да она особо тщательно и не обрабатывала свой текст. Пожалуй, самое интересное заключается в том, что автор дневника уже знает, что есть люди, заинтересованные в том, чтобы не допустить публикацию, и вступает с ними в заочную полемику – «грешно было бы скрывать», – заявляет автор «Дневника», а ведь вроде бы никто об этом его и не спрашивает.

Нет, на «Дневник», Марты полагаться ни в коем случае нельзя. К сожалению, мы не видели его рукописи. Действительно ли в нем велись записи день за днем или в подлинный дневник впоследствии делались вставки или же, подготовленный к печати, он так же, как и письмо М. Брэдфорд к С.Д. Гленберви, был литературной фикцией, в основе которой лежали записи, сделанные в России. По свидетельству Х.М. Хайда, опубликовавшего дневники сестер Вильмот, рукописи в начале 1930-х гг. хранились в Королевской ирландской Академии в Дублине. Исследователи этих рукописей могли бы дать ответ на поставленный вопрос⁷⁰.

В «Предисловии», как и в письме к С.Д. Гленберви, Марта затронула очень важный вопрос о способе работы Е.Р. Дашковой над «Записками».

«Таким образом, – говорится в письме к С.Д. Гленберви, – она начала писать свои “Записки”, с обыкновенной поспешностью, в тот же самый день, когда решилась. Впрочем труд подвигался медленно и, по-видимому, так мало занимал ее, что она не отделила для него ни одной свободной минуты от своих обычных занятий. Что сохранялось в ее памяти, она излагала быстро и почти никогда не поправляла и не изменяла написанного. По временам, сообразив обстоятельство, ускользнувшее от ее внимания, она согласно принятому решению и не откладывая дела в долгий ящик, немедленно принялась писать свои “Записки”. Хотя с этой минуты они постоянно лежали на ее бюро, и она ежедневно что-нибудь приписывала в них, тем не менее, они, казалось, так мало занимали ее мысль, что, не заботясь о перерывах, она никогда не отказывалась выслушивать множество лиц, обращавшихся к ней с бесчисленными вопросами... казалось, ни одной минуты своего досужего времени она не отделяла собственно на “Записки”. Она быстро передавала бумаге то, что хранилось в запасе ее памяти, и едва ли когда-нибудь выскабливала или изменяла фразу, когда ей случалось вспомнить какое-нибудь обстоятельство, пропущенное по забывчивости в своем месте, она приписывала его в конце книги, с отметкою “пропуск” и с означением страницы, к которой он должен был относиться, но таких “пропусков”, сколько мне помнится, было не более семи или восьми. Этим объясняются некоторые неточности по отношению к хронологии... Когда несколько листов были написаны, я начинала снимать копию. Иногда она брала из моей руки перо, и сама переписывала строку или две. Таким образом “Записки” продвигались вперед. Когда мы уезжали на зиму в Москву, она брала их с собою, и работа шла безостановочно. Года через два, кажется, они были окончены»⁷¹.

Видимо, этого объяснения М. Брэдфорд показалось недостаточно, и в «Предисловии» Марта поместила следующий пассаж: «Она писала по памяти, не имея под рукой никаких заметок, которыми бы предварительно справлялась. Поэтому в “Записках” ее, может быть, и найдутся хронологические неточности. Что же касается фактов или отношения княгини к рассказываемым фактам, то

читатель может быть уверен, что она не могла и не умела ни смягчать их, ни излагать пристрастно, ни представлять в ложном свете. Правда, чистая правда, составляла главную, характерную черту всего, что она говорила, писала или думала»⁷².

Тот же мотив встречаем и в письме к С.Д. Гленберви: «Она отличалась необыкновенной простотой и правдивостью – качествами, которых, в такой степени развития, как у нее, я не встречала решительно ни у кого, кроме тех, что говорят или пишут спрошенные под присягой. В самом деле, ничто не могло подкупить ее к приукрашиванию факта, ничто не могло удержать ее от сообщения того, что было истиной. Она так была далека от всякой мысли считать свои “Записки” средством самооправдания, что если бы кто-нибудь заподозрил ее в этом, она с презрением бросила перо, в гордом сознании своего унижения. В самом деле, она думала (таково было ее мнение о самой себе), что для доказательства истины того или иного рассказываемого ею факта совершенно достаточно одного ее свидетельства»⁷³.

Отметим еще одно важное обстоятельство. В «Предисловии» Марта категорически утверждала, что она не внесла в рукопись Е.Р. Дашковой никаких изменений, дополнений, пояснений. «Если бы я считала это уместным, я дополнила бы рукопись княгини внесением в нее по местам разговоров и рассказов, которые я слышала из ее уст и которых по ее мнению не стоило вносить. В самом деле, последнее время она, видимо, была утомлена своей работой и, к великому сожалению, спешила ее поскорее окончить. Я не раз спрашивала ее, почему она опускает в повествовании о своей жизни те светлые эпизоды, которые она мне рассказывала, и она постоянно отвечала: “Милая моя, у меня вовсе нет авторского тщеславия, и поэтому вы можете вступать в мои права, и в вашем предисловии или в конце вашего английского перевода рассказать все, что вам угодно о вашей русской матери”»⁷⁴.

Итак, слова М. Брэдфорд характеризуют «Записки» как правдивые мемуары, написанные исключительно самой Е.Р. Дашковой по памяти, содержавшие, однако некоторые хронологические смещения, что вполне объясняется способом работы.

Когда Марта писала эти строки, она, видимо, не догадывалась о том, что ее легко можно будет проверить. Ведь рукописи «Записок» сохранились. Они-то и дают возможность определить, что в словах М. Брэдфорд правда, а что сознательная ложь.

А.Б. Лобанов-Ростовский против М.Ф. Шугурова

На рубеже 1880-х гг. в архиве Воронцовых была обнаружена рукопись «Записок» Е.Р. Дашковой. Это был тот самый манускрипт, который душеприказчики княгини нашли в бумагах усопшей сразу после ее смерти, то есть «Жизнь покойной княгини, переписанная рукой аглинки miss Wilmot и пополненная в некоторых местах» рукой самой Е.Р. Дашковой. В 1881 г. издатель «Архива князя Воронцова» П.И. Бартенев опубликовал эту рукопись на том языке, на котором она была написана – на французском⁷⁵. За год до этого М.Ф. Шугуров на страницах «Русского архива», издаваемого все тем же П.И. Бартеневым, опубликовал статью, которую мы уже цитировали. Цель этой статьи заключалась в том, чтобы обосновать подлинность рукописи «Записок», которая готовилась к печати, и показать несостоятельность сомнений С.Р. Воронцова в том, что Е.Р. Дашкова была в действительности автором этого сочинения. М.Ф. Шугуров самым тщательным образом изучил рукопись и дал ее описание. По его словам, рукопись была написана «несомненно, рукой мисс Вильмот». Сочинение разбито на две части, переплетенных в одну книгу. Первая часть содержит 207 страниц. На заглавном листе этой части рукописи рукой Е.Р. Дашковой написано: «Mon Histoire». Вторая часть состоит из 129 страниц. Заглавный лист ее также означен рукой Екатерины Романовны: «Mon Histoire, partie II». Затем рукой княгини начата фраза твердым почерком: «C'est en 1782 que». Далее рукой М. Вильмот предложение продолжено: «je arrivai à St. Pétersbourg».

В первой части есть белые места, произошедшие от того, что переписчица, видимо, плохо разбирала переписываемый текст. Встречаются описки и орфографические ошибки, но их немного. В этой части рукописи собственно Е.Р. Дашковой принадлежит одно название. Вторая часть носит на себе следы участия Екатерины Романовны. Ее рукой сделаны в ряде мест надстроечные поправки. 16-ая, 33-я страницы, равно как и треть 28-ой страницы написаны рукой княгини. В конце рукописи, на одном из оставшихся белых листов, Е.Р. Дашкова отметила пропуск и попыталась его восполнить так: «Omission, page 57; mais je ne veux pas entrer dans tous les détails qui, avec raison, me rendoient malheureuse à l'excès»⁷⁶.

М.Ф. Шугуров задался целью сопоставить публикацию М. Брэдфорд с рукописью воронцовского архива. Хотя он знал, что

это вовсе не та рукопись, которая была на руках Марты, когда она вернулась в Англию, но подобное сопоставление считал правомерным, так как, по его мнению, оно позволяло проверить, насколько верно М. Брэдфорд сделала английский перевод, а также выявить особенности английской редакции «Записок».

Исследователь установил, что Марта разделила обе части «Записок» на главы. В первой том вошло 25 глав, а во второй только 4. В результате этого разделение на тома не соответствовало частям оригинала: начало второй части рукописи в английском издании составляло XVIII-ю главу первого тома. Это отступление было продиктовано интересами издания, так как издательница, очевидно, не хотела выделять многочисленные приложения в отдельный том. При этом М. Брэдфорд перенесла в текст под строчечные примечания, часть же их выпустила вовсе.

Если эта переработка могла быть вызвана интересами издания, то ряд других очень существенных изменений этим никак объяснить было нельзя. М.Ф. Шугуров установил очень значительную перестановку текста, которую ученый объяснил стремлением Марты устранить анахронизмы, отмеченные С.Р. Воронцовым. М.Ф. Шугуров подробно описал, как М. Брэдфорд удалила из текста издания те пассажи, которые могли быть охарактеризованы как нападки на личность. Один из таких случаев издательница оговорила, сообщив читателю, что опускает рассказ Е.Р. Дашковой о семейных обстоятельствах. Речь шла о мотовстве Анастасии Щербининой. Прочие пассажи опущены без оговорки. В частности, был опущен эпизод разговора княгини с «молодыми друзьями» Александра I о Екатерине II, в котором принимал живейшее участие С.Р. Воронцов.

Причины исключения из публикации многих отмеченных мест остались М.Ф. Шугурову непонятными. Вместе с тем ученый обнаружил, что Марта М. Брэдфорд внесла в публикацию много такого, чего в рукописи воронцовского архива вовсе не было. Некоторые из этих дополнений несли в себе важный смысл, существенно изменяющий описание того или иного события. М.Ф. Шугуров особо подчеркнул то обстоятельство, что издательница нигде не оговорила сделанных ею добавлений, хотя она уверяла читателя в том, что ничего не добавила к тексту Е.Р. Дашковой. «Если бы я считала это уместным, я дополнила бы рукопись княгини внесением в нее по местам разговоров и рассказов, которые я слышала из ее уст и которых по ее мнению, не стоило вносить»⁷⁷.

Конечно, М.Ф. Шугуров не заподозрил М. Брэдфорд в том, что внесенные дополнения есть «измышление» издательницы: она лишь вносила в текст, что ранее слышала от Екатерины Романовны. Тем не менее, М.Ф. Шугуров, сам того не желая, установил, что М. Брэдфорд сознательно вводила читателя в заблуждение. Характеризуя Марту как переводчицу, ученый отметил: «Нельзя сказать, вообще говоря, чтобы перевод ее был неверен, но он по местам носит на себе следы тщательной литературной обработки, далеко не соответствующей простому, безыскусному изложению самой Е.Р. Дашковой». М.Ф. Шугуров привел очень яркие примеры такой передачи первоначального текста.

Общий вывод ученого был таков: «Все эти и многие другие произвольные отступления от подлинника, делающие издание госпожи Брэдфорд неудовлетворительным в научном отношении, очевидно произошли от ошибочного взгляда ее на свою задачу. Она, очевидно, смотрела на вверенные ей “Записки” как на грубый материал, подлежащий ее обработке, сокращениям, дополнениям, расширениям и т.д.», однако, – полагал исследователь, «нет ни малейшего основания обвинять ее в недобросовестности, в умышленном извращении подлинника с какой-нибудь предвзятой целью. Все, что она вносила в него от себя, действительно могло быть **воспроизведением по памяти** изустных рассказов ее друга, которыми она думала оживить ее автобиографию, сделать ее занимательнее для читателя»⁷⁸.

Все сопоставления и выводы М.Ф. Шугурова были основаны на предположении, что копия воронцовского архива и копия, находившаяся в руках Марты Брэдфорд, идентичны. Поскольку М.Ф. Шугуров никогда не видел рукописи, хранившейся в архиве Брэдфорд, его умозаключения носили гипотетический характер.

В том же 1881 г. А.Б. Лобанов-Ростовский, дипломат-коллекционер, познакомился с рукописью «Записок», хранившейся в семье Брэдфорд (через год после этого дочь Марты Брэдфорд Катерина Брук скончалась и бумаги, хранившиеся в семействе Брэдфорд, поступили в Библиотеку Британского музея, где находятся и по сей день)⁷⁹. А.Б. Лобанов-Ростовский дал описание обследованной рукописи. Она была переплетена в новейший темно-зеленый переплет, который объединил две части «Записок». Первая часть озаглавлена рукой М. Вильмот: «Mon Histoire I-er partie». В конце первой части

находится 11 нумерованных страниц, озаглавленных «Omissions». Здесь же рукой Марты записаны пропуски со ссылками на страницы текста, которым они относятся. А.Б. Лобанов-Ростовский насчитал 26 исправлений, сделанных рукой Е.Р. Дашковой. Вторая часть озаглавлена княгиней: «Mon Histoire. Volume II». Она содержит всего 9 исправлений рукой Екатерины Романовны. Одна страница включает в себе анекдот о И.И. Бецком и всецело написана рукой Е.Р. Дашковой. Есть нумерованная страница, озаглавленная «Omissions». К рукописи приложен указатель страниц, где в «Записках» встречается почерк княгини⁸⁰.

А.Б. Лобанов-Ростовский обратил внимание на то, что фрагменты, которые М.Ф. Шугуров, не видевший бруковской рукописи, считал апокрифическими, находятся в дополнениях к рукописи, то есть в «Omissions». А.Б. Лобанов-Ростовский опубликовал в своей статье полный текст этих добавлений⁸¹.

Если М.Ф. Шугуров был уверен, что воронцовская рукопись представляет собой окончательный текст «Записок», то А.Б. Лобанов-Ростовский пришел к противоположному выводу: окончательную редакцию включает рукопись Брэдфорд. По мнению А.Б. Лобанова-Ростовского, вставки, сделанные рукой М. Брэдфорд и частично самой Е.Р. Дашковой, объясняют, почему в английском издании мемуаров появились пассажи, отсутствующие в воронцовской рукописи. Что же касается английского перевода, то А.Б. Лобанов-Ростовский оценил его так: Марта увлеклась «желанием сгладить шероховатости подлинника и придать более приличный вид тому, что ей казалось слишком резким и смелым, мало заботясь о сохранении точности и энергичности выражений» Екатерины Романовны, однако это общий недочет переводчиков того времени, и поэтому было бы несправедливо требовать от М. Брэдфорд применения тех научных приемов, которыми оперировали русские ученые второй половины XIX в.⁸².

Возражения А.Б. Лобанова-Ростовского встретили резкий протест со стороны М.Ф. Шугурова. Уже в следующей книге «Русского архива» он поместил «Заметки об английском переводе записок княгини Дашковой». На основе приведенных А.Б. Лобановым-Ростовским данных М.Ф. Шугуров пришел к заключению, что копия Брэдфорд предшествовала воронцовской. Подтверждение этого ученый видел в приложенной к рукописи заметки дочери М. Брэдфорд

Елизаветы, однако эта заметка лишь повторяла сведения, почерпнутые из приложений к английскому изданию. Наблюдения над текстом привели к такому же выводу. Поскольку в рукописи Брэдфорд помещена как дополнение писанная рукой Е.Р. Дашковой страница о И.И. Бецком, а в воронцовском экземпляре этот пассаж уже находится в тексте, это означает, что рукопись Брэдфорд предшествовала воронцовской. Воронцовский список представлял собой окончательную беловую копию «Записок». Не случайно в нем так мало поправок Е.Р. Дашковой (в первой части ни одной)⁸³.

Если А.Б. Лобанов-Ростовский подчеркивал, что дополнения, хотя и писаны рукой М. Брэдфорд, несомненно, принадлежат Е.Р. Дашковой, потому что Марта плохо знала французский язык, то М.Ф. Шугуров придерживался противоположного мнения. Он считал, что это обстоятельство мало говорит в пользу их подлинности. Исследователь обратил внимание на то, что один из фрагментов английского издания упоминал о А.Р. Воронцове как уже об умершем, однако, если «Записки» действительно были завершены в 1805 г., то этот фрагмент не мог находиться в рукописи. Следовательно, он внесен в английское издание самой М. Брэдфорд. Вообще же принадлежность Екатерине Романовне фрагментов, писанных рукой Марты, крайне сомнительна. Что же касается французского языка, то, по мнению М.Ф. Шугурова, Марта достаточно владела им для того, чтобы написать дополнения. К тому же она пользовалась услугами литературных помощников. После смерти С.Р. Воронцова Марта была недовольна слогом «Записок» и стала исправлять его, но она «слишком увлеклась своей работой над исправлением... слога, зашла в ней дальше, чем бы ей следовало... Она вообразила себе, что может по своему усмотрению производить и другие перемены в тексте, перестановки, сокращения, распространения, дополнения – все вероятно в видах того же исправления слога». М.Ф. Шугуров отметил: фрагменты, выделенные А.Б. Лобановым-Ростовским, свидетельствуют о следующем: для того, чтобы включить эти дополнения в текст, М. Брэдфорд изрядно переделала его, зачеркивая целые строки, подсказывая слова. Эти дополнения Марты позволяют как бы присутствовать при самой работе издательницы над слогом и «проследить самый процесс этой курьезной работы». М.Ф. Шугуров привел поразительные примеры того, как дополнения Марты меняли смысл текста, и как

после этого она переделывала сам текст, зачеркивая и выскабливая ранее написанные слова⁸⁴.

Ученый выразил уверенность, что Е.Р. Дашкова была неспособна к такой работе, все это сделала М. Брэдфорд самостоятельно. Марта «не поняла своей задачи». Она «не догадывалась, что исправлением слога, тщательной обработкой многих мест вверенного ей подлинника она портила издание, которому, не жалея средств, старалась придать возможное типографское изящество». М.Ф. Шугуров особо подчеркнул, что сама Е.Р. Дашкова не давала Марте на это права, напротив, она хотела оградить свои «Записки» от каких-либо дополнений. По всей видимости, к такой работе Марту склонил С.Д. Гленберви⁸⁵.

Характерная особенность этой полемики, на которой и современные исследователи основывают свою аргументацию, заключалась в том, что М.Ф. Шугуров никогда не видел рукописи, хранившейся в Англии, А.Б. Лобанов-Ростовский же не был знаком с рукописью, находившейся в России. Поэтому их полемика напоминала в некотором роде спор глухого и слепого. Тем не менее, этот неполноценный спор не был бесполезен, напротив, он выявил приемы, которые употребляла М. Вильмот при создании «Записок».

Копья ломались вокруг достоверности дополнений к подлинному тексту, однако вопрос о существовании самого подлинного текста, написанного Е.Р. Дашковой, даже не ставился. И М.Ф. Шугуров, и А.Б. Лобанов-Ростовский не сомневались в том, что подлинная рукопись Е.Р. Дашковой существовала, но оппоненты, сами того не подозревая, собрали столько данных, которые позволяют поставить два важных вопроса: существовал ли подлинник «Записок» Е.Р. Дашковой и каково происхождение рукописей, оказавшихся в семейных архивах Брэдфорд и Воронцовых?

Был ли уничтожен подлинник «Записок» Е.Р. Дашковой?

Полемика 1880-х гг. вокруг «Записок» Е.Р. Дашковой показала, насколько осторожно надо подходить ко всем свидетельствам, исходящим от Марты Брэдфорд. Какими бы благородными побуждениями ни руководствовалась эта женщина, она сознательно вводила в заблуждение своего читателя и будущего биографа ее «русской матери». Тем не менее, и М.Ф. Шугуров и А.Б. Лобанов-Ростовский,

как впрочем все последующие ученые, занимавшиеся либо публикациями «Записок» Е.Р. Дашковой, либо их изучением, верили в рассказ их первой издательницы о том, как была уничтожена подлинная рукопись княгини⁸⁶.

В письме к С.Д. Гленберви М. Брэдфорд самым подробным образом рассказала о том, как это произошло. 19 октября 1808 г. Марта собиралась покинуть Петербург и переехать в Кронштадт, чтобы сесть на один из стоявших там американских кораблей. Накануне к ней явился английский купец Канава и объявил, что один его приятель-чиновник сообщил очень важную вещь. Русскому правительству известно, что она везет с собою важные бумаги. Чиновники получили распоряжение задержать ее и самым тщательным образом осмотреть ее вещи. По словам Марты, это были: «Подлинная рукопись “Записок” княгини Е.Р. Дашковой, переписка ее с Екатериной II в копии и, сверх того, некоторые другие бумаги, а равно и письма разных лиц из России». Бумаги были уложены в особый пакет и с помощью Канава переправлены на корабль и там надежно спрятаны.

На таможене багаж Марты был вскрыт чиновником М.С. Кайсаровым, который имел особые полномочия. Был устроен и обыск на корабле, но рукописи не нашли. Марта оказалась под домашним арестом: особый чиновник был определен для наблюдения за ней и всеми, кто ее посещал. М.С. Кайсаров грозился наложить эмбарго на корабль, который должен был доставить Марту в Англию. Чиновник сообщил, что Е.Р. Дашкову считают «руководительницей» Марты в этом деле. Он признался, что у М. Вильмот есть в России «враг». По словам Марты, «это был человек, которого я до той поры считала своим другом, и который недавно еще играл очень важную роль в России. Он пользовался большим доверием княгини, читал ее “Записки” и посвящение и знал, что они были в моих руках»⁸⁷. М.С. Кайсаров сообщил, что перед отъездом мисс Вильмот будет обыскана. Тогда М. Вильмот решила: спасти «Записки» невозможно. По ее просьбе капитан незадолго до прибытия таможенников изъясил пакет и вернул его Марте. «Когда Кайсаров ушел, – писала впоследствии Марта, – я предалась самым тревожным размышлениям. Особенно я боялась за княгиню и решила лучше уничтожить ее “Записки”, чем допустить овладеть ими и тем подвергнуть

их Бог знает, каким превратным толкованиям. И поэтому, зная, что переписанная копия, которую увезла с собою моя сестра, находится в надежных руках в Англии, я сожгла подлинную рукопись». Затем мисс Вильмот написала Е.Р. Дашковой о том, что случилось в Кронштадте. Обыска так и не последовало, и 26 октября 1808 г. корабль отправился в путь⁸⁸.

Есть серьезнейшие основания усомниться в том, что этот рассказ – правда, и что действительно Марта сожгла подлинник «Записок» княгини.

В архиве семейства Брэдфорд в Британском музее сохранились 13 писем Екатерины Романовны М. Вильмот за 1808 г. и 10 писем за 1809 г. Некоторые из этих писем Марта воспроизвела во втором томе своей английской публикации. Из писем видно, что М. Вильмот сообщила своей «русской матери» обо всем, что с ней произошло. Она писала Е.Р. Дашковой из Кронштадта и из Англии сразу по приезде туда. Это последнее письмо княгиня получила 13 апреля 1809 г. 15 сентября 1809 г. она уже знала о «продолжительном свидании» Марты с С.Р. Воронцовым⁸⁹. Из ответного письма Екатерины Романовны от 3 ноября 1809 г. видно, что она дважды сообщила Марте о том своем письме Александру I, в котором выражала возмущение обыском, устроенным в Кронштадте. «Если дело шло о задержании моих “Записок”, то лишь из скромности я не решилась напечатать их при жизни», – писала Екатерина Романовна⁹⁰. Это письмо подтверждает, что М. Вильмот везла ее «Записки», но в переписке нет ни слова о сожжении подлинной рукописи⁹¹. Неужели же, если подлинник действительно был сожжен, Марта не сообщила бы об этом важном и прискорбном обстоятельстве Е.Р. Дашковой? Разве княгиня могла бы не отреагировать на это сообщение?

Допустить это невозможно.

Рукопись, которую везла Марта, благополучно достигла берегов Туманного Альбиона вместе с другими бумагами, которые она предусмотрительно захватила с собой⁹².

Что же касается *auto-da-fé*, то его пришлось впоследствии сочинить для того, чтобы объяснить отсутствие подлинника. Но если подлинник не был сожжен, то куда же он делся?

А был ли вообще подлинник?

Глава III. Кто писал «Mon histoire»?

Брук – Воронцов

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо разобраться в том, как соотносятся рукопись, хранившаяся в семействе Брэдфорд, и рукопись находившаяся в архиве Воронцовых. Первую рукопись назовем бруковским⁹³ экземпляром, вторую – соответственно воронцовским⁹⁴.

Полемика М.Ф. Шугурова и А.Б. Лобанова-Ростовского начала и по сути дела завершила текстологическое исследование «Записок». Только американский исследователь А.И. Воронцов-Дашков обследовал фрагменты бруковского экземпляра, которые отсутствуют в воронцовском. Ученый существенно уточнил данные, которыми оперировали российские исследователи в своей полемике о достоверности дополнений⁹⁵. Сегодня вопрос может быть поставлен значительно шире: принадлежат ли Е.Р. Дашковой те части основного текста рукописи, которые написаны или переписаны Мартой Вильмот? Составители российских публикаций последних лет текстологическими изысканиями не занимались⁹⁶.

Исключая репринтное воспроизведение герценовской публикации «Записок», в основу всех российских изданий положен воронцовский экземпляр. Именно его М.Ф. Шугуров, введший французскую рукопись в научный оборот, считал окончательным. Между тем это утверждение ученого основано на недоразумении. Исследователь опирался на утверждение А.Б. Лобанова-Ростовского о том, что к бруковскому экземпляру приложен лист, на котором рукой княгини был изложен анекдот о И.И. Бецком, поскольку же в воронцовском экземпляре этот фрагмент находится в тексте, М.Ф. Шугуров и заключил, что последний является окончательным⁹⁷. При этом А.Б. Лобанов-Ростовский не имел достаточно времени, чтобы скрупулезно изучить бруковский экземпляр и поэтому не заметил, что фрагмент о Бецком находится в тексте этого экземпляра, а автограф Екатерины Романовны лишь приложен к рукописи⁹⁸.

Бруковский экземпляр многослоен и отражает несколько стадий работы над ним М. Вильмот и Е.Р. Дашковой. Сопоставление бруковского и воронцовского экземпляров показывает, что они соотносятся следующим образом. Когда первая часть «Записок», представленная бруковским экземпляром, была вчерне завершена Мартой

и Екатериной Романовной, с этой части была снята беловая копия, вошедшая в воронцовский экземпляр, и с нее, то есть с белой копии, осуществлялся перевод на английский язык. Так, например, рассказывая о визите Г.Н. Теплова с запиской от Екатерины II, автор бруковского экземпляра пишет, что Е.Р. Дашкова «*passa une*», затем идет одно трудночитаемое слово и предложение продолжается так: «*et alla trouver m-r Téploff dans la rue*»⁹⁹. В воронцовском экземпляре на месте трудночитаемого слова переписчик оставил лауну, а затем над строкой карандашом было написано по-английски: «*went down stairs into the street*»¹⁰⁰. О болезни Анастасии Дашковой в бруковском экземпляре говорится буквально следующее: «*L'inertie de son médecine fit que sa constitution, singulièrement fort, protracta seulement sa mort*». В воронцовском экземпляре над словом «*protracta*» написано по-английски карандашом: «*protect*»¹⁰¹. Первая часть воронцовского экземпляра содержит только один след участия Е.Р. Дашковой: ее рукой написано по-французски заглавие: «Моя история. Часть первая». Все остальное – дело рук переписчика¹⁰². Причем довольно трудно сказать, только ли Марта переписывала этот текст. Временами почерк переписчика так сильно меняется, что без графологической экспертизы невозможно определить, сколько человек участвовало в переписке текста.

К сожалению, по филиграммам нельзя определить с точностью до года, когда велась эта работа. После того, как с первой части был снят беловой список, работа над ней продолжалась на бруковском экземпляре. Он содержит существенную переработку, которая не переносилась на воронцовский экземпляр. Она включает в себя значительную стилистическую правку, изменение текста посредством изъятия из него отдельных фрагментов и также добавления, как в самом тексте, так и в конце его, вокруг которых главным образом и велись споры ученых¹⁰³.

К сожалению, нет возможности высказаться о датировке этих изменений на основании бумаги, однако все же можно утверждать, что часть этих изменений сделана не ранее 1806 г., то есть после того, как, по словам Марты, работа над «Записками» была закончена. К первой части бруковского экземпляра приложен отдельный лист, написанный рукой Е.Р. Дашковой с пометкой: «*Remarque*»¹⁰⁴. Здесь идет речь о знании Екатериной II иностранных языков и цитируется книга, вышедшая из печати в 1806 г.¹⁰⁵

Большая часть изменений в рукописи сделана рукой М. Вильмот и мы, к сожалению, не можем определить, когда и где это произошло: при жизни Екатерины Романовны или после ее смерти, в России или в Англии.

Что касается второй части «Записок» обоих экземпляров, то их соотношение несколько более сложное. Бруковский экземпляр представляет собой черновой текст, созданный Мартой и княгиней. Воронцовский экземпляр воспроизводит одну из стадий работы над бруковским¹⁰⁶. При копировании Е.Р. Дашкова собственноручно вписала в текст Марты три фрагмента, изложив их в иной редакции, нежели это имело место в бруковском экземпляре¹⁰⁷, после чего текст подвергся стилистической правке и смысловой переработке, которая, однако, не была перенесена на бруковский экземпляр¹⁰⁸. Последний же в свою очередь, после того, как с него сняли воронцовскую копию, был подвергнут дальнейшей переработке¹⁰⁹, но она никак не отразилась на воронцовском экземпляре, который нельзя считать окончательной редакцией.

Как видим, и бруковский и воронцовский экземпляры отражают различные стадии работы над «Записками». Наибольший интерес представляет та ранняя стадия работы над бруковским экземпляром, которая предшествовала снятию воронцовской копии первой части «Записок». Именно здесь можно попытаться определить, что сделано Е.Р. Дашковой при создании этого памятника. Большая часть текста первой части «Записок» написана рукой Марты, но в рукописи есть фрагменты, написанные княгиней собственноручно, причем их расположение в большей части таково, что они непосредственно продолжают изложение М. Вильмот.

Рукою Е.Р. Дашковой

К ним относятся следующие отрывки:

1. Фраза о том, что Петр III был крестным отцом Е.Р. Дашковой¹¹⁰.
2. Замечание о различии характеров Екатерины Романовны и ее сестры, воспитанных одинаково¹¹¹.
3. Сообщение о том, что Петр III во время игры в кампи держал деньги в кармане¹¹².
4. Рассказ о болоте на даче Е.Р. Дашковой и примечание о голштинцах¹¹³.
5. Описание того, как княгиня провалилась в болото¹¹⁴.

6. О стремлении привлечь к заговору Н.И. Панина¹¹⁵.
7. Перечисление ему заговорщиков, которых княгине удалось привлечь к заговору¹¹⁶.
8. Сообщение Н.И. Панину о всеобщем неудовольствии, о поездке на дачу, связь с Екатериной Алексеевной, присылка православных депутатов из Австрии¹¹⁷.
9. Недовольство солдат, опасавшихся отправки их на войну с Данией¹¹⁸.
10. Разрешение императрицы Е.Р. Дашковой передать солдатам от ее имени, что она получила известия от Екатерины Алексеевны из Петергофа. Арест капитана П.Б. Пассека¹¹⁹.
11. Солдаты на руках переносят княгиню через площадь в Зимний дворец, встреча с Екатериной Алексеевной, на которой не было еще Андреевского ордена¹²⁰.
12. Посылка Измайлова к Петру III, отречение его, отъезд в Ропшу, характеристика свергнутого монарха¹²¹.
13. Е.Р. Дашкова раздает деньги солдатам¹²².
14. Начало сноски о том, что Екатерина Романовна не брала денег у иностранных дипломатов¹²³.
15. Княгиня занимается английским языком со своими подругами¹²⁴.
16. Примечание о поездке Е.Р. Дашковой, во время которой сын писал ей письма¹²⁵.
17. Философский спор с Д. Дидро¹²⁶.
18. Д. Дидро предостерегает Екатерину Романовну от встречи с К.К. Рюльером¹²⁷.
19. Письмо Д. Дидро о парламенте¹²⁸.
20. Расчеты за нанятых лошадей¹²⁹.
21. Болезнь и смерть свекрови¹³⁰.
22. Орлов предлагает свое посредничество, чтобы сделать сына Е.Р. Дашковой фаворитом. Возмущение княгини¹³¹.

Кажется маловероятным, чтобы Екатерина Романовна выступала в роли переписчицы собственной рукописи. Фрагменты, написанные ее рукой, свидетельствуют об активном авторском вторжении в текст М. Вильмот, вторжении не всегда удачном, вследствие чего возникали досадные повторы. Так, например, на обороте листа 50 княгиня сделал примечание: «Голштинцы эти в большинстве были подмастерьями, бежавшими от своих хозяев; имелись среди них солдаты и унтер-офицеры, дезертировавшие из армий мелких не-

мецких княжеств...»¹³². Между тем в тексте М. Вильмот, где давалась характеристика голштинским генералам Петра III, уже было примечание, объясняющее, что «эти голштинские генералы были из прусских унтер-офицеров, либо из сыновей голштинских и немецких сапожников, покинувших родительские дома...»¹³³. Текст Марты, предшествовал фрагменту, написанному рукой Е.Р. Дашковой. Очевидно, что княгиня не переписывала ранее написанный ею текст, а просто дополнила написанное М. Вильмот, не заметив, что речь об этом уже шла раньше. Не менее выразителен и другой фрагмент. Он касается ареста капитана П.Б. Пассека. Во фрагменте, написанном рукой Екатерины Романовны, говорится, что она просила передать солдатам, будто получила сведения от Екатерины Алексеевны из Петергофа, следовательно, сторонникам великой княгини надо успокоиться, потому что время действовать еще не пришло. Заговорщики передали это солдатам, но капитан П.И. Измайлов арестовал П.Б. Пассека. Это заставило конспираторов начать дворцовый переворот¹³⁴. Характерно, что когда Е.Р. Дашкова писала эти строки, а точнее говоря, вписывала их в текст Марты Вильмот, княгиня упустила из виду важную деталь: несколькими листами раньше рукой ее английской знакомой эпизод ареста П.Б. Пассека, заставивший заговорщиков действовать решительно, уже упоминался¹³⁵. Более того, сведения о том, что Екатерина Романовна просила от своего имени успокоить солдат, готовых прежде времени выступить против Петра Федоровича, упоминаются в «Записках» трижды. Вначале рукой Марты написано: «J' autorisai quel' un des officiers de dire aux soldats que j' avais tous les jours des nouvelles de sa majesté, et qu' enfin je les avertirais par leurs officiers à point nommé quand il faudrait agir»¹³⁶ («Я поручила некоторым офицерам сказать солдатам, что ежедневно получаю сведения о ее величестве и извещу их, когда придет время действовать»).

Через несколько листов идет уже цитируемый нами фрагмент руки Е.Р. Дашковой. Затем еще через несколько листов к тексту Марты ее рукой сделано примечание: «Il faut savoir que la veille les soldats ayant eu je ne sais pas par qui de fausses nouvelles, comme quoi l' impératrice allait être enlevée de Péterhoff et reléguée fort loin, voulurent courir à sa délivrans, et leurs officiers avaient toutes les peines du monde à les retenir et peut-être n' y auraient-ils pas réussi si je ne les avais autorisés de leur dire que ce jour même j' avais eu de ses nouvelles, qe' elle

ne courait aucune danger et qu'enfine je les avertirais du moment d'agir»¹³⁷ («Надобно знать, что накануне солдаты, получив, не знаю от кого, ложные сведения, будто императрицу собираются похитить и удалить в ссылку, решили выступить за ее освобождение, офицеры с большим трудом их удержали; возможно, им это и не удалось бы, если бы я не поручила успокоить их, объявив, что как раз получила сведения, что императрице не угрожает никакая опасность, и что я дам знать, когда нужно выступать»).

Показательно, что когда Марта готовила текст к английскому изданию, все эти многочисленные повторы были устранены. Очевидно, бруковский экземпляр представляет собой рабочую рукопись, которая отражает процесс создания текста «Записок» на его ранней стадии. Конечно, такой текст нельзя было показать С.Р. Воронцову, который сразу же заподозрил бы, что основной текст не переписан, а написан М. Вильмот.

В самом деле, кому принадлежит написанное рукой Марты и, возможно, ее помощников?

*Бывают ли в Новгородской губернии
шестидесятиградусные морозы?*

В ее тексте есть одно примечательное место, которое, к сожалению, не привлекло внимания комментаторов. Речь идет о письме, которое Е.Р. Дашкова написала императрице Марии Федоровне с просьбой разрешить ей покинуть место своей новгородской ссылки село Коротово и перебраться в Троицкое. В бруковском экземпляре запись об этом выглядит так: «Je ne me pressais pas d'écrire cette lettre, et si j'avais été seule à souffrir d'un séjour pénible, à plus de soixante degrés, dans une cabane de paysan, sans pouvoir (quand un été tardif serait venu pour une durée seulement de quelques semaines) sortir, les environs en étant des marais et des bois inaccessible et impénétrables...»¹³⁸.

В воронцовском экземпляре слово «шестьдесят» передано цифрой «60°»¹³⁹. В английской публикации «Записок» переводчик передал это место как указание на географическое положение села Коротова: «...a peasant's cabin, in upwards of sixty degrees of northern latitude»¹⁴⁰, то есть более чем на шестидесятой параллели северной широты». Дело даже не в том, что, находясь в Новгородской губернии, Коротово располагалось южнее 58 параллели. Кажется невероятным, чтобы Е.Р. Дашкова, большую часть жизни прожившая в

Петербурге, которой, кстати сказать, и находится чуть южнее 60° параллели ($59^\circ 56' 31''$)¹⁴¹, могла жаловаться, что ее сослали на шестидесятую параллель. Вообще утверждение русского человека, что он живет на такой-то параллели, выглядит более чем странно. Например, генерал Ф.В. Бауер мог писать К.В. Нессельроде о визите Д. Дидро в Петербург, что «под 60° широты блекнут идеи, цветущие под 48° »¹⁴², но он не был русским. Сама конструкция фразы «Записок», позволяет заключить, что в ней идет речь не о географическом положении, а о температуре воздуха. Автор жалуется на свою печальную жизнь в крестьянской избе из-за невозможности выходить на воздух. Летом это невозможно из-за болот и непроходимых лесов, зимой же, когда болота замерзают, – из-за шестидесятиградусных морозов. Именно так русский переводчик передал это место в публикации 1907 г.: «Я не спешила писать это письмо и не просила разрешения переехать в Троицкое, если бы я одна страдала от жизни в крестьянской избе в шестидесятиградусные морозы, не имея возможности гулять даже с наступлением позднего и короткого лета, так как кругом были все болота и непроходимые леса»¹⁴³. Более точный перевод дан в издании 1987 г.: «..если бы одна страдала бы от тяжелой жизни в крестьянской избе, не имея возможности выходить на прогулки зимой из-за шестидесятиградусных морозов, а летом (которое наступает позднее и всего на несколько недель) из-за того, что окрестности представляют собой болота и непроходимые леса»¹⁴⁴.

Как это не покажется странным, но никто из переводчиков и комментаторов не обратил внимания на то, что в Новгородской губернии никогда не бывает шестидесятиградусных морозов. Возможно допустить, что написавший эти строчки пользовался не шкалой Цельсия или Реомюра, но Фаренгейта, употребляемой в Англии XIX в. Если считать, что температура воздуха дана в «Записках» по шкале Фаренгейта, то тогда и тогда получается, что в Коротово в XIX в. были морозы ниже – 51° по Цельсию. Разве Екатерина Романовна не знала, что таких крепких морозов там никогда не было? Кто мог пугать читателя невероятными морозами на русском Севере, кроме ее «ирландской дочери» Марты Вильмот?

Где причесывалась императрица по утрам?

Еще один важный фрагмент «Записок», свидетельствует о том, что автор текста не знал того, чего не могла не знать Е.Р. Дашкова.

Он связан с топографией Зимнего дворца, а точнее говоря, с расположением жилых покоев императрицы, с распорядком дня Екатерины II.

В начале 1780-х гг. княгиня была допущена в ближайшее окружение императрицы, бывала в ее комнатах достаточно часто¹⁴⁵. Впоследствии Екатерина Романовна неоднократно возвращалась туда в своих воспоминаниях. В этой связи показательно письмо Кэтрин Вильмот от 2 октября 1805 г.: «Мне совершенно необходимо в достаточной мере изучить героев и обычаи екатерининского времени, так как княгиня постоянно их упоминает и мысли ее так часто возвращаются ко двору, кабинету и будуару Екатерины, что мне уже кажется, я сама вспоминаю привычки и речи Екатерины»¹⁴⁶.

Рассказывая эпизод, связанный с публикацией «Вадима Новгородского», автор «Записок» пишет: «Через день я поехала к императрице с обычным докладом, твердо решив, что если она не позовет меня как всегда, в комнату бриллиантов... я не буду более к ней ездить по утрам и... подам прошение об отставке». К этому отрывку сделано в высшей степени интересное примечание, которое свидетельствует о том, что писавший эти строки знал о покоях императрицы лишь понаслышке, рисовал их в своем воображении, но никогда не бывал в них: «В этой комнате были выставлены большая и малая бриллиантовые короны и все бриллианты, когда императрица видела меня среди придворных в своей уборной, она всегда звала меня в эту комнату, где мы оставались с ней вдвоем и свободно разговаривали, пока ее причесывали»¹⁴⁷.

И.Г. Георги, составляя описание Санкт-Петербурга, обрисовал нам и бриллиантовую комнату: «Комнату с государственными регалиями можно почесть самым богатым кабинетом драгоценных вещей. Государственные регалии стоят в нем на столе под большим колпаком, через который все ясно рассмотреть можно». Обстоятельно описав большую и малую короны, скипетр, державу, И.Г. Георги продолжает: «По стенам сей комнаты расставлено несколько шкапов со стеклами, где лежит множество украшений алмазных и иных драгоценных камней, в других же великое число орденских знаков, портретов ее императорского величества, табакерок, часов и цепочек, готовален, перстней, бантов, золотых шпажных эфесов и других драгоценных вещей; из сего выбирает монархиня, что ей угодно на раздавание подарков»¹⁴⁸.

Достаточно мысленно представить себе эту комнату, чтобы понять, что туалет императрицы, который, конечно же, предполагал все аксессуары этой церемонии, не мог иметь места в парадной зале – настолько интимная обстановка будуара не сочеталась с полуофициальным характером бриллиантовой комнаты. Действительно, мы знаем о том, что Екатерину II причесывали в другом помещении – малой уборной. А.М. Грибовский описал, как это было: «После во внутренней уборной старый ее парикмахер Козлов убирал ей волосы по старинной моде... потом выходила в уборную, где мы дожидаясь, чтоб ее увидеть: и в это время общество наше прибавлялось четырьмя пожилыми девицами, которые приходили для служения государыне при туалете. Одна из них М.С. Алексеева, подавала лед, которым государыня терла лицо... другая, А.А. Палакуччи, накалывала ей на голову флеровую наколку, а две сестры Зверевы подавали ей булавки. Туалет сей продолжался не более десяти минут, в которое время государыня разговаривала с кем-нибудь из присутствовавших, в числе коих не редко бывал обер-шталмейстер Лев Ал.[ександрович] Нарышкин, а всегда граф Ал.[елександр] Серг.[евич] Строганов, всегдашние ее собеседники»¹⁴⁹.

То, что Екатерина II причесывалась во внутренней уборной, зафиксировано и другими современниками помимо А.М. Грибовского. Так, А.В. Храповицкий, кабинет-секретарь императрицы, записал в своем дневнике 13 января 1786 г.: «Позван в будуар во время убора волос»¹⁵⁰. А.И. Рибопьер, будучи ребенком, оказался при туалете царицы. Впоследствии он вспоминал: «Меня внесли в уборную государыни; она сидела в белом пеньюаре, перед зеркалом»¹⁵¹. Правда, Г.Р. Державин застал однажды Екатерину II во время уборки волос в бриллиантовой комнате: «... часу в 12-м, когда она начала в бриллиантовой комнате убираться... он входит (Гавриил Романович пишет о себе в третьем лице. – М.С.), видит ее в пудреной рубашке с распущенными волосами»¹⁵².

Видимо, в редких случаях императрица переносила «волосочесание» в бриллиантовую комнату. Вполне возможно, что исторический разговор между Е.Р. Дашковой и Екатериной II о пьесе Княжнина действительно состоялся в бриллиантовой комнате. Учитывая особую конфедециальность беседы о пьесе «Вадим Новгородский», возможно допустить, что в порядке исключения двум Екатеринам потребовалось переговорить с глазу на глаз. Сохрани-

лось письмо княгини А.Р. Воронцову, где она упоминает о том, что разговор действительно происходил в стенах бриллиантовой комнаты, причем императрица отослала своего «*requieter francais*»¹⁵³. Это вызывает определенные сомнения хотя бы потому, что императрица, стремясь быть во всем русской, не держала французской прислуги, в том числе и парикмахера. Видимо, автор текста «Записок» воспользовался этим письмом и сделал примечание, но при этом он не знал, что в письме описана ситуация специфическая, чрезвычайная и «волосочесание» в бриллиантовой комнате не было правилом.

Что же удивительного, для Марты Вильмот, никогда не присутствовавшей при туалете Екатерины II, немудрено было этого и не знать!

Городничий – sénéchal

Когда один из персонажей романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» по фамилии Поплавский приехал в Москву прописываться в «нехорошую квартиру», то на пороге апартаментов покойного Берлиоза его встретил кот Бегемот и потребовал: «Паспорт!». Удивительно в этом эпизоде только то, что у советского человека, которого «испортил квартирный вопрос», паспорт спрашивает кот.

А вот в «Записках» Е.Р. Дашковой есть один удивительный эпизод, который у внимательного читателя не может не вызвать недоумения. Буквально по-французски это выглядит так: «... *le sénéchal* *volut avoir son passe-port, dont il se saisit*»¹⁵⁴. То есть «...сенешаль потребовал у него паспорт и оставил его у себя»¹⁵⁵. Эпизод относится к 1797 г., когда княгиня была вынуждена отправиться в новгородскую ссылку. Речь идет об офицере Шрейдемане, которого П.М. Дашков прислал с письмом к матери, направляющейся в Коротово. Есть чему удивляться. Паспорт требуют от русского дворянина конца XVIII в. И кто требует? Сенешаль!

Позвольте спросить, когда у русского дворянина появился не заграничный, а внутренний, российский паспорт? При Александре III, в 1885 г.

Кто такой сенешаль? Сенешель – это королевский дворецкий, управляющий королевским доменом, представитель судебной местной власти в феодальной Франции, глава судебно-административного округа¹⁵⁶.

В русском переводе слово «le sénéchal» передано как «городничий», в то время как русское слово «городничий» переводится на французский как «le gouverneur de ville». Разве Екатерина Романовна не знала, что в России ее времени «пашпорты» были только у крестьян, отпускаемых на заработки? Неизвестен ни один текст, написанный рукой Е.Р. Дашковой по-французски, где слово «городничий» было бы переведено как «le sénéchal». Нетрудно догадаться, кто именно в ближайшем окружении княгини обозначал городничего именно этим словом. В дневнике Марты Вильмот 19 сентября 1807 г. сделана запись о скандале, связанном со священником церкви в Троицком. Местный дьякон Гаврила и его брат Василий «распространяли среди крестьян фальшивые банкноты. Одни из крестьян пытался в Москве оплатить этот банковый счет и был брошен в тюрьму за подлог. Бедняга едва не заработал кнут и ссылку в Сибирь, и освободили его лишь потому, что за него поручился управляющий (по имени Кондрат. – М.С.) Вот за это Василий с дьяконом решили отомстить Кондрату.

Когда княгиня приехала, ей, конечно, же все рассказали. Она сейчас же послала за серпуховским сенешалем, сделала официальное заявление об этом деле и передала своего поданного Василия в руки правосудия»¹⁵⁷. То есть Е.Р. Дашкова обратилась к городничему города Серпухова.

Нас не должно удивлять: Марта была уверена в том, что в то время, когда она жила в России, там существовали паспорта. Свидетельство этого находится опять же в ее дневнике. 5 октября 1808 г. англичанка поместила в нем следующие строчки: «Утром в Бронницах на убогом постоянном дворе я с удивлением увидела на стене масляный портрет фельдмаршала Миниха, почти не хуже того, что висит у княгини Дашковой. Я удивилась, а хозяин дома с интересом спросил, откуда я знаю, что это Миних. На мои расспросы об истории портрета он рассказал, что его двоюродный дед служил под командой Миниха и получил этот портрет в награду. Теперь фельдмаршалу приходится из своей рамы **следить** за тем, как подписываются паспорта проезжающих из Петербурга и в Петербург, потому что именно этим занимается внучатый племянник его солдата»¹⁵⁸.

Из фразы «подписываются паспорта проезжающих» нетрудно заключить, что словом «паспорт» Марта, видимо, обозначила то, что в России называлось «подорожной», то есть документ, дающий

право пользования лошадьми на почтовых станциях. По-французски «подорожная» обозначалась «la podogognaiа». По всей видимости, и в случае со Шрейдеманом городничий отобрал у него подорожную или какой-нибудь иной служебный документ, дающий право совершить служебную поездку, но ни в коем случае ни паспорт в собственном смысле слово, то есть документ, удостоверяющий его личность.

Впрочем, различие между паспортом и подорожной М. Вильмот прекрасно понимала. В этом не оставляет никаких сомнений запись в ее «Дневнике» 19 марта 1808 г.: «Вчера вечером возникли кое-какие сложности с подорожной (разрешением властей на получение почтовых лошадей). У меня спросили паспорта, а я оставила их у господина Голицына, московского генерал-губернатора. Перед моим отъездом из города он их запросил, а взамен выдал билет, которым предписывалось не задерживать меня между Москвой и Петербургом. Графиня В[ороцова] составила свидетельство, что я британская подданная, граф Румянцев частным образом написал письмо; и, наконец, князь Лобанов вручил мне мою подорожную, и я намеривалась выехать в 5 часов утра, но мистер Кавана не хотел и слышать об этом и настоял, чтобы я подождала до 12 часов и получила еще удостоверение от британского консула мистера Шерпа»¹⁵⁹.

Откуда было Марте знать, что российские дворяне не имели еще своих паспортов, удостоверяющих их личность?

---

¹ Шугуров М.Ф. Мисс Вильмот и княгиня Дашкова (Подлинные записки княгини Дашковой) // Русский архив. 1880. Кн. III. С. 196.

² ОР РГБ. Ф. 178. Муз. собр. Д. 7557. Л. 7 об.; Русский архив. 1873. Кн. I. Стб. 1847.

³ Шугуров М.Ф. Указ. соч. С. 196.

⁴ Веселая Г.А. Екатерина Романовна Дашкова в селе Троицком // Труды ГИМ. Вып. 58. М., 1984. С. 88; Долгова С.Р. Княгиня Е.Р. Дашкова и семья Малиновских. М., 2002. С. 94.

⁵ «Противоречивость характера княгини, – писала М. Вильмот в своем дневнике 13 июля 1808 г. – превосходит всякое воображение. Манеры у нее великосветские, но она совершенно не умеет скрывать своих чувств, каковы бы они ни были... При этом у нее прекрасное сердце, ясный ум, неизменная и даже немного смешная любовь к правде, которая заставляет ее говорить во всеулышание такие вещи, от которых присутствующие тарачат глаза, краснеют, бледнеют, кусают губы и разными другими способами выражают свои чувства, но все это воспринимается кня-

гинеи **совершенно хладнокровно**» (Дашкова, 1991. С. 472). В письме к А. Четвуд 24 сентября 1805 г. К. Вильмот так охарактеризовала Екатерину Романовну: «Княгине никогда не приходит в голову скрывать от кого-либо свои чувства или намерения – можете представить, в каком привилегированном положении она находится. Независимо от того, приятна правда или нет, княгиня говорит ее всем в глаза. Слава богу, что княгиня разумна и добра по натуре – противном случае она была бы невыносима». (Дашкова, 1987. С. 293). В «Записках» говорилось о том, что мысли Е.Р. Дашковой всегда отражались на ее лице (Там же. С. 119), природа отказала ей в умении притворяться (Там же. С. 203).

⁶ Дашкова, 1840. V. I. P. XXXV–XXXIX.

⁷ Дашкова, 1991. С. 242.

⁸ «...le portrait incohérent de mon orgueil, de ma sensibilité blessée, de la résolution d'être tout ce que je peux par moi-même et de la présomption de tâcher de me suffire à moi-même... (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. М., 1881. С. 9). Не совсем точный перевод дан в русских публикациях. «...мне пришлось бы признаться в своей гордости, уязвленном самолюбии и раскрыть принятое мною самонадеянное решение собственными силами добиться всего, что было мне доступно...» (Дашкова, 1985. С. 6). «...да и вряд ли я сама могла понять свое состояние, вызванное моей гордостью, оскорбленной чувствительностью и самонадеянным решением добиться всего собственными силами, обойдясь без посторонней помощи... (Дашкова, 1991. С. 42–43). Вот как это место передано в английском издании Марты Брэдфорд: «...if I had sketched the picture of my own mind, I must have described those traces of pride and sensibility which, failing to realize the romantic vision of my fancy, had inspired the presumption determination of looking for happiness only within myself». (Дашкова, 1840. V. I. P. 7).

⁹ «Je ne savais pas que je pourrai posséder un jour le courage; je croyais, au contraire, que ma sensibilité et l'irritabilité des mes nerfs me rendraient la vie pénible au point de succomber sous le poids des sensations douloureuses, de l'amour – propre offensé, et du déchirement d'un coeur aimant. Je me croyais déjà être tout ce que je serais jamais, et si l'on avait pu me dire alors tout ce que j'aurai à souffrir, j'aurais mis fin à mon existence: car je commençais à avoir un pressentiment qu'ici je serais malheureuse». (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. II). «At this time, indeed, I neither possessed the courage, nor did I think I ever should possess it, for such an undertaking but with gloomy presages of sorrow and disappointment, the too frequent attendants excessive sensibility, I though myself already all that I ever should be, and shrunk from contemplating evils which I imagined myself unable to encounter». (Дашкова, 1840. V. I. P. 9). В русских переводах этот важный пассаж связывается с желанием княгини путешествовать и передается следующим образом: «...но я думала, что у меня никогда не хватит мужества, и полагала, что моя чувствительность и раздражительность моих нервов не вынесут бремени болезненных ощущений, уязвленного самолюбия и глубокой печали любящего свою родину сердца. Я думала, что достигла уже всего, и, если бы кто-нибудь мог бы тогда предсказать мне страдания, ожидавшие меня, я бы положила конец своему существованию; у меня уже появилось предчувствие, предсказавшее мне, что я буду несчастна». (Дашкова, 1985. С. 6–7). «Однако я не думала, что у

меня когда либо достанет на то мужества; я полагала, что заявят о себе моя восприимчивость и болезненная возбудимость нервов и они не выдержат впечатлений, оскорбляющих самолюбие и причиняющих боль сердцу, любящему родину. Мне казалось, я уже испытала все, и если бы кто-нибудь тогда мне сказал, какие мне предстоят страдания, я бы покончила с собой. У меня возникло предчувствие, что на этом свете я буду несчастна». (Дашкова, 1991. С. 43) В рукописи этому пассажи предшествует текст о желании Екатерины Романовны путешествовать, что и побудило переводчиков трактовать этот фрагмент как боязнь не выдержать впечатлений от заграничного вояжа, однако в рукописном тексте этот фрагмент отделен от предыдущего небольшой вертикальной чертой, что обычно означает начало новой строки. (Брук. Л. 8).

¹⁰ Дашкова, 1991. С. 44, 53.

¹¹ Там же. С. 55–90.

¹² Там же. С. 91–99.

¹³ Там же. С. 127.

¹⁴ Там же. С. 171.

¹⁵ Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 244.

¹⁶ Там же. С. 300.

¹⁷ Там же. С. 301.

¹⁸ Там же. С. 307.

¹⁹ Дашкова, 1991. С. 212.

²⁰ Там же. С. 214.

²¹ Там же. С. 219.

²² Дашкова, 1985. С. 32.

²³ Там же. С. 65.

²⁴ Там же. С. 70.

²⁵ Там же. С. 99.

²⁶ Там же. С. 124.

²⁷ Там же. С. 133.

²⁸ Там же. С. 158.

²⁹ Там же. С. 165.

³⁰ Там же. С. 167–169.

³¹ Там же. С. 181.

³² Там же. С. 183.

³³ Там же. С. 188.

- ³⁴ Дашкова, 1991. С. 231.
- ³⁵ Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 363–364.
- ³⁶ Дашкова, 1987. С. 221.
- ³⁷ Дашкова, 1840. V. I. P. XXXV–XXXIX.
- ³⁸ *Шугуров М.Ф.* Указ. соч. С. 214–215.
- ³⁹ Там же. С. 184.
- ⁴⁰ Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 372.
- ⁴¹ *Шугуров М.Ф.* Указ. соч. С. 186–189.
- ⁴² Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 373.
- ⁴³ Там же. С. 373–375.
- ⁴⁴ *Шугуров М.Ф.* Указ. соч. С. 192.
- ⁴⁵ Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 376–377.
- ⁴⁶ *Шугуров М.Ф.* Указ. соч. С. 187–188, 194, 196.
- ⁴⁷ Дашкова, 1859. С. 390–439.
- ⁴⁸ *Wraxall.* Historical Memoires of My Own Time. London, 1816. P. 203–215; Архив князя Воронцова. Кн. XVII. М., 1880. С. 392–347, 453, 456–459.
- ⁴⁹ *Брикнер А.Г.* Зельмира // Исторический вестник. 1890. Т. 41. С. 280.
- ⁵⁰ *Лобанов-Ростовский А.Б.* Еще о записках княгини Дашковой // Русский архив. 1881. Кн. I. С. 375.
- ⁵¹ Letter Dedicatory to miss M. Wilmot, by the Princess Daschkaw // Дашкова, 1840. V. I. Перед С. XXXV.
- ⁵² Ibid. V. II. P. 215–307.
- ⁵³ Ibid. V. I. P. XVII–XXXI.
- ⁵⁴ Ibid. P. XX.
- ⁵⁵ Ibid. P. XXI.
- ⁵⁶ Дашкова, 1840. V. I. P. XXXIX; Дашкова, 1859. С. 292.
- ⁵⁷ Дашкова, 1840. V. II. P. 241.
- ⁵⁸ *Шугуров М.Ф.* Указ. соч. С. 160.
- ⁵⁹ Дашкова, 1840. V. I. P. XXII.
- ⁶⁰ Ibid. P. 1.
- ⁶¹ Дашкова, 1991. С. 510; Архив князя Воронцова. Кн. V. М., 1872. С. 159; ОПИ ГИМ. Ф. 450. Д. 804. Л. 8 об.

- ⁶² Дашкова, 1991. С. 245.
- ⁶³ Подлинные анекдоты императрицы Екатерины Великой, премудрой матери Отечества. М., 1806.
- ⁶⁴ Архив князя Воронцова. Кн. V. С. 1–5.
- ⁶⁵ Дашкова, 1859. С. 427.
- ⁶⁶ *Hyde H.M.* The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot. London, 1934.
- ⁶⁷ Дашкова, 1987. С. 246.
- ⁶⁸ The Memoires of Princess Dashkov. Translated and edited by Kyryl Fizlyon. London, 1958. P. 19; Mémoires de la Princesse Dashkoff. Dame d'honneur de Catherine II, Imperatrice de tout les Russes. Ed. Pascal Pontemolle. Paris, 1960. P. 15; Дашкова, 1987. С. 21; Дашкова, 1991 С. 24; Справочный том к запискам Е.Р. Дашковой, Екатерины II, И.В. Лопухина. М., 1992. С. 197; *Woronzoff-Dashkoff A.I.* Additions and Notes in Princess Dashkova's «Mon Histoire» // Study Group on Eighteenth-Century Russia: Newsletter. 1991. № 19. P. 15.
- ⁶⁹ Дашкова, 1987. С. 269.
- ⁷⁰ *Hyde H.M.* The Empress Catherine and Princess Daschkow. London, 1935. P. 277–279. 16 февраля 2006 г. в здании Philosophical Hall в выставочных помещениях Американского философского общества в Филадельфии экспонировались привезенные из Ирландии два подлинных дневника Марты Вильмот за 1803 г. и 1805 г. (*Горохова Е.Г.* Выставка княгиня и патрон: Екатерина Дашкова, Бенджамин Франклин и эпоха Просвещения // Е.Р. Дашкова в науке и культуре. М., 2007. С. 87). Интересное наблюдение сделал Э.Г. Кросс. Он обнаружил, что в английском издании мемуаров Е.Р. Дашковой Марта Вильмот поместила заметку о русских песнях в выдержках из дневников ее сестры Кэтрин, опубликованных в приложении (Дашкова, 1840, II, 417–419), в то время как эта записка в действительности находится в ее собственной записной книжке с пометкой: «Окончено в Москве накануне рождества по старому стилю 1807 г.», то есть тогда, когда Кэтрин уже уехала из России (*Cross A.G.* Early British Acquaintance with Russian Popular Song and Music (The Letters and Journals of the Wilmot Sisters) SEER. Vol. 66. № 1., January 1988. P. 33). Это важное наблюдение показывает, как свободно Марта оперировала имеющимся у нее материалом, создавая литературные фикции. О дневнике К. Вильмот см.: *Немонежная В.Ю.* Из истории личного дневника Кэтрин Вильмот (1806–1807) // Е.Р. Дашкова: Личность и эпоха. М., 2003. С. 212–218.
- ⁷¹ Дашкова, 1840. V. II. P. 240–241.
- ⁷² Ibid. V. I. P. XXII.
- ⁷³ Ibid. V. II. P. 241.
- ⁷⁴ Ibid. V. I. P. XIX.
- ⁷⁵ Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 1–365.
- ⁷⁶ *Шугуров М.Ф.* Указ. соч. С. 194–195.

- ⁷⁷ Там же. С. 204–209.
- ⁷⁸ Там же. С. 210–212.
- ⁷⁹ Рукопись «Записок» хранится в Библиотеке Британского музея. Ее шифр: Add. 31911. Sch. 83999.
- ⁸⁰ Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. С. 368–369.
- ⁸¹ Там же. С. 369–372.
- ⁸² Там же. С. 369, 374–375.
- ⁸³ Шугуров М.Ф. Заметки об английском переводе записок княгини Дашковой // Русский архив. 1881. Кн. II. С. 132–133.
- ⁸⁴ Там же. С. 136–139.
- ⁸⁵ Там же. С. 133–136, 139–140.
- ⁸⁶ Дашкова, 1997. С. 25; Дашкова, 1991. С. 25–25, Справочный том к запискам Е.Р. Дашковой... С. 199; *Woronzoff-Dashkoff A.I.* Op. cit. P. 15.
- ⁸⁷ М.Ф. Шугуров полагал, что речь шла о Ф.В. Ростопчине (*Шугуров М.Ф.* Мисс Вильмот и княгиня Дашкова. С. 185), но в действительности М. Вильмот имела в виду министра внутренних дел А.Б. Куракина.
- ⁸⁸ Дашкова, 1859. С. 422–427.
- ⁸⁹ Шугуров М.Ф. Указ. соч. С. 184.
- ⁹⁰ Дашкова, 1859. С. 297.
- ⁹¹ Библиотека Британского музея. Add. 31911. Sch. 83999. Л. 253–303.
- ⁹² Согласно Х.М. Хайду, в середине 1830-х гг. в руках Эвелин Мариндин находились письма Е.Р. Дашковой к Екатерине II, Д. Дидро, А. Дени, императрице Елизаветы Алексеевны, К. Гамильтон, М. Вильмот. Кроме того, в этом собрании находились записки бесед Екатерины II и княгини. Текст этих бесед Х.М. Хайд воспроизвел в своей книге. (*Unpublished Fragments of Conversations between Catherine II and Princess Dashkov // Hyde H.M.* Op. cit. P. 269–276).
- ⁹³ Английский перевод этой рукописи см: *The Memoires of Princess Dashkov.* London, 1958. Характеристику этого издания см.: *Woronzoff-Dashkoff A.I.* Op. cit. P. 15–16.
- ⁹⁴ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 36. Д. 749; Архив князя Воронцова. Кн. XXI.
- ⁹⁵ *Woronzoff-Dashkoff A.I.* Op. cit. P. 17–19.
- ⁹⁶ Едва ли можно признать имеющими научное значение сопоставление русского перевода английской публикации М. Брэдфорд, изданного А.И. Герценом (Дашкова, 1859) с русским же переводом французской публикации воронцовского экземпляра (Дашкова, 1987), предложенное составителями справочного тома к «Запискам» (Справочный том к запискам Е.Р. Дашковой... С. 256–258). Полнейшую путаницу в вопрос об оригинале «Записок» внесла Г.Н. Моисеева. Воронцовский экземпляр,

написанный частично рукой Марты Вильмот под диктовку княгини, частично самой Екатериной Романовной, Г.Н. Моисеева называет оригиналом. При этом исследовательница дает неверную ссылку на архив Воронцова, воспроизводя ошибочный шифр, указанный в московской публикации «Записок» 1987 г. (Архив ЛОИИ АН СССР. Ф. 36. Д. 750–752). Создается впечатление, что Г.Н. Моисеева никогда не видела рукописи, о которой она говорит, хотя ее подпись есть в листе использования. Далее Г.Н. Моисеева сообщает, что «ранняя» рукопись без примечаний Е.Р. Дашковой (?) была увезена К. Вильмот в январе (?) 1807 г. Видимо, первая советская издательница «Записок» никогда не видела описаний бруковского экземпляра. Вторая копия с примечаниями княгини, по словам Г.Н. Моисеевой, сохранилась в архиве Воронцова, то есть исследовательница имеет в виду ту рукопись, которую несколькими строками ниже назвала оригиналом. Затем Г.Т. Моисеева пересказывает свидетельство Марты о сожжении оригинала в Кронштадте. Остается совершенно неясным, какая же рукопись была сожжена. Затем, чтобы, видимо, окончательно запутать читателя, Г.Н. Моисеева пишет, что «Записки» Е.Р. Дашковой находятся в архиве Института истории АН и дает верную ссылку на воронцовский архив.

⁹⁷ *Шугуров М.Ф.* Заметки об английском переводе записок княгини Дашковой. С. 133.

⁹⁸ Брук. Л. 84, 131.

⁹⁹ Там же. Л. 97.

¹⁰⁰ Воронцов. Л. 109.

¹⁰¹ Там же. Л. 51 об.

¹⁰² Там же. Л. 2–106

¹⁰³ Брук. Л. 26–134.

¹⁰⁴ Там же. Л. 133.

¹⁰⁵ См. выше.

¹⁰⁶ Брук. Л. 135 об.–202; Воронцов. Л. 107–173.

¹⁰⁷ **Первый фрагмент:** «Le général Lanskoj, le favori, n'était que poli vis-à-vis de moi et s'il me témoignait quelque fois plus d'attention, l'on voyait clairement que l'impératrice la lui avait dictée. A l'arrivée du comte André Chouwalow, qui devint bientôt son chien couchant, Lanskoj commença d'abord à me témoigner, toutes les fois qu'il le pouvait, une malveillance bien prononcée. Le prince Potemkine, au contraire, me traitait avec beaucoup de considération et paraissait souhaiter de gagner mon amitié. Il me dit un jour que sa majesté, ayant appris que j'avais des dettes, elle voulait non-seulement les payer, mais qu'elle voulait encore, pour que je n'en contracte pas de nouvelles, finir à ses frais la bâtisse de ma maison à Moscou, la meubler et la rendre en état d'y loger sans de nouveaux frais pour moi. Je priai sur cela très-instamment le prince ?. d'en dissuader l'impératrice, mais de lui rappeler, au contraire, le voeu le plus ardent de mon coeur, que j'avais déjà pris la liberté de lui énoncer, que c'était relatif à ma nièce Poliansky; que, voyant ma soeur tous les jours et la voyant toujours triste, pouvant peut-être m'envisager moi-meme comme un des instruments, l'année 1762, de sa chute, ça produisait en moi

une sensation pénible que tous les bienfaits de sa majesté pour moi ne pourraient effacer. La nomination de ma nièce au rang de demoiselle d'honneur traînait encore» (Воронцов. Л. 115–116, 245–246; Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 245–246; Брук. Л. 141, 203).

Перевод: «Фаворит генерал Ланской был со мною не более чем вежлив, а если иногда проявлял какое-то внимание, то было совершенно очевидно, что это подсказано ему императрицей. По приезде графа Андрея Шувалова, который вскоре стал его угодливым псом, Ланской при всяком удобном случае стал выказывать в отношении ко мне подчеркнутое недоброжелательство. Князь Потемкин, напротив, относился с большим уважением и, казалось, желал снискать мою дружбу. Однажды он сказал мне, что ее величество, узнав о моих долгах, пожелала не только заплатить их, но, во избежание новых, закончить на свои средства строительство моего дома в Москве, меблировать его и сделать пригодным для жилья без дополнительных расходов с моей стороны. Я настойчиво просила князя Потемкина отговорить императрицу от этого, но вместе с тем напомнить о самом горячем моем желании – относительно моей племянницы Полянской, – которое я уже осмеливалась ей высказывать. Встречаясь каждый день с сестрой, видя ее всегда грустной и считая себя, быть может, причастной к ее падению в 1762 г., я была не в состоянии избавиться от тяжелого впечатления, которое не могли сгладить все благодеяния ее величества, оказанные мне. Назначение моей племянницы фрейлиной затягивалось» (Дашкова, 1991. С. 174–175).

Второй фрагмент: «seulement point des fonds pour les dépenses extraordinaires, mais était encore endettée; que notre commun devoir dorénavant sera de réparer ces désordres, et que le moyen le plus efficace et le plus court était de ne rien détourner ni dilapider de ce qui appartenait à l'Académie; que j'étais bien résolue de ne pas profiter à ses dépens et que, par conséquent, je ne permettrais pas à mes subalternes de le faire; qu'ainsi le plus court et le meilleur sera que chacun de nous s'abstienne de faire rien pour son profit et qu'en nous tenant strictement à ce principe» (Воронцов. Л. 121–121 об.; Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 257–258; Брук. Л. 145 об.).

Перевод: «не только не располагает средствами на экстраординарные расходы, но еще и обременена долгами. Отныне наша общая обязанность, подчеркнула я, навести порядок, а самый действенный способ для достижения результата – ничего не присваивать и не расточать из того, что принадлежит Академии; я твердо решила не пользоваться ничем для себя и, конечно, не позволю этого своим подчиненным. Таким образом, самое лучшее для каждого из нас – воздерживаться от какой-либо предприимчивости в свою пользу. При строгом соблюдении этого принципа» (Дашкова, 1991. С. 182).

Третий фрагмент: «l'avait seulement à vie, et le seigneur à qui elle reviendrait après la mort de cette dame; par conséquent ce n'était pas un objet de conséquence ni pour l'un, ni pour l'autre. Mais le prince Potemkine ne voulut pas que j'en écrivisse au roi ou au comte Stakelberg, alors notre ambassadeur en Pologne; le prince voulait arranger lui-même la chose. Cependant, finalement, je n'ai pas eu la terre Dashkawa, ni aucune indemnisation qui devait me revenir pour ce qui manquait à Krougloé, parce que je ne m'adressai pas même au Sénat pour cela.

Notre séparation avec mon fils me fut bien douloureuse; je ne pouvais m'accoutumer à son absence, mais ayant pendant toute ma vie constamment sacrifié les gratifications ou

jouissances personnelles au bien-être de mes enfants, je consentis a son depart pour l'armée, comme a une mesure qui lui serait avantageuse, et que l'état militaire qu'il avait embrassé ne lui permettait pas de laisser échapper. Il m'écrivait souvent. Le prince Potemkine en faisait un si grand cas, que tous ceux qui connaissaient le caractère insouciant et gâté par la fortune et les succès de Potemkine ne se laissaient pas de s'en étonner. J'étais donc en quelque façon assez tranquille, mais j'étais fatiguée et ennuyée des détails, des restaurations diverses à faire à l'Académie, et surtout des moyens que je devais trouver et employer pour faire cesser le gaspillage qui s'y était systematiquement introduit et exerce pendant plusieurs années.

L'été d'ensuite, leurs altesses impériales monseigneur le grand-duc Paul et son épouse retournèrent de leurs voyages de l'étranger. Je les vis assez rarement chez eux» (Воронцов. Л. 123 об.; Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. XXI, 261–262; Брук. Л. 147–147 об.).

Перевод: «Действительно, получить эту землю мне было бы легко: ею владела сестра польского короля, и притом только пожизненно; король, считавший себя обязанным моему мужу, мог без труда договориться с той и с тем лицом, к которому перешло бы имение после смерти этой дамы, так как ни для кого из них оно не было объектом наследования.

Но князь Потемкин не хотел, чтобы я писала об этом королю или графу Штакельбергу, тогда нашему послу в Польше: он желал сам устроить это дело. Однако, в конечном счете я не получила ни владения Дашкова, ни другого возмещения за недостаток душ в Круглом, потому что не стала обращаться по этому поводу в Сенат.

Разлука с сыном была для меня очень мучительной. Я не могла с ней свыкнуться, но постоянно жертвуя личными благами и радостями ради благополучия детей, согласилась на его отъезд в армию, потому что это было в интересах сына. Избранная им военная карьера не позволяла упускать такой случай. Он часто писал мне. Князь Потемкин так дорожил им, что все, кто знал беззаботный характер князя, избалованного удачей и успехами, не переставали удивляться. Я была этим как-то успокоена, но мелочи дел по восстановлению Академии утомляли и вызывали досаду, особенно изыскание способов прекращения неоправданных трат, производившихся систематически в течение нескольких лет.

Следующим летом их императорские высочества великий князь Павел и его супруга вернулись из своего заграничного путешествия. Я довольно редко ездила к их двору» (Дашкова, 1991. С. 184–185).

¹⁰⁸ Воронцов. Л. 108, 109 об., 110, 116 об., 121, 123, 147.

¹⁰⁹ Брук. Л. 135 об–202.

¹¹⁰ «...aux fonts du baptême, et mon parrain fut le grand-duc (comme après sous le nom de l'empereur Pierre III)» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 5; Брук. Л. 26). **Перевод:** «...от купели, а крестным отцом был, великий князь, будущий император Петр III» (Дашкова, 1991. С. 40).

¹¹¹ «...nous deux être parfaitement les mêmes; jamais cependant deux personnes dans toutes les diverses périodes de leurs vies n'ont été si différentes» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 6; Брук. Л. 26 об.). **Перевод:** «...нас совершенно одинаковыми. Между тем в жизни не было женщин более непохожих, нежели мы» (Дашкова, 1991. С. 40).

¹¹² «...mais comme sa majesté jouait en ayant son argent en poche sans que nous puissions voir combien il lui en restait, qu'ainsi il resterait toujours le dernier et profiterait de notre mise à la poule» (АВ, XXI, 36; Брук. Л. 42–42 об.). **Перевод:** «...но император, держа деньги в кармане, лишает нас возможности видеть, много ли у него осталось, поэтому всегда за ним остается последнее слово и он забирает наши ставки» (Дашкова, 1991. С. 57–58).

¹¹³ «...faillit m'achever entièrement.

Entre Pétersbonrg et Krasnoy-Kabak, espace de dix verstes, le terrain n'était qn'un marais et d'épaisses forêts que l'on suggéra à Pierre III de distribuer. La plupart des riches seigneurs le desséchèrent et en firent des campagnes charmantes; un de ces terrains fut donné à un des Holstinois» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 55; Брук. Л. 51 об.).

Перевод: «...едва не уморила меня вконец.

Между Петербургом и Красным Кабачком на расстоянии 10 верст протянулись болота и густые леса. Кто-то посоветовал Петру III раздать эти земли. Многие богатые вельможи осушили полученные участки, превратив их в прелестные дачи; один из наделов был отдан некоему голштинцу» (Дашкова, 1991. С. 68)

Примечание на этом листе: «Ces Holstinois étaient pour la plupart des garçons apprentifs ouvriers, qui avaient fui de leurs maîtres; il se trouvait parmi eux quelques soldats ou bas-officiers déserteurs des troupes des petits princes d'Allemagne; ils étaient bien reçus à Oranienbaum et incorporés dans les troupes de Pierre III, alors grand-duc, ou ils étaient avancés rapidement» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 55; Брук. Л. 51 об.). **Перевод:** «Голштинцы эти в большинстве были подмастерьями, бежавшими от своих хозяев; имелись среди них солдаты и унтер-офицеры, дезертировавшие из армий мелких немецких княжеств; их очень хорошо принимали в Ораниенбауме, зачисляли на службу в войска Петра III, тогда еще великого князя, и они быстро продвигались в чинах» (Дашкова, 1991. С. 68).

¹¹⁴ «Mes pieds étaient mouillés. En revenant chez moi, j'eus une forte fièvre. L'impératrice, l'ayant su, m'écrivit une lettre bien amicale, et son inquiétude sur ma santé la rendit bien mécontente de mon cavalier-servant, le comte de Stroganoff, qu'elle nommait ordinairement dans ses lettres à moi **le magot** (la laideur et les drôleries de mon cousin lui valurent à juste titre ce nom), l'accusant de n'avoir pas eu soin de moi et de n'avoir pas empêché que je m'exposasse ainsi. Au reçu de cette lettre ma fièvre était au plus haul degré, et la réponse que j'y fis devait être aussi incohérente que l'était alors mon cerveau. Je me suis seulement souvenue après que j'avais écrit tantôt russe et tantôt français, moitié vers et moitié prose. Quand je fus mieux, l'impératrice me demanda dans un de ses billets depuis quand je me mêlais de prophétiser, qu'elle comprenait fort bien les vers russes que ma partialité pour elle avait dictés, mais qu'en outre de ce langage de l'amitié vive et tendre qu'elle savait que je lui portais, elle ne comprenait rien à ma lettre, et surtout elle ne savait pas ce que voulait dire le certain jour qui devait arriver et donner le nom à ma première possession territoriale» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 56; Брук. Л. 52).

Перевод: «В болоте по колена и промочила ноги. Возвратись домой, я почувствовала сильную лихорадку.

Узнав о моей болезни, императрица написала мне дружеское письмо, тревожась о моем здоровье и выражая недовольство графом Строгановым (в своих письмах она обычно называла его «**маргышка**»; это прозвище ему, действительно, подходило

из-за некрасивой внешности и склонности к чудачествам), обвиняя моего спутника в том, что он не позаботился обо мне и не уберег от простуды.

Письмо императрицы пришло в самый разгар болезни, голова моя пылала, поэтому ответ, как и мысли мои, был довольно бессвязным. Потом я вспоминала только, что писала то по-русски, то по-французски, перемежая стихи и прозу. Когда мне стало лучше, императрица в одной из своих записок спросила меня, с каких пор я стала пророчествовать. Она писала, что поняла и оценила русские стихи, которые были подсказаны моим к ней пристрастием, но, кроме слов, выразивших горячую и нежную дружбу, которую, как она знает, я к ней питаю, она ничего не разобрала в моем письме; и уж совершенно не могла постичь, что я говорила о некоем дне, который придет и даст имя моему первому земельному владению» (Дашкова, 1991. С. 69).

¹¹⁵ «Tous mes parens venaient me voir, et entre autres le comte Panine aussi souvent que sa fonction de gouverneur le permettait. Comme il était essentiel pour nous qu'un homme de cette trempe fût des nôtres» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 57; Брук. Л. 52-об.). **Перевод:** «Когда графу Панину позволяли обязанности воспитателя наследника, он, как и другие родственники, меня навещал. Было очень существенно, чтобы человек такого склада примкнул к нам» (Дашкова, 1991. С. 69).

¹¹⁶ «...qu'un coup de main». Alors je lui nommai les principaux conjurés, comme les frères Roslavleff, Lassounsky, Passek, Brédikhine, Baskakoff, le pr. Bariatinsky, Khitroff etc., et les Orloff, qu'ils s'étaient associés. Il fut étonné et allarmé d'apprendre à quel point je m'étais embarquée et que je ne disais rien à l'impératrice de crainte de la compromettre» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 60; Брук. Л. 54).

Перевод: «...как полный переворот». Я назвала ему главных заговорщиков: братьев Рославлевых, Ласунского, Пассека, Бредихина, Баскакова, князя Барятинского, Хитрово и других, а также братьев Орловых, привлеченных ими. Узнав, как далеко я зашла, не ставя в известность императрицу (из опасения ее скомпрометировать), Панин был удивлен и встревожен» (Дашкова 1991, 71).

¹¹⁷ «...communiquai au comte Panin, et il nous fut aisé de l'amener à agir ou du moins de paraître au dénouement.

J'allais de deux jours l'un constamment à ma campagne, ou plutôt mon petit marais, pour y être seule et mettre par écrit quelques-unes de mes idées qui ne me parassaient pas bien claires. Par ces tournées fréquentes je persuadai que j'étais uniquement occupée de l'amélioration et l'embellissement de ce terrain.

Je recevais assez souvent des nouvelles de l'impératrice. Elle se portait bien et paraissait n'avoir aucune inquiétude. En effet, elle ne pouvait en avoir; car elle ignorait comme nous que le dénouement était si proche. Pierre III augmentait les dégoûts que l'on avait et s'attira le mépris le plus parfait et le plus général par la manière dont il remplissait la fonction de législateur. Sous le règne de l'impératrice Élisabeth, des peuples de la Serbie, aussi bien que ceux d'entre eux qui s'étaient réfugiés sous la domination de la maison d'Autriche, enfin des Hongrois et d'autres peuples qui étaient de la religion grecque, lui envoyèrent des députés pour la prier de leur accorder des terres dans ses domaines afin de s'y établir, ne pouvant plus endurer les oppressions que le clergé catholique, tout puissant pendant le règne de Marie-Thérèse, leur faisait éprouver. Sa majesté, quoique fort portée pour l'impératrice d'Allemagne, fut entraînée par le sentiment religieux de

protéger des peuples du rit grecque que l'on persécutait. Ces députés lurent bien recus; des belles terres dans la partie méridionale de la Russie leur furent assignées, et l'on leur avança de l'argent pour les aider dans les fraix que leur causerait leur transplantation, et en outre pour former quelques régiments de husards» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 62–63; Брук. Л. 54 об.–55).

Перевод: «Я переговорила с графом Паниным, и нам было нетрудно убедить Волконского принять участие в заговоре или по крайней мере появиться при развязке. Постоянно раз в два дня я ездила к себе в имение, или, лучше сказать, на свое маленькое болото, дабы побыть там одной и записать некоторые мысли, которые казались мне недостаточно ясными. Эти частые поездки убедили всех, что единственное мое занятие – улучшение и украшение своих земель.

Довольно часто я получала известия от императрицы. Она была здорова и, казалось, не испытывала никакой тревоги. В самом деле, ей и не о чем было беспокоиться, поскольку она, как и мы, не знала, что дело идет к концу. Отвращение, которое вызывал Петр III, усиливалось тем более, что он возбуждал всеобщее презрение и как нарушитель законов. При Елизавете те из сербов, кто нашел убежище во владениях Австрийского дома, а также венгры и другие народы, исповедующие православную веру, направили к русской императрице депутатов с просьбой пожаловать им земли в России, где бы они могли поселиться, ибо долше не в силах были сносить притеснения католического духовенства, чрезвычайно могущественного при Марии-Терезии. Хотя Елизавета была другом германской императрицы, она, вдохновясь сочувствием к преследуемым единоверцам, взяла их под свое покровительство. Депутатов хорошо приняли, переселенцам отвели земли на юге России, ссудили деньгами на покрытие расходов, связанных с переездом, и разрешили сформировать несколько гусарских полков» (Дашкова, 1991. С. 72).

¹¹⁸ «...qu'il croyait lui appartenir, il ne voulut pas retarder cette guerre jusqu'après son couronnement.

Le départ de la cour pour Péterhoff et Oranienbaum me donna plus de loisir. Je ne passais pas mes soirées chez l'empereur et je m'estimais fort heureuse de rester à Pétersbourg. Tout y paraissait caime, excepté que plusieurs soldats des gardes étaient impatients d'agir. Craignant d'être inopinément embarqués pour aller combattre le roi de Danemark...» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. XXI, 66–67; Брук. Л. 57).

Перевод: «...который, как он считал, принадлежал ему, Петр III не хотел отсрочить начало войны хотя бы до своей коронации.

После отъезда двора в Петергоф и Ораниенбаум у меня появилось больше досуга. Я уже больше не проводила вечера у императора и была совершенно счастлива, что осталась в Петербурге. Казалось, все было спокойно, лишь некоторые солдаты-гвардейцы не хотели мириться с бездействием. Опасаясь, что их неожиданно посадят на суда и отправят на войну с Данией...» (Дашкова, 1991. С. 74).

¹¹⁹ «...des dangers que l'Impératrice courait les faisaient sortir de leurs casernes, qu'il était difficile de les contenir longterns et que tous ces mouvemens, en avortant notre secret, nous exposaient terriblement. Je compris que ces messieurs n'étaient pas sans une dose de peur, sur quoi je voulais leur montrer que je ne craignais pas de partager leurs dangers. Je permis à ces deux messieurs de dire à leurs soldats que je venais de recevoir des nouvelles de l'impératrice, qu'elle était tranquille à Péterhoff, qu'ils devaient l'être

aussi, parce que l'on ne perdrait pas le vrai moment d'agir. Messieurs de Passek et Brédikhine parlèrent en ce sens le même jour aux soldats, et c'est ce qui a pensé nous être funeste et ce qui a provoqué le major des gardes Préobrajensky, monsieur de Woeïkoff, d'arrêter le capitaine Passek» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 68–69, Брук. Л. 58).

Перевод: «...о беде, грозящей императрице, взбудоражили солдат и долго удерживать их в казармах будет трудно, а их возмущение представляет для нас страшную угрозу, так как может провалить весь заговор. Я поняла, что эти господа весьма напуганы, и, чтобы показать им, что не побоюсь разделить с ними опасность, я попросила от моего имени передать солдатам: мною только что получены вести от императрицы, спокойно живущей в Петергофе, и им следует успокоиться – время действовать еще не пришло.

Пассек и Бредихин в тот же день передали мои слова солдатам, но разговор этот чуть было не стал для нас гибельным, ибо понудил майора гвардейского Преображенского полка Воейкова арестовать капитана Пассека» (Дашкова, 1991. С. 75).

¹²⁰ «...par quelques officiers et soldats, je me sentis portée sur les têtes presque des gens de toute condition. Je m'entendis nommer par les noms les plus flatteurs et les discours les plus touchants que l'on me faisait, étant accompagnés de bénédictions et vœux pour ma prospérité, qui me furent prodigués jusqu'à l'antichambre de sa majesté, où l'on me déposa comme une manchette perdue. L'habit tout froissé, le plus grand dégât dans toute ma parure, ne se peignaient à mon imagination bouillante que comme une espèce de triomphe; je ne pouvais ni n'en avais le tems de la réparer. Je me présentai donc comme cela à l'impératrice. Nous nous précipitâmes dans les bras l'une de l'autre. "Dieu soit loué! Grâce à Dieu", est tout ce que nous pûmes articuler toutes les deux. Sa majesté me rendit compte ensuite comment elle s'esquiva de Péterhoff, et je lui dis de mon côté tout ce que je savais et que mon habit d'homme, retenu par mon tailleur, a été cause que je n'ai pu, malgré le vif désir que j'en avais, aller à sa rencontre. Bientôt je m'aperçus qu'elle gardait encore le cordon de S-te Catherine et qu'elle n'avait pas mis le ruban bleu, qui est celui de l'ordre de S-t André» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 73–74; Брук. Л. 60 об.).

Перевод: «...некоторые офицеры и солдаты меня узнали, подняли и понесли над толпой. Мне говорили самые лестные и трогательные слова, желали счастья и благословляли. Меня несли на руках до самых покоев се величества.

Мое помятое платье и растрепанная прическа представлялись моему воображению как дань победе. Приводить себя в порядок не было времени, и в таком виде я предстала перед императрицей.

– Слава Богу! Слава Богу! – вот и все, что мы обе могли произнести, бросившись друг другу в объятия.

Екатерина рассказала мне, как она бежала из Петергофа, а я обо всем, что знала, и объясняла, что, несмотря на горячее желание выехать ей навстречу, не смогла этого сделать, поскольку портной задержал мой мужской костюм.

Тут я заметила, что императрица все еще носит ленту св. Екатерины и на ней нет голубой ленты ордена св. Андрея» (Дашкова, 1991. С. 78).

¹²¹ «...amener.

L'impératrice renvoya le général Ismaïloff vers l'empereur, en le conjurant de persuader sa majesté de se rendre pour éviter des malheurs incalculables que l'on ne pourrait dans

le cas contraire préveinr; qu'elle se ferait un devoir de rendre son existence agréable dans tel château un peu distant de Pétersbourg qu'il choisirait, et qu'elle remplirait en tant qu'il serait en son pouvoir tout ce qu'il désirerait.

Nous étions à peu de distance du couvent de la Trinité, quand le vice-chancelier prince de Galitzine arriva avec une lettre de l'empereur, et chaque instant notre cortège grossissait par ceux qui le quittaient volontairement.

Comme Oranienbaum n'est qu'à neuf verstes de Péterhoff, Pierre III, bientôt après que nous y fumes arrivés, put s'y rendre. Il était accompagné du général Ismailoff et de son adjudant-général Goudowitch. L'on fit passer l'empereur dans un appartement écarté, sans avoir été vu de presque personne, et l'on lui servit à dîner, après quoi il partit pour Ropcha, qui lui avait appartenu quand il était encore grand-duc et qu'il choisit dans ce moment de préférence à un autre château. Alexis Orloff et sous lui le capitaine Passek, le prince Théodore Bariatinsky et le lieutenant des gardes Préobragensky m-r Baskakoff, à qui l'impératrice confia la garde de l'empereur, l'y suivirent. Je ne l'ai pas vu, quoique je l'eusse pu faire; mais l'on m'assura qu'il mangeait de bon appétit et but son vin favori, le vin de Bourgogne, de m à même.

Il avait écrit deux ou trois lettres à son auguste épouse. Je n'en citerai qu'une dans laquelle l'abdication de la couronne était bien énoncée, bien claire. Ensuite il choisit quelques personnes qu'il désirait que l'impératrice nommât pour demeurer auprès de lui et il n'oublia pas d'y insérer aussi les provisions qu'il souhaitait avoir, nommément du vin de Bourgogne, des pipes et du tabac à fumer qu'il voulait avoir.

Mais en voilà assez sur un prince malheureux, parce qu'il avait été placé sur un piédestal au-dessus de sa sphère. Il n'était pas méchant; mais son incapacité, l'éducation qu'il avait reçue et sa vocation et inclination naturelle semblaient n'en avoir fait qu'un bon caporal prussien et non le souverain d'un grand empire.

Depuis la veille j'avais été toujours sur pied; mais je ne me sentais pas fatiguée...» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 78–80; Брук. Л. 62 об.).

Перевод: «...привести.

Меж тем императрица отправила Измайлова к Петру III, заклиная убедить его в необходимости сдачи, дабы избежать многочисленных несчастий, предотвратить которые, в случае отказа, будет невозможно. Императрица уверяла, что считает своим долгом сделать жизнь Петра приятной в любом удаленном от Петербурга, им самим выбранном дворце и что, насколько будет в ее власти, она исполнит все его пожелания.

Недалеко от Троицкого монастыря императрицу встретил вице-канцлер князь Голицын с письмом от императора.

С каждой минутой наша свита увеличивалась за счет тех, кто добровольно покидал Петра.

Ораниенбаум находится всего в девяти верстах от Петергофа, и вскоре после того, как мы туда прибыли, в сопровождении генерала Измайлова и адъютанта Гудовича приехал Петр III. Императора проводили в отдаленное помещение, так что его почти никто не видел, ему подали обед, а затем отвезли во дворец в Ропше, который он предпочел другим резиденциям и который принадлежал ему, когда он был еще великим князем.

Охранять и сопровождать Петра III императрица доверила Алексею Орлову, у которого под началом были капитан Пассек, князь Федор Бяратинский и поручик гвардейского Преображенского полка Баскаков.

Сама я не видела Петра III, хотя могла бы, по мне рассказывали, что обедал он с аппетитом и, как обычно,пил свое любимое бургундское.

Он написал два или три письма своей августейшей супруге. В одном из них в очень ясных и точных выражениях содержался отказ от прав на корону. Петр III просил императрицу назначить для пребывания с ним нескольких названных им человек; не забыл он упомянуть перечень нужных ему припасов, и в первую очередь бургундское, трубки и табак.

Но довольно об этом несчастном императоре, который вознесся на пьедестал не по своим возможностям. Он не был злым; но его ограниченность, недостаток воспитания, интересы и природные склонности свидетельствуют о том, что из него вышел бы хороший прусский капрал, но никак не государь великой империи.

С предыдущего дня мне пришлось все время быть на ногах, но усталость я ощущала только...» (Дашкова, 1991. С. 81–82).

¹²² «Il se montait à 160 rbl. qui faisaient 16 impériales que je avais en or, et je leur promis qu'à notre arrivée en ville ils boiraient aux frais de la couronne, parce que les cabarets leurs seront ouverts. Ayant passé à des autres postes ou corps de garde, je leur donnai ce qui me restait de ducats, que j'avais réservés dans une autre poche. Ma logique y fut goûtée aussi et eut l'effet désiré» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 81; Брук. Л. 64).

Перевод: «Всего у меня было 16 золотых импералов, что составляло 160 рублей; я пообещала солдатам, что, вернувшись в город, они получат выпивку за счет казны и все кабаки будут открыты.

Пройдя остальные посты и караульни, я отдала солдатам червонцы, оказавшиеся в другом кармане. Тут мои доводы также возымели желаемое действие» (Дашкова, 1991. С. 82).

¹²³ «Il faut savoir que je n'ai ni demandé...» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 81; Брук. Л. 81). **Перевод:** «Я не просила...» (Дашкова, 1991. С. 82).

¹²⁴ «.....venaient chaque matin lire avec moi quelque livres anglais, corriegaient ma prononciation, et c'est les seuls maîtres que j'aye eus dans cette langue, qui me devint bientôt assez familière.

Je me déterminai d'aller eu Angleterre, ne fût-ce que pour quelque semaines, ensemble avec la famille Tisdale...» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 134; Брук. Л. 86 об.).

Перевод: «...приходили читать со мной по очереди какую-нибудь английскую книгу и поправляли мое произношение; других учителей английского языка у меня не было, по вскоре я стала им владеть достаточно свободно.

Я решила хотя бы на несколько недель съездить в Англию с семейством Тисдейл...» (Дашкова, 1991. С. 112).

¹²⁵ «Cette tournée ne prit que 13 jours. Je laissai mon fils à Londres aux soins de notre ministre. La comtesse sa femme surtout méritait cette confiance de ma part. Tous les deux jours j'en recevais des nouvelles accompagnées d'un billet du petit dans lequel il se vantait d'avoir telle ou telle chose. Pour le consoler de mon absence, qui n'était pas indifférente pour lui aussi (car c'était la première fois que nous étions séparés), la comtesse le mena aux courses de chevaux et en visite chez la duchesse de Queensbury. Il me détailla dans son dernier billet cette petite expédition qu'il fit, fort joliment pour un garçon qui n'avait que sept ans» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 134–135; Брук. Л. 87).

Перевод: «Поездка заняла всего тринадцать дней. Сына я оставила в Лондоне на попечение нашего посла. Графиня Пушкина была совершенно достойна доверия. Каждые два дня от нее приходили известия с приложением записок от сыночка, в которых он хвастался тем или иным подарком. Чтобы утешить его в мое отсутствие – ведь мы разлучались впервые, – графиня возила его на скачки и с визитом к герцогине Куинсбери. В своем последнем письмеце сын подробно и очень мило для семилетнего ребенка описал этот маленький вояж» (Дашкова, 1991. С. 113).

¹²⁶ «...je ne saurai m'exprimer comme je le voudrais; mais je vous dirai qu'ayant très-souvent médité sur ce sujet, j'ai toujours cru voir un aveugle-né placé sur un rocher escarpé, environné de précipices effrayants; la privation de la vue le laissait ignorant sur le danger de sa position: n'en connaissant point les horreurs, il était gai, il mangeait et dormait tranquillement, il jouissait du chant des oiseaux et chantait parfois lui-même. Arrive un malheureux oculiste qui lui rend la vue, sans pouvoir le tirer de son horrible position. Voilà mon pauvre clair-voyant, malheureux à l'excès, il ne chante plus, il ne mange, ni ne dort presque plus; ces gouffres qui l'environnent, le pouvoir des vagues qu'il ne connaissait pas, tout l'effraye, et il finit par mourir dans son plus bel âge de frayeur et de désespoir».

Diderot fut soulevé de sa chaise comme par un pouvoir mécanique par cette petite esquisse que je lui fis. Il marcha à grands pas, et crachant contre terre avec une espèce de colère, me dit d'une seule haleine: **Quelle femme vous êtes! Vous bouleversez des idées que l'ai cheries et nourries pendant 20 uns.**

J'admirais tout en Diderot, jusqu'à cette espèce d'emportement, dont la manière chaude de voir et de sentir était la cause. Sa sincérité, l'amitié vraie qu'il avait pour ses amis, son génie pénétrant et profond, l'intérêt et l'estime qu'il m'a témoignés toujours, m'avaient attaché pour la vie. J'ai pleuré sa mort et je ne cesserais de le regretter que quand je ne serai plus animée par le souffle de la vie. L'on a peu connu cette tête extraordinaire. La vertu et la vérité présidaient à toutes ses actions, et le bien général était sa passion et sa poursuite constante. Si sa vivacité l'induisait en erreur quelquefois, il était sincère et en était la dupe lui-même. Mais ce n'est pas à moi à prétendre en faire un éloge digne de lui: d'autres plumes au-dessus de la mienne ne manqueront pas de le faire» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 138–140; Брук. Л. 88 об.–89).

Перевод: «...не сумею ясно выразить свою мысль, но я много размышляла о сем предмете, и мне представляется слепой от рождения, которого поместили на неприступную скалу, окруженную бездонной пропастью. Слепец не подозревал об опасности своего положения, не знал страха, был весел, спокойно ел и пил, наслаждался пением птиц, а порой пел и сам. Но вот приходит злополучный глазной врач и, не имея возможности вывести слепца из ужасного положения, возвращает ему зрение. Мой бедный прозревший безмерно несчастлив, он больше не поет, не ест и не спит; окружающая бездна, неведомые прежде пространства, о которых он не подозревал, – все пугает его, и он умирает в расцвете сил от страха и безнадежности.

Представив нарисованную мною картину, Дидро вскочил со стула будто подброшенный неведомой силой. Он зашагал большими шагами и, плюнув в сердцах, проговорил одним духом:

– Какая вы удивительная женщина! Вы перевернули представления, которые я вынашивал в течение двадцати лет и которыми так дорожил.

Все восхищало меня в Дидро, даже эта горячность, проистекающая от пылкости чувств и живости восприятия. Его искренность, дружелюбие, прозорливый и глубокий ум привязали меня к нему на всю жизнь. Я оплакивала его смерть и до последнего дыхания не перестану жалеть о нем. Этот необыкновенный ум был мало оценен. Живость характера приводила иногда к ошибкам, но он был искренен и сам первый страдал от своих промахов. Но не мне воздавать достойную его хвалу, другие писатели, гораздо значительнее меня, не забудут это сделать» (Дашкова, 1991. С. 115–116).

¹²⁷ «J'ignorais qu'il avait écrit, à son retour à Paris, un mémoire sur la révolution de Russie de l'an 1762, et qu'il en faisait la lecture en société dans des grands cercles. J'allais ordonner à mon domestique de le laisser entrer. Diderot m'en empêcha; il prit ma main qu'il serra fortement et me dit: "Un moment, s'il vous plaît, madame; retournons à la suite de vos voyages en Russie?" – "Quelle question!" lui répondis-je, „ai-je le droit d'expatrier mes enfans?" – "Hé bien", repliqua-t-il, "faites dire à La Rhulière que vous ne pouvez le recevoir dans ce moment, et je vous expliquerai mes raisons". Je voyais par son visage l'intérêt et l'amitié peintes vivement. Je fis refuser ma porte à une ancienne connaissance, dont l'esprit et l'instruction m'avaient rendu sa société si agréable: tant j'avais de confiance dans l'honnêteté d'âme de Diderot. "Savez-vous", me dit-il, "qu'il est l'auteur d'un mémoire sur l'avènement au trône de l'impératrice?" (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 140–141; Брук. Л. 89–90).

Перевод: «Я не знала, что, вернувшись в Париж, он написал записки о революции 1762 г. в России и читал их в широких кругах общества.

Я велела слуге ввести его. Дидро мне помешал; взяв меня за руку и крепко сжав ее, он сказал:

– Одну минуту, княгиня. Возвратитесь ли вы в Россию по окончании путешествия?
– Что за вопрос! – изумилась я. – Разве у меня есть право лишать детей их родины?
– Тогда прикажите сказать Рюльеру, что в настоящее время вы его принять не можете, а я вам объясню причину.

Его лицо выражало живое участие. Мое доверие к душевной чистоте Дидро было таково, что я не впустила в дом старинного знакомого, ум и образованность которого делали его общество столь приятным.

– Известно ли вам, – спросил Дидро, – что Рюльер – автор записок о восшествии на престол императрицы?» (Дашкова, 1991. С. 116).

¹²⁸ «Le tableau qu'il fait de la sensation que devaient éprouver les bons esprits» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 145; Брук. Л. 91) **Перевод:** «Дидро показал... что испытывали при всем этом честные умы» (Дашкова, 1991. С. 119).

¹²⁹ «Quand nous voulûmes au printemps partir pour la Suisse, nous ne pûmes avoir le nombre de chevaux dont nous avons besoin, et le maître de poste ne voulait pas nous permettre d'en louer ou en faire venir qu'à condition que nous lui payerions le nombre de chevaux qu'il nous fallait payer par l'ordonnance, quoiqu'il ne nous fournirait. Il disait qu'il en avait le droit, parce que ce n'est pas sa faute, qu'il a posté ces chevaux pour le passage de la princesse de Piémont qu'épousait le comte d'Artois. Cela lui avait été ordonné, et comme il payait beaucoup au roi pour sa place, il ne devait pas perdre le profit que des voyageurs lui rapportaient. Selon l'ordonnance je devais payer, par le nombre de domestiques que j'avais, et nous mêmes y comprises, pour 16 chevaux. Ensuite,

il y avait la poste royale à Aix, ce qui veut dire les lieues doublées. Ensuite, je devais payer les chevaux que nous aurions loués, et cela faisait un objet à considérer, surtout quand c'était une mesure si arbitraire qui tombait comme sur les sujets. Madame Hamilton et sa tante lady Ryder, qui voulaient faire ce voyage avec moi, consentirent à retarder de quelques jours notre départ, dans l'intervalle desquels nous persuadâmes le maître de poste de me donner 5 chevaux et 4 boeufs, moyennant quoi je lui payerais le montant d'argent qui lui revenait pour 16 chevaux, comme s'il me les avait fournis». (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 146; Брук. Л. 91 об.–92).

Перевод: «Весной нам захотелось поехать в Швейцарию, но мы не смогли заполучить нужного количества лошадей. Хозяин почтовой станции предлагал купить или нанять лошадей при условии, что будет оплачено число лошадей, указанное в подорожной, а не действительное. Хозяин оправдывался тем, что ему приказали поставить лошадей при проезде принцессы Пьемонтской, невесты графа д'Артуа. А поскольку за свое место он много платил королю, то считал себя вправе не терять барыши, которые доставляли ему путешественники. Для нас самих и для слуг, бывших при мне, нам следовало получить 16 лошадей. В Эксе почта была королевской, из-за чего мили оплачивались вдвойне. Кроме того, мне нужно было платить и за нанятых лошадей; тут было о чем подумать, особенно, если принять во внимание, что решение почтмейстера было самовольным и затрагивало нас, как будто мы были французские подданные.

Госпожа Гамильтон и ее тетушка леди Рейдер хотели ехать вместе со мной, и потому они отсрочили на несколько дней отъезд; за это время мы уговорили хозяина почты дать мне четырех волов и пять лошадей с тем, что оплачена будет стоимость шестнадцати» (Дашкова, 1991. С. 119–120).

¹³⁰ «Je ne fus pas de la partie, parce que ma belle-mère était dangereusement malade. Après une maladie de trois semaines, pendant lesquelles, attequée moi-même d'une fièvre nerveuse et spasmodique, j'allais passer la plus grande partie de la journée au chevet de son lit, ma belle-mère alors daigna me témoigner beaucoup d'estime et d'amitié et une approbation plénière, surtout de ce que je faisais pour l'éducation et le bien de mes enfans. Elle mourut entre mes bras, m'ayant signifié le désir qu'elle avait d'être enterrée dans le cimetière où les ancêtres des princes Dashkaw et son mari étaient enterrés, an nouveau couvent du Sauveur. J'en sollicitai vainement la permission, ce monastère n'étant pas cette année celui où l'on enterrait» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 164; Брук. 96 об.).

Перевод: «Я не участвовала в поездке потому, что очень серьезно болела моя свекровь. Она хворала три недели, в течение которых я, сама, страдая нервической и спазматической лихорадкой, большую часть дня проводила у ее постели. Свекровь выказывала мне уважение и дружеские чувства, полностью одобряя все, что мною делалось для воспитания детей, и то, как я распоряжалась имуществом. Свекровь умерла у меня на руках, завещав похоронить ее в Ново-Спасском монастыре, где были похоронены ее муж и предки князей Дашковых... в тот год в Ново-Спасском монастыре не хоронили, и я тщетно пыталась добиться разрешения» (Дашкова, 1991. С. 129–130).

¹³¹ «...quand ce sera pour vous faire place, je le ferai avec bien du plaisir». Cet étonnant discours me fit regretter que mon fils ait été présent; je me pressai de le renvoyer hors de

la chambre avant qu'il présume d'y faire une réponse quelconque, en le chargeant, d'écrire un billet au docteur Burtin pour le prier de ne pas manquer de venir à 9 heures du matin, pour aller ensemble exploiter les collines voisines, qui contenaient beaucoup de jolies pétrifications. Quand mon fils fut sorti, je dis au prince Orloff que je ne concevais pas comment il pouvait adresser de pareils discours à un garçon qui n'avais pas 17 ans...» (Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 183–184, Брук. Л. 107).

Перевод: «“Я бы сделала это с большим удовольствием, если бы свое место он уступил именно вам”.

Услышав эти странные слова, я пожалела, что сын здесь находился, и, прежде, чем он придумал, как ответить, поспешила отправить его из комнаты (поручив срочно написать записку доктору Бюртену и напомнить об обещании прийти к 9 часам утра, чтобы вместе осмотреть близлежащие холмы со множеством окаменелостей). Когда сын вышел, я сказала Орлову, что не понимаю, как он мог обратиться с подобными речами к семнадцатилетнему мальчику...» (Дашкова, 1991. С. 140–141).

¹³² Брук. Л. 51 об.; Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 55; Дашкова, 1991. С. 68.

¹³³ Брук. Л. 36; Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 27; Дашкова, 1991. С. 52.

¹³⁴ Брук. Л. 58; Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 68–69; Дашкова, 1991. С. 75.

¹³⁵ Брук. Л. 54, Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 61; Дашкова, 1991. С. 71

¹³⁶ Брук. Л. 57; Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 67, Дашкова, 1991. С. 74.

¹³⁷ Брук. Л. 59 об.; Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 70; Дашкова, 1991. С. 76.

¹³⁸ Брук. Л. 188.

¹³⁹ Воронцов. Л. 159.

¹⁴⁰ Дашкова, 1840. V. II. P. 17.

¹⁴¹ *Башуцкий А.П.* Панорама Санкт-Петербурга. Ч. II. СПб., 1834. С. 1–2.

¹⁴² *Бильбасов В.А.* Дидро в Петербурге. СПб., 1884. С. 134.

¹⁴³ Дашкова, 1985. С. 193.

¹⁴⁴ *Тычина Л.В.* Отношения Екатерины Великой и Е.Р. Дашковой в 1784–1784 гг. // Е.Р. Дашкова и Золотой век Екатерины. М., 2006. С. 10–26; *Бессарабова Н.В.* Е.Р. Дашкова при дворе русских императриц // Е.Р. Дашкова: Портрет в контексте истории. М., 2005. 52–67.

¹⁴⁵ Дашкова, 1987. С. 195.

¹⁴⁶ Там же. С. 296.

¹⁴⁷ Дашкова, 1985. С. 174.

¹⁴⁸ *Георги И.Г.* Описание российского императорского столичного города Санкт-Петербурга, достопримечательностей в окрестностях онаго. СПб., 1794. С. 76–77.

¹⁴⁹ *Грибовский А.М.* Записки о императрице Екатерине Великой. М., 1864. С. 6.

¹⁵⁰ *Храповицкий А.В.* Дневник. СПб., 1901. С. 6.

- ¹⁵¹ Русский архив. 1887. № 4. С. 469.
- ¹⁵² *Державин Г.Р.* Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. VI. СПб., 1871. С. 661.
- ¹⁵³ Архив князя Воронцова. Кн. V. С. 222.
- ¹⁵⁴ Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 334.
- ¹⁵⁵ Дашкова, 1991. С. 226.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 570.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 425.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 493.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 449.

Список сокращений, принятых в данной статье

Брук	British Museum Library. Brook family papers. Additional 31911. Sch. 83999.
Воронцов	Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 36. Д. 749.
Дашкова, 1840. V. I	Memoires of the Princess Daschkaw, Lady of Honour to Catherine II, Empress of all the Russias: Written by Herself: comprising Letters of the Empress and other correspondence. Edited from the Originals, by Mrs. W. Bradford in two volumes. V. I. London, 1840.
Дашкова, 1840. V. II	Memoires of the Princess Daschkaw, Lady of Honour to Catherine II, Empress of all the Russias: Written by Herself: comprising Letters of the Empress and other correspondence. Edited from the Originals, by Mrs. W. Bradford in two volumes. V. II. London, 1840.
Дашкова, 1859	Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. Репринтное воспроизведение. М., 1990.
Дашкова, 1907	Записки княгини Дашковой / Пер. с фр. по изданию, сделанному с подлинной

- рукописи. Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907.
- Дашкова, 1985 *Дашкова Е.Р.* Записки. 1743–1810 / Подготовка текста, статья и комментарий Г.Н. Моисеевой. Отв. Ред. Ю.В. Стенник. Л., 1985.
- Дашкова, 1987 Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева. Сост. Г.А. Веселая. М., 1987.
- Дашкова, 1991 Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева. Вступ. ст. Г.А. Веселой и С.С. Дмитриева. М., 1991.
- Дашкова, 1999 *Princesse Dashkova. Mon Histoire: Mémoires d'une femme de lettres Russe à l'époque de lumières: Suivis des lettres de l'impératrice Catherine II. Edition présentée et annotée par Alexandre Woronzoff-Dashkoff, Catherine Le Couis, Catherine Woronzoff-Dashkoff. Préface de Francis Ley. Paris, 1999.*

Окончание статьи – в следующем сборнике

ЕЩЕ РАЗ ОБ АВТОРСТВЕ ЗАПИСОК Е.Р. ДАШКОВОЙ

Е.Н. Фирсова

Главную версию создания записок Е.Р. Дашковой знают все: княгиня, начитавшись французских памфлетистов – К.К. Рюльера, Ж. Кастера и т.п. – задумала написать опровержение клевете как свидетельница и участница известных исторических событий.

Вынашивая эту мысль несколько лет, Екатерина Романовна не могла ее осуществить по ряду причин. Во-первых, она не видела в ближайшем обозрении подходящего издателя – человека, который поймет ее и поверит ей безусловно. Во-вторых, она не хотела, чтобы этот труд был издан при ее жизни, о чем говорила позже неоднократно. И, самое главное, не было вдохновения, которое всегда является своеобразным толчком к любому творению. Е.Р. Дашкова всегда творила по вдохновению и для кого-то. Вспомним «Гоисиокова» для Екатерины, четырехголосный гимн – для Арабеллы Дени, преобразование сада в Андреевском – для любимого брата А.Р. Воронцова и т.д.

Все это вместе появилось с Мартой Вильмот, и княгиня принялась за историю своей жизни. «Таким образом, – пишет Марта, – согласно принятому решению и, не откладывая дела в долгий ящик, она немедленно принялась писать свои записки. Хотя с этой минуты они постоянно лежали на ее бюро, и она ежедневно что-нибудь приписывала в них, тем не менее, они, казалось, так мало занимали ее мысли, что, не заботясь о перерывах, она никогда не отказывалась выслушивать множество лиц, обращавшихся к ней с бесчисленными вопросами и просьбами; казалось, ни одной минуты своего досужего времени она не отделяла собственно на записки»¹.

На XIV Дашковских чтениях в апреле 2008 г. докладчик М.М. Сафонов, неоднократно ранее в прессе подвергавший сомнению авторство Екатерины Романовны, выступил с тем же вопросом: «Кто написал записки Е.Р. Дашковой?».

Одним из аргументов, выдвинутых докладчиком в пользу своей версии, был тот, что княгиня, дескать, была больной немощной

старухой не способной держать в руках перо. Об этом же М.М. Сафонов писал ранее в газетах и на сайтах Интернета².

Екатерине Романовне к моменту написания «Записок» (начало 1804 г.) было всего 60 лет. Это отнюдь не старуха. Она была крепкой и вполне трудоспособной. Достаточно вспомнить, что именно в 1804–1806 гг. она активно сотрудничала с журналом «Друг просвещения», куда отправляла большие собственноручные статьи, о чем сообщает в записках историк С.Н. Глинка. Е.Р. Дашкова вела полемику с «Северным вестником» о преимуществах использования вольного труда в помещичьем хозяйстве и даже в 1808 г. печаталась под разными псевдонимами в «Вестнике Европы», «Русском вестнике», возможно, и в других журналах.

Вот что записала в дневник Марта Вильмот 11 февраля 1805 г. спустя год после начала написания княгиней «Записок», то есть, в то время, когда работа над ними была в полном разгаре: «Только что она закончила писать очень умный, живой и насмешливый отзыв на статью по сельскому хозяйству... Несмотря на возраст она сохранила ясность и остроту мышления... Пишет она чрезвычайно легко. Сложность затронутых вопросов не затрудняет течение ее мыслей, так же как не мешают ей постоянные отвлечения на посторонние разговоры или дела»³.

Руки Екатерины Романовны были в состоянии не только держать перо. Это отметила Кэтрин Вильмот уже в то время, когда «Записки» были закончены: «Она все умеет делать – пособляет каменщикам класть стены, собственными руками помогает делать дорожки, кормит коров; сочиняет музыкальные пьесы, пишет для печати, она врач, аптекарь, фельдшер, коновал, плотник, судья, юрист, одним словом, она ежедневно делает ни с чем несообразные вещи; ведет переписку с братом, занимающим первое место в империи, с писателями, с философами, с поэтами, с сыном, с многочисленными родственниками и, за всем тем у нее по-видимому остается еще слишком много досужего времени, с которым она не знает что делать»⁴. Это было первое впечатление Кэтрин о Е.Р. Дашковой, поэтому оно непредвзято. Да, княгиня часто страдала приступами ревматизма, терпела страшные боли в ногах, но чуть только болезнь ее отпускала, она продолжала вести свой обычный активный образ жизни.

Авторские права на записки Екатерины Романовны М.М. Сафонов смело отдает Марте Вильмот. Раз так, то зачем первая руко-

пись называлась оригиналом, а две другие копиями? Общеизвестно, что копии делала Марта. Выходит, она их списывала со своего же оригинала?

Обратимся к исследователю первой копии записок княгини, находящейся в Англии у потомков Марты Вильмот (Брэдфорд), князю А.Б. Лобанову-Ростовскому: «Записки переписаны госпожою Брэдфорд; но, при этом, множество мест писано рукою княгини Е.Р. Дашковой. Таких мест не менее 35. Очевидно, что рукопись уже вполне переписанная, была пересмотрена княгиней Е.Р. Дашковой... При рассмотрении этих дополнений нельзя не прийти к убеждению, что все они принадлежат княгине Е.Р. Дашковой. Самый слог их служит доказательством их достоверности: несмотря на отсутствие всяких притязаний на щеголеватость или на академическую правильность, в них однако видно полное знание французской разговорной речи прошлого века, между тем как из частых промахов госпожи Брэдфорд при переписывании и в особенности из Французского вступления, от которого она весьма благоразумно отказалась, можно заключить, что она далеко не в такой степени владела французским языком»⁵. О происхождении этих вставок Марта писала следующее: «Когда несколько листов были написаны, я начала снимать копию. Иногда она брала из моей руки перо и сама приписывала строку или две. Таким образом “Записки” продвигались вперед»⁶.

Далее А.Б. Лобанов-Ростовский пишет: «Говоря о достоверности этих дополнений, я, разумеется, имею в виду один только французский текст, который я имел перед глазами, но нисколько не заступаюсь за английский перевод госпожи Брэдфорд. Она постоянно увлекается желанием сгладить шероховатости подлинника и придать более приличный вид тому, что ей кажется слишком резким или смелым, мало заботясь о сохранении точности и энергии выражений княгини Дашковой»⁷. Если считать, что М. Вильмот написан подлинник, то откуда в нем появились те шероховатости, которые она при переводе так увлеченно сглаживает, придавая тексту «щеголеватость и академическую правильность», которые чужды слогу княгини?

Это же определил и исследователь М.Ф. Шугуров, сравнивая вторую копию записок Екатерины Романовны, оставшуюся в России, с английским переводом: «Но г-жа Брэдфорд не поняла своей задачи. Она не догадывалась, что заботливым исправлением слога,

тщательной обработкой многих мест вверенного ей подлинника она портила издание, которому, не жалея средств старалась придать возможное типографическое изящество»⁸.

Изучая эту вторую копию записок, М.Ф. Шугуров заметил: «Инде попадаются белые места, происшедшие, очевидно, от встречавшихся для переписчицы затруднений в разборе того, или другого слова в автографе; инде замечаются описки и орфографические ошибки, происшедшие, может быть, от таковых же недосмотров в подлиннике, а может быть и от недостаточной опытности во французском языке самой мисс Вильмот»⁹.

Издатель «Русского вестника» П. Бартнев во вступлении к «Запискам» написал: «Автобиография напечатана вполне, без всяких изменений, с исправлением только явных орфографических ошибок переписчицы»¹⁰.

Как видим, трое известных историков не считали записки Е.Р. Дашковой апокрифом, никоим образом не сомневаясь в том, что они были собственноручно писаны самой Екатериной Романовной, а М. Вильмот только снимала с них копии, то есть была переписчицей, при этом слабо владеющей французским языком.

Действительно, Марта плохо знала французский язык, о чем сама заявляла: «Княгиня сказала мне, что французский язык совершенно необходим в русском обществе, что я должна познакомиться с ним. Она желала, чтобы я каждое утро представляла ей письменные упражнения...»¹¹. М.М. Сафонов считает, что М. Вильмот хорошо знала французский язык, и что история с письменными упражнениями – ее очередная ложь, преследующая какую-то лукавую цель.

В своем дневнике и письмах к родным Марта периодически упоминает о работе Е.Р. Дашковой над «Записками», а также о своем переписывании их и переводе на английский. Вот первая запись: «10 февраля 1804 г. Княгиня начала записывать историю своей жизни... Вероятно, это будет чрезвычайно интересный труд»¹². И через месяц: «29 марта 1804 г. Троицкое. Я заменила мебель в моих комнатах и организовала маленькую очаровательную уборную, где я читаю, пишу, играю на гитаре. Я начала переводить на английский “Записки” моей дорогой княгини. Она пишет их по-французски»¹³.

Если французский язык Марте был отчасти знаком, то русский был ей совсем чужд. Она его не воспринимала на слух, поэто-

му даже под диктовку не смогла бы писать сложные русские названия и имена. Всем, кто читал записки Екатерины Романовны, очевидно, что охватить такую массу событий, имен и в сжатой форме все это изложить подвластно только непосредственному участнику этих событий, знающему каждый штрих своей жизни. М. Вильмот же и в конце своего пятилетнего пребывания в России с трудом писала русские имена даже на своем родном английском языке. Так, имя Жихарева она записала как Гахерова. Абсурдно предполагать, что Е.Р. Дашкова могла доверить иностранке, не знающей ни французского языка, ни русского, писать историю своей жизни, основанную на огромном, сложном для восприятия материале, испещренную массой различных событий и трудновоспринимаемых для иностранцев русских имен. Вот доверить снимать копии – это другое дело.

Тем не менее, М.М. Сафонов пишет следующее: «Видимо, стареющей и постоянно мучимой недугами Е.Р. Дашковой было не под силу создать самой такое сочинение. Марта и Кэтрин Вильмот предложили ей свои услуги... Составлявшееся таким образом сочинение представлялось Е.Р. Дашковой на апробацию. Та по мере сил старалась участвовать в работе – писала небольшие фрагменты собственноручно, частично правила написанный Мартой текст. Но, по всей видимости, в период создания “Записок” Е.Р. Дашкова находилась уже в таком состоянии, что ее непосредственное участие в этой работе было минимальным». Чуть выше М.М. Сафонов пишет совершенно противоположное: «Фрагменты, написанные рукой Е.Р. Дашковой, свидетельствуют об активном вторжении княгини в создаваемый Вильмот текст»¹⁴.

Это, по мнению М.М. Сафонова, доказывает, что княгиня «пробовала писать самостоятельно, но с этой ролью едва справлялась»... при этом «активно» вторгаясь в текст!

Кроме того М.М. Сафонов пытается внушить читателю сомнение в том, что Е.Р. Дашкова по своим писательским талантам смогла бы написать такие замечательные мемуары, потому и поручила это более одаренным сестрам (а сама, вероятно, в это время занималась более доступной для нее работой: лушила зерно и доила коров).

М.Ф. Шугуров же, не сомневающийся в талантах Екатерины Романовны, порицает Марту только как издательницу: «Мы имели уже случай указывать на то, что издание “Записок” Е.Р. Дашковой на английском языке было по всей вероятности решено еще в Тро-

ицком, при чем Е.Р. Дашкова не давала своей любимице полномочия исправлять слог, изменять текст рукописи пропусками, дополнениями и пр. Мы знаем даже положительно, что она старалась оградить свои Записки от разных дополнений, предлагая своему другу поместить их или в предисловии или в конце “английского перевода” в виде приложения»¹⁵.

В подтверждении этих слов можно вспомнить строки из записок историка С.Н. Глинки, издателя журнала «Друг просвещения»: «Быстро встала княгиня с софы при входе нашем и, подошед ко мне, сказала: “Очень рада, что вижу издателя Русского Вестника. Я вызываюсь к вам в соотрудницы, только с уговором: я настойчива и даже своенравна в мнении и в слоге моем; прошу не переменять у меня ни буквы, ни запятой, ни точки”»¹⁶.

М. Вильмот приехала в Россию в сентябре 1803 г., а записки Е.Р. Дашкова начала писать уже в начале февраля 1804 г. За такое короткое время ни Марта, ни кто-либо другой не в состоянии были бы так изучить и прочувствовать чужую жизнь, чтобы взять на себя смелость излагать ее на чужом языке, даже пользуясь какими-то старыми записями. Записные же книжки, как правило, фиксируют только основные события, исключая всякого рода душевные переживания, которыми так изобилуют мемуары Екатерины Романовны.

Для самой княгини описывать свою жизнь было естественно. Стоило ей решиться и сесть за мемуары, как все само собой пошло. Она думала и писала одновременно, легко, без напряжения. Вот запись Марты, сделанная в Белорусском имении Е.Р. Дашковой Круглом 25 августа 1804 г.: «В настоящее время княгиня очень усердно пишет свои записки, и я с удивлением наблюдаю, с какой быстротой она продвигается вперед. Вот она ведет долгие расчеты со своим старостой, затем напишет полстраницы, потом начнет улаживать ссору между двумя крестьянами, и снова – за перо. Ни на минуту не остановится она, чтобы обдумать что хочет сказать или как лучше построить предложение. Каждое слово ложится на бумагу так же естественно, как ведется обычный разговор; каждое событие, о котором она вспоминает, воспроизводится точно и нужными словами»¹⁷.

Противопоставляя творческий литературный стиль Екатерины Романовны как автора подлинной рукописи стилю Марты Брэдфорд как автора перевода ее на английский язык, М.Ф. Шугуров

замечал: «Приведенные примеры наглядно показывают, каким изменениям в некоторых местах подвергался текст, бывший в руках г-жи Брэдфорд рукописи, ради внесения дополнений и красоты слога. Сама Е.Р. Дашкова была неспособна к такой мелкой, кропотливой работе. Она по свидетельству самой же г-жи Брэдфорд, писала быстро и никогда не выскабливала и не изменяла фраз в своей рукописи. У нее не было ни времени, ни охоты заниматься тщательной литературной отделкою... Она, правда, просматривала, хотя и не особенно тщательно, копии, исправляла вкрапившиеся в них ошибки, сама иногда принимала участие в переписывании, но этим и ограничивалась здесь ее работа»¹⁸.

7 июня 1805 г. М. Вильмот записала в дневнике: «Начала снимать копию с “Записок” княгини Дашковой»¹⁹.

В конце сентября к Екатерине Романовне приехала старшая сестра Марты – Кэтрин Вильмот. В своем письме от 1 октября 1805 г. она сообщает: «Княгиня обещала показать мне письма Екатерины, и я уже прочла большую часть жизнеописания княгини, написанную ею самою»²⁰. Через несколько дней, 9 октября, Марта записывает в Троицком: «Вечерние занятия наши состоят в том, что мы читаем копию с “Записок” княгини и сравниваем ее с оригиналом – дело довольно скучное, но необходимое»²¹.

Из этих последних цитат видно, что «Записки» уже окончены. Позже Е.Р. Дашкова, желая уточнить некоторые даты, обратится к брату Александру Романовичу за историческими справками, решив сделать вставки в основной текст.

Следующее упоминание о «Записках» датировано 29 апреля 1806 г.: «Наша жизнь здесь так однообразна, что мне решительно нечего записать в дневнике. Каждый день я пишу, точнее, переписываю историю княгини, Кити переводит, и это занимает наши утренние часы»²². И 9 ноября 1806 г. в Троицком: «Вчера я начала переписывать Киттин перевод “Записок” княгини после того, как сделала их копию по-французски, и переписала все письма императрицы Екатерины к княгине Дашковой»²³.

Кажется, что записи в дневниках сестер Вильмот бесхитростны, естественны, но М.М. Сафонов призывает видеть в этом большую хитрость и ложь Марты. Он пытается доказать, что они фальсифицированы ею при издании записок с целью заморочить читателю голову, искусственно передвинув даты. Он считает, что

свой дневник Марта подделала, внося записи «задним числом», но тут же сам себе противоречит: «В начале 1930-х гг. в Королевской ирландской академии в Дублине был обнаружен “Дневник” Марты Вильмот, который она будто бы вела в России»²⁴. Для чего она его «будто бы вела», если при жизни не использовала?

Так какова же «коварная» цель Марты?

Из дневника М. Вильмот видно, что записки начаты в феврале 1804 г., а закончены в октябре 1805 г. Если этому верить, то тогда можно верить словам Марты, что брат Екатерины Романовны – А.Р. Воронцов – читал первую часть ее записок и одобрил их, (что, кстати, вполне логично, учитывая доверительную взаимную близость брата и сестры: Е.Р. Дашкова никогда от брата ничего не скрывала и делилась с ним буквально всем, называя его своим вторым Я). М.Ф. Шугуров даже считал, что прочтение записок сестры подвигло графа на написание собственных мемуаров.

Но М.М. Сафонов не намерен верить Марте и категорически заявляет, что Александр Романович не читал записок сестры, так как они все еще писались в 1807 г., а он умер в 1805 г. Он пишет: «Сохранилось письмо А. Воронцова Дашковой от 28 окт. 1805 г. Из письма явствует, что брат княгини с содержанием рукописи знаком не был»²⁵.

На самом деле из этого письма явствует следующее – Александр Романович радуется быстрому продвижению вперед мемуаров сестры, и это доказывает скорее то, что он давно следил за их написанием.

Доказательство своему утверждению М.М. Сафонов выдвинул такое: Марта в письме лорду С.Д. Гленберви сделала промах – назвала Екатерину Романовну шестидесятитрехлетней женщиной, в то время, как к моменту начала написания мемуаров ей было 60 лет. Следовательно, княгиня писала записки в 1807 г., а не в 1804–1805 гг. Удивительно, что на такой незначительной неточности Марты, которая может быть допущена любым человеком, М.М. Сафонов и строит свою версию. Марта, по его мнению, обязана была все время сверяться со своими дневниками, а не писать по памяти. Марта, которая была на 30 лет моложе княгини, уезжала от Екатерины Романовны, когда той было 65 лет. Обычно молодые люди не придают большого значения точности лет пожилого человека, помня его возраст приблизительно.

Подобные мелочи никто из историков никогда не принимал во внимание.

Если подлинник записок еще писался в 1807 г., то как могла успеть Кэтрин Вильмот вывезти копию с этого подлинника в Англию в июне 1807 г.?

М.М. Сафонов также безапелляционно утверждает, что посвящение записок М. Вильмот написала не княгиня, а сама Марта, дабы комплиментами в свой адрес восстановить свою «подмоченную» в России репутацию. М.М. Сафонов заявляет, что только ради такой панегирической характеристики, какую якобы Екатерина Романовна дала М. Вильмот в посвящении, Марта и взялась за издание записок, которые должны были ее прославить. «...Записки ярко запечатлели психологический образ Марты Вильмот, ее жажду самовозвеличивания. “Посвящение”, в котором устами Е.Р. Дашковой дана дифирамбическая оценка личности девицы Вильмот, говорит само за себя». «В “Посвящении” Марта утверждала...» и пр.²⁶. Слово «утверждала» должно быть доказуемо, но есть опять только желание М.М. Сафонова так считать. Раз не существует подлинника, вольному воля представлять все, что угодно.

Написать посвящение лицу, ради которого пишешь мемуары и которому поручаешь их издание – вполне логично. Факт написания посвящения со словами любви и восхищения, которые княгиня испытывала к Марте, называя ее дочерью и лучшим другом, ни у кого, кроме М.М. Сафонова, сомнений не вызывал. Вспомним, что добрые слова в адрес М. Вильмот в этом посвящении тесным образом перекликаются с подобными комплиментами ей в письме Е.Р. Дашковой к императрице Марии Федоровне, да и стиль написания их тот же. М.М. Сафонов сам приводит эти слова в своей статье: «Вот уже три года, – писала княгиня, – ее добродетели, талант, скромность и дружба скрашивают мое уединение. Поскольку мой долг в отношении этого очаровательного существа невозможно ничем возместить, лишь непрерывной заботой о ее благополучии, умоляю стать ее защитницей после моей смерти»²⁷.

Исследователь записок М.Ф. Шугуров симпатизировал Марте как личности: «Мы не сомневаемся, что г-жа Брэдфорд обладала превосходными качествами ума и сердца, отличным образованием, высоким благородством характера. Мы уверены, что восторженный отзыв об ней Е.Р. Дашковой нисколько не преувеличен»²⁸.

Действительно, если Марта была столь лживой, коварной и расчетливой, как считает М.М. Сафонов, то зачем госпожа Кэтрин Гамильтон послала ее в утешение своей лучшей подруге?

Но М.М. Сафонов не верит в человеческую порядочность: «Исленьева не сочла лишним упомянуть о том, кто установил надгробную плиту. Так же поступила и Вильмот. Все должны были знать, кто воздвиг памятник Е.Р. Дашковой, который “прах переживет и тленья убежит”. Расчет был верен. Могильная плита затерялась, монумент же Вильмот, на котором ее имя стоит рядом с именем Е.Р. Дашковой, не один раз воспроизводили типографии Лондона, Парижа, Гамбурга, Штутгарта, Петербурга и Москвы. И будут делать это и впредь “доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит”»²⁹. Напрашивается вопрос: «А при чем тут пиит?».

Если у Марты и была «подмоченная» репутация в 1808 г., хотя это вопрос спорный, то уж к моменту издания записок в 1840 г. вряд ли кто в России помнил о ней. Да и самой Марте в 67 лет смешно было бы заниматься всяким вздором: сочинять фальшивые записки, чтобы вставить их в старый дневник. Это, мягко говоря, фантазматика, тем более, если учесть, что сам М.М. Сафонов, как он сознается, этих дневников в глаза не видел.

И, главное, где смысл в подобной подделке, если Марта не опубликовала этих записей ни при издании записок, ни позже? Они были опубликованы впервые в Лондоне лишь в 1934 г. историком Х.М. Хайдом.

Вот строки из письма Кэтрин Вильмот сестре Алисии в Англию от 8 декабря 1805 г.: «Свои “Записки” княгиня посвятила Матти. Посвящение очень изящно, и искренняя любовь, восхищение, привязанность и благодарность, звучащие в нем, без всякого сомнения, самое благородное свидетельство уважения одного человека к другому»³⁰. Этой текущей записи с простыми искренними словами М.М. Сафонов призывает не верить, а настойчиво старается навязать всем факт коварства и лжи сестер Вильмот.

Почему свои домыслы он называет фактом? М.М. Сафонов с большой легкостью изменяет смысл вещей, запутывая читателя ворохом цитат, взятых, кстати из записок Е.Р. Дашковой, хотя сам же отвергает их достоверность, экивоков, недосказанных мыслей с намеками на какие-то серьезные открытия, отчего немудрено, особенно неискрушенному читателю, в самых невинных выражениях,

действиях, усмотреть преступные чувства, подвох, обман, все, чего душе угодно.

Свои «факты» М.М. Сафонов подтверждает разного рода «изысканиями». Например, в записках Екатерины Романовны есть фраза: «Мой отец, граф Роман, младший брат канцлера...»³¹. По мнению М.М. Сафонова, такое могла написать только Марта, так как не знала, что граф Роман Илларионович, родившийся в 1707 г., был на самом деле старшим братом канцлера, родившегося в 1714 г., а Е.Р. Дашкова это знала. Воронцовскому обществу и тем, кто изучает род Воронцовых, давно известно, что Роман Илларионович появился на свет не в 1707 г., а в 1717 г., в то время, как его брат Михаил Илларионович – в 1714 г.³². Как видим, данный «факт» не подошел под версию М.М. Сафонова.

Далее М.М. Сафонов увидел в записках слово «паспорт», применяемое Е.Р. Дашковой к российской жизни. Он посчитал, что Екатерина Романовна не могла применить такого слова, так как в России паспортов в то время не было, а были подорожные. По его убеждению, отсюда следует все то же – записки писала Марта, так как паспорта существовали в Европе³³. Не будем забывать, что княгиня значительную часть своей жизни провела в Европе, что она говорила сразу на нескольких языках и мыслила по-европейски, о чем мы знаем из воспоминаний ее современников. Например, Кэтрин Вильмот писала: «Ей все равно – говорить по-французски, по-русски, или по-английски, и она постоянно смешивает эти языки в одном предложении»³⁴. Кроме того, Е.Р. Дашкова готовила свои записки к изданию за границей, где специфически русские слова не были бы понятны, а слово «подорожная» все равно было бы переведено как «паспорт».

Вот еще один «факт» версии М.М. Сафонова. Описывая свою жизнь в ссылке, в деревне Коротово, Екатерина Романовна сожалеет, что она не имела возможности гулять зимой из-за шестидесятиградусных морозов. Такая низкая температура не могла соответствовать климату Новгородской губернии, если ориентироваться на принятую в России шкалу Реомюра³⁵. Е.Р. Дашкова же применила здесь явно шкалу Фаренгейта, термометром которого пользовались англичане. Да, княгиня писала записки, зная, что они будут переведены на английский язык и напечатаны в Англии. Если бы она написала, что морозы были тридцатиградусные, то англичане поняли бы, что в Коротове было + 2 градуса по Фаренгейту.

Историк М.Ф. Шугуров предположил: «По пристрастию ко всему английскому, она, кажется, завещала своему другу издать ее записки именно на английском языке»³⁶. Если даже это предположение неверно, то все равно Екатерина Романовна прежде всего рассчитывала на английского читателя и, вообще, на Запад. Раз кляузы шли с Запада, значит, и опровержение этих кляуз должно быть прозвучать там же.

Еще одно словечко М.М. Сафонов использовал как подтверждение своей версии. Это французское слово «сенешаль», применяемое Е.Р. Дашковой для обозначения городничего³⁷. В словарях оно определяется как обозначение во Франции главного управляющего королевским дворцом, название судебных чиновников, лиц, заведовавших собственными делами королей Франции, затем экономов, а впоследствии главных придворных сановников. Как видим, поле деятельности у сенешаля значительное. Слово это устаревшее, да еще и французское, посему его скорее могла использовать в своем лексиконе Е.Р. Дашкова, нежели молодая англичанка мисс Вильмот, как настаивает М.М. Сафонов.

Обвиняя М. Вильмот в сознательной лжи, он искренне заявляет, что видимо, Марта в своей жизни не читала сочинений, которые были бы проанализированы опытным ученым, и в ее голову не могла прийти мысль, что ее сочинение может подвергнуться подобному.

Нам бы хотелось, чтобы опытные ученые опирались не на желаемые их сердцу предположения, а на факты и не бросали на ветер слов, вроде следующих: «У Дашковой на русский манер ее стали называть по-другому: Мавра Романовна. Это не был каприз избалованной барыни. В изменении отчества Марты Дашкова вкладывала глубокий смысл». Какой?

Или об автопортрете Е.Р. Дашковой в письме к Кэтрин Гамильтон: «В этом сочинении, носившем характер открытого письма, была предпринята попытка набросать автопортрет... Но в целом эту попытку нельзя признать удачной». Интересно, какой мерой измеряет заявитель сего степень удачности творения Е.Р. Дашковой?

«К сожалению, большинство авторов работ о Дашковой, появившихся в России в последние полтора десятилетия, скорее любовались своей героиней, нежели беспристрастно рассматривали причудливый, чтобы не сказать больше, жизненный путь главы двух

академий». На что М.М. Сафонов намекает читателю словом «причудливый»? И что он хотел бы, да не может «сказать больше»?

М.М. Сафонов утверждает, что врагом Е.Р. Дашковой, выдавшем властям тайну вывоза ее «Записок» из России был не Ф.В. Ростопчин, как полагал М.Ф. Шугуров, а А.Б. Куракин – министр внутренних дел. Чем это можно подтвердить, ведь А.Б. Куракин почти не контактировал с Екатериной Романовной в последние годы ее жизни, поэтому вряд ли мог знать о записках? Именно Ф.В. Ростопчин был вхож в дом княгини, читал ее записки, льстил ей, а за глаза посмеивался над ней и ее сыном.

«Дашкова немедленно увидела в Екатерине существо высшего порядка и “навек отдала ей свое сердце”. Впрочем, по всей видимости, не только сердце, но также душу и тело (Хотя об этом прямо в “Записках” нигде не говорится, но в них, как мы вскоре увидим не говорится об очень многом!)»³⁸. Достойная находка опытного ученого! Что касается тела, то тут М.М. Сафонов, как простой смертный, волен фантазировать, но вот душа – это, уж простите, не по нашей с Вами части. Как видим, то, о чем «прямо в “Записках” нигде не говорится», М.М. Сафонов все же откуда-то узнал. Откуда?

М.М. Сафонов утверждает, после смерти мужа княгиня неоднократно отвергала блестящие предложения руки и сердца. От кого? Где имена претендентов? Хотя бы одно?

В своем отрицании всего того, что много десятилетий не вызывало сомнения у историков, М.М. Сафонов дошел до сомнений в сожжении Мартой подлинника записок, а затем и в том, что подлинник вообще существовал.

Вспомним, как Е.Р. Дашкова, возмущенная обыском ее бумаг, в одном из последних писем Марте в Англию привела ей свои слова, написанные Александру I: «...остановка ваших бумаг была оскорблением, направленным единственно против меня; если ж они хотели схватить мои записки, то в этом случае дело касалось только моей скромности, предупредившей меня напечатать их при жизни... Я хорошо знаю, что это моя участь – навлекать на себя злобу себялюбивых рабов»³⁹. Княгиня ясно пишет: «мои записки». Может быть Марта это письмо тоже подделала?

М.М. Сафонов, противореча своей же версии о том, что подлинника вообще не существовало, пишет: «Это письмо подтверждает, что Марта везла ее “Записки”, но в переписке нет ни слова о

сожжении подлинника рукописи»⁴⁰. А если предположить, что М. Вильмот, щадя Екатерину Романовну, просто умышленно не сообщила ей об этом факте? Второе предположение – письмо было, но затерялось, до нас не дошло.

Далее М.М. Сафонов развивает свою мысль в таком направлении: «Рукопись, которую везла Марта благополучно достигла берегов туманного Альбиона вместе с другими бумагами, которые она предусмотрительно захватила с собой. Что же касается *auto-da-fe*, то его пришлось впоследствии сочинить для того, чтобы объяснить отсутствие подлинника. Но если подлинник не был сожжен, то куда же он делся?»⁴¹. Да, ситуация тупиковая!

В письме графа П.Л. Санти (душеприказчика Е.Р. Дашковой) своему кузену М.С. Воронцову от 5 апреля 1812 г. читаем: «Ты получишь особый пакет, в котором находится жизнь покойной княгини, переписанная рукою Аглинки мисс Вильмот»⁴². «Переписанная», а не написанная – указал П.Л. Санти – любимый племянник и близкий друг княгини. Ему ли не знать о том, чьей рукой писаны мемуары!

Ближайшим другом княгини в последние два десятилетия была и ее племянница – Анна Петровна Исленьева, которая неотлучно находилась при ней. Она также явилась свидетельницей написания записок Е.Р. Дашковой. После смерти княгини муж Анны Петровны, историк А.Ф. Малиновский, являвшийся также другом Екатерины Романовны, первым написал ее биографию. Там будут такие строки: «Важнейшим же сочинением княгини Е.Р. Дашковой были современные “Записки” ее в двух частях, на русском и французском языках. Русские пропали безвестно, а французские поручено было жившей у нее англичанке напечатать в Лондоне по кончине сочинительницы...»⁴³.

Позиция М.М. Сафонова не верить буквально всем весьма шаткая. Он не верит самой Е.Р. Дашковой, ее племяннице Исленьевой, историку А.Ф. Малиновскому, душеприказчику графу П.Л. Санти, сестрам Вильмот, исследователям XIX в., современным исследователям: Л.Я. Лозинской, Г.Н. Моисеевой, Н.Д. Кочетковой, Г.А. Веселой, А.Г. Кроссу, В.А. Сомову, А.И. Воронцову-Дашкову и многим другим.

Автор утверждает, что дневникам, письмам сестер Вильмот, а также запискам княгини, написанным сестрами, верить нельзя, но сам постоянно цитирует их, опираясь в своем повествовании имен-

но на логический ход событий, представленный в «Записках» и письмах. Как же можно одновременно отрицать и использовать? В заключение М.М. Сафонов делает утвердительный вывод, что раз историю жизни Екатерины Романовны сочинили сестры Вильмот, то задача наших ученых – восстановить ее подлинную жизнь.

Таким образом, мы полагаем, что все выводы М.М. Сафонова – домыслы, в которых он дискредитирует Е.Р. Дашкову и умаляет ее достоинства: не смогла даже сама записок написать! Марту же М.М. Сафонов величает «рассказчицей».

Иногда М.М. Сафонов все же дает шанс литературным способностям Екатерины Романовны – параллельно предлагает версию такую: М. Вильмот не сочиняла, а просто писала под диктовку княгини, отсюда все, дескать, хронологические неточности. Тогда следует признать то, что, либо Екатерина Романовна была косноязычна, либо Марта глуховата: слышала одно, а записывала другое.

Если не пытаться вникнуть во все эти хитросплетения М.М. Сафонова, в его, как сейчас модно говорить, «новое прочтение текста», а просто принять более разумное и достоверное старое, тогда все встанет на свои места. Тогда на вопрос: «Кто же написал записки Е.Р. Дашковой?» можно ответить так: «Записки Е.Р. Дашковой написала Е.Р. Дашкова!».

¹ Шугуров М.Ф. Мисс Вильмот и княгиня Дашкова (Подлинные записки княгини Дашковой) // Русский архив. 1880. Кн. III. С. 159.

² «Смена» 1996г №№ 218 – 236; *Он же*. Екатерина малая // Секретные материалы. 2008. № 4; *Он же*. Княгиня Дашкова и мисс Марта Вильмот // www.ideashistori.org.ru/pdfs/15saf.pdf.

³ Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева. Сост. Г.А. Веселая. М., 1987. С. 273.

⁴ Шугуров М.Ф. Указ. соч. С. 215.

⁵ Лобанов-Ростовский А.Б. Еще о записках княгини Дашковой // Русский архив. 1881. Кн. I. С. 369.

⁶ Шугуров М.Ф. Указ. соч. С. 160.

⁷ Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. С. 374.

⁸ Шугуров М.Ф. Заметки об английском переводе записок княгини Дашковой // Русский архив. 1881. Кн. II. С. 139.

- ⁹ *Он же*. Мисс Вильмот и княгиня Дашкова. С. 194.
- ¹⁰ Архив князя Воронцова. Кн. XXI. М., 1881. Вклейка.
- ¹¹ *Дашкова Е.Р.* Записки княгини Дашковой. М., 1990. С. 400.
- ¹² *Она же*. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 246.
- ¹³ Там же. С. 252.
- ¹⁴ *Сафонов М.М.* Екатерина малая. № 4. С. 22.
- ¹⁵ *Шугуров М.Ф.* Заметки об английском переводе записок княгини Дашковой. С. 140.
- ¹⁶ *Глинка С.Н.* Записки. СПб., 1895. С. 232.
- ¹⁷ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 269.
- ¹⁸ *Шугуров М.Ф.* Указ. соч. С. 139.
- ¹⁹ Там же. С. 275.
- ²⁰ *Он же*. Мисс Вильмот и княгиня Дашкова. С. 161.
- ²¹ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 280.
- ²² Там же. С. 335.
- ²³ Там же. С. 338.
- ²⁴ *Сафонов М.М.* Указ. соч.
- ²⁵ *Он же*. Княгиня Дашкова и мисс Марта Вильмот. С. 12.
- ²⁶ *Он же*. Екатерина малая. С. 23.
- ²⁷ Там же. С. 20.
- ²⁸ *Шугуров М.Ф.* Заметки об английском переводе записок княгини Дашковой. С. 139.
- ²⁹ *Сафонов М.М.* Княгиня Дашкова и мисс Марта Вильмот. С. 3.
- ³⁰ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 301.
- ³¹ *Она же*. Литературные сочинения. М., 1990. С. 32.
- ³² *Алексеев В.Н.* Граф Роман Воронцов // Воронцовы – два века в истории России. Владимир, 1992. С. 24.
- ³³ См. с. 130–131 настоящего борника. – *Прим. редколлегии.*
- ³⁴ *Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестер Вильмот из России. С. 296.
- ³⁵ См. с. 130–131 настоящего борника. – *Прим. редколлегии.*
- ³⁶ *Шугуров М.Ф.* Мисс Вильмот и княгиня Дашкова. С. 199.
- ³⁷ См. с. 129–130 настоящего борника. – *Прим. редколлегии.*
- ³⁸ Цитаты из статьи М.М. Сафонова «Екатерина малая» в газете «Секретные мате-

риалы».

³⁹ *Дашкова Е.Р.* Записки княгини Дашковой. С. 297.

⁴⁰ *Сафонов М.М.* Княгиня Дашкова и мисс Марта Вильмот. С. 10.

⁴¹ Там же. С. 11.

⁴² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1588. Л. 4.

⁴³ *Долгова С.Р.* Е.Р.Дашкова и семья Малиновских // Е.Р. Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 78.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ И ЕКАТЕРИНА МАЛАЯ В БИРМИНГЕМЕ (АНГЛИЯ): МИФЫ И ФАКТЫ

О.А. Байр

С английским промышленным переворотом XVIII в. тесно ассоциируется Лунное общество, существовавшее в Бирмингеме. Оно было основано врачом, ученым, философом, изобретателем и поэтом Эразмом Дарвином (1731–1803) и объединило друзей с общими научными, исследовательскими и техническими интересами, а также политическими идеями. В него вошли мастер фарфора Джозайя Веджвуд (1730–1795), механик и предприниматель Мэтью Боултон (1728–1809), создатель парового двигателя Джеймс Уатт (1736–1819), химики Джозеф Пристли (1733–1804) и Джеймс Кейр (1735–1820), врачи Уильям Смолл (1734–1775) и Уильям Визеринг (1741–1799). В гостях у Э. Дарвина и М. Боултона не раз бывал выдающийся деятель Американской революции Бенджамин Франклин (1706–1790). Друзья обычно встречались раз в месяц, накануне полнолуния, и луна освещала им дорогу при возвращении домой – отсюда название общества. Среди прозаически настроенных современников члены общества были больше известны как «лунастики», что в английском языке имеет дополнительное значение – «сумасшедшие».

Все они обладали замечательным предпринимательским талантом и энергией, благодаря их усилиям район Бирмингема быстро превращался в один из важнейших промышленных центров Англии. Европейскую, а затем и мировую известность приобрели каналы, соединившие отдаленные части страны, Этрурия – фарфоровая мануфактура Дж. Веджвуда, и особенно Сохо – мануфактура, основанная в 1762 г. М. Боултоном в Хандсворте.

Мэтью Боултон начал свою карьеру как пуговичник и мастер так называемых «бирмингемских игрушек» – маленьких металлических и стальных декоративных изделий и металлической галантереи, которыми в XVIII в. славился Бирмингем. Глубокая

заинтересованность в технических новшествах, способность к эксперименту, и особенно партнерство с Дж. Уаттом качественно изменили лицо его производства. В конце XVIII в. мануфактура Сохо считалась самой крупной фабрикой в мире. Она была не только индустриальным, но и архитектурным чудом, и в Бирмингем хлынул нескончаемый поток заинтересованных путешественников со всех концов Европы, чтобы своими глазами увидеть паровые двигатели, механизмы и газовое освещение, а также приобрести эlegantные изделия в модном классическом стиле – серебряные блюда, подсвечники и вазы, изделия из местного полудрагоценного камня, медали, медальоны и т.д. В 1767 г. М. Боултон писал своему Лондонскому агенту: «Вчера я показывал фабрику важным господам и дамам; сегодня я принимаю французов и испанцев, завтра ожидаю немцев, русских и норвежцев». Немного позже он сообщал: «На прошлой неделе здесь были князь Понятовский, племянник польского короля, и французский, датский, сардинский и голландский послы; на этой неделе приезжал граф Орлов, один из пяти знаменитых братьев, обласканных русской императрицей; и только вчера у меня обедал вице-король Ирландии. Дня не проходит без визита какой-либо выдающейся персоны»¹.

Сегодня подобные факты являются предметом гордости жителей Бирмингема. В многочисленных публикациях местных историков и краеведов перечисляются громкие имена титулованных гостей, посетивших Сохо в конце XVIII в. Поражает, что в этих списках регулярно повторяется имя императрицы Екатерины II.

Первоисточником этой информации является письмо самого М. Боултона, написанное в Сохо 24 февраля 1776 г., и адресованное его доброму другу и деловому партнеру Дж. Уатту. В этом письме он размышляет о возможности конструирования поршневого двигателя; сомневается, удастся ли Дж. Уатту ввести новый механизм в работу к концу недели; просит его заказать Дж. Уилкинсону² цилиндры для парового двигателя и конденсоры; решает изготавливать в Сохо 12–15 двигателей в год и уверяет, что никакие мелкие вещи, производящиеся в Сохо, не отвлекут его внимания от паровых двигателей Дж. Уатта; напоминает, что в воскресенье 3 марта состоится очередная встреча членов Лунного общества, и он ожидает Э. Дарвина и Дж. Кейра; просит привезти Дж. Уилкинсона на заседание и думает, что тот будет хорошим членом общества; соби-

рается сделать на заседании общества несколько обращений к присутствующим; сообщает, что маленький Джейми (Джеймс Уатт-младший, сын адресата) здоров и завтра пойдет в школу; пишет о военных событиях в американских колониях. В самом конце письма, между информацией о маленьком Джейми и радостью по поводу большого количества прибыльных заказов, есть одна небрежная фраза: «Русская императрица уже в моем доме, и что это за очаровательная женщина»³.

Сегодня письмо находится в архивном отделе центральной библиотеки г. Бирмингема, среди бумаг М. Боултона и Дж. Уатта. Хотя этот документ известен уже почти полтора столетия, он ни разу не был опубликован полностью. Сэмюэль Смайлз (1812–1904), врач по профессии и историк-дилетант, в середине XIX в. был первым исследователем, познакомившимся с письмом, которое тогда еще находилось во владении семьи. С. Смайлз не опубликовал его, но в своей книге «Биографии Боултона и Уатта»⁴ он процитировал несколько отрывков, и упомянул Екатерину II в следующем контексте: «Между прочим, он (Боултон) сообщал Уатту, что поместил его маленького мальчика Джейми в хорошую школу, и что он, как всегда, очень занят приемом гостей. “Императрица Екатерина, – писал он, – сейчас в моем доме, и что это за очаровательная женщина!”».

В 1865 г. эпоха промышленного переворота была еще слишком близка, поэтому книга С. Смайлза не имела большого успеха. Хотя он написал еще несколько биографий инженеров XVIII в., знаменитой стала только одна его книга – «Помоги себе сам», вышедшая в 1859 г.

Положение изменилось через 70 лет, когда появилось исследование У. Дикинсона «Метью Боултон»⁵, которое привлекло интерес к индустриалистам эпохи Просвещения. У. Дикинсон явно не видел оригинального письма М. Боултона, но, ссылаясь на книгу С. Смайлза, писал: «К нему даже приезжала сама императрица Екатерина в 1776 году».

С тех пор несколько поколений английских историков включали эту информацию в свои разнообразные исследования, ссылаясь на У. Дикинсона (гораздо реже – на С. Смайлза, и никогда – на первоисточник). К настоящему времени визит Екатерины II в Бирмингем является устоявшимся, общеизвестным, и почти официальным фактом местной истории⁶.

Нет особой нужды доказывать, что Екатерина II никогда не отправлялась за границу, предприняв ряд поездок по России. Самым известным ее путешествием стало посещение Новороссии и Крыма в 1787 г.

Визит Екатерины II в Англию в 1776 г. был невозможен по ряду причин: Россия только что пережила восстание под руководством Е.И. Пугачева, а императрица персонально – еще и появление в Европе известной авантюристки, так называемой княжны Таракановой; зимой 1775–1776 гг. великая княгиня Наталия Алексеевна, первая жена наследника престола Павла Петровича, была беременна, и множество современников, а также камер-фурьерские церемониальные журналы засвидетельствовали присутствие Екатерины II в России и в это время, и в апреле 1776 г. – у смертного одра невестки, скончавшейся при родах.

В сентябре 1775 г. британский посланник при русском дворе сэр Роберт Ганнинг обращался к Екатерине II с просьбой о помощи в войне с американскими колониями. Императрица отказала, но ее визит в Англию в это время был бы событием особой важности для британской политики. Совершенно невероятно, чтобы он не был отражен ни в одном современном документе, кроме частного письма М. Боултона.

Дата письма (февраль) тоже должна была насторожить английских историков. Обычно в Англию из России путешествовали морем, и навигация прекращалась в зимние месяцы из-за замерзающего Финского залива.

Невозможно представить, чтобы событие такого грандиозного масштаба, как визит русской императрицы, было небрежно упомянуто М. Боултоном между прочим, в конце письма, в шутливой фразе. Совершенно ясно, что он имел в виду не визит в его дом Екатерины II, а получение какого-то ее портрета, на котором она выглядела «очаровательной женщиной».

В 1772 г. М. Боултон послал Екатерине II большую партию декоративных изделий в технике ормолу (позолоченная медь или бронза), которые понравились императрице, и она повторила заказ в 1774 г. и 1776 г.

С. Смайлз упомянул в своей книге, что «императрица потом послала Боултону свой портрет, и он долго был одним из украшений Сохо». Посылка портрета обычно была знаком доброжелатель-

ного внимания коронованной особы. К сожалению, неизвестно, какой это был портрет, и на сегодняшний день его местонахождение не установлено.

Мы можем предположить, что М. Боултон мог получить один из двух портретов российской государыни.

Известно, что когда врач Томас Димсдейл (1712–1800), успешно совершивший оспопрививание Екатерины II и ее сына Павла, покидал Россию в 1769 г., он увозил с собой множество подарков. Среди них были табакерка с портретом государыни и ее небольшой интимный портрет в молдавском костюме (в кокошнике), работы датского художника Вигилиуса Эриксона (1722–1783). Судя по количеству копий и гравированных оттисков этого портрета, он нравился Екатерине II, которая действительно выглядит на нем «очаровательной женщиной»⁷.

Другой портрет императрицы работы В. Эриксона – «Екатерина II перед зеркалом» – косвенно оказал заметное влияние на европейское искусство: портреты императрицы на русских монетах и медалях этого времени базируются на фрагменте портрета – профильном отражении в зеркале. Этот же образ позже появится на монетах и медалях, отчеканенных на монетном дворе М. Боултона в Сохо, и на медальонах Дж. Веджвуда.

Создавая гордый миф о приезде в Бирмингем Екатерины II, историки Бирмингема не обратили внимания на действительный исторический факт – посещение Сохо княгиней Е.Р. Дашковой в 1780 г.

Княгиня приезжала в Великобританию дважды. Ее интерес к этой стране усиливался фактом, что двое ее братьев, сначала Александр Романович, а потом Семен Романович Воронцовы, были русскими послами в Лондоне, хотя и не во время ее пребывания в Англии.

В 1770 г. она совершила поездку из Лондона через южные графства в Бат и Бристоль и потом обратно через Оксфорд. Маршрут и осмотренные достопримечательности были подробно описаны в ее статье «Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым Англинским провинциям», опубликованной в 1775 г. в «Опыте трудов Вольного Российского собрания».

В предисловии Е.Р. Дашкова писала: «Англия мне более других государств понравилась. Правление их, воспитание, обращение,

публичная и приватная их жизнь, механика, строение и сады, все заимствует от устройства первого, и превосходит усильственные опыты других народов в подобных предприятиях».

Выбрав Эдинбургский университет для образования своего сына, Павла Михайловича Дашкова, Екатерина Романовна снова приехала в Великобританию в 1776 г. и провела там четыре года. Впоследствии она с гордостью писала о своем эдинбургском салоне и беседах со знаменитыми профессорами университета.

После выпуска Павла Михайловича из университета они путешествовали по Ирландии. Отплыв оттуда в мае 1780 г., Дашковы бросили якорь в Холихеде (порт в Уэльсе, на побережье Ирландского моря) и отправились в Лондон. Это довольно длинное путешествие описано в «Записках» всего одной фразой: «Дорога в Лондон, как и везде, очень интересна, и в Уэльсе есть много очень романтических мест». Поэтому оказалось незамеченным, что одним из интересных мест на дороге в Лондон была мануфактура Сохо, куда Дашковы приехали 15 мая. К сожалению, Екатерина Романовна не встретила там самого М. Боултона, так как он в это время был в Лондоне, но, возможно, познакомилась с его деловым партнером Джоном Фозергиллом (ок.1700–1782), бывшем, кстати, русского происхождения.

Визит Е.Р. Дашковой был описан во всех подробностях Джоном Ходжесом, служащим Сохо, в спешном письме, адресованном «Метью Боултону, эсквайру, 149 Стренд, поблизости от Сомерсет Хауза, в Лондоне». Интересно отметить, что в отсутствии хозяина фабрика была не в самом лучшем состоянии, что, видимо, было замечено неожиданной гостьей, и Ходжесу пришлось на ходу выдумывать объяснения разным непорядкам. Приведем его текст целиком.

«Сохо, 15 мая [1780], понедельник

Сэр,

Спешу уведомить вас, что княгиня Дашкова с сыном и дочерью, из России, посетила Сохо сегодня утром. – Я показал фабрику Ее Высочеству и остальным. В целом, в мастерских было очень мало народу. Я нашел подходящее извинение, сказав, что это праздник Сошествия Святого Духа. – Она спросила, есть ли у вас магазин в Лондоне, и я сказал, что у вас есть маленький магазин картин, ваз и т.д.

Я дал ей ваш адрес и она очень желает видеть вас, и предполагает быть в городе (Лондоне. – О.Б.) в следующие четверг или пятницу.

Она просила меня написать вам и сообщить о ее приезде, и если вы собираетесь к тому времени покинуть Лондон, то не могли бы вы задержаться на один или два дня, так как она очень желает говорить с вами.

В мастерской «игрушек» никогда еще не было такого бедного ассортимента изделий и ваз, но это оказалось к лучшему – я сказал, что на них такой спрос, что почти все продано.

Она желает подписаться на копировальную машину. – она видела машину в действии и была восхищена и изумлена этим изобретением (Копировальный аппарат был запатентован Дж. Уаттом в том же 1780 г., так что для Е.Р. Дашковой это действительно была удивительная новинка⁸. Аппарат, принадлежавший изобретателю, был приобретен, среди других его реликвий, Музеем Бирмингема на аукционе Сотбис в марте 2003 г. – *О.Б.*).

Паровой двигатель был не в порядке, и она не могла ждать, пока его наладят.

Ее высочество купила набор пуговиц и несколько маленьких картин (М. Боултон экспериментировал с механическим воспроизведением картин, и был особенно заинтересован в копировании работ А. Кауфман. – *О.Б.*), все вместе примерно на семь гиней. Так как сейчас во мне есть нужда, я имею честь откланяться.

Ваш нижайший и покорнейший слуга,
Джон Ходжес.

PS. Мистер Фозергилл был прикован к дому недомоганием всю последнюю неделю. Имею удовольствие доложить, что сегодня в Сохо он чувствовал себя хорошо, хотя и был еще не совсем здоров. Прошу передать мой поклон миссис Боултон, и мисс Мунд, и мастеру и мисс, и надеюсь, что все в добром здравии.

Княгиня с семьей живут на Корк-Стрит, 17, в Берлингтон-Гарденз⁹.

Это письмо тоже хранится среди бумаг М. Боултона и Дж. Уатта в архивном отделе центральной библиотеки Бирмингема, но местные историки явно не осознали масштаб и значение личности, упомянутой в письме Дж. Ходжеса. Между тем Е.Р. Дашкова, без сомнения, была одним из самых выдающихся гостей Сохо. Ее привело туда не подражание моде или пустое любопытство, а глубокий интерес, жажда знаний и уважение к современной технике и науке. К сожалению, неизвестно, состоялась ли встреча Екатерины Рома-

новны и М. Боултона в Лондоне несколько дней спустя, но в любом случае, визит в Сохо одной из самых просвещенных русских женщин XVIII в. – это важный и реальный исторический факт. Документ дополняет наше представление о жизни княгини и ее пребывании в Англии, а также выявляет несколько реликвий, связанных с жизнью этой замечательной женщины.

Приложение 1

Оригинальный текст письма М. Броултона Дж. Уатту

Soho, 24 February 1776

Dear Sir,

I have this moment received yours (sans date) from Stratford. As I have 1/2 an hour to spare, and can't employ it so agreeable to my self, as by writing to you my occurring thoughts, produced by your letter, I will ventor to trespass on your patience.

1st. I am glad to hear that you are pretty well, and that you are so very happy in your present situation.

I observe, you are thinking of making an inverted cylinder. Pray how are you to counterbalance the descent of the piston and pump rods? Which will be a vast weight. If by a counterweight – you get nothing, but if you can employ the power, that arises from the descent of that vast weight, to strain a spring, that will repay its debts, if by it, you can compress air in an Iron Cylinder, which in its return will contribute to overcome the Vis-inertiae of the column of water to be raised. You thereby will get quit of that unmechanical tax, and very much improve the reciprocating engine. But how to make your piston steam tight requires – I know not what.

There seems to be a vacancy in our great Smiths shop at present, and therefore I intend on Monday morning to divide the Wheal engine amongst them, and get it finished out of hand.

I forget the specifick gravity of our Metal, but I fear, it's so light as to rise above the center of this wheel, and so run out at the 3 steam pipes; at least you'll be confined to work with a weak steam, but that defect may be remedied by making the pipes bent thus. Hence the fluid metal may rise, if necessary, as high as A. The steam pipes may be continued by the side of the wheel up to A, and then turn towards the Axis.

(Diagram in margin of the letter)

You seem to think of setting the engine to work by the end of the week. But from your own account of what is undone, I think, you will not quite so soon, and I am sure you will not, if you run into one error, that I am more guilty of, than yourself: but you know— an old sinner is best qualified to preach good doctrine, and therefore I say unto you: brother, don't offer to take even one stroke, before the Bans have been published 3 times, and no impediment can be found. Then in the name of God – fall to, and do your best.

We have not yet got all the Castings from Bradley for Bloomsfield. But Joseph says, that he thinks, we may probably have them by Wednesday next. If so, we shall set to work in 2 days after, unless Mr Wilkinson's man at Bradley is unwilling to loose his wager, which is, that we don't set to work for 6 weeks.

Pray, tell Mr Wilkinson to get a dozen of Cylinders cast and bored, from 12 to 50 inches diameter, and as many Condensors of suitable sizes. The latter must be sent here, as we will keep them ready fitted up, and then an Engine can be turned out of hand in 2 or 3 weeks. I have fixed my mind upon making from 12 to 15 reciprocating, and 50 Rotative Engines per annum. I assure you, that of all the toys and trinkets, which we manufacture at Soho, none shall take place of fire Engines in respect to my attention.

Pray, remember, that the celebration of the 3rd full Moon will be on Sunday, March the 3d. Darwin and Keir will both be at Soho. I then propose to make many motions to the members, respecting new laws and regulations, such as will tend to prevent the decline of a society, which I hope will be lasting. Pray, bring Mr Wilkinson. I think, he will make a good member.

Jemmy is well. I will take him to school tomorrow, and will call upon Glover on Tuesday.

I have received a letter from Mackey, who advises of having sent me a large quantity of his different Iron Ores to Assay for him, and also some of his Fossil Charcoal. I think, he may be likely to find me employment for my leisure hours.

Carleton has beat the provincials at Quebeck, has killed Montgomery, taken Arnold prisoner and about 300 men. Don't oppress Mr Wilkinson's spirits with this bad news; he will hear it too soon.

I sent your letter to the office. There is another arrived, shall I send it to you or not?

The Empress of Russia is now at my house and a charming woman she is.

John Wood has determined to have his great engine altered as soon, as we can, which with the orders I suppose you bring home, will make a great figure in our order book. Pray make my respectfull compliments to Mr Wilkinson, hoping he will make Soho his home, when he comes this way.

I think, I'll not begin a fresh side but say adieu.

MB.

Перевод:

Сохо, 24 февраля 1776

Милостивый государь,

Я только что получил Ваше письмо из Стратфорда (без даты). Так как у меня есть полчаса свободного времени, и нет ничего более приятного, как поделиться с вами моими мыслями, вызванными вашим письмом, я положусь на ваше терпение.

1. Я очень рад услышать, что у вас все хорошо, и что вы так довольны вашим нынешним положением.

Я вижу, что вы думаете, как сделать цилиндр обратного действия. Но как вы собираетесь уравновесить опускание поршня и стержней насоса? Ведь это будет огромный вес. Если противовесом – ничего не получится, но если вы сможете употребить энергию, образующуюся от опускания этого огромного веса, чтобы сжать пружину, это будет работать. Если так, вы сможете сжать воздух в железном цилиндре, который в свою очередь поможет преодолеть силу веса столба воды, который нужно поднять. Вы таким образом избавитесь от немеханической нагрузки и очень улучшите ваш поршневого двигатель. Но чтобы сделать ваш поршень плотно пригнанным, нужно.. я не знаю что.

Кажется, что в нашей большой кузнице людям нечего делать, и поэтому я намереваюсь в понедельник утром разделить наш двигатель для Вила (шахта в Корнуолле. – О.Б.) между ними и закончить его вручную.

Я забыл удельный вес нашего металла, но я боюсь, что он настолько легкий, что поднимется над центром колеса и выльется из трех паровых труб; в худшем случае вам придется работать со слабым паром, но этот дефект может быть исправлен, если согнуть трубы. Тогда жидкий металл может подняться, если необходимо, до

точки А. Паровые трубы могут быть продолжены по краю колеса до точки А, и потом повернуты в сторону оси.

(Чертеж на полях страницы)

Вы, кажется, надеетесь ввести двигатель в работу к концу недели. Но глядя на ваш собственный отчет о том, что еще не сделано, я не думаю, что это будет так скоро, и я даже уверен, что вы не успеете, потому что вы впадаете в заблуждение, в котором я сам обычно бываю виноват чаще, чем вы, но вы знаете – лучший проповедник получается из закоренелого грешника, и потому я говорю вам: брат, даже не думай о поцелуе, пока объявление о помолвке не опубликовано трижды, и препятствий к свадьбе не найдено. И тогда во имя Бога – начинай, и делай так хорошо, как можешь.

Мы еще не получили из Бадли всех отливок для Блумсфилда (каменноугольная шахта в Стаффордшире, где М. Боултон и Дж. Уатт устанавливали паровой двигатель. – *О.Б.*). Но Джозеф говорит, что он думает, что мы получим их к следующей среде. Если так, мы начнем работать через два дня, если человек мистера Уилкинсона в Бадли не хочет потерять свою плату, а это случится, потому что мы уже шесть недель не начинаем работать.

Умоляю, скажите мистеру Уилкинсону сделать дюжину цилиндров с отверстиями от 12 до 50 дюймов в диаметре, и столько же конденсаторов подходящих размеров. Последние нужно послать сюда, чтобы мы их держали под рукой, и тогда двигатели могут быть собраны за 2 или 3 недели. Я решил делать 12–15 поршневых и 50 вращающихся двигателей в год. Уверяю вас, что никакие мелкие вещи, которые мы производим здесь, в Сохо, не отвлекут моего внимания от Ваших двигателей.

Пожалуйста, не забудьте, что празднование третьего полнолуния будет в воскресенье, 3 марта. Дарвин и Кейр оба будут в Сохо. Я предполагаю сделать множество обращений к членам, в отношении новых законов и постановлений, которые стремятся предотвратить упадок общества, которое, я надеюсь, будет жить долго. Привезите мистера Уилкинсона. Я думаю, он будет хорошим членом.

Джейми здоров. Завтра я веду его в школу, и во вторник найду к Гловеру.

Я получил письмо от Маки, и он предлагает послать мне много его различных железных руд для анализа, и еще некоторые окаменелости. Я полагаю, они составят мне занятие в часы досуга.

Карлтон побил американцев под Квебеком, убил Монтгомери, взял в плен Арнольда и еще около 300 человек. Не огорчайте мистера Уилкинсона этими дурными новостями, он и сам их скоро услышит (30–31 декабря 1775 г. под Квебеком американские колонисты проиграли сражение против британских и франко-канадских военных сил. Члены «Лунного общества») сочувствовали американским колониям в их борьбе за независимость. – О.Б.).

Я послал ваше письмо в контору. Пришло другое, переслать его вам или нет?

Русская императрица уже в моем доме, и что это за очаровательная женщина.

Джон Вуд настаивает, чтобы мы отрегулировали его большой двигатель так быстро, как только возможно, так что вместе с заказами, которые, я полагаю, будут доставлены Вами, появляется большая цифра в нашей книге заказов. Пожалуйста, передайте мое уважение мистеру Уилкинсону, и я надеюсь, что он сделает Сохо своим домом, когда приедет в наши края. Я думаю, что лучше не начинать новую страницу, а сказать adieu.

МВ.

Birmingham Central Library, MBP57

Приложение 2

Оригинальный текст письма Дж. Ходжеса М. Боултону

Soho, 15 May [1780] Monday

Sir,

This is purposely to acquaint you that the Princess Dashkaw with her son and daughter from Russia visited Soho this afternoon. – I waited upon her Highness etc. over the Manufactory. The shops in general were but thinly peopled. I had a good apology by saying it was Whitsuntide holiday. – She asked if you had not an Exhibition Room in London for your manufactures, I inform'd her that you had a small apartment of paintings and vases etc.

I have given her your address and she seems very desirous of seeing you and purposes being in town on Thursday or Friday next.

She beg'd I would write to inform you of her coming and that if you were about leaving Town before that time, that you would if

convenient stay a day or two longer, as she much wish'd to have a conference with you.

The Toy Room never before cut such a poor aspect for plated Wares and Vases, but it is well Your demands are so great as to so much lessen the stock.

She desires to be a subscriber for a Copying Machine – she saw the operation and was much delighted and astonished at the invention.

The Fire Engine was not on Order and she could not stay while it was set going.

Her Highness purchased a set of buttons and several small pictures, in all about seven Guineas worth. – Being the present needful I have the honour to subscribe myself.

Sir,

Your much obliged and most obedient humble servant

John Hodges.

PS. Mr Fothergill was confin'd to his house all last week by indisposition. – I have the pleasure now to mention he was at Soho today pretty well although not perfectly in health.

I beg my respect to Mrs B. – & Miss Mynd, also to Master and Miss, hoping all are very well.

The Princess and her family reside at No 17 Cork Street, Burlington Gardens.

Birmingham Central Library. MBP313

---

¹ *Dickinson W.H.* Matthew Boulton. London, 1999 (репринтное издание). P. 72.

² Дж. Уилкинсон (1728–1808) – знаменитый железных дел мастер, партнер М. Бултона и Дж. Уатта с 1774 г.

³ Birmingham Central Library. The Boulton and Watt Archives. MBP, 1776. Doc. 57.

⁴ *Smiles S.* Lives of Boulton and Watt. London, 1865.

⁵ *Dickinson W.H.* Matthew Boulton. London, 1936.

⁶ См.: *Pollard J.G.* Matthew Boulton and Conrad Heinrich Kuechler // *The Numismatic Chronicle*. Vol. X. London, 1970; *Robinson E.* Birmingham Capitalists and Russian Workers // www.jquarter.members.beeb.net; *King-Hele D.* Doctor of Revolution: The Life and Genius of Erasmus Darwin. London, 1977; *Dickinson W.H.* Op. cit.; *The Industrial Revolution: A Documentary History. Series One. Part 1.* Adam Matthew Publications. London, 1993.

⁷ О портрете Екатерины II, хранящемся в семье Димсдейлов см.: Country Life. 1989. Vol. 46. Табакерка с портретом императрицы, подаренная сыну Т. Димсдейла Ната-наэлю, находится в коллекции Гилберта, Сомерсет-Хауз, Лондон.

⁸ См. *Байрд О.А.* Бенджамин Франклин, Екатерина Дашкова и «искусство копиро-вания» Джеймса Уатта // *Философский век. Альманах 31. Бенджамин Франклин и Россия.* СПб., 2006. С. 130–140.

⁹ Birmingham Central Library. The Boulton and Watt Archives. MBP, 1780. Doc. 313.

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА: ИСПАНСКИЙ УЧЕНЫЙ – ЧЛЕН- КОРРЕСПОНДЕНТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Х. Итурраран

13 августа 1792 г. княгиня Е.Р. Дашкова, занимавшая пост председателя Санкт-Петербургской императорской Академии наук, повелела присвоить звание члена-корреспондента испанскому ученому из Валенсии Антонио Хосе Кабанильесу, автору многочисленных работ по ботанике. Это событие нашло отражение на странице шестого ежегодника Академии наук, издаваемого на французском языке¹, где содержится информация и о том, что 13 августа секретарь зачитал Екатерине II письмо ученого, в котором он просит принять в дар академии труды, отражающие его исследования в области ботаники².

В настоящее время указанные труды А.Х. Кабанильеса находятся в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург). Помимо этих уникальных изданий, подаренных автором Екатерине Великой, в хранилище библиотеки находятся два тома монографии «Наблюдения за естественной историей, географией, сельским хозяйством, населением и продуктами Королевства Валенсия»³.

В Российской национальной библиотеке находится также работа Ф. Агилара Пиньяла «Библиография испанских авторов XVIII века», содержащая основную информацию о жизни и деятельности А.Х. Кабанильеса. Список работ ботаника включает 52 наименования (с 2522 по 2574), в издании упоминаются также основные переводы работ ученого и посвященные ему исследования.

Знаменитый испанский ботаник А.Х. Кабанильес-и-Палос родился в католической семье в Валенсии 16 января 1745 г. Первоначальное образование он получил в Духовной школе иезуитов, затем продолжил обучение на философском факультете университета. В 1762 г. А.Х. Кабанильес защитил магистерскую диссертацию по философии, а в 1766 г. – докторскую диссертацию по теологии, впо-

следствии занимался изучением математики, физики и астрономии. В 1774 г. в г. Овьедо он был рукоположен в священники и вскоре переехал в Мурсию, где занимался преподаванием философии. Через два года по просьбе герцога ученый сопровождал его детей в Париж.

В 1780 г. у А.Х. Кабанильеса неожиданно проявился интерес к ботанике, благодаря этому увлечению он изучал труды известных французских исследователей и познакомился с ученым-естествоиспытателем Ж.Б. Ламарком (1744–1829) – первым биологом, попытавшимся создать стройную и целостную теорию эволюции живого мира. В 1785 г. в Париже вышло первое исследование А.Х. Кабанильеса по ботанике, а затем еще семь книг. В 1780 г. ученый переехал в Мадрид. После возвращения в Испанию он предпринял издание крупного сочинения о культурных и декоративных растениях своей Родины, издававшееся с 1791 г. по 1801 г., включавшее в себя шесть томов и свыше 600 таблиц. Для сбора необходимых материалов он по поручению испанского правительства объехал всю территорию страны. Именно первый том этого издания с изображениями и описаниями растений и был подарен российской императрице.

В 1799 г. совместно с Л. Прустом испанский ботаник предпринял издание естественно-исторического журнала «Анналы естественной истории» (в 1801 г. переименован в «Анналы естественных наук»), в котором опубликовал четыре научных статьи. С 1801 г. по 1804 г. А.Х. Кабанильес занимал пост директора Мадридского королевского ботанического сада, читал курс публичных лекций, опубликованных впоследствии в виде монографии, выдержавшей несколько изданий и включающей описания растений, произрастающих не только в Испании, но и на американском континенте. В 1804 г. А.Х. Кабанильес скоропостижно скончался.

Власти г. Валенсия учредили ежегодную премию имени А.Х. Кабанильеса за научные заслуги и благотворительность в науке и культуре, его именем назван институт изучения биологической эволюции и биоразнообразия, в 1866 г. в Мадридском ботаническом саду воздвигнут памятник выдающемуся ученому.

При знакомстве с полным списком членов Санкт-Петербургской Академии наук (1725–1909) мы обнаружили в нем еще одного испанского члена Академии с 29 декабря 1851 г.: Антонио Рамон Сурко дель Валье, президента академии наук Мадрида (так в тексте оригинала. – *Х.И.*).

Приложение 1

Диплом о присвоении А.И. Кабанильесу звания член-корреспондента Санкт-Петербургской Академии наук

Под августейшим покровительством могущественнейшей императрицы и повелительницы государыни Екатерины Второй, самодержицы Всея Руси, щедрейшей покровительницы Петербургской Академии наук.

Петербургская Академия наук, желая соединить с собой Достославнейшего Мужа Антонио Иосифа Кабанильеса, валенсийца из Испании, по причине проявленного им усердия в занятиях науками, в качестве публичного свидетельства такого факта сим Дипломом объявляет его своим Корреспондентом торжественно и в соответствии с установленными формами; будучи глубоко убежденной в том, что сей Достославнейший Муж, прославленный своей замечательнейшей любовью к наукам, украсившись сим новым почетным титулом, будут извещать посредством писем Петербургскую Академию обо всем том, что может представляться способствующим приращению наук. Дано в Академическом собрании в день 13 августа 1792 года.

Директор Императорской Академии наук княгиня Дашкова
Конференц-секретарь Академии Иоганн Альбрехт Эйлер

Перевод с лат. Г.Т. Хухуни и З.В. Ивановского

Архив Мадридского ботанического сада

Приложение 2

Письмо Е.Р. Дашковой А.Х. Кабанильесу

Господину Антонио Иосифу Кабанильесу. Мадрид
Милостивый государь!

Ее Величество Императрица с благосклонностью приняла Ваши ценные сочинения, которые Вы изволили ей отправить вместе с прилагаемым к ним письмом, датированном 6 марта 1791 года.

Я имела честь доставить Ваши работы в библиотеку Академии наук. Помимо прочего, Ее Величество любезно предоставила мне право определить Вас на должность, к которой Вы так стреми-

лись. Должна сказать, Что на сие я согласилась с огромнейшим удовольствием, поскольку Вы снискали мое уважение своими выдающимися научными трудами. Мое предложение о зачислении Вас в действительные члены Академии было принято единодушно. В качестве подтверждения сего посылаю Вам грамоту и выражаю свои чистосердечные поздравления, искренне радуясь тому, что имела возможность сему поспособствовать.

Ваша интереснейшая работа и все, что Вы сочтете необходимым отправить, будет храниться в Академии и лично у меня, а Ваши увлекательные открытия послужат прекрасным дополнением к научным трудам наших библиотек. Тешу себя надеждой, что наши кабинеты истории естествознания значительно обогатятся в случае, если Вы сможете прислать свои произведения о Ваших краях и о колониях Индра.

Сударь, единственное, о чем смею Вас просить, не отправляйте свои произведения почтой, ибо это приведет к существенным расходам для Академии, по причине значительной отдаленности. Наше министерство охотно займется отправкой Ваших писем посредством вестовых или с помощью почтовых кораблей. Сие не будет столь дорогостояще и позволит сэкономить некоторое количество денег для Академии.

Позвольте еще раз заверить Вас в своем искреннем уважении к Вам.

Ваша преданнейшая слуга.

Санкт-Петербург, 25 августа 1792 г.

Перевод с фр. В.Б. Сафроновой

Архив Мадридского ботанического сада

---

¹ Histoire de l'Academie Imperiale des Sciences. 1792. P. 6.

² Ant. Josephi Cavanilles. Icones et descriptiones plantarum quae aut sponte in Hispania crescunt aut in hortis hospitantur. Vol. 1. Madriti, 1791; Monadelphiae Classis Dissretationes decem Madriti, 1790. Vol.1–3. С. 16 (первое издание вышло в 1785 г.).

³ *Cabanilles A.J.* Observaciones sobre la historia natural, geografía, población y frutos del reyno de Valencia. Vol. 1–2. Madrid, 1795–1797.

Е.Р. ДАШКОВА И АНГЛИЙСКАЯ ВЕТВЬ ВОРОНЦОВЫХ: О МАЛОИЗВЕСТНОМ ПОРТРЕТЕ КНЯГИНИ, ХРАНЯЩЕМСЯ В ПОМЕСТЬЕ ВИЛТОН-ХАУЗ (АНГЛИЯ)

Т.М. Фадеева

Е.Р. Дашкова принадлежала по рождению к семье Воронцовых, одной из самых влиятельных и богатых фамилий России. Неудивительно, что иконография княгини составляет часть огромной галереи фамильных портретов семьи Воронцовых. Один из лучших, можно сказать, наиболее реалистических ее портретов хранится во дворце М.С. Воронцова в Алушке. Упомянем также и портрет Екатерины Романовны в ссылке (гравюра А.А. Осипова с оригинала С. Тончи)¹. Примечательно, что именно в Алушку пришла информация о малоизвестном портрете Дашковой, хранящемся в поместье Вилтон-хауз в Англии.

Справедливости ради надо сказать, что мимолетное сообщение об этом портрете (за номером 669) имелось в Каталоге выставки русского искусства в Лондоне в 1935 г. Сообщалось, что это пастель 30 x 38 см работы Дэниела Гарднера (1750–1805), известного в свое время мастера светских портретов. Он сделан во время пребывания княгини в Англии в 1776–1780 гг., на выставку был предоставлен графом Пемброком и Монтгомери, владельцем старинного родового поместья Вилтон-хауз².

Как он там оказался? Об этом нетрудно догадаться, если вспомнить, что в 1808 г. супругой 11-го графа Пемброка стала дочь русского посла в Англии С.Р. Воронцова. По окончании службы Семен Романович остался доживать свои дни в Англии и проводил много времени в поместье дочери, леди Екатерины Семеновны Пемброк. Туда же едва ли не ежегодно приезжал навестить сестру и отца Михаил Семенович Воронцов.

Упоминанием о портрете в 1935 г. дело и ограничилось. В каталоге собрания живописи, составленном 17-м графом Пемброк, портрет Е.Р. Дашковой не упомянут вовсе, хотя там есть портреты

С.Р. и М.С. Воронцовых, а также хозяйки поместья Екатерины Семеновны³. И вот сегодня мы располагаем репродукцией портрета Е.Р. Дашковой. Это стало весьма приятным сюрпризом, имевшим место в ходе ежегодной конференции в Воронцовском дворце в Алупке, посвященной вкладу семьи Воронцовых в русскую культуру и ее связям с Западом. В сентябре 2007 г. на конференцию приехала англичанка Рос Лиддингтон с докладом, в котором она так изложила цель визита: «Леди и джентльмены, я очень горда тем, что впервые посещаю Воронцовский дворец в качестве представителя графа Пемброк из поместья Вилтон-хауз, потомка Екатерины Воронцовой, родной сестры Михаила Семеновича. Воронцова».

Далее она сообщила, что Уильям, 18-й граф Пемброк, 15-й граф Монтгомери, потомок семейства, проживающего в Вилтон-хауз с 1554 г., решил отметить 200-летие брака Екатерины Семеновны и графа Пемброк устройством выставки в честь русской графини, но при этом оказалось, что информации о ней и ее родственниках крайне мало. Было принято решение пополнить ее, командировав Рос Лиддингтон в Алупку с тем, чтобы «повысить наше знание о семье Воронцовых и собрать материал, благодаря которому мы сможем достойно отметить ее присоединение к семейству Пемброк». Оказалось, что в личных покоях Вилтон-хауз сохранялись четыре портрета дам из России, о которых ничего не было известно. Английская гостья показала нам их репродукции с вопросом: «Кто эти дамы на портретах в частной спальне – дамы, на которых никто не смотрел в течение многих лет?».

Это были портреты Е.А. Сенявиной – матери Екатерины и Михаила Воронцовых, М.А. Нарышкиной – тетушки по материнской линии, императрицы Марии Федоровны, сделавшей ее фрейлиной и давшей согласие на ее брак, и Е.Р. Дашковой – тетушки по отцовской линии. Другими словами, портрет княгини был среди изображений самых близких и дорогих для русской графини женщин. В каталоге собрания живописи Вилтон-хауз отмечено, что в конце XVIII в. по начало XX в. значительно обогатилась коллекция фамильных портретов работы английских художников, но большая часть их находится в частной половине дома⁴.

Пожалуй, именно поэтому светский, мастерски исполненный портрет, вполне достойный быть представленным широкой публике, остался висеть в частной спальне, где его никто не видел. Он

изображает княгиню в интимной домашней обстановке: на высокой прическе – изящный чепец с рюшами (высоко зачесанные волосы отличают и ее портрет 1777 г. на гравюре Скородумова). К ее коленям прильнула собака (это подчеркивает камерность – вспомним портрет Екатерины II В.Л. Боровиковского, где художник изобразил императрицу на утренней прогулке в чепце и с собачкой). Левая рука княгини покоится на столе рядом с рукописью в виде свитка, что подчеркивает ее ученые занятия. В портрете доминируют два цвета: зеленая скатерть стола, зеленоватый цвет обивки кресла, на котором сидит княгиня, одетая в красное платье. На ее груди – звезда ордена св. Екатерины (но рядом нет портрета императрицы, как на более поздних официальных портретах); знак ордена прикреплен на ленте, которая спускается ниже талии; он выписан довольно подробно (на поясных портретах он обычно невидим, а на поколенных остается в тени).

Как и при каких обстоятельствах портрет оказался в Вилтон-хаузе? Здесь возникает вопрос о характере отношений Е.Р. Дашковой с братом, С.Р. Воронцовым, русским послом в Англии, и с его дочерью. Отношения эти были очень непростыми.

Начнем с Семена Романовича, младшего брата княгини. В 1781 г. состоялась его свадьба с дочерью адмирала А.Н. Сенявина Екатериной Алексеевной. В 1782 г. на свет появился сын Михаил, еще через год – дочь Екатерина. В следующем 1784 г. Екатерина Алексеевна умерла на руках мужа от чахотки. Граф не женился повторно и посвятил свою жизнь воспитанию детей – Михаила и Екатерины. На момент смерти супруги он возглавлял русскую миссию в Венеции, но тяготился своей должностью. Ему предложили на выбор два места – Париж или Лондон. С.Р. Воронцов выбрал Лондон, где ранее служил его брат Александр Романович. Во-первых, он считал, что Англия для России более выгодный союзник, чем Франция, а во вторых, граф надеялся, что именно в этой стране он сможет дать достойное образование детям. Семен Романович немало потрудились, чтобы привить им любовь к Родине и научить использовать полученные знания и связи в интересах Отечества. Прежде всего, это была забота об изучении детьми русского языка.

Сохранившаяся переписка Александра и Семена Романовичей с их сестрой Е.Р. Дашковой свидетельствует как о теплых отношениях и привязанности к племянникам, так и о немалых разногласиях.

Первое и главное из них связано с восшествием на престол императрицы Екатерины II. Воронцовы, включая Семена Романовича, во время переворота 1762 г. были в числе тех немногих, кто сохранил верность императору Петру III, а Екатерина Романовна активно поддерживала новую императрицу. Даже после смерти государыни, специально приехав в столицу ради свидания с братом Семеном Романовичем и племянницей, княгиня вступала в спор с государственными деятелями александровского царствования, которые «вкривь и вкось толковали ее [Екатерины II] деяния, не умея отличить недобросовестность или невежество исполнителей от чистоты и глубины намерений императрицы, всегда обращенных к благу и преуспеянию империи. Мой брат Семен присоединился к ним... Моя речь, сказанная против этих нареканий, дышала искренностью и горячностью, как всегда в подобных случаях»⁵.

Второй камень преткновения во взаимоотношениях брата и сестры возник из-за того, что С.Р. Воронцов считал идеальным монархом Петра Великого, а его ученая сестра, напротив, высказала немало упреков этому государю.

Самое примечательное: С.Р. Воронцов возражал против издания «Записок» Екатерины Романовны, которые она завещала опубликовать после своей смерти. Известно, что английская приятельница княгини Марта Вильмот (в замужестве Брэдфорд) прожила у нее в России около пяти лет. Е.Р. Дашкова писала: «Для нее я сделала то, чего от меня не могли добиться мои родственники и друзья; я написала эти мемуары, так как она этого непременно желала. Она единственная владелица их, с тем условием, что они появятся только после моей смерти»⁶. Когда М. Вильмот показала рукопись Семену Романовичу, он усмотрел в ней «множество анахронизмов, фактов не только лживых, но невероятных, даже невозможных». Сославшись на слова самой Марты, что все это написано по памяти, после уничтожения подлинной рукописи из опасений, что ее конфискуют на границе (Марта этих слов не подтвердила)⁷. Признавая право М. Вильмот публиковать в Англии эти мемуары, бывший посол в Англии оставлял за собой право всеми средствами противиться этому. Действительно, возражения русского посла задержали публикацию рукописи на 30 лет (опубликована в 1840 г. в Лондоне в переводе с французского языка на английский). Хранящиеся в архивах Санкт-Петербурга и Лондона рукописи написаны рукой М. Вильмот с по-

метками Е.Р. Дашковой. Высказано предположение, что рукописи самой княгини вообще не существовало, и что сестры Вильмот записали рассказы Екатерины Романовны о ее жизни, используя страницы ее дневников⁸.

Об отношении Екатерины Семеновны Воронцовой, леди Пемброк, к Е.Р. Дашковой, равно как и о ее жизни в Англии после замужества мы знаем не больше, чем ее английские потомки – о родственниках в России. При этом весьма примечательно, что Екатерина Романовна, исключив из числа наследников родную дочь, Анастасию Михайловну Щербинину, оставила часть наследства племяннице, Екатерине Семеновне Пемброк, более того, ей был передан портрет Екатерины II, усыпанный бриллиантами, который Е.Р. Дашкова носила вместе с орденом св. Екатерины (последний был отдан в казну с тем, чтобы на вырученные деньги в Екатерининском институте содержалась пансионерка)⁹. Все это вещи и поступки знаковые.

Графиня Екатерина Семеновна Воронцова, в замужестве леди Пемброк (1785–1856), всю свою жизнь почти безвыездно провела в Англии, где ее отец состоял послом с 1784 г. по 1806 г. Она получила блестящее образование под руководством отца и наставницы, девицы Жардин, учившейся в Смольном монастыре и не покидавшей ее до замужества. Екатерина Семеновна знала несколько языков, произведения классиков, музыку и пение, 12-ти лет от роду она перевела с французского языка на русский трагедию «Смерть Адама». Постоянно находясь при отце, молодая графиня помогала ему в его обширной переписке с русскими друзьями и писала под его диктовку. Стараясь привить дочери любовь к России и всему русскому, С.Р. Воронцов признавал, однако, что «будучи воспитана в иных принципах и нравах, нежели те, коим следуют у нас, она стала бы самым несчастным существом, если бы, к несчастью поселилась у нас»¹⁰. Опасаясь к тому же за ее слабое здоровье, которое могло бы не перенести русского климата, Семен Романович даже условился с братом, чтобы в случае его смерти дочь навсегда осталась в Англии со своей наставницей и жила на пенсию, которую ей должен был выплачивать А.Р. Воронцов. В то же время отец хлопотал через друзей о пожаловании ей фрейлинского шифра. Это стоило ему немалого труда, так как император Павел I не давал шифра «отсутствующим», но, благодаря заступничеству императрицы Ма-

рии Федоровны Е.С. Воронцова стала фрейлиной в 1797 г. В начале царствования Павел I пожаловал С.Р. Воронцова чином генерала от инфантерии и званием чрезвычайного и полномочного посла в Лондоне. В день коронации (5 апреля 1797 г.) он получил орден св. Андрея Первозванного, титул графа Российской империи и имения в Финляндии, а его сын был пожалован в камергеры с правом остаться при отце для занятий в посольстве. Впрочем, все милости были вскоре отняты: причиной стала политика Англии, захватившей Мальту. С.Р. Воронцову грозила конфискация его имений в России, он предвидел полное разорение и необходимость для дочери пойти в гувернантки в какое-либо английское семейство. В 1801 г. император Александр I послал в Лондон указ, согласно которому восстанавливались все права С.Р. Воронцова, и он вновь был аккредитован в качестве посла в Англии, дипломатические отношения с которой были восстановлены.

В мае 1801 г. впервые отправился на родину, любовь к которой прививали ему с детских лет, граф Михаил Семенович. В следующем 1802 г. в Санкт-Петербург приехал с дочерью С.Р. Воронцов Им всем был оказан весьма радушный прием: они были приняты императором и обеими императрицами, часто бывали при дворе. В обществе с восхищением отзывались о детях английского посла, отлично говоривших по-русски в отличие от большинства столичной молодежи, которая почти забыла родной язык.

Осенью 1803 г. Семен Романович с дочерью вернулись в Лондон. Своей главной задачей граф считал обеспечение союза между Англией, Австрией и Россией для совместных действий против наполеоновской Франции. В 1806 г. он вышел в отставку.

В 1807 г. произошло важное семейное событие – помолвка Екатерины Семеновны Воронцовой с лордом Пемброком. Герберт Георг Август, 11-й граф Пемброк и 8-й граф Монтгомери (1759–1827) принадлежал к одной из самых старинных аристократических фамилий Англии. Право заседать в палате лордов они получили в середине XVI в. и с этого времени имели возможность прямого влияния на политику Англии. Герберт Георг Август с 1788 г. – подполковник драгунов Его Величества, член палаты общин, с 1788 г. – член Тайного Совета короля. В 1794 г. он наследовал отцу и занял место в Палате Лордов, в 1805 г. стал кавалером ордена Подвязки. В письме к сыну в мае 1807 г. Семен Романович сообщал, что знаком

с лордом Пемброком 28 лет, из них 22 года является его близким другом. Михаил Семенович Воронцов и лорд Герберт неоднократно встречались и обменивались корреспонденцией в тех случаях, когда ее нельзя было доверить почте.

Дочь С.Р. Воронцова являлась фрейлиной, и поэтому следовало испросить разрешения на этот брак у императрицы. В своем письме Марии Федоровне Семен Романович описал лорда Герберта как человека, наделенного прекрасным характером, любезного и в высшей степени достойного, к которому английский король питает особую дружбу и доверие. Он является лордом-наместником короля в графстве Вилтшир, генерал-лейтенантом армии и кавалером Ордена Подвязки, дважды отказался от предложения короля и У. Питта о службе в качестве посла в России и принял пост наместника Ирландии ради спокойной жизни в провинции, управление которой ему вверено и где он сделал много добра. В настоящий момент он согласился отправиться в Вену с особым поручением на 6–8 месяцев, лишь уступая личной просьбе короля. Семен Романович подчеркивал, что с лордом Гербертом и его матерью его связывает 20-летняя дружба, и что мать испытывает особую привязанность к его дочери. Что касается жениха, продолжает С.Р. Воронцов, то «Ваше Императорское Величество возможно, помнит его, ибо, будучи очень молодым, он посещал Россию при Екатерине II, и великий князь Павел Петрович отличил его до такой степени, что он стал единственным иностранцем, удостоенным чести быть приглашенным на частные балы, которые великий князь давал в своих апартаментах в Зимнем дворце в Петербурге»¹¹.

Императрица Мария Федоровна дала согласие на венчание, выразив при этом сожаление, что дочь графа Воронцова вступает в брак не с соотечественником.

В 1808 г. Е.С. Воронцова стала женой графа Пемброка и Монгмери, пэра Англии. Это был второй брак лорда Герберта. Его первой женой была кузина Елизавета Бьюклерк, скончавшаяся в 1793 г., и к моменту брака с Екатериной он был вдовцом с двумя детьми. Во втором браке на свет появилось шестеро детей – пять дочерей и один сын¹². Брак между представителями английской и русской аристократии – явление уникальное. Оно стало возможно благодаря высокой репутации графа Воронцова в высших кругах английского общества.

В 1827 г. Екатерина Семеновна овдовела: ее брак длился всего 11 лет. Это был тяжкий удар для отца и дочери. Семен Романович много времени провел с ней в поместье Вилтон-хауз. Сам он после отставки поселился в Лондоне на улице Welbeck-street, по причине того, что она была близка к православной церкви. Пораженный большим количеством нищих в этом квартале, С.Р. Воронцов выделил 500 ф.ст. на строительство богадельни, а вслед за ним началась и подписка знати. В приходе богадельни был установлен бюст Семена Романовича, а ведущая туда улица была названа Woronzov-road. Граф скончался в Лондоне 9 (21) июня 1832 г., в присутствии сына и дочери.

Интересными сведениями о хозяйке знаменитого поместья, сохраняющего среди прочих, и памятники русской культуры, мы обязаны представительнице 18-го графа Пемброк: можно сказать, что она дала нам портрет Екатерины Семеновны в английском восприятии. Речь идет о ее докладе со слайдами и подаренных ею двух путеводителей, посвященных истории Вилтон-хауз и его коллекциям. Это подходящий повод, чтобы заглянуть в Вилтон-хауз и узнать побольше о его истории и его хозяйке в первой половине XIX в., – нашей соотечественнице, которая внесла в поместье изменения и усовершенствования, сегодня признанные образцовыми. Она достойно играла свою роль, осуществляя ремонт и реставрацию усадьбы, принимая многочисленных гостей, в том числе и лиц королевского дома. Для нас особенно важно то обстоятельство, что едва ли не ежегодно в Вилтон-хаузе гостил М.С. Воронцов, нередко вместе с супругой, и что там следует искать истоки традиций англо-манства, перенесенных графом в Россию, в особенности в Крым, в Алушку.

Несколько слов об истории Вилтон-хауз¹³. Первый граф Пемброк, носивший имя Уильям, был тесно связан с королем Генрихом VIII: он был женат на Анне Парр, сестре Екатерины Парр, шестой и последней из жен короля. Этот монарх, воспользовавшись тем, что Папа Римский отказал ему в разводе, создал англиканскую церковь, не признающую власти Рима. По всей стране он закрыл сотни католических монастырей и многие их земли роздал своим друзьям, в том числе Уильяму.

Вилтон был древней столицей Уэссекса, и в течение почти 800 лет на месте дома существовали монастыри различных религи-

озных направлений. Таким образом, Уильям Герберт получил строения аббатства и 18 600 га прилегающих земель. В 1543 г. новый владелец стал строить здесь обширный дом в виде прямоугольника вокруг центрального двора в тюдоровском стиле. Дом сохранился частично.

В XVII в. король Карл I рекомендовал Филиппу, 4-му графу Пемброк, перестроить южное крыло поместья в итальянском стиле и разбить перед ним регулярный парк. По воле короля знаменитый архитектор Иниго Джонс (1573–1652), генеральный надзиратель за королевскими владениями, должен был проектировать и руководить работами в Вилтоне. Личный друг 3-го графа Пемброк, И. Джонс неоднократно навещал Вилтон, в частности в 1620 г. с целью исследования Стоунхенджа. Архитектор начертил планы южного дворцового фасада длиной 108 м. Поскольку он был очень занят королевскими постройками в Гринвиче, работа над проектом была поручена его помощнику Исааку де Ко.

В 1647 г. пожар сильно повредил интерьеры южного крыла здания. Перестройку проводил родственник И. Джонса Джон Уэбб (1611–1672). Работа была завершена в 1653 г. Часть комнат с тех пор изменилась, но Кубическая и Двойная кубическая залы по-прежнему являются лучшими из сохранившихся образцов палладианства XVII в. в Англии. Особо примечателен их роскошный декор из резной сосны, затем позолоченной или окрашенной; более поздний палладианский декор обычно был лепным. Обе комнаты отличаются гармоничными пропорциями – высшим и наиболее утонченным достижением палладианской архитектуры, введенной И. Джонсом в Англии.

XVIII в. привнес в поместье изящный образец палладианской архитектуры – мост через реку Нэддер, построенный в 1737 г., при 9-м графе, архитектором Роджером Моррисом, вдохновленным мостом Риальто в Венеции¹⁴. При этом граф устранил регулярный парк, заменив его лужайками и деревьями в духе традиционного ландшафтного парка, была построена новая триумфальная арка со статуей Марка Аврелия. Проект школы верховой езды создал для 10-го графа Пемброка французский архитектор Валлин де ла Мотт.

В начале XIX в. 11-й граф Пемброк поручил архитектору Джеймсу Уайту (1746–1813) осуществить программу изменений, затронувшую все четыре крыла здания. Осуществление этой програм-

мы связано с появлением новой хозяйки Вилтон-хауза – русской графини. Изменения преследовали тройную цель: улучшить внутреннюю планировку и обеспечить «приватность» с помощью коридоров-галерей в готическом стиле вокруг центрального двора; создать гостиную с библиотекой окнами на запад; обеспечить прямой доступ в северный холл. Дж. Уайта сменил в 1815 г. архитектор Ричард Уэстмэкотт (1775–1856), которому было поручено наблюдать за завершением коридоров и другими работами.

Во время Первой мировой войны в Вилтон-хаузе размещался военный госпиталь, а во время Второй – штаб южного командования. В 1951 г. после ремонта он был открыт для посетителей. В 1987–1992 гг. 17-й граф предпринял большие реставрационные работы.

Слава поместья как приюта искусства и просвещения связана с Марией Сидней, супругой 2-го графа Пемброка Генри. Ее брат, Филипп Сидней, фаворит Елизаветы I, поэт и образец рыцарства, был частым гостем в Вилтоне. Здесь он писал свою поэму «Аркадия», посвященную этой супружеской паре. Генри и Мэри Сидней были известными покровителями литературы и искусств. По свидетельству современника, «во времена Мэри Вилтон-хауз был похож на колледж, так много здесь было ученых и остроумных людей. Она была величайшей покровительницей ума и образованности, как ни одна из леди того времени». Джон Донн, Бен Джонсон, Кристофер Марлоу и Эдмунд Спенсер часто бывали в Вилтоне, и королева Елизавета гостила здесь в 1547 г. Эта эпоха увековечена статуей Уильяма Шекспира (копия статуи У. Кента в Вестминстерском аббатстве), помещенной в портале Гольбейна, который в те времена служил главным входом в дом. У. Шекспир и его актеры впервые исполнили пьесы «Как вам это понравится» и «Двенадцатая ночь» в Вилтоне. Сыновья Генри и Марии, Уильям и Филипп, 3-й и 4-й графы Пемброк, продолжили покровительство искусствам в царствование Якова I и Карла I. Первое ин-фолио издание пьес У. Шекспира, опубликованное в 1623 г., имело посвящение «благороднейшим и несравненным братьям, Уильяму, графу Пемброк, и Филиппу, графу Монтгомери»¹⁵.

Второй знаменитой леди, которая породнилась с семейством Пемброк, здесь считают Екатерину Семеновну. В частности, особо отмечается необычная для знатной дамы забота о благоустройстве поместья: Екатерина Семеновна расходовала 100 ф.ст. в год (100 ф.ст.

в 1810 г. сегодня равнялись бы многим тысячам) для украшения дома. Именно с ней связывают главное нововведение в доме – коридоры-галереи вокруг внутреннего двора, о которых уже шла речь. Поскольку комнаты располагались анфиладой вокруг двора, куда выходили все окна, то здесь негде было укрыться от глаз публики. Большие английские дома в то время не имели коридоров – гости переходили из комнаты в комнату, направляясь в те из них, которые соответствовали их статусу. Когда король ввел в моду коридоры, Екатерина Семеновна с мужем заказали архитектору Дж. Уайту создать коридоры в Вилтоне.

Интерьеры Екатерины Семеновны частично сохранились в доме. До 1836 г. был налог на обои, но она могла позволить себе украсить залу роскошными обоями, привезенными из Парижа. Все обои в доме выбраны ею (сегодня они воссозданы по старым образцам). В знаменитой зале в стиле Палладио (20 м длины и 10 м ширины), увешанной полотнами ван Дейка, графиня Екатерина Семеновна принимала именитых гостей. Она устраивала замечательные музыкальные вечера, прекрасно играла и пела русские песни и романсы на слова известного поэта Томаса Мура. Последнему она подарила, по его словам, несколько русских мелодий. Ее гостями были русские путешественники. Интересно, что в салоне леди Пемброк произошла знаменательная встреча четы М.С. и Е.К. Воронцовых с поэтом В.А. Жуковским. Елизавета Ксаверьевна увидела у него на пальце знаменитый перстень с сердоликовой печаткой, когда-то подаренный ею А.С. Пушкину и перешедший В.А. Жуковскому.

Тема русско-английских культурных связей, возникших благодаря леди Пемброк, еще ждет своего исследования.

Парадная комната с колоннадой служила королевской спальней. Известно, что здесь неоднократно останавливались английские короли и особы королевской крови. Нам особенно интересно, что в 1817 г. великий князь Николай Павлович, будущий русский император, останавливался в Вилтон-хауз; сохранилось посаженное им дерево с медной табличкой.

Екатерина Семеновна привнесла в Вилтон-хауз «свежее мышление» и решила улучшить условия во всем поместье. И это несмотря на тот факт, что ее сын никогда не смог стать графом, поскольку первая жена ее мужа имела сына Роберта, ведущего не соответствующие его статусу образ жизни. Он женился на сицилианке, которая

разоряла его, и стал отцом многочисленных незаконных детей. Впрочем, Роберт был вполне доволен, получая деньги от мачехи и всецело предоставив дом в ее распоряжение.

Бездетный кузен с огромным поместьем в Ирландии решил не оставлять своих земель непутевому Роберту и сделал вместо него наследником Сиднея, сына Екатерины Семеновны, так что он и его мать смогли осуществить многочисленные бизнес-проекты во всем поместье.

Благодаря промышленному перевороту городское население росло быстро, как и его потребность в продуктах питания. Екатерина Семеновна, благодаря ирландским деньгам кузена, построила в Вилтоне четыре образцовые фермы, сыроварню и молочную, отделанные внутри бело-голубой делфтской плиткой. Продукты шли на продажу местным жителям. Также Екатерина Семеновна построила в поместье школу, где ее дети учились вместе с немногими избранными детьми из состоятельных городских семей. Ею была создана и городская школа. Вместе с сыном леди Пемброк предприняла строительство церкви, которую называли Итальянской. Судя по всему, в ней широко использовались элементы романского стиля. У центрального портала церкви расположены два спящих льва и обычно говорилось, что они сошли со ступеней Алупкинского дворца (еще одна черта сходства вкусов брата и сестры Воронцовых).

Другой чертой сходства здесь считают устройство сада в итальянском стиле, созданный по проекту Уэстмэкотта. Посетитель, прогуливаясь по саду, мог видеть пальмы и кипарисы, характерные для парка в Алупке. Екатерина Семеновна, насколько нам известно, не посещала Крым, напротив, это ее брат был частым гостем Вилтон-хауз. Как знать, быть может, леди Пемброк в подражание саду южного фасада Алупки, о котором она знала от брата, и создала свой итальянский сад. Во всяком случае, оба сада были разбиты в одно и то же время – в 1820–1840-е гг. Судя по архивам Алупкинского дворца, здесь хранились чертежи и проекты различных строений и садов Вилтон-хауз, то есть брат и сестра обменивались замыслами и чертежами. По своей социально-политической направленности Воронцовы традиционно были англоманами, в частности, брата и сестру Воронцовых явно привлекало разумное сочетание дворянских традиций и высокоразвитого буржуазного предпринимательства, передовой промышленности и тонкого понимания куль-

туры и природы. Этот тип культуры в его различных проявлениях они и старались внедрить в российскую действительность, обогащая отечество коллекциями, книгами, рациональным типом хозяйствования, выписывали лучшие виды семян и насаждений. Другими словами, полезные заимствования были поставлены на службу интересам собственного отечества.

В заключение дадим слово представительнице Вилтон-хауза, рассказавшей нам о проблемах частного дома-музея.

Сегодня владельцы могут позволить себе достаточно скромные расходы на содержание дома, уменьшив штат сотрудников. Парк обслуживают только три садовника, поэтому, чтобы обеспечить уход за старыми деревьями и многочисленными полянами, приходится содержать сад максимально просто. Тем не менее, недавно были устроены сады в восточном стиле. На основе фотографий восстанавливается итальянский сад времен Екатерины Семеновны, осуществляются новые посадки кипарисов и прочих субтропических растений.

Уильям, 18-й граф Пемброк, решил вернуть дому облик времен Екатерины Семеновны. Осуществлены большие работы по возвращению галерее ее первоначального вида. Проведена реставрация 40 скульптур, осуществлена реставрация картин.

Из года в год становится все труднее содержать подобные дома. Поэтому предоставление интерьеров для съемки фильмов помогает оплачивать счета. Роскошная палладианская зала, именуемая «двойной куб», дает основные средства для содержания дома! Здесь снимались фильмы «Гордость и предубеждение», «Чувство и чувствительность», «Безумие короля Георга», «Бунт на корабле» и «Миссис Браун» (о королеве Виктории).

«В Вилтоне мы обязаны столь многим нашей замечательной русской графине – ее чувству стиля, ее деловым качествам и ее любви к семье, – завершила свой рассказ английская гостья. – И в будущем году мы надеемся прославить ее имя выставкой в честь годовщины ее бракосочетания».

---

¹ Столбова Е.И. Портреты княгини Е.Р. Дашковой // Е.Р. Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 169.

² Там же. С. 171.; Catalogue of the exhibition of Russian art. London, 1935. № 669.

³ Wilton House. The Home of the earl of Pembroke. A Guide to the Paintings in the Public Rooms. Wilton House, 2003.

⁴ Ibid. P. 5.

⁵ Дашкова Е.Р. Записки 1743-1810. Л., 1985. С. 206.

⁶ Там же. С. 207.

⁷ Архив князя Воронцова. Т. XVI. М., 1880. С. 401–405.

⁸ Сафонов М.М. Екатерина Малая и ее «Записки» // Е.Р. Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 13–22.

⁹ Архив князя Воронцова. Т. XXI. М., 1882. С. 417.

¹⁰ Архив князя Воронцова. Т. 10. М., 1776. С. 126.

¹¹ Там же. С. 461–464.

¹² Графиня Е.С. Пемброк имела пять дочерей: это маркиза Элсбери, графини Дэнмор, Шелберн, Клэнвилльям и виконтесса Де Вески, и единственного сына Сиднея, лорда Герберта Ли, военного министра в годы Крымской войны 1853-1856 гг. Скончалась она 27 марта 1856 г. и похоронена в склепе Вилтонской церкви.

¹³ Wilton House. The home of the earl of Pembroke.

¹⁴ Такой же мост построен в Царском Селе архитектором В. Нееловым.

¹⁵ Wilton House. The home of the earl of Pembroke. P. 6–7. Сегодня ведутся споры о том, кто скрывался за личностью У. Шекспира. Среди претендентов на авторство его произведений фигурирует и Мария Сидней! По крайней мере, этому был посвящен фильм английского телевидения. Так или иначе, это привлекает в Вилтон немало посетителей, желающих найти ответ на вопрос, кем же был У. Шекспир. Пожар 1647 г. уничтожил документы, могущие пролить свет на эту загадку.

КАК ДЕЛИЛИ НАСЛЕДСТВО АННЫ КАРЛОВНЫ ВОРОНЦОВОЙ

С.Р. Долгова

Ничто не предвещало одиночества в конце жизни блестящей гоф-фрейлины царевны Елизаветы Петровны, ее двоюродной сестры Анны Скавронской (1722–1775). Отец ее, Карл Самойлович Скавронский, был старшим братом императрицы Екатерины I. 31 января 1742 г. состоялась свадьба Анны Карловны с любимцем императрицы, участником гвардейского переворота, приведшего на престол Елизавету Петровну, Михаилом Илларионовичем Воронцовым (1714–1767). Пышная свадьба проходила при дворе, императрица поздравила молодоженов и пожаловала им свой «цесаревнинский дом» с «мебелями» и всем, что в доме было. Во время коронации Елизаветы Петровны Анна Карловна получила звание статс-дамы. Благодаря таланту и родственным связям М.И. Воронцов делал успешную карьеру. Пост вице-канцлера, а затем и канцлера, сделали его первым лицом в государстве. В 1745 г. Воронцовы отправились в путешествие по Европе. Анна Карловна пользовалась вниманием зарубежных дипломатов и этим способствовала переговорам своего супруга.

М.И. Воронцов забрал свою четырехлетнюю племянницу Екатерину у ее бабушки Федосьи Сурминой, где она жила после смерти матери, и поселил в одной комнате со своей дочерью Анной. Михаил Илларионович не жалел средств, чтобы дать своей дочери и племяннице, знаменитой впоследствии княгине Е.Р. Дашковой, хорошее образование. Думаем, что и Анна Карловна много внимания уделяла своей воспитаннице. Первые письма молодоженов Екатерины и Михаила Дашковых с подробным описанием жизни в селе Троицкое были отправлены дяде и его супруге.

Дочь М.И. и А.К. Воронцовых, Анна Михайловна, была единственным ребенком в семье (другие дети умерли во младенчестве). 18 февраля 1758 г. в 15-летнем возрасте она была выдана замуж за Александра Сергеевича Строганова (1733–1811). Личная жизнь молодых не сложилась, и Анна Михайловна была вынуждена вернуться в дом своих родителей.

В конце 1760-х гг. на Анну Карловну обрушилось сразу два несчастья: 13 февраля 1767 г. в Москве умер ее муж, а 21 февраля 1769 г. в Петербурге на двадцать седьмом году жизни скоропостижно скончалась дочь. Анна Михайловна Строганова была погребена в Александро-Невской лавре. Надпись на памятнике гласила: «Скончавшейся в цветущей молодости на 27 году возраста своего скоропостижно, не оставив потомства, несчастная мать, вдова гр. Анна Воронцова, неутешно оплакивая такую кончину, положила лета от Р.Х. 1769 г. февраля 21 дня»¹.

Делами по наследству А.М. Строгановой занялся ее двоюродный брат А.Р. Воронцов. В своем «Мнении» о наследстве он подробно перечислил имущество сестры, которое перешло в род Воронцовых². Со своей стороны Анна Карловна составила «Записку об имущественных претензиях» к Воронцовым, требуя вернуть принадлежащие лично ей предметы из имущества умершей дочери. В 1770 г. А.К. Воронцова выдала обязательство Р.И. и И.И. Воронцовым, братьям мужа, на четыре медных завода в Кунгурском уезде, сообщая о получении за них 50 тыс. руб. и обязуясь «никаких расчетов сверх той суммы не требовать»³.

7 декабря 1775 г. Анна Карловна скончалась и была погребена рядом с дочерью на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Как свидетельствуют архивные документы, разбирательство по наследству А.К. Воронцовой продолжалось еще одно десятилетие. В 1782–1792 гг. в Петербургском губернском правлении рассматривалось дело о расчете графа Р.И. Воронцова, умершего в 1783 г., с наследником Анны Карловны, ее племянником Павлом Мартыновичем Скавронским⁴, по медеплавильным заводам⁵. 8 ноября 1792 г. последовал указ императрицы Екатерины II о выдаче 100 тыс. руб. из общей суммы наследников М.И. Воронцова и А.К. Воронцовой графу Павлу Скавронскому⁶. Так закончилось дело о наследстве канцлера М.И. Воронцова, его жены и дочери.

Приложение 1

Записка об имущественных претензиях вдовы графа Михаила Ларионовича Воронцова графини Анны Карловны Воронцовой (не ранее 1767 г.)

Что имела пожалованнова мне в приданые от покойной государыни императрицы Елизаветы Петровны.

Чтобы возвратил мне граф Роман Ларионович по совести мне принадлежащее и по справедливости, чему могут совесными свидетелями служить в уверение придворные ее величества покойной государыни, которые имели щастие быть при дворе ее, как она цесаревною была. А в при ступлении ее на престол 25-го ноября 1741 году сия выдана была замуж от Ее Императорского Величества покойною государынею 1742 генваря 31 дня. А его сиятельство граф Роман Ларионович приехал из Риги 1742-го году февраля 4 дня. Надеюсь, что его сиятельство слышал от брата покойного, а моего мужа, что было мне пожаловано, и сам очевидным свидетелем был: цесаревнинскому дому и мебелиам, которые ее величество покойная государыня изволила пожаловать мне все, что в доме цесаревнинском было.

А как его сиятельство граф Роман Ларионович уполномочен верующем де письмом от графа Ивана Ларионовича, то я требую от наследников.

1-е

Наше: с десять тысяч рублей я имела вещей в приданые, из которых муж мой покойный отдал за дочерью на 42500 ру[блей].

2-е

А из оставших на 17500 ру[блей] да сверх того и других, оставших собственных вещей, которые я имела по милости ее величества покойной государыни на 16500 ру[блей], чтобы мне возвратить.

3-е

Десеть тысяч приданных денег, а что сверх того вещей останется после покойной моей дочери, следует по наследству их сиятельствам графу Роману Ларионовичу и графу Ивану Ларионовичу. За мебели, приданья которые я имела из цесаревнинскова дому, зачитаю я после покойной дочери; платья ее, которые я ей на собственные деньги покупала, и после во вдовстве своем долг нажила, и на сей щот сей долг взяла, и, не поставя ничево, на покойного мужа своего щот требуя по справедливости, что мне оные оставшие платья и кружева принадлежат, а что собственное покойной графини Анны Михайловны, то следует наследникам.

Требования графини Анны Карловны после покойного мужа ее графа Михаила Ларионовича, оставшаго мебель

1-е

За столы, мраморные кошелки и стулья графиня Анна Карловна желает иметь четыре статуя мраморные большие, из которой

ей на четвертую часть одна достанется. А те три статуи зачесть за первой номер.

2-е

За кожные серебряные обои и большей ковер требует графиня Анна Карловна кожи, которыми обиты стулья, а из тех кож ей принадлежит четвертая часть, да лаковые часы с бронсом.

3-е

Из оставшего серебра, фарфору и десертных ножей требует графиня Анна Карловна четвертую часть.

4-е

Из тех карет французских желает иметь по жеребью карету, а ежели наследники согласятся остальные две ей по оценке оставить, она должна за две кареты деньгами им отдать.

5-е

Из малиновых обоев штофных требует четвертую часть.

6-е

За кровать, шитую гарусом, и оставшие старые обои, мазанковой стол и за зеркала берет на четвертую часть лаковые обои, чем обита гостиная комната.

7-е

Из ливрей четвертую часть, а ежели граф Роман Ларионович намерен ливрею остальную, что им принадлежит, уступить графине Анне Карловне, то оставшую ливрею оценить, и графиня Анна Карловна должна им по оценке деньги заплатить.

8-е

За поваренную посуду зачесть паникадилы и другие вещи.

9-е

Загородной деревянной дом, что при Катерингофе, за седьмую часть оставить за каменной дом приморской.

10-е

За московской Тверской каменной дом требует графиня Анна Карловна Слобоцкой дом с местом, что против Сенату, на седьмую часть.

11-е

Девке Анне Никифоровой пожаловать вечную отпускную.

12-е

Из деревьев помаранцовых, которых имеет его сиятельство граф Роман Ларионович реэстр, графиня Анна Карловна требует четвертую часть.

У подлинного подписано тако.

Согласна сего. Графиня Анна Воронцова, урожденная графиня Сковронска.

РГАДА. Ф. 1261 (Воронцовы). Оп. 11. Д. 2507. Л. 1–2 об.

Приложение 2

**Письмо графа Александра Романовича Воронцова
[присяжному поверенному] Дилигенскому по делу
об имущественных претензиях покойной графини
Анны Карловны Воронцовой, о путях мирного
урегулирования конфликта
(не ранее 1785 г., не позднее 1806 г.)**

Г[осподин] Дилигенской!

Как поручено Вам от меня и брата моего родного генерал-от-инфантерии и кавалера Семиона Романовича Воронцова, находящегося при Великобританском дворе чрезвычайным посланником и полномочным министром по имеющемуся в Санкт-Петербургском губернском правлении о расчете по медиплавильным пермским Ягошихинского с протчими заводам делу, заведенному по претензии покойной обер-гофмейстерины графини Анны Карловны Воронцовой, а ныне с наследниками ее в помянутом губернском правлении производившемуся, быть при том расчете со стороны нашей поверенным, на что Вы и особую доверенность от нас имеете. Но как в той данной вам доверенности на случай полюбовного по сему делу примирения ничего не сказано. И так есть ли со стороны покойной обергофмейстерины наследники пожелают сие дело прекратить полюбовным миром, в таком случае, на известных вам от меня положениях учиня сделку и объясня в ней, что впредь с обеих сторон как самим нам, так и наследникам нашим по делу сему ничего не искать и никаких дел более не начинать. На каком основании и мировые прошения от имени нашего за Вашим рукоприкладством куда надлежит подать. И по ней, к чему следовать будет, вместо нас руку прикладывать же, а потом с решительного на то определения за скрепою копию испросить, в чем во всем я Вам верю, и что Вы по сему учините впредь спорить и прекословить не буду, а какому я от означенного брата моего имею

по всем ево делам непосредственную доверенность, со оной при деле имеется уже точная копия.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 11. Д. 2507. Л. 3–3 об.

---

¹ *Алексеев В.Н.* Граф Воронцов и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002. С. 439.

² *Болотина Н.Ю.* Разные судьбы сестер Воронцовых: Екатерина Дашкова и Анна Строганова // Е.Р. Дашкова и ее время. М., 2000. С. 37.

³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 19.

⁴ Дочь П.М. Скавронского Елена Павловна была замужем за героем Отечественной войны 1812 г. генералом от инфантерии П.И. Багратионом.

⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 11. Д. 3692.

⁶ Там же. Л. 34 об.

РУССКИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ XVIII ВЕКА В БИБЛИОТЕКАХ ВОРОНЦОВЫХ

Е.В. Полевщикова

Воронцовский фонд Научной библиотеки Одесского национального университета им. И.И. Мечникова представляет собой наиболее значительный и практически сохранившийся без изменений фрагмент библиотеки Воронцовых, собиравшейся несколькими поколениями этой прославленной семьи и в конце XIX в. поступившей в Новороссийский университет¹. Ценнейшей составной частью этого книжного комплекса является коллекция периодических изданий. Она насчитывает не менее 500 названий газет и журналов, хронологически охватывая два с половиной столетия: от французского политического «листка» «Меркурий, или Небесный курьер» (*Mercure ou Courrier celeste, parlant a Monsieur frere du Roy. Paris, 1632*) до одесских периодических изданий 1870-х гг. Несмотря на то, что преобладает иностранная периодика (прежде всего на французском и английском языках), коллекция русских периодических изданий является весьма солидной как по численности, так и по качественному составу, представляя все разновидности периодики: газеты, журналы, альманахи, календари или месяцесловы. Из 150 названий около трети относится ко второй половине XVIII в., что составляет значительную часть репертуара русских периодических и продолжающихся изданий гражданской печати².

В свое время видный литературовед и библиограф П.Н. Берков отмечал, что русская журналистика XVIII в. представляет «большую культурную ценность, незаслуженно забытую, напрасно пренебрегаемую»³. За последние десятилетия русская периодическая печать века Просвещения стала объектом внимательного изучения, чему в значительной степени способствует открытие факультетов журналистики во многих учебных заведениях страны.

Цель данного сообщения – дать обзор этой части Воронцовского фонда, выделив наиболее редкие, в том числе малотиражные и запрещенные издания, сохранившиеся до нашего времени, а также проследить пути их поступления в библиотеку майоратного дома

Воронцовых в Одессе, отмечая при этом наличие изданий, впоследствии утраченных. В данном случае речь пойдет главным образом об изданиях, находившихся среди книг Романа Илларионовича и его сыновей. Об их принадлежности позволяют судить особенности сохранившихся владельческих экземпляров (переплет, суперэкс-либрисы, записи владельцев), а также данные рукописных каталогов книжных собраний Воронцовых-младших, которые систематически пополняли свои библиотеки журнальными новинками, в том числе – отечественными периодическими изданиями.

Репертуар русских книг и периодических изданий в библиотеках Александра и Семена Романовичей отражает серия сохранившихся рукописных каталогов. «Каталог русским книгам библиотеки.Его сия-ва графа Александра Романовича Воронцова в П[етер]бургском Иса-киевском доме находящейся» (1781) содержит 328 названий в более чем 700 томах, в том числе – более 20 названий газет и журналов в более чем 190 томах⁴. В «Каталоге русских книг в библиотеке села Андреевского, перенесенной на половину Его Сият. графа Алекса-дра Романовича Воронцова Сентября 25 1794 года» отмечено 11 жур-налов и 1 газета⁵. Интерес Александра Романовича к русским книжным новинкам отражен в его переписке с братом и с такими кор-респондентами, как А.Н. Радищев и Г. Лафермьер⁶.

Семен Романович Воронцов с юных лет также стремился к приобретению отечественных изданий. В письмах к отцу звучат неоднократные просьбы о посылке ему русских книг и журналов. Так, 13 июля 1766 г. он писал Роману Илларионовичу: «Вы бы мне, милостивый государь, крайнюю милость сделать изволили, если бы попросили господина Тауберта, чтоб он отыскать для вас велел в Академии все Ежемесячные Сочинения от самого их начала по са-мой конец их издания и, приказавши оныя переплесть, изволили бы мне их прислать... а также и Пчелу Сумарокова»⁷. Много лет спу-стя С.Р. Воронцов писал брату из Лондона, с каким нетерпением он ожидает все русские и французские альманахи, выходившие в Рос-сии, «большие и малые: это моя страсть»⁸. В другом письме он про-сил Александра Романовича прислать ему «несколько каталогов русских книг, продающихся в Москве и два московских альманаха, один для меня, другой для Мишеля»⁹. Проживая за границей с на-чала 1780-х гг. до конца своих дней, Семен Романович не переста-вал интересоваться русскими книгами и журналами, пополняя ими

свою библиотеку. Об этом свидетельствует «Роспись российским книгам...» его собрания, которая включает издания на русском языке, приобретенные на протяжении всей жизни владельца коллекции, вплоть до начала 1830-х гг. «Роспись...» содержит 237 названий книг в 409 томах, в том числе 13 периодических изданий (61 том), 19 атласов и ландкарт, более 100 месяцесловов и календарей; при этом книги и журналы XVIII в. составляют 2/3 всех перечисленных здесь изданий¹⁰.

Принадлежность тех или иных изданий отцу братьев – Роману Илларионовичу – установлена на основании наличия суперэкслибрисов на верхней крышке переплета с инициалами графа: «Г.Р.Л.В.» (граф Роман Ларионович Воронцов), «Р.Л.В.» (Роман Ларионович Воронцов) и «Г.Р.В.» (граф Роман Воронцов), поскольку нами не было обнаружено никаких документов, связанных с библиотечным собранием Воронцова-старшего¹¹. Есть основания предположить, что подавляющее большинство книг Романа Илларионовича влились в книжное собрание А.Р. Воронцова в фамильном имении Андреевское. После смерти владельца имение и библиотека перешли в руки его племянника Михаила Семеновича. В 1823 г. М.С. Воронцов был назначен генерал-губернатором Новороссии и полномочным наместником Бессарабии, а фамильные книжные собрания были постепенно перевезены на юг – в Одессу и Алупку.

Обратимся к русским периодическим изданиям из различных книжных собраний членов семьи Воронцовых, сохранившихся в составе Воронцовского фонда Научной библиотеки Одесского университета.

Ранний этап академической журналистики (конец 1750-х – начало 1760-х гг.) представлен в собрании Воронцовых «Санкт-Петербургскими ведомостями» за 1742–1774 гг. (с перерывами) и полным комплектом первого ежемесячного журнала, рассчитанного на сравнительно широкий читательский круг – «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих» (1755–1764).

С конца 1750-х гг. помимо правительственных изданий появляются и первые частные. Это, прежде всего, первый еженедельный частный журнал «Праздное время в пользу употребленное» (в Воронцовском фонде имеются номера за 1759 г., когда общий тираж издания составил 600 экземпляров). Известный библиограф А.Н. Неустроев писал по этому поводу, что 2 января 1759 г. (день

выхода в свет первого номера журнала) «памятно в истории нашей периодической литературы, как первый день частной предпринимчивости в этом роде»¹².

Крупный исследователь масонства в России Г.В. Вернадский причисляет оба упомянутых журнала к периодическим изданиям, последовательно проводившим идеи рационалистического масонства. Наряду с известными авторами духовных од и нравоучительных басен – А.П. Сумароковым и М.М. Херасковым, А.А. Нартовым, М.М. Щербатовым – среди авторов-переводчиков «Ежемесячных сочинений...» был и юный А.Р. Воронцов¹³. Как известно, в номерах за 1756 г. были помещены его переводы сочинений Вольтера «Микромегас» (январь) и «Мемнон» (апрель), которые исследователи считают бесспорной удачей молодого автора¹⁴.

Представленные в Воронцовском фонде тома «Ежемесячных сочинений...» отмечены суперэкслибрисами «Г.Р.В.», что свидетельствует о принадлежности этих экземпляров Роману Илларионовичу, игравшему, как известно, видную роль в масонском движении в России в 1750–1770-е гг. Комплекты журнала были и в библиотеках старшего сына графа: в его петербургском доме и в родовом имении Андреевское Владимирской губернии. Это издание фигурирует в сохранившемся в бумагах Александра Романовича «Реестре купленным в Академической лавке книгам»¹⁵. В каталоге библиотеки в Андреевском отмечено и наличие еженедельника «Праздное время в пользу употребленное».

По своей идейной направленности к указанным изданиям примыкает также журнал «Трудолюбивая пчела» А.П. Сумарокова (1759)¹⁶. Он отмечен в наиболее раннем из дошедших до нас библиотечных каталогов А.Р. Воронцова, составленном в 1766 г. в бытность Александра Романовича посланником в Голландии¹⁷. Присутствие в этом документе «Трудолюбивой пчелы» (единственного русского издания среди зафиксированных здесь нескольких тысяч иностранных названий) представляется неслучайным. Напомним, что в августе 1759 г. в этом журнале был напечатан перевод вольтеровского «Микромегаса» А.П. Сумарокова, оспорившего первенство Александра Романовича как переводчика этого сочинения (по мнению П.Р. Заборова, сумароковский перевод «Микромегаса, неточный, неуклюжий, но – по сравнению с ранним – дополненный рядом злободневных деталей»)¹⁸. Можно предполо-

жить, что находившийся за границей Александр Романович, узнав об этом, постарался достать данное издание (к сожалению, до настоящего времени эти экземпляры журнала не сохранились).

Отметим присутствие среди книг Р.И. Воронцова самого радикального, по мнению исследователей, издания из серии сатирических журналов 1769–1774 гг. – «Живописца» – замечательного русского просветителя Н.И. Новикова¹⁹. В данном случае речь идет о второй части третьего издания «еженедельного сатирического сочинения». Две части «Живописца» имелись и в петербургской библиотеке Александра Романовича. К сожалению, номера первого и лучшего новиковского сатирического журнала – «Трутня» – имевшиеся в собрании Семена Романовича, в Воронцовском фонде отсутствуют.

Московская журналистика 1760-х гг. представлена подборкой номеров «Собрания лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия...» (1762), находившихся в библиотеке Романа Илларионовича (суперэкслибрис «Г.Р.В.»), а затем – в коллекции его старшего сына в Андреевском.

Как известно, выдающуюся роль в успешном издании новых отечественных журналов сыграла Е.Р. Дашкова. Княгиня стояла у истоков ежемесячного литературно-философского журнала «Невинное упражнение» (1763), сотрудничала в новиковских «Трутне» и «Живописце», в журналах «Опыт трудов Вольного Российского собрания» и «Друг просвещения»²⁰. Деятельное участие Екатерины Романовны сыграло решающую роль в появлении таких изданий, как «Собеседник любителей российского слова» (1783–1784), «Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений» (1786–1791, 1793–1794), «Новые ежемесячные сочинения» (1786–1796).

В предуведомлении, напечатанном в первой книжке «Собеседника любителей российского слова», говорилось: «Сие собрание разных сочинений в стихах и в прозе некоторых любителей Российского слова издается по желанию нынешнего Академии Наук Директора Ея Сиятельства Княгини Екатерины Романовны Дашковой...»²¹. Задуманный совместно с Екатериной II, поместившей здесь ряд своих сочинений, журнал, названный Н.А. Неустроевым «замечательным явлением в русской литературе того времени»²², представлен в Воронцовском фонде полным комплектом (поступил, очевидно, из собрания Александра Романовича).

Полагаем, что вышедший в Петербурге в 1786–1794 гг. «Российский феатр...» также находился в библиотеке А.Р. Воронцова, который отличался особым интересом к словесности вообще и к театральным сочинениям в частности. В 39-й части (с. 123–195) была напечатана трагедия Я.Б. Княжнина «Вадим Новгородский», напугавшая императрицу тираноборческими устремлениями. По ее распоряжению сенат приговорил конфисковать по возможности все экземпляры «Вадима» и публично сжечь их²³. Экземпляр воронцовского собрания, сохранившийся в первоначальном виде, является таким образом библиографической редкостью.

«Академические известия» (1779–1781) представлены в Воронцовском фонде томами из собраний и Романа Илларионовича, и Александра Романовича. Из библиотеки последнего происходит еще одно академическое издание последней четверти XVIII в. – «Собрание новостей...» (СПб., 1775–1776), тираж которого составлял всего 300 экземпляров.

Очевидно, из собрания А.Р. Воронцова поступили и такие частные журналы, как «Утренние часы» и «Беседующий гражданин», не зафиксированные в просмотренных нами каталогах, равно как и знаменитые журналы Н.И. Новикова масонской направленности («Утренний свет», «Вечерняя заря», «Московское ежемесячное обозрение»), а также другие масонские издания («Беседы с богом, или Размышления в вечерние часы»). Известно, что второе отделение журнала «Беседы с богом...» – «Размышления о делах Божьих в царстве природы...» (М., 1787) – было рекомендовано для чтения членам масонского ордена Розенкрейцеров. В апреле 1794 г. при описании книжного склада Н.И. Новикова первая часть «Размышлений» была включена в «Каталог мистическим, алхимическим, кабалистическим, вольнокаменщицким, запрещенным и другим сумнительным и вздорного содержания книгам»²⁴.

Издававшаяся Н.И. Новиковым «Древняя российская вивлиофика», как и «Продолжение Древней российской вивлиофики» имелись в собраниях обоих сыновей Романа Илларионовича. Пока не удалось установить, в библиотеке кого из них хранился целый ряд дошедших до нас изданий последней трети XVIII в.: «Дело от безделья», «Еженедельные известия Вольного экономического общества», «Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства...», «Политический жур-

нал», «Зеркало света», «Российский магазин трудами Феодора Туманского», «Чтение для вкуса, разума и чувствований».

Особого упоминания, на наш взгляд, заслуживает то обстоятельство, что почти половину представленных в Воронцовском фонде русских периодических изданий XVIII в. составляют календари и месяцесловы. Два из них – издания В. Рубана «Любопытный месяцеслов на 1775 год» (СПб., 1775) (отмечен суперэкслибрисом «Г.Р.В.») и «Московский любопытный месяцеслов на 1776 год» (М., 1776) – восходят к книжному комплексу Воронцова-старшего. Судя по особенностям владельческого переплета можно предположить, что «Адрес-календарь российский на лето от рождества Христова 1795» и «Месяцеслов с наставлениями на 1782 год» находились в библиотеке Александра Романовича.

Особым пристрастием к собиранию этого вида литературы отличался Семен Романович. В «Росписи российским книгам...», имевшимся в его лондонском доме, выделяется раздел «Месяцесловы, календари, каталоги и списки военных и морских сил» (Л. 30). Здесь зафиксированы «Месяцесловы» на 1780–1783, 1785–1788, 1790–1794, 1796, 1798–1799 гг., «Исторический и географический месяцеслов» на 1782, 1786–1794 и 1796 гг., «Месяцеслов с наставлениями» на 1783 и 1786 год, «Придворный месяцеслов» на 1789–1790, 1793–1794, 1798–1799 гг. В связи с тем, что нераспространенные экземпляры погибли во время пожара Зимнего дворца в 1837 г., «Придворные календари» являются редкостью в настоящее время²⁵. Отметим присутствие в библиотеке Семена Романовича и значительного числа месяцесловов и адрес-календарей, вышедших в XIX в. Большая часть упомянутых изданий сохранилась до нашего времени и находится в составе Воронцовского фонда университетской библиотеки.

Эта разновидность печатных изданий привлекает внимание исследователей в связи с высокой степенью вероятности нахождения в них многочисленных владельческих записей самого различного характера на пустых и вклеенных дополнительных листах²⁶. Предпринятый нами поиск в этом направлении долго не давал результатов: насколько можно судить по просмотренным экземплярам, маргиналии, оставленные Воронцовыми, встречаются довольно редко. Удачной находкой можно считать обнаруженные записи Семена Романовича на пустых листах «Месяцеслова... на 1782 год». 6 мар-

та С.Р. Воронцов сообщает о поездке отца (с. 11), а все последующие записи имеют отношение к важнейшему событию не только для Семена Романовича, но и всего рода Воронцовых: рождению и первым месяцам жизни Михаила Семеновича. Итак, 19 мая: «Миша родился 19 числа мая в 4 часа поутру» (с. 17); 1 июня: «Мишу возили в Царское село где государыня ево крестить изволила» (с. 18); 1 сентября: «в сей день Мише привили оспу» (с. 28) (далее следует весьма пространное изложение реакции на проведенную прививку). Еще одна любопытная запись была найдена на форзаце «Придворного месяцеслова на ... 1798»: черными чернилами рукой юного Михаила Семеновича выведено: «М. Воронцов. Мишка».

Наконец, отметим присутствие в Воронцовском фонде журналов, изданных в Российской империи на иностранных языках. Как отмечается в литературе, это наименее изученная часть русской периодической печати XVIII в.²⁷ В первую очередь это собрания трудов, выпускавшихся Петербургской Академией наук на латинском языке – «Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae» и «Nova acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae». В Воронцовском фонде имеется семь частей первого издания, увидевших свет в 1778–1783 гг., и два тома, выпущенных в 1786 г. и 1790 г., то есть представлены третья и четвертая серии научных трудов Академии наук. Точно установить владельца пока не удалось.

Во втором томе каталога библиотеки А.Р. Воронцова (предположительно составленном в начале XIX в.) в разделе «Ouvrages périodiques» («Периодические издания») указаны четыре названия периодики на немецком языке, изданной в Петербурге, Митаве и Риге²⁸. «Русская библиотека для знания современного состояния литературы в России» (Russische Bibliothek, zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland. – St. Petersburg, Riga und Leipzig, 1772–1787) – первый в России библиографический журнал, издававшийся знаменитым русским библиографом Л.И. Бакмейстером. Журнал содержал более тысячи рецензий на новые русские книги, заметки и статьи книговедческого характера. Полный комплект (11 томов) не обнаружен в крупнейших книгохранилищах бывшего Советского Союза²⁹. В Воронцовском фонде хранится девять томов этого ценного издания.

Как отмечается в специальных справочных изданиях, наиболее редкими и плохо сохранившимися изданиями, кроме газет и

прибавлений к ним, являются календари, полные комплекты которых отсутствуют даже в лучших библиотеках России³⁰. Поэтому особенно выделим наличие изданий такого рода в Воронцовском фонде. Из библиотеки А.Р. Воронцова поступили «Лифляндский Адрес- и Почтовый календарь на 1784 год» (*Liefländischer Adressßund PostßCalendar auf das Jahr Christi 1784. – Mitau, s.a.*), не зафиксированный в соответствующем каталоге. Выше отмечалась склонность Семена Романовича к коллекционированию подобного рода изданий. Очевидно, именно в его собрании находились издававшиеся в Петербурге «Придворный альманах» (*Almanach de la Cour*) на 1779, 1786 и 1788 гг. и «Санкт-Петербургский календарь» (*St-Peterburgischer Kalender*) на 1793 г.

Итак, в Воронцовском фонде Научной библиотеки Одесского национального университета им. И.И. Мечникова хранится весьма значительная и разнообразная по составу коллекция русской периодики второй половины XVIII в., которая достаточно полно отражает как наиболее яркие страницы развития отечественной журналистики в век Просвещения, так и личные вкусы и пристрастия владельцев книжных собраний. Проведенное исследование является одним из первых результатов изучения этой части книжного комплекса, собиравшегося несколькими поколениями семьи Воронцовых в контексте истории формирования библиотеки майоратного дома Воронцовых в Одессе.

---

¹ Об истории библиотеки Воронцовых в Одессе см.: *Бондаренко П.М., Фельдман В.С.* Библиотека Воронцовых в Одесском университете // *Альманах библиофила*. 1981. Вып. 10. С. 98–109; *Полевицкова Е.В.* Библиофильство в семье Воронцовых: Роман Илларионович Воронцов и его сыновья // *Век Просвещения*. М., 2006. Вып. 1. С. 350–367; *Она же*. Периодические издания Воронцовского фонда Научной библиотеки ОНУ: к истории формирования коллекции // *Матеріали міжнародної наукової конференції «Історичні колекції у книгозбірнях: проблеми збереження, вивчення, реконструкції»*. Одеса, 2004. С. 155–160; *Она же*. «Читательская лихорадка» в семье Воронцовых (вторая половина XVIII в.) // *Воронцовы и русское дворянство: VIII Крымские Международные Воронцовские чтения: сборник докладов*. Симферополь, 2006. С. 81–87.

² Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века 1725–1800. Т. 4. Периодические и продолжающиеся издания. М., 1966.

³ *Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952.

⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 3033.

⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 7. Д. 829.

⁶ Архив князя Воронцова. Кн. XII. М., 1877; Кн. XXIX. М., 1883.

⁷ Там же. Кн. XVI. М., 1880. С. 95. См. также С. 38, 45–47, 130.

⁸ Там же. Кн. IX. Ч. 2. М., 1876. С. 112–113.

⁹ Там же. Кн. 10, М., 1876. С. 42–43. О каком именно издании идет речь, нам точно неизвестно. Можно предположить, что имеется в виду один из издававшихся Н.М. Карамзиным литературных альманахов «Аглая» (М., 1794–1795; второе издание вышло в 1796 г.) либо «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений» (М., 1796–1799). См. *Смирнов-Сокольский Н.П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М., 1965. С. 49–55.

¹⁰ Count Woronzow's catalogue of Russian books, atlases, maps &c. Роспись российским книгам, атласам, ландкартам, месяцесловам и пр.: принадлежащим Его сиятельству Графу Семену Романовичу Воронцову. (Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 991).

¹¹ О книгах, принадлежавших Роману Илларионовичу. см. *Пряшниковая М.П.* Алушкинская библиотека Воронцовых // Е.Р. Дашкова: личность и эпоха. М., 2003. С. 162, 178; *Филатова Е.Е.* «Родословие» Лаврентия Хурелича из фондов Алушкинского дворца-музея // III Крымские Воронцовские чтения «Дворянство в истории Российского государства». Симферополь-Севастополь, 9–15 ноября 2000 г. Симферополь, 2001. С. 101–108; *Она же.* Крымская жемчужина. Мемориальная библиотека Алушкинского дворца // Библиотечное дело. 2003. № 3. С. 39–40. О предпринятой нами попытке реконструкции облика книжного собрания Р.И. Воронцова см.: *Полевщикова Е.В.* Библиофильство в семье Воронцовых. С. 350–367; *Она же.* Роман Илларионович Воронцов – основатель семейной библиотеки // Вісник Одеського національного університету. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2007. Вип. 4. С. 190–199.

¹² *Неустроев А.Н.* Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных. СПб., 1874. С. XIX.

¹³ *Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 1999. С. 134–135.

¹⁴ *Заборов П.П.* Русская литература и Вольтер XVIII – первая треть XIX века. Л., 1978. С. 12, 14.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 3032.

¹⁶ *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 135.

¹⁷ Catalogue de la bibliothèque de Son Excellence Monsieur Le comte de Woronzow, Ambassadeur de S.M.L'Impératrice de Toutes les Russies, auprès de L.N.P.Les Etats généraux des Provinces Unies. 1766 (Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 992).

- ¹⁸ Заборов П.Р. Указ. соч. С. 16.
- ¹⁹ Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М., 2003. С. 233.
- ²⁰ Тычинина Л.В. Великая Россиянка: Жизнь и деятельность княгини Екатерины Романовны Дашковой. М., 2002. С. 158–159.
- ²¹ Цит. по: Неустров А.Н. Указ. соч. С. 345.
- ²² Там же. С. 344.
- ²³ См. Гуковский Г.А. Указ.соч. С. 315–316; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. Т. 4.
- ²⁴ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. Т. 4. С. 121.
- ²⁵ Там же. С. 255.
- ²⁶ О значении записей в месяцесловах см.: Боленко К.Г. О чем не врут календари // Про книги: Журнал библиофила. 2007. № 1. С. 91–99.
- ²⁷ Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Т. 4. Периодика. Вып. 1. СПб., 2004. С. 5.
- ²⁸ Catalogue de la bibliotheque de S.E. Monsieur le comte de Vorontzow. Vol. II. Belles-lettres (Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 993). К сожалению, названия двух рижских изданий нам не удалось расшифровать.
- ²⁹ Сводный каталог книг на иностранных языках. Т. 4. С. 497.
- ³⁰ Там же. С. 7.

АНГЛИЙСКИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ВОРОНЦОВЫХ И ДАШКОВЫХ (ПО МАТЕРИАЛАМ НОТНО-МУЗЕЙНОГО АРХИВА И БИБЛИОТЕКИ ВОРОНЦОВЫХ)

М.П. Пряшникова

Контакты всех членов семьи Воронцовых в английской среде были очень многочисленны и разнообразны. Е.Р. Дашкова слыла известной англоманкой. Она дважды приезжала в Англию и имела там многочисленных друзей. Во время своего пребывания в этой стране Екатерина Романовна вела светский образ жизни, ее связи со многими представителями английской аристократии, научных и художественных кругов сложились еще во время первой заграничной поездки, и особенно укрепились и расширились в годы обучения в Эдинбургском университете ее сына Павла Михайловича Дашкова. Дом княгини был открыт для регулярных приемов, во время которых устраивались балы, концерты, любительские спектакли. Любительское музицирование, которому она уделяла много времени, еще живя в Петербурге, продолжалось и за границей. Е.Р. Дашкова часто и охотно выступала в аристократических салонах и в домах своих друзей, исполняя собственные сочинения и русские народные песни, вызывая единодушное одобрение. В этот плане особый интерес представляет ее музыкальный альбом – нотная тетрадь с записанными в ней вокальными клавирными сочинениями, которая хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки

Первый приезд Екатерины Романовны в Англию состоялся осенью 1770 г., когда княгиня с детьми и сопровождавшими ее П.Ф. Каменской и английской приятельницей миссис Морган прибыли в Лондон. Е.Р. Дашкова сразу привлекла к себе всеобщее внимание, так как слухи о ней, якобы возведшей на престол новую императрицу, дошли сюда из континентальной Франции. Встретивший ее на великосветском приеме Г. Уолпол сообщает в одном из своих писем: «Я уже видел княгиню Дашкофф... Она ведет себя не-

обыкновенно искренно и свободно... Она стоит выше всякого внимания к платью и всему женскому, однако поет нежно и приятно приметным голосом. Она и сопровождающая ее русская леди спели две песни очень музыкального народа; одна была мрачной, другая – живой, но с нежными оборотами, и обе напоминали венецианские баркаролы»¹.

Екатерина Романовна не только выступала как певица и клавишница в аристократических салонах. Ее сочинения исполнялись другими. Так, об исполнении в домашнем концерте силами профессиональных музыкантов какого-то сочиненного ею музыкального произведения, вызвавшего несомненное одобрение слушателей, свидетельствует письмо к ней великого английского актера Дэвида Гаррика, посланное из Мистлея (графство Эссекс) 3 мая 1778 г. «Вчера лучший музыкант и превосходный композитор мастерски исполнил ваше произведение, – пишет Д. Гаррик. – Небольшое собрание было в восторге: каждый чувствовал гармонию, прелесть и патетическую простоту ваших арий. Ни малейшего пристрастия не было к вашему званию, и хотя музыкальный жюри критиковал вас строго, за всем тем одобрение было единодушное; я боюсь, чтоб не сбылось пророчество одного из наших поэтов, что “Россия будет наставницей в искусствах для Британского острова”... Да послужит ваша чистая любовь к природе и простоте примером нашей сценической музыке, вокальной и инструментальной, поражающей слух, но не трогающей сердца»².

Наконец, в тексте воспоминаний самой Е.Р. Дашковой, относящихся к лету 1779 г., содержится подробный рассказ об обстоятельствах сочинения ею по заказу леди Арабеллы Денни для исполнения в Дублине музыки к гимну духовного содержания для четырехголосного хора в сопровождении органа. Княгиня пишет: «Леди Денни особенно интересовалась приютом Магдалины, который благодаря ее попечительству, действительно, сделался нужным и полезным. Она несколько раз водила меня туда и, судя слишком благосклонно о моих скромных дарованиях, попросила написать музыку на слова ее любимого гимна, который она часто просила петь в приюте. Я не могла отказать, поскольку ее желания были для меня законом, и написала музыку на четыре голоса. Получив ноты, леди Арабелла Денни велела их разучить; спустя две недели гимн был исполнен в церкви в присутствии большого собрания верую-

щих, которым любопытно было послушать, что сочинил русский медведь. Сбор пожертвований был весьма значительным. Этим вечером я видела леди Арабеллу в самом веселом расположении духа. Она назвала мне сумму, полученную приютом благодаря моей музыке (на что она и рассчитывала), и в заключение дала мне нежное материнское благословение»³. Хоровой духовный гимн сохранился в ее нотном альбоме и таким образом дошел до нашего времени. Это единственное в ее альбоме произведение для многоголосного хора и тем более – с сопровождением органа, что, безусловно, диктовалось условиями его заказа. Гимн написан в торжественном до-мажоре, начинается ходами по трезвучиям, а затем появляются элементы имитации. Заключительный раздел гимна также полифоничен.

Конечно, сочиняя духовное произведение для протестантской церковной службы, Екатерина Романовна опиралась на какие-то слышанные ею ранее образцы такого рода музыки. Для человека, не принадлежащего к английской культуре и не воспитанного в ней, княгиня поступила несколько самонадеянно, но, по-видимому, ее обаяние и уверенность в себе способствовали успеху этого предприятия.

Е.Р. Дашкова не только демонстрировала английским друзьям свои музыкальные дарования певицы, клавесинистки и даже композитора. В ее музыкальном альбоме сохранилось несколько образцов песенно-романсового жанра с англоязычными текстами. Ею записано в свой альбом четыре романса с английскими текстами (говорить о том, что они сочинены самой княгиней, пока нельзя, так как у нас нет тому документальных подтверждений). Впрочем, музыкальный язык их не имеет явно выраженных отличий от других помещенных в нем «арий» и песен, в которых использованы русские, французские или итальянские тексты. Можно предположить, что Екатерина Романовна сочиняла или записывала их в годы жизни в Эдинбурге, Ирландии и Англии, а также, возможно, во времена совместных поездок и тесного общения в Европе с К. Гамильтон и другими английскими друзьями. Можно предположить также, что эти романсы исполнялись молодыми англичанками, сестрами Мартой и Кэтрин Вильмот, гостившими у нее в России в 1803–1808 гг., и поэтому были записаны в альбом. Для всех сочинений, сохранившихся в альбоме Е.Р. Дашковой, характерна простота и естественность мелодического развития и аккомпанемента, использование танцевальных ритмов.

Переходя к другим членам семьи Воронцовых, можно также отметить их разнообразные связи с Англией. Так, старший брат княгини, Александр Романович Воронцов, в молодые годы был русским полномочным министром (послом) в Англии. Его деятельность на дипломатическом поприще была успешной и облегчила, благодаря его сложившимся отношениям в светских и дипломатических кругах этой страны, начало дипломатической карьеры его младшего брата, Семена Романовича.

С.Р. Воронцов служил в Англии в качестве русского посла на протяжении почти 20 лет (с 1785 г. по 1806 г., с небольшим перерывом), а потом прожил в Лондоне последние годы жизни после отставки – еще 16 лет. Он был признанным членом британского высшего света и в конце концов даже породнился с его представителями, выдав замуж свою дочь Екатерину Семеновну за 11-го графа Пемброка.

Для высшего английского света увлечение музыкальным искусством, прежде всего итальянской оперой, было характерно так же, как и для представителей высших кругов во всех европейских странах. С.Р. Воронцов, много лет проведший в Италии и любивший итальянское искусство, продолжал отдавать дань этому увлечению и во время своего пребывания в английской столице. Он регулярно посещал итальянскую оперу в Лондоне, о чем свидетельствуют сохранившиеся в библиотеке Воронцовых многочисленные оперные либретто и ноты с отдельными номерами шедших там опер, имеющие указания на популярных певцов-исполнителей, а иногда и даты постановок. Нотная часть библиотеки Воронцовых сохранила до наших дней многочисленные публикации английских музыкальных издательств, отражающие популярный среди английских любителей музыки репертуар.

Кроме итальянской оперы Семен Романович посещал также концерты серьезной духовной музыки, был членом общества любителей английской духовной музыки, усилиями которого в Лондоне устраивались хоровые концерты с исполнением ораторий и кантат духовного содержания – произведений Генделя, Персела, Гайдна. Несомненно, что дети С.Р. Воронцова также посещали с ним и театр, и духовные концерты. Об интересе Семена Романовича и членов его семьи к этой сфере музыкальной культуры свидетельствует сохранившееся в библиотеке Михаила Семеновича Воронцова в Одессе 24-х томное собрание сочинений Георга Фридриха Генделя.

Привезенные в Англию в раннем детстве, дети Семена Романовича – сын Михаил и дочь Екатерина – получили воспитание и образование в соответствии с традициями, сложившимися в английской аристократической среде. Их связи в этой стране складывались начиная с раннего детства, на протяжении многих лет, и в значительной степени определялись положением отца и его образом жизни, поэтому те материалы, которыми мы сейчас располагаем, характеризуют музыкальные интересы семьи в целом и не имеют явно выраженной принадлежности одному из ее членов. Материалы дошли до нас в составе библиотеки М.С. Воронцова, частично унаследовавшего ее от отца, но пополнявшейся им в последующие годы самостоятельно.

Семен Романович дал хорошее музыкальное образование своей дочери, она неплохо играла на фортепьяно и пела, по-видимому, унаследовав от матери любовь к музыке. Михаил Семенович также брал уроки музыки, он играл на скрипке, и, по свидетельству очевидцев, даже участвовал в квартетном любительском музицировании.

М.С. Воронцов уехал в Россию в 1801 г., однако на протяжении своей жизни много раз приезжал в английскую столицу, к отцу и сестре, подолгу жил там, вращаясь в том же кругу аристократии и деловых людей, к которому принадлежали Семен Романович и Екатерина Семеновна Пемброк. Так, Михаил Семенович приехал в Англию в начале 1806 г. и прожил там почти год. После победного окончания войны с Наполеоном он несколько лет находился во Франции, во главе русского оккупационного корпуса, где его служба проходила в постоянном контакте с офицерами из английской группы войск, возглавлявшейся герцогом А. Веллингтоном. Его дружеские отношения с английским полководцем продолжились и в последующие годы. Как известно, последний был посаженным отцом на свадьбе Михаила Семеновича и Елизаветы Ксаверьевны Браницкой, состоявшейся в Париже в 1819 г. А. Веллингтон был очень высокого мнения о М.С. Воронцове и даже подарил ему свой живописный портрет.

Следующая поездка Михаила Семеновича и его молодой жены Елизаветы Ксаверьевны в Англию состоялась сразу после свадьбы, в 1819 г. Через год с небольшим, в декабре 1820 г., они снова приехали в Англию и оставались там на протяжении года.

Таким образом, М.С. Воронцов сформировался как аристократ английского типа, впитав с юности привычки и вкусы, господство-

вавшие в этой среде. В то же время его отец уделял очень большое внимание тому, чтобы он не порывал своей связи с родиной. Михаил прекрасно владел русским языком, был хорошо знаком с русской литературой, которую отец регулярно получал через своего брата Александра Романовича и многочисленных друзей. В 19-летнем возрасте Семен Романович отправил сына в Петербург, чтобы он начал свою карьеру как военный при русском дворе.

Приехав в Петербург, М.С. Воронцов поселился в доме своего дяди Александра Романовича и постепенно вошел в светские круги российской столицы. Его переписка с друзьями в эти годы содержит многочисленные упоминания о посещении итальянской оперы и французского театра, хотя, по всей видимости, в то время его музыкальные интересы не выходили за рамки обычного светского времяпрепровождения.

Заняв в 1823 г. пост Новороссийского генерал-губернатора, Михаил Семенович уже не мог приезжать в Лондон столь же часто. Следующая поездка состоялась в 1831 г. и продолжалась более года. В июне 1832 г. умер Семен Романович, и больше таких длительных поездок его сын не предпринимал.

Среди английских светских знакомых Воронцовых мы встречаем представителей многих знатнейших фамилий, одновременно являющихся просвещенными любителями музыкального искусства. Среди таких фигур большой интерес представляет лорд Дж.Ф. Бергхерш. О его близких отношениях с семейством Воронцовых свидетельствует сохранившийся в библиотеке экземпляр нотного издания его духовного произведения с дарственной надписью Воронцову. Это «Магнификат» для четырехголосного хора с сопровождением органа, изданный в парижском издательстве в начале 1830-х гг. Надпись на титульном листе гласит: «Magnificat à quatre voix / Composé et dédié à L. Cherubini, Membre de l'Institut de France et Directeur du Conservatoire Royale de musique et de declamation par Lord Burghersh, réduit pour orgue par L. Dietsch. A Paris: au Magasin de Musique d'Eglise et d'Education musicale chez M.M. rs Nicou-Choron et Canaux, s.a.» («Магнификат для четырехголосного хора, сочиненный и посвященный Л. Керубини, члену французского института и директору Королевской консерватории музыки и декламации лордом Дж.Ф. Бергхершем, переложенный для органа Л. Дитчем. В Париже: в магазине церковной и учебной музыкальной литературы господ Нико-Шорон и Кано, б.д.») Лаконичная дарственная надпись

на партитуре: «Count Woronzow – Burghersh» дает основания предположить, что лорд Дж.Ф. Бергхерш преподнес свое сочинение либо Семену Романовичу, либо, что более вероятно, Михаилу Семеновичу Воронцову (они были одного возраста и хорошо знакомы через родственника Дж.Ф. Бергхерша, герцога А. Веллингтона) в 1831 г. или 1832 г., во время последнего приезда Михаила Семеновича к отцу в Англию. Позднее это издание было привезено в Одесскую библиотеку – или самим Михаилом Семеновичем, или в составе библиотеки отца, которая перешла к нему в значительной своей части.

Несколько слов об этом представителе английской аристократии и знакомом семейства Воронцовых⁴. Лорд Джон Фейн Бергхерш (1784–1859), 11-й граф Вестморлендский, получил прекрасное образование в Кембридже, который закончил в 1808 г., одновременно занимаясь музыкой с профессором Хагом. Он сделал прекрасную карьеру, как политик, военный и дипломат. Начиная с 1803 г. принимал участие в наполеоновских войнах, будучи адъютантом герцога А. Веллингтона, своего близкого родственника. Михаил Семенович Воронцов, как мы знаем, также с 1805 г. находился в составе русского корпуса, воевавшего в Европе, однако их встреча в это время была мало вероятной.

Биографы Дж.Ф. Бергхерша ничего не говорят о его связях с Россией и русскими. В то же время в письмах Марты Вильмот сохранилось свидетельство о посещении им России в 1805 г. 17 марта 1805 г. Марта писала своей сестре Алисии из Москвы (привожу в русском переводе): «На последней неделе нашего пребывания в Москве молодой англичанин лорд Бергхерш играл роль светского льва среди наших знакомых. Это сын графа Вестморленда, который был лордом в Ирландии. Это молодой человек ростом 6,5 футов, мужественный, прямой, храбрый и изящный. Я видела его три раза и увижу, очевидно, снова...»⁵. В русском издании писем сестер Вильмот из России этот отрывок пропущен. В английском издании имеется примечание от редактора: «Джон, лорд Бергхерш, позднее 11-й граф Вестморлендский (1787–1859), военный, дипломат, писатель и музыкант. Сражался под командованием Веллингтона и опубликовал свои записки об этом периоде своей жизни. Позднее был британским министром (послом. – М.П.) в Берлине и Вене. В 1823 г. основал Королевскую музыкальную академию. В 1811 г. женился на дочери третьего графа Морнингтона – Присцилле Веллесли-Поул, которая стала выдающимся портретистом»⁶.

После окончания войны с Наполеоном и до 1830 г. Дж.Ф. Бергхерш служил по дипломатической линии во Флоренции. Именно здесь сформировались его музыкальные вкусы и любовь к итальянскому музыкальному искусству. В этой части его биография во многом повторяет биографию С.Р. Воронцова, также начавшего свою дипломатическую службу в Италии и с тех времен ставшего поклонником итальянского музыкального искусства.

В 1822 г. лорд Дж.Ф. Бергхерш осуществил свое главное дело на ниве английской музыкальной культуры: организовал английскую Королевскую академию музыки и стал ее первым президентом. Королевская академия музыки – первая консерватория в Англии, высшее учебное заведение, готовящее профессиональных музыкантов. Кроме того, Академия организовывала концерты и спектакли в Лондоне. Роль лорда Дж.Ф. Бергхерша в создании Королевской академии музыки была очень велика, так как без его политического влияния и веса в аристократических кругах английской столицы, без его энергии и приверженности к музыкальному искусству, вряд ли это учреждение появилось в Лондоне уже в 1820-х гг., когда национальный интерес к собственному музыкальному искусству был не слишком велик, а симпатии влиятельных аристократических кругов полностью были отданы итальянскому искусству.

Личные качества лорда Дж.Ф. Бергхерша: его автократизм, требование раблепного послушания от персонала Академии – наложили свой отпечаток на концертную и театральную политику этого учреждения, которая встречала критику в обществе, выплескивавшуюся даже в газеты. Передовая национально настроенная часть английского общества роптала по поводу специфичности репертуара, куда, кроме итальянцев, допускались только произведения самого лорда-основателя, удовлетворяя его тщеславию, а произведения англичан не исполнялись вовсе. Сделав свои вкусы любителя-аристократа определяющими для всей деятельности Королевской академии музыки, он объективно тормозил ее развитие. Студенты, обучающиеся в Академии, занимались преимущественно исполнительством, но не композицией, о чем высказывались претензии в адрес лорда Дж.Ф. Бергхерша. Он находился на этом посту целых 37 лет, вплоть до своей смерти в 1859 г.

Если же сравнивать его позицию с отношением к национальному музыкальному искусству своей страны С.Р. Воронцова, то необходимо отметить, что живший вдали от родины Семен Романович

активно интересовался произведениями отечественных композиторов, просил прислать ему в Лондон произведения Бортнянского, получал отчеты о происходящих в музыкальном мире Петербурга и Москвы музыкальных событиях, о постановках в крепостном театре своего брата, Александра Романовича, где, как известно, преобладал русский репертуар. О репертуаре, исполнителях и постановках в этом театре ему систематически сообщал Ф. Лафермьер, живший в эти годы в Андреевском – имении вышедшего в отставку Александра Романовича Воронцова.

Находясь на дипломатической службе, Дж.Ф. Бергхерш не прерывал связи с родиной, и неоднократно приезжал в Лондон. По-видимому, во время этих визитов он встречался в свете с С.Р. Воронцовым и его сыном, также посещавшим Лондон. Вероятно, во время одной из таких встреч он и подарил одному из Воронцовых хранящееся сейчас в библиотеке Воронцовых издание.

Дипломатическая служба Дж.Ф. Бергхерша была продолжена в Берлине, где он служил с 1841 г. по 1851 г., а затем стал послом при австрийском дворе в Вене в 1851–1855 гг. Несмотря на то, что служба проходила за пределами Англии, он, как мы увидим дальше, принимал активнейшее участие в музыкальной жизни родной страны, куда окончательно вернулся лишь за три года до смерти, в 1855 г.

Находясь в Италии, лорд Дж.Ф. Бергхерш начал заниматься сочинением музыки, написав в эти годы свои первые оперные произведения в стиле итальянской классической оперы – серьезной и комической. Будучи с молодости любителем музыки, он завязывает тесные контакты с итальянскими музыкантами – композиторами и исполнителями. В молодости он учился игре на скрипке, овладев этим искусством на любительском уровне. Прожив в Италии несколько лет, он начал уделять все больше времени сочинению музыки. Сначала он написал симфонию (в 1817 г.), а затем обратился к опере.

За годы жизни в Италии Дж.Ф. Бергхершем написано семь опер на итальянские либретто, которые были поставлены в различных театрах, как в Италии, так и в Англии. Во Флоренции, например, была поставлена опера «Il ratto di Proserpina» («Похищение Прозерпины») на сюжет, чрезвычайно популярный в конце XVIII в. и начале XIX в. В 1824 г. была написана опера «Fedra» («Федра»), затем – «Bajazette» («Баязет»); в 1829 г. он написал оперу к карнавалу под названием «Il torneо» («Турнир») и вторую, в жанре оперы-

серия – «L'eroe de Lancastro» («Герой Ланкастро»); к карнавалу 1830 г. – комическую оперу «Lo scompilio teatrale» («Переполох в театре») и еще одну, под названием «L'assedio de Belgrado» («Осада Белграда»).

Вокальные номера из последних опер были им позднее изданы во время пребывания на дипломатической службе в Берлине (по видимому, на собственные средства) в 1848 г. и 1849 г. Интересно отметить, что опера «Осада Белграда», написанная на исторический сюжет, была поставлена в том же 1830 г. в Лондоне (в Королевской академии музыки) в переводе на английский под названием «Catherine, or The austrian Captive» («Катерина, или австрийская пленница») и тогда же в Лондоне были изданы арии из нее. В 1838 г. в Лондоне, в Сент-Джемс-театре ставилась его опера «Турнир», после чего арии из нее также были изданы в Англии.

Кроме сочинения оперной музыки Дж.Ф. Бергхерш отдал дань жанрам итальянской духовной музыки. Он сочинил целый ряд произведений в жанрах католической службы: «Магнификат» (экземпляр которого мы обнаружили в той части алупкинской библиотеки, которая хранится сейчас в Музее музыкальной культуры им. М.И. Глинки), два антема, четыре духовных гимна. Кроме того, он писал и в жанрах камерной светской итальянской музыки – двенадцать канцонетт, арии, песни. Ему принадлежат также три симфонии, первая из которых, как уже говорилось, исполнялась в Лондоне, в концертах Филармонического общества, еще в 1817 г.

Как отмечают исследователи истории английской музыки, лорд Дж.Ф. Бергхерш, убежденный поклонник и последователь старой итальянской музыки, точно придерживался ее традиций в своих произведениях, и не стал новатором, пытающимся возродить английскую национальную традицию. Более того, исследователи отмечают, что в его произведениях трудно найти даже какие-нибудь следы творческой индивидуальности. Тем не менее, столь обширное композиторское наследие музыканта-любителя свидетельствует прежде всего о его большой любви к итальянскому стилю пения и композиции. Подобно большинству аристократов по всей Европе, он считал Италию единственным источником хорошей, настоящей музыки. Напомним, что Семен Романович Воронцов придерживался точно таких же взглядов на музыкальное искусство своего времени, и привил такое же его восприятие своим детям. Это обстоятельство, несомненно, могло способствовать их сближению.

Еще одно имя представителя лондонского общества, общавшегося с Воронцовыми и нашедшего свое отражение в музыкальной библиотеке Воронцовых – это Моберли. Он не был аристократом, относился к деловым кругам, возможно, был промышленником и банкиром. Впервые имя Моберли упоминается среди знакомых, присутствовавших в доме Семена Романовича в 1812 г. в день святого Михаила, покровителя его сына. По-видимому, Моберли принадлежал к достаточно близким ему людям, так как круг гостей в этот вечер был очень небольшим⁷. Имя Моберли встречается и в дневниках жены Михаила Семеновича, Елизаветы Ксавьерьевны Воронцовой, относящихся к 1821 г., когда она и Михаил Семенович гостили в Англии в доме С.Р. Воронцова⁸. Еще раз фамилия Моберли возникает в 1826 г. в одном из писем Семена Романовича к сыну, в котором он просит переслать через банкирский дом Андерсон и Моберли только что опубликованное в России стихотворение одного русского поэта⁹. Вероятно, английский коммерсант, познакомившись с семьей русского посла в Англии, по их протекции стал заниматься финансовыми операциями в России и одновременно выполнять иногда личные просьбы этого семейства. Возможно также, что он был любителем музыки, и это послужило еще одной причиной его сближения с Воронцовыми. Если судить по имеющемуся в библиотеке Воронцова материалам, Моберли был любителем музыки для флейты.

В Одесской библиотеке М.С. Воронцова сохранился большой конвюлот (320 страниц), включающий около 30 различных изданий для флейты с сопровождением фортепьяно, для флейтового дуэта, и даже для ансамбля из трех флейт, вышедших в Англии в первые два десятилетия XIX в. Такой же конвюлот, но с партиями второй флейты, имеется в библиотеке воронцовского дворца в Алушке. Каждый из конвюлотов имеет сквозную нумерацию, сделанную не от руки, а с помощью штампа. На обороте переплета детской рукой много раз написано имя: Эдвард Моберли. Возможно, что это сын банкира. Насколько известно, в доме М.С. Воронцова никто не играл на флейте, и тем более там не исполняли флейтовых дуэтов, для чего нужно как минимум двое любителей. Возможно, что эти ноты были привезены в Одессу молодым английским гостем, Э. Моберли, который, по-видимому, обучался игре на флейте, а потом оставил ноты в одесском доме хозяев. Из письма А.С. Пушкина А.И. Казначееву¹⁰

известно, что в 1823 г. в Одессе гостил и пользовался покровительством семейства Воронцова какой-то «юнец-англичанин». Предположение В.А. Удовика и В.О. Кацика, высказанное ими в книге, посвященной жизнеописанию М.С. Воронцова¹¹, о том, что этот англичанин – побочный сын С.Р. Воронцова – Джордж Бизли, вряд ли достоверно, так как известно, что Семен Романович был против того, чтобы его неофициальный сын сблизился с занимающими высокое положение в обществе Екатериной Пэмброк и Михаилом Семеновичем. Как пишет М.И. Микешин, «ему запрещали писать письма графу Михаилу в Одессу, чтобы не компрометировать генерал-губернатора Малороссии связью с лейтенантом британского флота. ...Бизли писал отцу, что, понимая свое положение в обществе, он скрывает свои братские чувства к сестре... и брату... и сыновние чувства к графу Семену Романовичу»¹². Понятно, что о поездке Дж. Бизли в Одессу не могло быть и речи. Поэтому более вероятно, что гостившим в Одессе в 1823 г. англичанином был оставивший свои многочисленные автографы на экземпляре нот Э. Моберли, сын хорошего знакомого Семена Романовича и одесской четы Воронцовых.

Содержание этих нотных конволютов может представлять интерес для исполнителей на флейте, так как значительно расширяет имеющийся сейчас исполнительский репертуар для ансамблевой игры. Среди произведений, включенных в конволют – вариации на тему английского гимна для флейты и фортепьяно сочинения Л.Ф. Друэ, с посвящением герцогу А. Веллингтону; произведения классика флейтовой игры Франсуа Девьена, а также целого ряда сейчас уже забытых английских, французских, итальянских, немецких авторов произведений для одной или двух флейт – Ч. Крейта, Л. Калля, В. Брауна, Б. Ли, Л. Нильсона, Т. Вайднера, Ф. Майера, Л. Джианеллы, Ф. Гофмейстера и многих других; большое количество вариаций для флейты с фортепьяно на темы популярных в начале XIX в. опер. Весь этот ныне забытый флейтовый, преимущественно ансамблевый, репертуар еще ждет своего заинтересованного исследователя.

Наконец, хотелось бы кратко упомянуть об огромном количестве произведений Джона Филда (1782–1837), композитора ирландского происхождения, работавшего в России более 25 лет, сохранившихся в нотном собрании Воронцовых в Одессе, что сви-

детельствует о большом интересе к его творчеству в семье М.С. Воронцова. Его жена Елизавета Ксаверьевна была неплохой пианисткой, и по-видимому, фильдовские конволюты принадлежали ей. Кроме отечественных изданий (в основном Дальмаса), здесь имеются также английские, французские и немецкие: Петерса, Брайткопфа и Хертеля (Лейпциг), Коллар, Бетс, Клементи (Лондон), Анри (Париж). В то же время нельзя не отметить, что музыка Дж. Филда в большей степени принадлежит русской культуре, нежели английской. Пока мною выявлено 28 изданий сочинений Дж. Филда в собрании Воронцовых, большинство из которых нашло отражение в Сводном каталоге отечественных нотных изданий за первую четверть XIX столетия¹³. В собрании имеется только одна рукопись сочинения Дж. Филда: Рондо из пятого концерта, что свидетельствует о всеобщем интересе к его сочинениям, которые издавались практически все, и не было необходимости в их переписке.

Подводя итоги, можно отметить, что связи с английской музыкальной культурой во второй половине XVIII в. и начале XIX в. существовали в определенных кругах русской аристократии, связанных с этой страной в силу различных семейных обстоятельств. Таковыми были, в частности, семейства Воронцовых и Дашковых.

---

¹ Цит. по: *Кросс А.Г.* Британские отзывы о Е.Р. Дашковой // Екатерина Романовна Дашкова: Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 27–28.

² Записки княгини Е.Р. Дашковой. Лондон, 1859. Репринтное воспроизведение. М., 1990. С. 348.

³ *Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева, сост. Г.А. Веселая. М., 1987. С. 116–117.

⁴ Биографические сведения о лорде Бергхерше даются по изд: *The New Grove Dictionary of Music and Musicians. Second edition. Vol. 4. New York, 2001. P. 617.*

⁵ *The Journals of Martha and Catherine Wilmot... 1803–1808 / Edited, with an introduction and notes, by the Marchioness of Londonderry and H.M. Hyde. London, 1934. P. 184.*

⁶ Там же.

⁷ Архив князя Воронцова, Кн. XVII. М., 1881. С. 256.

⁸ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1016.

⁹ Архив князя Воронцова. Кн. XVII. М., 1881. С. 583.

¹⁰ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. 13. М., 1996. С. 528.

¹¹ *Удовик В.А., Кацик В.О.* Светлейший князь М.С. Воронцов: Человек, полководец, государственный деятель. СПб., 2000. С. 94.

¹² *Микешин М.И.* Последние годы жизни С.Р. Воронцова (Некоторые подробности) // *Воронцовы: два века в истории России.* Вып. 6. Петушки, 2001. С. 67.

¹³ Сводный каталог российских нотных изданий. Т. 2. XIX век (первая четверть). СПб., 2005.

О ЗАХОРОНЕНИЯХ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ И СЕМЁНА РОМАНОВИЧА ВОРОНЦОВЫХ

Н.Я. Серебрякова

20 сентября 1783 г. Семен Романович Воронцов с женой Екатериной Алексеевной и малолетними детьми уехал в Венецию. Он стал первым в истории полномочным министром (послом) России в Венеции. Приступив к посольским делам, С.Р. Воронцов увидел, что в крошечной республике делать ему почти нечего. Бездельничать было не в его натуре, и он обратился с просьбой в Петербург о переводе его на службу в другое место.

Зима в тот год в Венеции была чрезвычайно суровой, замерзали даже каналы, а дом, где жили Воронцовы, к холодам не был приспособлен – в нем не было ни двойных рам, ни отопления. «Полное отсутствие комфорта не могло не отозваться пагубно на слабом здоровье графини: здесь она почувствовала первые приступы рокового недуга – чахотки»¹. Болезнь графини прогрессировала, в июне 1784 г. ее положение стало очень серьезным. Лишь временами наступало облегчение. Так, узнав из полученного от брата письма, что его супруге стало лучше, Александр Романович Воронцов писал в Венецию (21 июля): «Матушка сестрица Катерина Алексеевна. Радуюсь, сведав, что вы выздоровели; берегите свое здоровье и верьте, что я в нем искренно интересуюсь»².

Вместо того, чтобы ехать в Лондон к месту нового должностного назначения, Семен Романович поселился с женою в Пизе в надежде, что более мягкий, чем в Венеции, климат принесет ей пользу. Все меры оказались тщетными. 25 августа 1784 г. графиня Екатерина Алексеевна скончалась.

Смерть супруги так потрясла С.Р. Воронцова, что он тяжело заболел. Друзья опасались за его жизнь и рассудок. Потеряв горячо любимую жену, он остался с двумя детьми, и только забота о них помогала пережить тяжелую утрату.

Горе Семёна Романовича было безутешным. 5 сентября 1784 г. он писал брату: «Вы уже знаете о моем несчастье, но Вы и предста-

вить себе не можете, до какой степени я несчастлив. Я был спокоен, счастлив, я не желал ничего, я не завидовал ничьей судьбе, и нет никого, кому бы я ни завидовал сейчас. Мое существование ужасно. Эти три года счастья промелькнули как молния, и мое будущее станет вечным страданием. Какая женщина, какой друг, какой ангельский характер имела моя Катерина Алексеевна!...»³ (перевод с франц. В.Н. Алексеева). В отчаянных письмах брату С.Р. Воронцов просил увековечить память жены, построив в имении Мурино церковь, ведь именно там прошли самые счастливые первые месяцы их семейной жизни.

«Пиза, 11 октября 1784 г.

Теперь следует сказать Вам то, что волнует меня сейчас более всего. Мне помнится, Вы намеревались построить церковь в Мурино. Я умоляю Вас сделать это. Если у Вас нет средств, то прошу удерживать ежегодно по тысяче рублей из моих доходов и употреблять их на построение оной церкви, под коей прошу сделать склеп. Моя дорогая Катерина Алексеевна покоится в свинцовом гробу в склепе, устроенном нарочно так, чтобы можно было ее извлечь и перевезти, что я и собираюсь исполнить, если когда-либо приеду в Россию и буду погребен вместе с ней... Раз моя проклятая судьба не позволила мне долго пожить с ней, я буду похоронен рядом. Эта самая утешительная мысль, которая мне осталась, и если я смогу быть вместе с супругой в Мурине, где я имел счастье жить вместе с ней, эта надежда делает меня не таким несчастным...»⁴.

Александр Романович неукоснительно исполнял просьбу брата: «...что касается церкви в Мурино, Вы можете быть уверены, что она будет строиться. Вы можете сделать план в Италии и прислать мне с оказией. Можно изготовить мавзолей, который может быть заказан Карраре, расходы по которому я возьму на себя»⁵.

Церковь в Мурине была построена по проекту архитектора Н.А. Львова, друга братьев Воронцовых, и освящена в 1790 г. Воле С.Р. Воронцова о захоронении в ней вместе с супругой не суждено было осуществиться.

Графиня Е.А. Воронцова похоронена в Венеции, в греческой церкви св. Георгия, у левого клироса. Семен Романович оставил капитал на вечное поминовение «рабы Божией Екатерины», и ежегодно в день ее смерти в церкви служится панихида.

Очень долго нам не удавалось получить из Венеции фотографий храма и места захоронения Екатерины Алексеевны. Поиски

велись еще и с целью возможного уточнения даты ее рождения. К сожалению, все обращения к туристам, посещавшим Венецию, оканчивались неудачей. Трудность фотографирования была связана с узким венецианским каналом, на котором стоит церковь св. Георгия.

Наконец, в 2004 г. в журнале «Русский дом» за октябрь была напечатана статья об организации православной общины в Венеции. После недолгой переписки с настоятелем прихода Жен-Мироносиц Московского Патриархата в Венеции протоиереем Алексием Ястребовым были получены фотографии греческой церкви св. Георгия, ее иконостаса, места захоронения Е.А. Воронцовой и надгробной доски с латинской надписью: «Здесь покоится Екатерина, дочь Алекс[ея] Синявина из прекрасного града Москвы, мать семейства достойная и щедрая, жена Симеона Воронцова, графа [при дворе] Екатерины II, императрицы Всероссийской, отправленного послом к отцам Венеции скончалась в 1784 году. Муж скорби и слезам оставленный несравненной супругой, и дети, оплакивающие матери вожденнейшей, в младенчестве отнятой надпись посвятили в 1822 году» (перевод с лат. Н. Смеловой).

Несмотря на слабое здоровье, Семен Романович дожил до глубокой старости. Он умер в 1832 г. в своем доме в Лондоне на Мэнсфилд-стрит на 88 году жизни. Смерть была вызвана случайным событием: ночью, чтобы не будить прислугу, граф пытался со свечой сойти по лестнице, но оступился и упал, сильно ударившись. Около трех часов дня наступила смерть. Похоронен он был в крипте церкви Мерилебон (St. Mary by the Bourne).

Первое здание церкви было построено в 1400 г., и впоследствии перестроено. Новую церковь освятили в 1817 г. Под церковью находилась обширная крипта, в нишах стен которой и производились захоронения. Здесь и был похоронен Семен Романович.

Крипта служила усыпальницей до 1853 г., когда захоронения в ней прекратились, а вход был заложен кирпичами. В 1980 г. по решению настоятеля церкви Christopher Hamel Cooke крипта была вскрыта, а усыпальница расформирована. В июле 1987 г. на месте крипты открылся медицинский оздоровительный центр под патронажем Принца Уэльского. Наряду с оказанием медицинской помощи здесь проводятся религиозные обряды исцеления. Более 850 саркофагов были перенесены на крупнейшее под Лондоном Бруквудское кладбище в графстве Саррей и захоронены в общей могиле, отмеченной крестом, но без указания имен захороненных. Список всех, кто был перезахо-

ронен, хранится в нынешней приходской церкви св. Марии ле Буон (Marylebone). Из фрагмента списка видно, что Семён Романович был похоронен в 11 ряду 77 склепа этой церкви.

О том, в какой чести был в Англии граф Воронцов, свидетельствует звание почетного гражданина, которым его удостоил город Саутхэмптон. Лондонскую улицу, на которой он жил многие годы, переименовали из Менсфилд-стрит в Воронцов-роуд⁶. Мемориальная доска в память о графе (автор – скульптор В. Быхаев) была открыта в ноябре 2002 г. в присутствии российского посла и мэра лондонского района Кемден. Эта доска – подарок петербургской компании «Петр Великий». Надпись на ней гласит: «Эта улица была названа в честь графа Семена Воронцова, русского посла в Соединенном Королевстве с 1784 по 1806 год. Он жил в приходе церкви св. Марии ле Буон и после кончины в 1832 году оставил пожертвование в пользу бедных прихода. Средства эти были использованы для постройки богадельни Святой Марии ле Буон, находящейся на юго-западном углу улицы»⁷.

Удивительно, что здравствующие потомки графа Семена Романовича Воронцова не озаботились переносов его останков в Вилтон. Вилтонская церковь св. Марии и св. Николая, построена в 1841–1845 гг. на средства дочери Семена Романовича, Екатерины Семеновны Пемброк, с которой он прожил большую часть времени в Британии. В этом храме покоится ее прах и прах ее сына Сиднея лорда Герберта.

Таким образом, желание С.Р. Воронцова быть похороненным в России рядом с супругой Екатериной Алексеевной в России, в Муринской церкви, не осуществилось.

---

¹ Великий князь Николай Михайлович. Русские портреты XVIII–XIX веков. Т. II. СПб., 1902. № 70.

² РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 70.

³ Архив князя Воронцова. Кн. IX. М., 1876. С. 8.

⁴ Там же. С. 10–11.

⁵ Архив князя Воронцова. Кн. XXXI. М., 1885. С. 475.

⁶ Кросс Э.Г. У Темзских берегов. СПб., 1996. С. 42.

⁷ Романюк С. Уголок России под Лондоном // Наука и жизнь. 2005. № 12. С. 84.

МОСКОВСКИЕ АДРЕСА РОДСТВЕННИКОВ Е.Р. ДАШКОВОЙ ПО ЛИНИИ ВОРОНЦОВЫХ

Е.Н. Фирсова

Задача данной статьи – указать все московские адреса Е.Р. Дашковой, а также ее родственников по отцу, двум дядям и трем теткам, с которыми она была в тесных отношениях и дома которых в Москве посещала. Особое внимание хотелось бы обратить на родню княгини по линии теток – сестер отца.

Екатерина Романовна Дашкова родилась в Петербурге, но за всю жизнь так и не завела там собственного дома. Были лишь временные пристанища и дача по Петергофской дороге. Зато в Москве она обосновалась окончательно. Сначала был дом мужа на Никитской в приходе Николы в Хлынове, куда княгиня переехала в начале 1759 г. из Петербурга¹, потом купленный ею в 1766 г. дом на той же Никитской в приходе Малого Вознесения². Этот дом стал главным местом жительства Екатерины Романовны. Его знали все москвичи, на него ссылались в газетных объявлениях. Даже после того, как его унаследовал граф М.С. Воронцов, он продолжал именоваться домом княгини Дашковой.

Были у Екатерины Романовны и другие дома в Москве. Так, в «Указателе Москвы...» за 1793 г. перечислены этот и еще два дома: «Дашкавой, Княгини Катерины Романовны, действительной Статс-Дамы и Святыя Екатерины Кавалера, в приходе Вознесения Господня, на большой Никитской улице, 4 кварт. № 304»³. «Дашкавой Княгини Катерины Романовны, Действительной Статс-Дамы и Святыя Екатерины кавалера, в приходе Ермолая Чудотворца, в Коровьем переулке, 4 кварт. № 487»⁴. «Дашкавой, Княгини Катерины Романовны, Дейст. Статс-Дамы и Святыя Екатерины Кавалера, в приходе Живоначальной Троицы, в Сыромятниках, подле мельницы, 2 кварт. № 123»⁵. По архивным данным, Е.Р. Дашкова в конце XVIII в. имела двор на Арбате в приходе церкви Николы Явленного⁶.

В исповедной ведомости Никитского сорока церкви Велико-мученика Георгия, что на Всполье, за 1807 г., указано: «В доме Княгини Дашковой живущая полковница Мария Владимировна

Истленьева, дочь ее девица Прасковья Васильевна, при них 25 слугителей»⁷. В этом же 1807 г., после смерти сына, Екатерина Романовна составила завещание, в котором этого последнего дома нет. Возможно, он был продан либо переписан на кого-то из родственников. Другие дома, кроме главного на Никитской, в завещании также отсутствуют.

Е.Р. Дашкова также имела дачу в Рогожской слободе. После того, как во время ее ссылки на даче был расквартирован полк солдат, княгиня решила ее продать и дала объявление в газету «Московские ведомости», опубликованное 1 августа 1797 г.: «В Рогожской части под № 123, близ дому Графа Строганова, продается на каменном фундаменте деревянной загородной дом, в коем покоев 15, с имеющимися в оном мебелими, с флигилями, конюшнями и погребами, с регулярным садом и имеющимся в нем пространым с рыбою прудом, оранжереями и имеющимися в оных разными плодовитыми деревьями. Желющие купить, о цене могут спросить в Тверской части, на Никитской улице, в доме Ея Сиятельства, Княгини Екатерины Романовны Дашкавой, у живущего в оном доме Титулярнаго Советника Льва Исаенкова». В исповедных ведомостях Ивановского сорока за 1797 г. также указан этот дом Екатерины Романовны, находящейся в Рогожской (ямской) слободе в приходе Преподобного Сергия Чудотворца. В это время там жили 17 слугителей⁸.

Отец Е.Р. Дашковой Роман Илларионович Воронцов (*схема 1*), как известно, имел дома и в Москве, и в Петербурге. По архивным данным, у него в 1770–1788 гг. был дом и сад в Москве на Тверской⁹.

В «Указателе Москвы» за 1793 г. упоминается дом «Воронцова, графа, Романа Ларионовича в приходе Богоявления Господня в Ехалове, в Демидовском переулке, 3 квар. № 236»¹⁰ (Ехалово – то же, что Елохово). В это время дом уже принадлежал его сыну Семenu Романовичу, так как сам граф скончался в 1783 г. Участок этот находился на углу Демидовского переуллка, который через Аптекарский переуллок вел на Немецкую улицу, и Денисовским переулком, в котором были известные в Немецкой слободе, часто упоминаемые в газетах, Денисовские бани. В РГАДА имеется план этого двора, датированный июлем 1782 г.¹¹ (он опубликован в статье С.Р. Долговой «Дома графов Воронцовых в Немецкой слободе»)¹².

Еще ранее, в середине XVIII в., Роман Илларионович приобрел у аптекарши Устиньи Наголше дом на Немецкой улице, на углу

Схема 1. Дети Иллариона Гавриловича Воронцова и потомки его старших сыновей Михаила Илларионовича и Романа Илларионовича Воронцовых

с современным Старокирочным переулком, ранее называемом «улицей мимо католицкой кирхи»¹³. Названия Новокирочного и Старокирочного переулков в Немецкой слободе произошли от находившихся там немецких кирх. Как пишет москвовед С.К. Романюк, более старая кирха находилась в Новокирочном переулке¹⁴, другая же упоминается Р.И. Воронцовым при описании своего двора в обращении в Московскую полицмейстерскую канцелярию в 1757 г.: «А позади моего двора католицкая кирха»¹⁵. Этот дом еще при жизни Романа Илларионовича, в 1782 г., уже принадлежал его сыну, графу А.Р. Воронцову.

В июле 1761 г. Роман Илларионович купил у графа Ф.А. Апраксина здание на Знаменской улице в приходе церкви Знамения Богородицы и построил здесь новый дом, который в дальнейшем считался одним из красивейших в Москве. Сам великий В.И. Баженов называл его прекрасным. С этим домом связано много событий в жизни не только Воронцовых, но и всех москвичей. В 1775 г. Р.И. Воронцов предложил дочери – Е.Р. Дашковой – его купить, но та отказывается: «На что мне он?». Она просила отца дать ей доверенность на получение денег с нанимателей, так как Роман Илларионович был должен ей шестнадцать тысяч¹⁶. Ранее дом получил у москвичей известность как «Знаменский оперный дом». Его стены прославили такие знаменитые люди, как М. Медокс, С.Ф. Мочалов, Сандуновы, П.А. Плавильщиков и др. Екатерина Романовна подписала контракт с директорами театра М. Медоксом и князем П.В. Урусовым и получила 150 руб. за 1774 г. и 850 – за 1775 г. «Из батюшкиных долговых денег 1000 рублей вычла», – сообщает княгиня брату А.Р. Воронцову¹⁷. «Знаменский» дом, как и «слободской», достается после смерти отца Александру Романовичу.

Старший брат Романа Илларионовича, М.И. Воронцов (*схема 1*), был владельцем соседнего участка по Немецкой улице. Об этом свидетельствует сам Р.И. Воронцов в своем обращении в канцелярию. К Михаилу Илларионовичу эта усадьба перешла от прусского посланника А. фон Мардефельта в середине XVIII в.¹⁸. После смерти канцлера его усадьбу с деревянным домом в Немецкой слободе жена и дочь продали князю Д.М. Голицыну.

Когда скончалась Анна Михайловна Строганова, ее мать, вдова М.И. Воронцова Анна Карловна, с помощью Александра Романовича и Е.Р. Дашковой стала приводить в порядок наследство мужа. Среди прочего имения у него остались два каменные дома на Тверской¹⁹.

Младший брат Р.И. и М.И. Воронцовых, Иван Илларионович (схема 2), жил в Москве со дня женитьбы в 1748 г. на Марии Артемьевне Волинской в бывшем доме своего тестя. В «Указателе Москвы» 1793 г. отмечено: «Воронцова, Графа Ивана Ларионовича, в приходе Николы в Звонарях, 4 квар. № 403»²⁰. Интересно, что графа в это время уже не было на свете. Он скончался в 1789 г., а его внук и тезка, которому не было тогда и трех лет, еще не мог числиться владельцем дома. В «Указателе» приводится еще один адрес графа Ивана: «Воронцова, Графа Ивана Ларионовича, в приходе Риз Положения Господня, на большой Калужской, 4 кварт. № 1»²¹.

Дома графа И.И. Воронцова были хорошо известны всей Москве. Об этом вспоминает М.И. Пыляев в книге «Старая Москва»: «Своей красотой и постройками Кузнецкий мост обязан поселившемуся здесь русскому боярину графу Ивану Ларионовичу Воронцову; тогда кузнецы здесь замолкли и вся Кузнецкая слобода поступила в его же власть.

Граф на Кузнецкой горе сразу построил шесть каменных домов, на воротах которых в екатерининское время значились № 103,414, 415, 416,480 и 481. Воронцов при своих домах разбил английские и французские сады, накопил пруды, поставил оранжереи и прочие усадебные постройки...»²².

Теперь речь пойдет о домах в Москве, принадлежащих детям Р.И. и И.И. Воронцовых (схемы 1–2).

Старший сын Р.И. Воронцова, Александр Романович Воронцов, как было сказано выше, унаследовал два московских дома своего отца.

Более всего он любил «слободской» дом, который вместе с другим домом, видимо, приобретенным им позже, значится в «Указателе Москвы»: «Воронцова, Графа Александр Романовича, Генерал-Порутчика и Кавалера, в приходе Богоявления Господня, на большой Немецкой улице, 1 кварт. № 30; Его ж в приходе Петра и Павла, в Просвирнином переулке, 5 кварт. № 260»²³. В 1785 г. на месте старого дома Александр Романович начинает строить новый. Архитектором проекта стал друг семьи Воронцовых, замечательный зодчий Н.А. Львов. Позже в одном из писем сыну Михаилу С.Р. Воронцов называл архитектором этого дома Дж. Кваренги, что является ошибкой. «Слободской» дом часто фигурирует в газетных объявлениях, например. в «Московских ведомостях» от 15 апреля

1797 г.: «В Немецкой слободе, в угольном зеленом каменном доме под № 267, что насупротив дома Его Сиятельства, Графа Александра Романовича Воронцова, продаются за излишеством разные виноградные напитки в бутылках и в бочках за сходные цены...». Е.Р. Дашкова была частой гостьей в доме любимого брата.

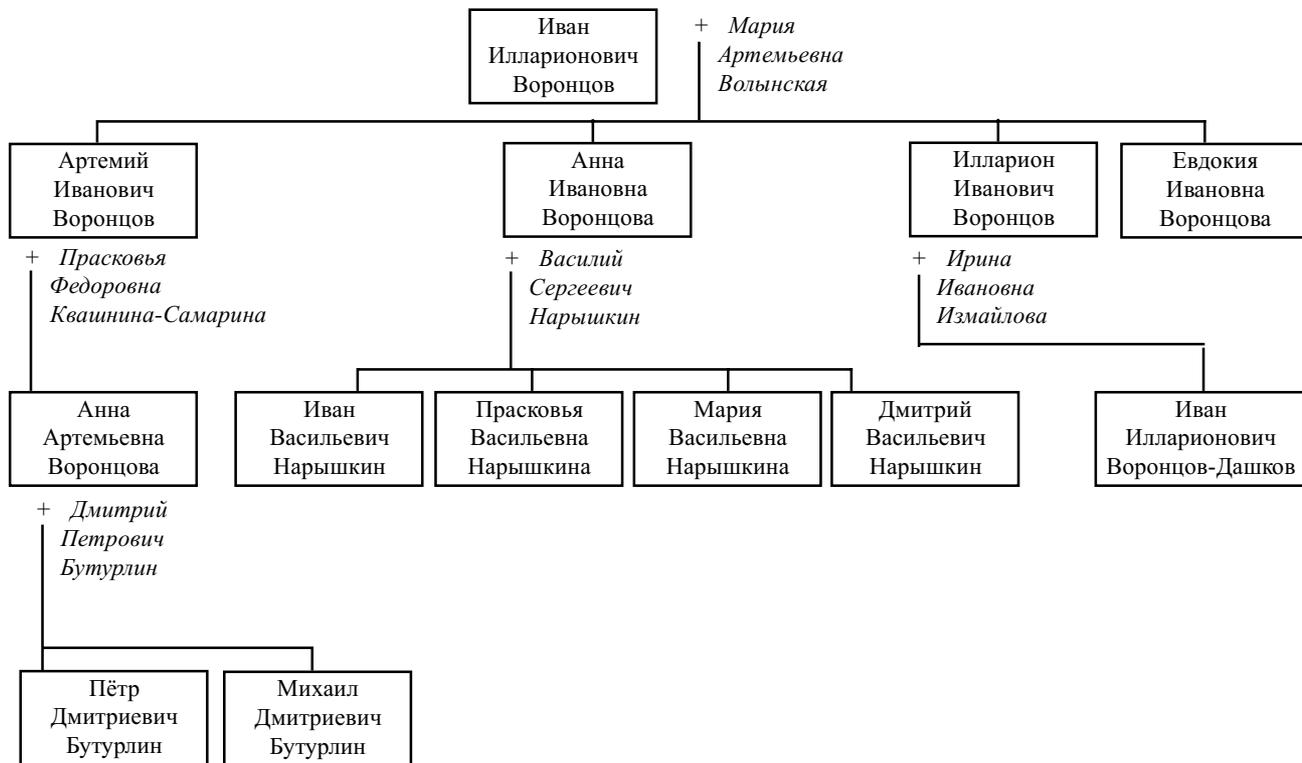
В «знаменском» доме, перешедшем к Александру Романовичу от отца, граф устроил крепостной театр с труппой из 40 артистов и оркестром из 38 музыкантов. Театр просуществовал с 1791 г. до конца жизни графа. За это время было сыграно 92 пьесы. Одновременно помещения в доме занимал с 1796 г. по 1800 г. Московский Английский клуб. В октябре 1800 г. в «Московских ведомостях» было помещено объявление о продаже этого дома: «Продается каменный дом о 2х этажах с службами и пространном дворовым местом за сходную цену и с отсрочками в деньгах, состоящий Тверской Части в приходе Знамения Пресвятыя Богородицы, что на Знаменке, 4 квартал. под № 390. Желаящие оной купить, о цене могут узнать Лафертовской Части, в Немецкой слободе подле Католицкой кирхи, в доме Его Сиятельства Графа Александра Романовича Воронцова, от домоправителя Федора Дугина».

Дом, видимо, не купили, так как в итоге Александр Романович оставил его в завещании племяннице Екатерине Семеновне Воронцовой: «Из доставшегося имения в Калужской губернии по купчим брату и мне от дяди и тетки наших двоюродных из коего положено следует мне, награждаю оным имением по смерти своей племянницу мою графиню Екатерину Семеновну и с прикупленными мною землями и людьми той же губернии. Да и чтоб свою часть из сего имения, от... нам доставшегося наградил оным дочь свою, дабы все Калужское имение осталось за нею безраздельно. Сверх того – Московский Знаменский каменный дом со всеми службами, который нам достался после батюшки...»²⁴.

Старшая сестра Екатерины Романовны, Мария Романовна Воронцова, в замужестве Бутурлина, некоторое время жила с супругом, графом Петром Бутурлиным, на Мясницкой, недалеко от дома дяди Е.Р. Дашковой по мужу, Петра Ивановича Панина. Посещая любимого дядю, Екатерина Романовна заезжала и к сестре²⁵.

Известен другой адрес Марии Романовны в Москве – на Солянке. В 1793 г. он уже числился как дом ее сына Дмитрия: «Бутурлина, Графа Дмитрия Петровича, в приходе Рождества Богородицы

Схема 2. Потомки Ивана Илларионовича Воронцова

на Стрелке. 1 квартал. № 8»²⁶. Стрелкой называлось место, где Подколокольный переулочек выходил на Солянку.

Вторая сестра Е.Р. Дашковой, Елизавета Романовна Воронцова, в замужестве Полянская, несмотря на большое желание императрицы поселить ее в Москве, в старой столице не прижилась. В Москве был дом ее мужа: «Полянского, Александр Ивановича Статского советника, в приходе Живоначальных Троицы в Серебренниках, в переулке Серебренническом, 3 кв. № 329»²⁷. Возможно, приезжая в Москву из Петербурга, где она постоянно жила и скончалась в 1792 г., Елизавета Романовна останавливалась в доме мужа, где ее навещали брат и сестра.

Старший сын графа Ивана Илларионовича, Артемий Иванович Воронцов, жил рядом с отцом и занимал целых три участка: «Воронцова, Графа Артемия Ивановича, в приходе Николы в Звонарях у Кузнецкого моста. 5 кв. № 414, 415, 416»²⁸. После смерти отца в 1789 г. и матери Марии Артемьевны в 1792 г. он получил в наследство их дом, который из старых палат перестроил в настоящий дворец. К сожалению, Артемий Иванович продал свои три дома и отцовский дворец, переехав на жительство в Петербург. Приезжая в Москву, он останавливался чаще всего у сестры Анны Ивановны Нарышкиной, или у дочери Анны Артемьевны Бутурлиной.

Второй сын графа Ивана Илларионовича, Илларион Иванович Воронцов, имел, как и Артемий Иванович, свой дом рядом с домом отца. Единственный его сын Иван родился в год его смерти (в 1790 г.). Дом Иллариона Ивановича в 1793 г. уже обозначен как дом его жены: «Воронцовой Ирины Ивановны – супруги Графа Лариона Ивановича в приходе Рождества в Столешниках у Кузнецкого моста, 5 кварт. № 480 и 481»²⁹. Этот дом часто упоминается в газетных объявлениях, например: «Деллавос и Якобий уведомляют почтенную Публику, что в их лавке, состоящей возле Кузнецкого моста, в доме Графини Воронцовой продаются все товары за сходную цену...». Это объявление помещено в Московских ведомостях за май 1797 г., а уже в январе 1798 г. написано: «На Кузнецком мосту, в бывшем доме Ея Сиятельства Графини Воронцовой, а ныне Дюмутье, в лавке под № 4 братья Якоби объявляют почтенной публике о привезенных новых товарах разных сортов...». Возможно, что Ирина Ивановна продала Дюмутье один из своих двух домов, так как в 1807 г. в исповедных ведомостях церкви Рождества Пресвятой Бо-

городицы в Столешниках указан дом графа Ивана Илларионовича Воронцова, видимо уже ее сына, по старому адресу.

Сын Иллариона Ивановича и Ирины Ивановны Воронцовых, крестник Е.Р. Дашковой, стал в 1807 г. первым графом Воронцовым-Дашковым.

Анна Ивановна Воронцова, старшая дочь графа Ивана Илларионовича, сестра Артемия Ивановича и Иллариона Ивановича, была замужем за Василием Сергеевичем Нарышкиным. Они жили в Москве в Казенной слободе (или в Барашах) и были соседями княгини Дашковой в Тарусском уезде. Их адрес в 1793 г.: «Нарышкина, Василья Сергеевича, Генерал-Майора, в приходе Иоанна Предтеча, в Казенной подле Земляного валу 4 квартал, № 138 и 225»³⁰. Указанный дом достался Нарышкиным от родственников Дивовых. В настоящее время в этой усадьбе, сохранившей черты XVIII столетия, помещается институт имени И.И. Мечникова³¹. Судя по письмам Е.Р. Дашковой к брату Александру Романовичу и дневникам Марты Вильмот, княгиня была близка с семьей Нарышкиных, в частности, со своей двоюродной сестрой Анной Ивановной.

Младшая дочь графа Ивана Ларионовича, Евдокия Ивановна Воронцова, жила в доме у сестры. В исповедных ведомостях храма «Иоанна Предтеча, что в Казенной» за 1806 г. значится: «Вдова Генеральша Анна Ивановна Нарышкина 46 лет, дети Ея: Иван Васильевич – 24 года, Прасковья Васильевна – 20 лет, Марья Васильевна – 15 лет, Дмитрий Васильевич – 13 лет, Сестра Ея Графиня Евдокия Ивановна Воронцова – 31 год»³². Марта Вильмот в своем дневнике часто упоминает этих двух кузин Дашковой, например, за 11 июня 1804 г. есть запись: «У нас обедали госпожа Нарышкина с дочерью и графиня Евдокия Воронцова»³³.

Следующие поколения Воронцовых – внуки и правнуки братьев Романа Илларионовича и Ивана Илларионовича Воронцовых (схемы 1–2).

Внук Р.И. Воронцова, граф Михаил Семенович Воронцов, унаследовал дом дяди Александра Романовича в Немецкой слободе и дом тетки Екатерины Романовны на Большой Никитской улице. Он распоряжался и в доме своего отца графа Семена Романовича в Демидовском переулке, который тот получил от отца Романа Илларионовича.

Сын Марии Романовны Бутурлиной, Дмитрий Петрович Бутурлин, унаследовал дом родителей в Москве на Солянке, а затем приобрел

рел дом в Немецкой слободе неподалеку от дома дяди Александра Романовича: «Бутурлина, Графа Дмитрия Петровича, в приходе Богоявления Господня, в улице Ладохе 1 квартал, № 63 и 65»³⁴. Этот дом находился на углу современной Малой Почтовой улицы (бывшей Хапиловской) и Госпитального переулка, ведущего к Язуе. К дому от Немецкого рынка выходит Ладожская улица. Неподалеку располагаются Лефортовский дворец и «слободской» дом А.Р. Воронцова.

Д.П. Бутурлин был женат на своей кузине Анне Артемьевне Воронцовой, дочери Артемия Ивановича. Бутурлины были очень гостеприимны, поэтому можно предположить, что А.И. Воронцов, приезжая в Москву, останавливался у дочери и зятя. В этом доме бывал и маленький А.С. Пушкин, которому Артемий Иванович приходился крестным отцом, а Анна Артемьевна была его троюродной теткой. Бутурлины имели еще один дом, но там не жили: «Бутурлина, Графа Дмитрия Петровича, в приходе Ильи Пророка на Воронцовом поле 1 квартал, № 48»³⁵.

Старший сын Бутурлиных, Петр Дмитриевич, был развит не по годам. Родители часто привозили его в дом Е.Р. Дашковой в Москве и оставляли пожить у нее в Троицком. Княгиня очень была приязнена к этому ребенку и любила подолгу с ним разговаривать.

Дочь М.Р. Бутурлиной, Елизавета Петровна Бутурлина, была замужем за Адрианом Ивановичем Дивовым. Они жили на Большой Дмитровке. В исповедных ведомостях церкви Григория Богослова, что на Дмитровке за 1807 г. читаем: «Тайный Советник, Действительный Камергер и Кавалер Адриан Иванович Дивов – 61 год, жена его Елизавета Петровна – 45 лет, дети их: Александр – 18, Николай – 16»³⁶ (в данном списке не указан старший сын Петр 22-х лет). Петр Адрианович Дивов в декабре 1805 г. вместе с кузенами, князем П.М. Дашковым и Д.П. Бутурлиным, находился в Андреевском при умирающем дяде Александре Романовиче Воронцове., старанием которого он был принят на службу в Коллегию иностранных дел. В дневниках Марты Вильмот за 9 января и 25 апреля 1808 г. упоминается, что они с Екатериной Романовной обедали у Дивовых³⁷.

Дети Елизаветы Романовны Полянской, сестры Е.Р. Дашковой, Александр Александрович Полянский и Анна Александровна Догье, жили в Петербурге, но частенько навещали тетушку в Москве с корыстными, как считала Марта Вильмот, намерениями.

Сын Екатерины Романовны, князь Павел Михайлович Дашков, имел дом в Москве на Плющихе, на «пометном вражке», как тогда

писали. «Дашкова, Князя Павла Михайловича, в приходе Воздвижения Честнаго Креста на большой Плющихе, что к Девичьему полю, квартал 1. № 43»³⁸. Незадолго до своей кончины князь переехал в новый дом на Тверской в приходе церкви Воскресения на Вражке, рядом с Саввинским подворьем, где и скончался в январе 1807 г.

Дочь княгини, Анастасия Михайловна Дашкова, в замужестве Щербинина, после смерти брата поселилась в его доме. Имела ли она в Москве свой дом, неизвестно. Вот что писала Марта Вильмот 3 февраля 1807 г.: «Еще одно слово в доказательство того, на что способна госпожа Щербинина. Любовнице князя Дашкова, с которой, как вы знаете, он открыто жил и которую Щербинина называла своей сестрой, теперь отказано от дома, а ее детей Щербинина отняла и утверждает, что они не принадлежат этой женщине, хотя та родила их буквально у нее на глазах»³⁹.

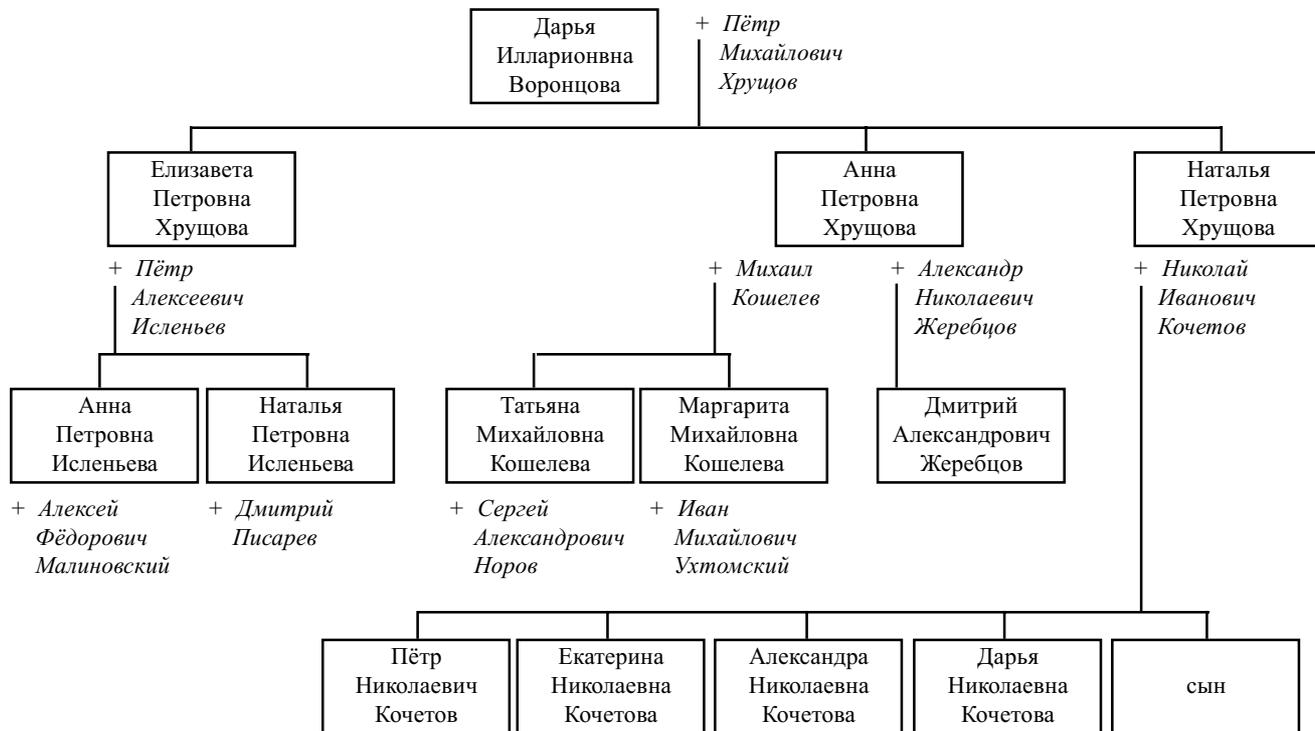
Дальше речь пойдет о родственниках Е.Р. Дашковой со стороны трех родных теток: Дарьи, Пелагеи и Прасковьи – дочерей деда княгини, Иллариона Гавриловича.

Старшая тетка, Дарья Илларионовна (1713–1765), была замужем за капитаном гвардии Петром Михайловичем Хрущовым и имела от него троих дочерей: Елизавету, Анну и Наталью (*схема 3*). Со всеми тремя кузинами Екатерина Романовна была дружна, помогала им, опекала их детей.

Старшая дочь Дарьи Илларионовны, Елизавета Петровна, и ее муж, Петр Алексеевич Исленьев, жили в Туле. Неизвестно, были ли у них дом в Москве. Одна из их дочерей, Анна Петровна Исленьева (1770–1847), была взята в дом Е.Р. Дашковой для постоянного в нем проживания. Вторая дочь супругов Исленьевых, Наталья Петровна, была замужем за Дмитрием Писаревым. Об их жительстве в Москве пока сведений нет. В 1794 г. Екатерина Романовна писала брату: «У меня гостила кузина Исленьева с дочерью. Она не знает где ее муж. Ее зять Писарев сказал, что он заложил прекрасные земли»⁴⁰. О Наталье Писаревой есть запись у Марты Вильмот 23 августа 1808 г.: «Вчера получила восхитительный подарок от госпожи Писаревой, сестры Анны Петровны: полный наряд замужней крестьянки...»⁴¹.

Сестра Елизаветы Петровны Исленьевой, Анна Петровна, урожденная Хрущова (1746 года рождения), была замужем дважд-

Схема 3. Потомки Дарьи Илларионовны Воронцовой

ды: в первом браке за Михаилом Кошелевым, а затем за Александром Николаевичем Жеребцовым.

От первого брака она имела двух дочерей: Татьяну (1766–1838), бывшую замужем за Сергеем Александровичем Норовым, надворным советником, саратовским губернским предводителем дворянства, и Маргариту, выданную за действительного статского советника князя Ивана Михайловича Ухтомского (1759–1829).

От второго брака Анна Петровна имела сына Дмитрия Александровича. Имя Анны Петровны Жеребцовой и ее сына часто мелькает в письмах Е.Р. Дашковой, из которых видно, что она к ним была очень расположена и любила принимать их у себя.

Адрес А.П. Жеребцовой в Москве в 1806 г.: «Ильи на Воронцовом поле. Полковница Анна Петровна Жеребцова – 60 лет, сын – Дмитрий Александрович – 30 лет»⁴². Этот дом раньше принадлежал Бутурлиным (см. выше). Поскольку в исповедных ведомостях они не числятся, можно предположить, что Дмитрий Петрович Бутурлин продал свой второй дом родственнице Жеребцовой. Сын Дмитрия Петровича, Михаил Бутурлин, в своих известных записках упоминает Дмитрия Жеребцова как своего близкого родственника по матери. При этом Д.А. Жеребцов был М.Д. Бутурлину таким же родственником и по отцу, так как Дмитрий Петрович Бутурлин и его супруга Анна Артемьевна вели свой род от Воронцовых.

Имя дочери Анны Петровны Жеребцовой, Татьяны Петровны, по мужу Норовой, часто встречается в письмах сестер Вильмот. Например, Марта Вильмот с иронией описывает нравы русских, приводя в пример госпожу Норову, надевшую на бал массу украшений. Правда, Марта, хоть и называла Норову наивной, находила ее общество приятным для себя⁴³.

Татьяна Михайловна Норова вместе с Анной Петровной Исленьевой и сестрами Вильмот находилась в церкви Воскресения на Вражках при отпевании в январе 1807 г. тела П.М. Дашкова. Именно Т.П. Норовой, зная ее добрый, мягкий нрав, Екатерина Романовна поручила деликатную миссию: привезти в Москву из дальней деревни вдову своего сына, невестку Анну Семеновну. Марта отмечает в дневнике 16 февраля 1807 г.: «Сегодня утром в Москву приехала молодая княгиня Дашкова, которую сопровождали специально посланные старой княгиней графиня Евдокия Воронцова и госпожа Норова»⁴⁴. Евдокия Ивановна Воронцова – двоюродная сестра кня-

гини (см. выше). После смерти Е.Р. Дашковой Татьяна Петровна Норова с теплотой и любовью отзывалась в письме к П.Л. Санти о доброте к ней Екатерины Романовны.

Норовы жили в Саратове, но Е.Р. Дашкова нашла им подмосковное имение Надеждино Дмитровского уезда, которое посоветовала купить. Семья Норовых переехала в это имение в 1803 г. Княгиня стала крестной матерью дочери Татьяны Михайловны, Екатерины.

Особенно жалела Екатерина Романовна свою третью кузину, Наталью Петровну Кочетову и ее детей.

Наталья Петровна Кочетова, урожденная Хрущова (1754–1805), была замужем с 1772 г. за Николаем Ивановичем Кочетовым. Брак оказался неудачным: Николай Иванович, став стараниями А.Р. Воронцова, костромским губернатором, бросил жену и детей. Е.Р. дашкова взяла к себе в дом их старшую дочь Екатерину Николаевну, которая постоянно находилась при ней, что видно из ряда писем. После воцарения Александра I Е.Н. Кочетова по просьбе княгини была назначена фрейлиной при дворе императрицы Елизаветы Алексеевны. Ее место в доме Екатерины Романовны заняла двоюродная сестра, Анна Петровна Исленьева. В письме Е.Р. Дашковой брату из ссылки есть такие строки: «Почему мадам Жеребцова и наши племянницы Кочетова и Исленьева не написали мне ни строчки? Я нежно люблю их обеих, и потому молчание их меня удручает»⁴⁵.

Екатерина Романовна помогала Наталье Петровне Кочетовой деньгами, что видно из документов. Бедная женщина неоднократно обращалась за помощью к княгине, называя ее матерью и благодетельницей. Обращалась она и к А.Р. Воронцову. Вот отрывки из ее к нему писем:

«Милостивый государь батюшка братец граф Александр Романович.

Сердешно была обрадована узнав от сестры Анны Петровны – что вы слава богу здоровы и благополучны, за приписание вашего ко мне поклона братец приношу мою благодарность, что же упоминаете о искренней своей дружбе, поверте мне что я никогда несумневалась в ваших ко мне благодеяниях, которые запечатлены будут в моей душе. Все ваши ко мне милости и кнегини – Катерины Романовны – матери моей и что вечно неистребица посмерть мою благодарность вам... Пребуду вам навсегда искренняя в любви – сестра

Наталья Кочетова. Мая 26 дня 1798 г. ...В надежде вашей ко мне дружбы прошу вас батюшка братец одолжите меня из вашей провизии сколько нибудь сахару и чаю... дабы часто не имев на что купить теперь нуждаюсь...»⁴⁶.

«Батюшка – братец граф Александр Романович. К прискорбию моему вас не могу персонально видеть в рассуждение моей болезни и не имев экипажу но прошу батюшка вас как моего отца естли можно вспомошествование в моем бедственном положении, так как вам известно я не знаю что мне делать и вижу что мой совсем меня и детей моих истребил в своей памяти, недавно помогал, но и писать перестал ко мне и боюсь чтобы последняя деревнишка не описана особливо зданию в которой живу где лишуся последнего угла, то сделайте милость подайте совет что мне делать...»⁴⁷.

Одно письмо А.Р. Воронцова к Н.П. Кочетовой сохранилось. Оно очень интересное, поэтому приводим его почти целиком: «Письмо ваше, матушка Наталья Петровна, я получил... Николая Ивановича я может совсем бы не знал, естли бы он не женат был на двоюродной моей сестре; следовательно и вся связь с ним на сем и была основана; знакомство мое выгодным ему было, я оставляю ему о том судить. Я его сверх родства по жене его считал добрым человеком и потому внутренно извинял несоразмерность жития его с его состоянием, так и то что он женино имение прожил имев двух сыновей и трех дочерей, оставляет, так сказать, их с матерью почти без пропитания и пристанища... правда сыновья, меньшей в военной службе, продолжая оную может сделать себе состояние, а большой старанием моим получил место.

Когда Николаю Ивановичу так пощастливилось, что он мог достичь, чего может и сам не воображал, до Губернаторскаго места и когда дочери две на иждивении у матери и сама Наталья Петровна в нужде и крайности, он не только их бросил, но и к общему соблазну города, где он Губернатором, взял к себе в дом жену какого-то Городничаго, которая публично место жены его занимает и по городам с ним ездит... я о сем сведав по доброжелательству к Николаю Ивановичу при отъезде господина Дурыгина из Москвы писал ему, чтоб он жену и дочерей двоих взял к себе, в намерении что он бы мог дочерям женихов в Костроме приискать и хотя б тем поправил бы, что женино имение все расстроено, а жена его конечно б в связях его ему бы стеснения не причиняла, а может быть еще хотя бы

для публики покрывкою послужила. На сие письмо Николай Иванович не разсудил даже меня ответом удостоить...». Далее Александр Романович пишет о том, как Кочетов выгнал вон приехавших к нему жену с дочерьми, что он нарушает «священную связь супружества» и не имеет благодарности и уважения к ее родне. И ниже: «При продолжении такового своего поведения, взяв госпожу Городничую с собою к общему соблазну, о чем я довольно наслышался в Москве, равно и о нескромности и наглости Ея поведения, со временем доведет его до больших неприятностей; а я еще нарекания от того и сам потерплю, по тому что он в вице-Губернаторы зделан по моей прозьбе и рекомендации.

Я удивляюсь, что после тех поруганий, кои вы в виду целой Костромы имели, ходатайствуете и хотите, чтоб я и себя остромил, показывая равнодушие на поведение его в разсуждении жены его, а моей двоюродной сестры, и просите, чтоб я к нему ласково отписал....

Апреля "...» дни 1800го Андреевское»⁴⁸.

В «Указателе Москвы» за 1793 г. приводятся два адреса Кочетовых: «Кочетова, Николая Ивановича, полковника, в приходе Вознесения Господня у Серпуховских ворот, 4 квартал, № 503»⁴⁹. А также: «Кочетовой, Натальи Петровны, жены Коллежскаго советника и кавалера, в приходе Великомученика Георгия, на малой Ордынке, 5 квартал, № 48»⁵⁰ (военный чин полковника соответствует штатскому – коллежскому советнику). В исповедных ведомостях 1797 г. указан следующий адрес: «Церкви Великомученика Георгия что на всполье. Бригадир и кавалер Николай Иванович Кочетов – 46 лет, жена его Наталья Петровна – 43 года, дети их: сын гвардии сержант Петр Николаевич 22 года, Екатерина – 21 год, Александра – 17 лет»⁵¹ (не указаны дочь – Дарья и еще один сын). В следующем году Н.П. Кочетов был назначен губернатором Костромы, и он уехал туда на жительство, оставив жену и детей в Москве.

Наталья Петровна Кочетова скончалась в 1805 г. Вот запись Марты Вильмот 13 марта 1806 г.: «В этот день три месяца назад мы приехали в Москву, и, оглядываясь назад, я вижу, что событий хотя бы только одной страницы, при кажущемся их однообразии, если бы они были предсказаны заранее, было бы достаточно, чтобы повлиять на счастье каждой из нас. Княгиня лишилась любимого брата; Анна Петровна потеряла тетушку, к которой была горячо

привязана...»⁵². Как сложилась после смерти матери судьба двух дочерей Кочетовых, неизвестно. Возможно, отец взял их к себе, но в 1807 г. Николай Иванович умер, и дети остались круглыми сиротами.

17 мая 1807 г. Марта Вильмот записала: «Смерть госпожи Нарышкиной и генерала Кочетова, случившаяся на прошлой неделе, послужила причиной того, что их дочери брошены на произвол судьбы. Как обычно, долги и беспорядок в делах родителей оставили детей в крайнем смятении и беспомощности. Вопрос еще и о том, кто приютит сирот. Две незамужние дочери Нарышкиной будут жить у графа Бутурлина, старшая мадемуазель Кочетова, будучи фрейлиной, обеспечена, то есть живет при дворе и имеет ежегодный доход в 300 фунтов, а если выйдет замуж, будет иметь 1500. Две другие сестры приезжают сюда...»⁵³.

В дальнейших письмах Марты появляются имена сестер Дарьи и Александры Кочетовых, которые поселились в московском доме Е.Р. Дашковой. Они жили в левой половине дома, что видно из описи мебели и комнат, производимых после смерти княгини.

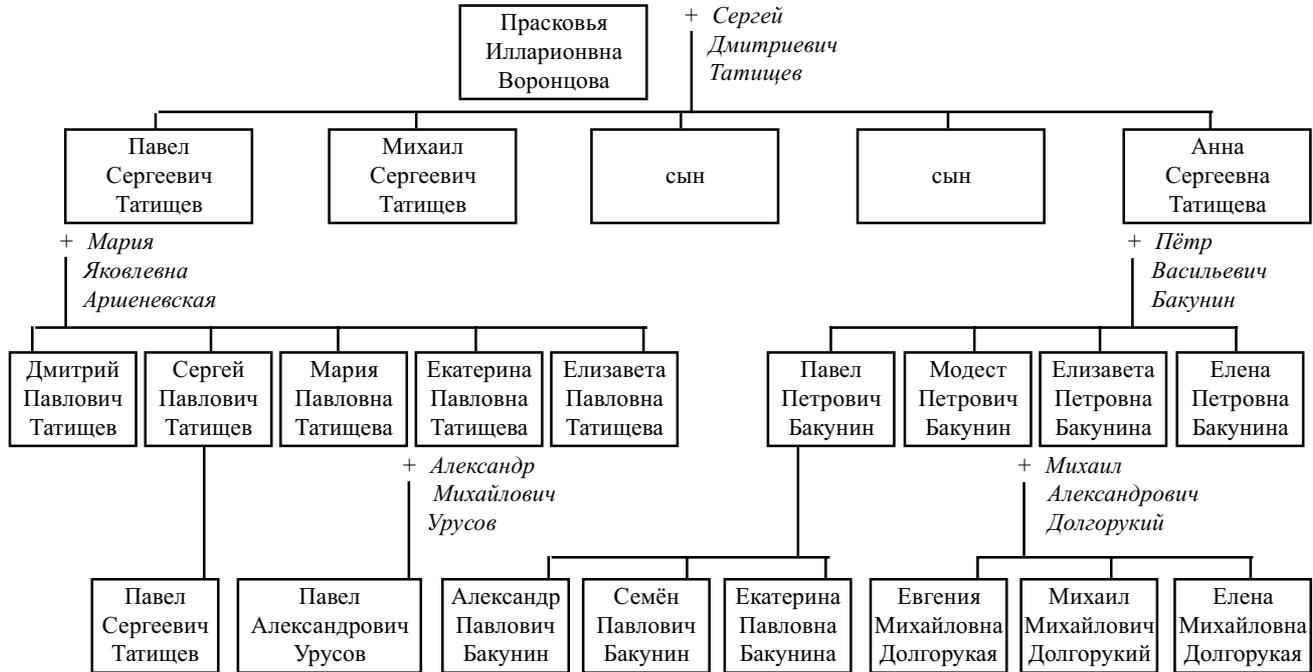
Старшая их сестра, Екатерина Николаевна Кочетова, Мартой также упоминается: «Я как-то наблюдала, как фрейлина, мадемуазель Кочетова, упоковав в свои сундуки несколько икон, чтобы везти их в Петербург, была смущена огромными размерами одного образа...»⁵⁴. Таким образом, Е.Н. Кочетова навещала Екатерину Романовну в Москве.

Вторая тетка Е.Р. Дашковой, Прасковья Илларионовна Воронцова, была замужем за Сергеем Даниловичем Татищевым и имела четырех сыновей и дочь (*схема 4*).

О Михаиле и двух других сыновьях почти ничего не известно. Павел Сергеевич Татищев (1739–1780), советник правления Владимирского наместничества, был женат на Марии Яковлевне Аршеневской (р. 1751) и имел от нее пятерых детей: Дмитрия, Сергея, Марию, Екатерину, Елизавету.

В исповедных ведомостях церкви Архангела Гавриила на Чистом пруде в 1802 г. упоминается «вдовствующая надворная советница Мария Яковлевна Татищева – 51 год»⁵⁵. Живя в Троицком в конце царствования Павла I, княгиня писала о Марии Яковлевне брату: «Наша кузина Татищева провела у меня неделю. Она жалуется на своего старшего сына, который ей не писал уже три месяца. Это какая-то мания среди молодежи сегодня – совершенно не пи-

Схема 4. Потомки Прасковьи Илларионовны Воронцовой

сать своим родителям. Мой сын мне пишет часто. Он все еще в Москве»⁵⁶.

Дмитрий Павлович Татищев (1767–1845), которого Е.Р. Дашкова называла «мой милый и добрый племянник», жил в Петербурге, но часто посещал тетку Екатерину Романовну и мать, которая, рано овдовев, жила в Москве. Д.П. Татищев при воцарении Александра приехал к опальной княгине в Троицкое, чтобы отвезти ее ко двору. Она отправилась в Петербург и остановилась на жительство в его доме. В письме к брату А.Р. Воронцову Екатерина Романовна просит его посодействовать карьере Д.П. Татищева: «последний имеет возвышенные представления и никогда ничего не попросит сам»⁵⁷. Дмитрий Павлович, который всегда помогал Е.Р. Дашковой, к сожалению, по долгу службы не смог присутствовать при ее последней болезни и кончине. В это время, будучи послом, он находился в Неаполе. Законных детей Д.П. Татищев не имел.

Брат Дмитрия Павловича, Сергей Павлович Татищев, действительный статский советник, (скончался в 1844 г.) имел сына Павла Сергеевича.

Сестра Дмитрия Павловича, Екатерина Павловна Татищева (1775–1855), была замужем за князем Александром Михайловичем Урусовым (1766–1853), которого Е.Р. Дашкова выбрала одним из своих душеприказчиков и содействовала назначению его при дворе Александра I камер-юнкером: «Перед отъездом я получила обещание императора, что при ближайшем производстве моя племянница девица Кочетова будет назначена фрейлиной, а князь Урусов, недавно женившийся на моей племяннице Татищевой, – камер-юнкером»⁵⁸. Сын Урусовых, Павел Александрович, стал крестником Екатерины Романовны. Московский их адрес при жизни Е.Р. Дашковой пока не установлен. Известно, что в 1820-х гг. они жили в бывшем доме подруги княгини П.Ф. Каменской на Спиридоновке, где их посещал А.С. Пушкин.

Дочь Прасковьи Илларионовны Татищевой, Анна Сергеевна (1741–1778), имела мужа Петра Васильевича Бакунина (меньшого) – тайного советника, члена Коллегии иностранных дел (1734–1786), и четверых детей: Павла, Модеста, Елизавету и Елену.

Павел и Модест жили в Петербурге. Известно, что Павел Петрович Бакунин (1762–1805) был приемником Дашковой на посту директора Академии наук, а Модест Петрович (1765–1805) возглавлял экономическую школу в Павловске.

Павел Петрович имел троих детей: Александра, Семена и Екатерину. Александр Павлович Бакунин известен как товарищ А.С. Пушкина по лицу, а Екатерина Павловна Бакунина – как первая любовь поэта. Она была талантливой художницей, ученицей К.П. Брюллова. О Елене Петровне Бакуниной сведений мало. Известно, что Александр Романович был ее опекуном в делах с недвижимой собственностью.

Елизавета Петровна Бакунина (1763–1798) – жила в Москве с мужем, князем Михаилом Александровичем Долгоруким, и тремя детьми. Об этой племяннице, которая проявляла необыкновенную заботу о Екатерине Романовне, помогала и ободряла ее перед ссылкой, Е.Р. Дашкова в своих записках пишет с большой теплотой: «Княгиня Долгорукова, женщина незаурядного ума, такта и высоких чувств, мой истинный и пылкий друг (она была бесконечно мне дорога) занялась приведением в порядок и упаковкой всего, что могло облегчить мою жизнь в крестьянской избе...»⁵⁹. Вот строки письма княгини брату из ссылки: «Коротово, 26 января. Для того, чтобы отвлечься от печальных мыслей, которые обуревают меня, несмотря на мою твердость духа, я обычно беру книгу или берусь за перо, чтобы написать своим единственным трем друзьям: Вам, мой дорогой друг, моему доброму сыну и моей дорогой Долгорукой»⁶⁰. В «Указателе Москвы» за 1793 г. есть адрес Долгорукой, где могла бывать Е.Р. Дашкова: «Княгиня Долгорукова Елизавета Петровна, жена гвардии капитана, камергера князя Долгорукова Михаила Александровича, в приходе Симеона Столпника на Поварской улице 3 кв. № 215»⁶¹.

К сожалению, Е.П. Долгорукая скончалась совсем молодой, оставив троих детей. В 1806 г. в исповедных ведомостях церкви Симеона Столпника, что на Поварской, значится: «Действительный камергер князь Михайла Александрович Долгорукой вдов – 55 лет, дети его – Евгения 18 лет, Михаил – 17 лет, Елена – 15 лет»⁶².

Сохранилось письмо маленькой Елизаветы Бакуниной Р.И. Воронцову: «Милостивый Государь мой дедушка Роман Ларионович. Я конечно заслуживаю Ваше негодование моим долгим молчанием и больше б онаго достойна была естлиб и сей удобный случай пропустила в молчании. Примите, милостивый Государь мой дедушка мои искренние поздравления с наступившими праздниками и новым годом, который желаю вам препроводить благополучно... Я

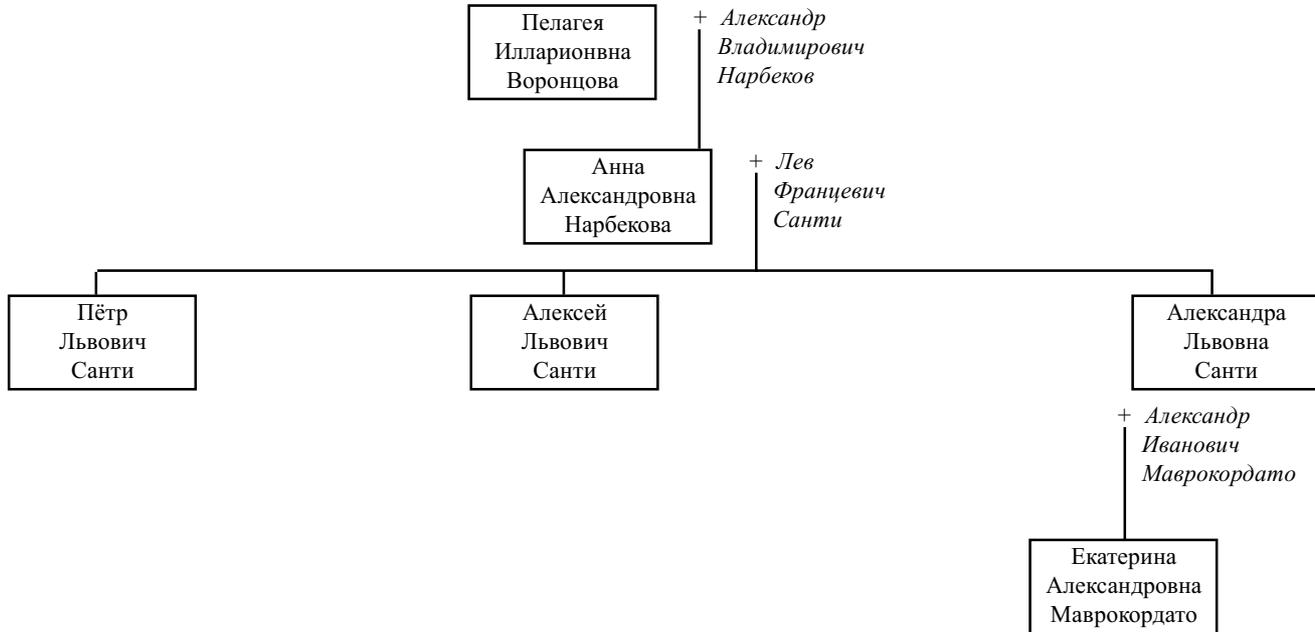
льшую, что мое раскаяние заслужит мне прощение и что вы и впредь не лишите меня вашей милости которая мне дороже всего на свете. Пребуду навсегда с истинным почтением и глубочайшею преданностью, милостивый Государь мой дедушка ваша все покорная и все послушнейшая внука Елисавета Бакунина, в Москве 19 декабря 1779 году»⁶³.

Третья тетка Е.Р. Дашковой, Пелагея Илларионовна Воронцова (1721–1757), была женой Александра Владимировича Нарбекова (1713–1757). У них была одна дочь Анна Александровна, которая вышла замуж за Льва Францевича Санти – сына известного знатока геральдических наук и художника времен Петра I. Супруги Санти имели двух сыновей, Петра и Алексея, и дочь Александру (схема 5).

Александра Львовна была замужем за молдавским господарем, князем Александром Ивановичем Маврокордато, у которого в Москве было несколько адресов. В 1797 г. он имел дом в приходе церкви Иоанна Предтечи на Лубянке, а также возле Сретенского монастыря. Молдавский князь был колоритной личностью известной в городе. Его имя употреблялось в газетных объявлениях для привлечения в лавки покупателей. Так, в «Московских ведомостях» за декабрь 1797 г. можно прочесть: «В Константинопольской лавке Михайлы Псалмиды, состоящей в Мясницкой части на Сретенской улице в доме Его Светлости, Князя Александра Ивановича Маврокордато, сверх разных Константинопольских и Индейских товаров, как то: парчей, кисей, шалей и шитых золотом платков, продаются...». В 1807 г. он числился на Дмитровке: «Воскресения Христова, что на Дмитровке. Господарь молдавский князь Александр Иванович Маврокордато – 56 лет, жена его Александра Львовна 34 года, дочь их Екатерина 9 лет»⁶⁴. Е.Р. Дашкова была крестной матерью этой девочки. Марта Вильмот неоднократно упоминает визиты к князю Маврокордато, например, 2 января 1804 г. и 28 сентября 1808 г. Чета Маврокордато часто навещала Екатерину Романовну в ее доме на Никитской. Марта пишет, что княгиня Маврокордато была высокой, величественной женщиной.

Лев Францевич Санти и сын его Петр Львович жили у Чистого пруда, в Огородниках: «Церкви Харитонья в Огородниках, графа Льва Францыча Сантия дворовые...» (1797)⁶⁵, «У Харитонья в Огородниках. Генерал – майор граф Петр Львович Санти, жильцы его: Авдотья Петровна Нарбекова 55 лет. Сын – Александр Владимиро-

Схема 5. Потомки Пелагеи Илларионовны Воронцовой

вич 22 г...» (1807)⁶⁶. Эти Нарбековы могли быть родственниками Петра Львовича по деду. Известно, что в доме Санти жил с 1803 г. по 1807 г. маленький А.С. Пушкин.

Граф Петр Львович Санти был управляющим имениями Е.Р. Дашковой, часто разъезжал с ее поручениями. Он вел хозяйственную переписку с Анной Петровной Исленьевой, постоянно живущей у княгини. Весной 1794 г. Екатерина Романовна писала брату А.Р. Воронцову: «Я довольна Санти, он не гений, но это человек строгой чести, послушный и признательный»⁶⁷. Учитывая подобные качества графа, а также ответственность и усердие Петра Львовича, княгиня сделала его своим главным душеприказчиком. Граф П.Л. Санти и А.П. Исленьева были самыми близкими друзьями княгини в последние годы ее жизни. Эти любимые племянники присутствовали при ее кончине. За день до ее смерти ее П.Л. Санти и А.П. Исленьева предложили Екатерине Романовне принять причастие. Она согласилась, и Петр Львович послал за игуменом Новоиерусалимского Воскресенского монастыря, который исповедал и причастил княгиню. Граф Санти – единственный из родственников, который сопровождал тело Е.Р. Дашковой к месту захоронения в Троицком.

Марта Вильмот пишет об этом человеке следующее: «Граф Санти очень рассеян, иногда на полчаса забывает всех и вся, потом внезапно выходит из задумчивости и ворчит, если окружающие не могут уловить мысль, которая пришла ему, когда он грезил... Он никогда не танцует; в карточной игре это опасный партнер. По характеру граф человек чрезвычайно доброжелательный, сразу становится в любом доме своим человеком (либо вовсе не поддерживает знакомства). Он – верный и деятельный друг, посещает больных, как если бы был врачом, в общем, граф всеобщий любимец...»⁶⁸. И еще: «Почти семь часов княгиня Дашкова мучилась от ужасной боли в суставах. Добряк граф Санти дважды посетил князя Дашкова, который также нездоров, затем съездил к доктору Холлидею. После долгих уговоров княгиня согласилась, чтобы врач ее осмотрел...»⁶⁹.

После смерти княгини П.Л. Санти четко и добросовестно выполнял ее волю, изложенную в завещании, болезненно переносил нападки со стороны дочери Е.Р. Дашковой, недовольной этим завещанием, но до конца не отступил.

В 1812 г. Александр I назначил генерал-майора, сенатора графа Петра Львовича Санти командиром пятого пехотного полка второй Московской дивизии ополчения.

Приложение

Завещание княгини Е.Р. Дашковой (1807 г.)⁷⁰

Невестке моей княгине Анне Семеновне десять тысяч рублей	10000
Фрейлине Екатерине Николаевне Кочетовой семь тысяч рублей	7000
Сестрам ея Александре и Дарье Кочетовым по две тысячи	4000
Анне Александровне Гогер, урожденной Полянской три тысячи рублей	3000
Внуку моему графу Петру Бутурлину шесть тысяч рублей	6000
Племяннику моему Александру Александровичу Полянскому четыре тысячи рублей	4000
Анне Петровне Исленьевой три тысячи рублей, как я уже ей дала семнадцать тысяч рублей	3000
Генерал-майору Василию Даниловичу Лаптеву семь тысяч рублей	7000 ⁷¹
Полковнику Евграфу Алексеевичу Воронцову пять тысяч рублей	5000 ⁷²
Пелагее Константиновне Масловой две тысячи рублей	2000 ⁷³
Племяннице моей Елисавете Петровне Дивовой две тысячи рублей	2000
Племяннице моей Татьяне Михайловне Норовой, а в случае смерти ея, то детям ея – четыре тысячи рублей	4000
Внучке моей княжне Екатерине Александровне Маврокордато три тысячи рублей	3000
Подполковника Маслова дочери девице Екатерине Ивановне тысячу рублей	1000
Племяннику моему графу Петру Львовичу Санти три тысячи рублей	3000
Внуку моему князю Павлу Урусову две тысячи рублей	2000
Племяннице моей Елисавете Татищевой две тысячи рублей	2000
Сестре ея Марье Татищевой тысячу рублей	1000
<hr/> Итого	69,000

- ¹ *Фирсова Е.Н.* Первый Московский дом княгини Е.Р. Дашковой // Е.Р. Дашкова и представители века просвещения. М., 2008. С. 57.
- ² *Она же.* Московский дом княгини Е.Р. Дашковой на Никитской // Воронцовы – два века в истории России. Вып. 10. Владимир, 2006. С. 144.
- ³ Указатель Москвы, показывающий по азбучному порядку имена владельцев сей столицы. 1793 год. Ч. 1. М., 1793. С. 195.
- ⁴ Там же. С. 198.
- ⁵ Там же. С. 203.
- ⁶ *Болотина Н.Ю.* К истории церкви Малого и Большого Вознесения на Большой Никитской улице Москвы // Е.Р. Дашкова и российское общество XVIII столетия. М., 2001. С. 118 (прим. 8).
- ⁷ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 86. 1807 г.
- ⁸ Там же. Д. 708. 1797 г.
- ⁹ РГАДА. Ф. 1294. Оп. 2. Д. 731. 732.
- ¹⁰ Указатель Москвы. Ч. 1. С. 137.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 931. Оп. 2. Д. 1473. Л. 1.
- ¹² *Долгова С.Р.* Дома графов Воронцовых в Немецкой слободе // Е.Р. Дашкова и эпоха Просвещения. М., 2005. С. 105.
- ¹³ *Романюк С.К.* По землям московских сел и слобод. М., 1998. С. 423.
- ¹⁴ Там же. С. 439, 440.
- ¹⁵ С.Р. Долгова в указанном сочинении пишет, что эта кирха – «Евангелическо-лютеранская церковь св. Михаила на Гороховом поле», но церковь св. Михаила находилась между Новокирочным переулком и Вознесенской улицей.
- ¹⁶ Записки княгини Е.Р. Дашковой. СПб., 1907. С. 276–277.
- ¹⁷ Там же. С. 278.
- ¹⁸ *Романюк С.К.* Указ. соч. С. 278.
- ¹⁹ *Веселая Г.А., Фирсова Е.Н.* Москва в судьбе княгини Е.Р. Дашковой. М., 2002. С. 132.
- ²⁰ Указатель Москвы. Ч. 1. С. 104.
- ²¹ Там же. С. 105.
- ²² *Пыляев М.И.* Старая Москва. М., 1997. С. 386.
- ²³ Указатель Москвы. Ч. 1. С. 137.
- ²⁴ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 901. Л. 9.
- ²⁵ *Веселая Г.А., Фирсова Е.Н.* Указ. соч. С. 81.

- ²⁶ Указатель Москвы. Ч. 1. С. 67.
- ²⁷ Там же. Ч. 2. С. 163.
- ²⁸ Там же. Ч. 1. С. 104.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Указатель Москвы. Ч. 2. С. 89.
- ³¹ *Романюк С.К.* Из истории московских переулков. М., 1998. С. 563.
- ³² ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 793. 1806 г.
- ³³ *Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева, сост. Г.А. Веселая. М., 1987. С. 307.
- ³⁴ Указатель Москвы. Ч. 1. С. 98.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 806. 1807 г.
- ³⁷ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 432, 453.
- ³⁸ Указатель Москвы. Ч. 1. С. 203.
- ³⁹ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 407.
- ⁴⁰ Архив князя Воронцова. Кн. XII. М., 1880. С. 361. № 33.
- ⁴¹ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 480.
- ⁴² ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 793. 1806 г.
- ⁴³ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 465.
- ⁴⁴ Там же. С. 408.
- ⁴⁵ Архив князя Воронцова. Кн. V. М., 1875. С. 257.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 652. Л. 1.
- ⁴⁷ Там же. Л. 8.
- ⁴⁸ Там же. Л. 12–13.
- ⁴⁹ Указатель Москвы. Ч. 1. С. 324.
- ⁵⁰ Там же. С. 426.
- ⁵¹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 707. 1797 г.
- ⁵² *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 393.
- ⁵³ Там же. С. 414–415.
- ⁵⁴ Там же. С. 459.
- ⁵⁵ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 712. 1802 г.

- ⁵⁶ Архив князя Воронцова. Кн. V. С. 281.
- ⁵⁷ Архив князя Воронцова. Кн. XII. С. 343.
- ⁵⁸ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 240.
- ⁵⁹ Там же. С. 222–223.
- ⁶⁰ Архив князя Воронцова. Кн. V. С. 255.
- ⁶¹ Указатель Москвы. Ч. 1. С. 199.
- ⁶² ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 794. 1806 г.
- ⁶³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 11. Д. 796.
- ⁶⁴ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 806. 1807 г.
- ⁶⁵ Там же. Д. 671. 1797 г.
- ⁶⁶ Там же. Д. 806. 1807 г.
- ⁶⁷ Архив князя Воронцова. Кн. XII. С. 337.
- ⁶⁸ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 278.
- ⁶⁹ Там же. С. 294.
- ⁷⁰ Архив князя Воронцова. Кн. XXI. С. 428.
- ⁷¹ Генерал В.Д. Лаптев – дальний родственник Дашковой, провозжавший ее в ссылку.
- ⁷² О племяннике Екатерины Романовны Евграфу Воронцове см. примечание к статье: Фирсова Е.Н. Ссылка княгини Дашковой в Коротово // Воронцовы – два века в истории России. Вып. 9. Петушки, 2004. С. 164.
- ⁷³ П.К. Маслова – женщина, постоянно живущая у Дашковой, возможно, ее родственница по бабушке Анне Григорьевне Масловой.

ПРОЕКТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СУДА ЕКАТЕРИНЫ II: ИСТОКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

К.Г. Боленко

Масштабный проект реформы высших органов государственной власти, разработанный Екатериной II в 1780–1790-е гг., известен давно, благодаря, главным образом, трудам О.А. Омельченко, и изучен весьма полно¹. К числу немногих лакун в историографии подготавливавшихся преобразований следует отнести проект создания Генерального суда, который должен был стать высшей инстанцией по делам о тяжких государственных преступлениях и преступлениях высших должностных лиц. Это учреждение не имело полных аналогов в предшествующей истории российских государственных институтов и в определенной степени нашло свое воплощение уже в XIX столетии, при создании Верховного уголовного суда, концепция которого, в свою очередь, была разработана М.М. Сперанским еще в конце 1800-х – начале 1810-х гг. и частично воплощена в жизнь при проведении суда над декабристами и создании свода законов Российской империи 1832 г.².

Желание Екатерины II создать Генеральный суд не составляло тайны для исследователей. В опубликованном еще в 1862 г. дневнике статс-секретаря государыни, А.В. Храповицкого, упоминались данные мемуаристу поручения, в том числе касающиеся и этого учреждения³. Впоследствии Н.М. Коркуновым в 1899 г. были опубликованы документы, являющиеся, по мнению, О.А. Омельченко, копиями с екатерининских оригиналов, сделанными по инициативе А.А. Безбородко⁴. По всей видимости, они фиксировали заключительный этап работы над текстом. Одна из стадий разработки проекта зафиксирована О.А. Омельченко при описании принадлежащего перу Екатерины II рукописного комплекса «О узаконениях вообще», который, в свою очередь, должен был составить часть подготавливаемого императрицей свода государственных установлений, своеобразной конституции «просвещенного абсолютизма»⁵.

Наименее изученными остаются истоки и этапы развития проекта Генерального суда. Осветить эту проблему в значительной степени позволяют черновые и беловые материалы императрицы,

относящиеся к большому проекту создания Главной Расправной палаты⁶, одного из ключевых учреждений подготавливавшейся реформы. К сожалению, в архивном деле эти материалы представлены с нарушением хронологической последовательности их возникновения⁷. Предложенная нами периодизация представляет собой гипотетическую реконструкцию.

Первоначально, видимо, Екатерина II планировала создать Генеральный суд в составе Главной расправной палаты»:

«Главная расправа состоит из трех частей

Первая часть вышний совестный суд.

Вторая часть Генеральной суд

Третья надзирание прав и правосудие»⁸.

Почти сразу же автором была изменена нумерация частей, соответственно на вторую, третью и первую, поэтому, когда в том же тексте речь заходит собственно о составе и компетенции Генерального суда, читаем:

«Третья часть Главной расправе именуется генеральный суд или вышний суд.

В вышнем суде заседает главной судья.

Вышнему суду поручаются уголовные дела и следственные дела в преступлении должностей касательно дел и особ кои [3 слова нрзб.] судимы быть не могут в губернии. ...Генерал прокурор, обер прокуроры, заседающие в Сенате губернаторы, вице губернаторы, ~~председа~~ первые и вторые председатели Коллегии или Палаты, в случай неисполнении должностей или тяжкой вины ничьему суду не подлежал окроме Императорского Величества Генерального суда ~~да~~ исследует о [1 сл. нрзб.] же ~~по истинне~~ вышней суд чинить»⁹.

Резюмируем принципиальные моменты: Генеральный суд является второй (впоследствии третьей) частью Главной расправы; он имеет также второе название – «вышний суд»; Генеральному суду подсудны преступления высших чиновников от генерал-прокурора до вице-губернаторов и председателей коллегий и палат и, возможно, некоторые другие уголовные преступления – так, учитывая, что согласно Учреждениям для управления губерний 1775 г. «следственными» называли дела о должностных преступлениях, заслуживает внимание отделение «следственных» дел от «уголовных». Одно из имен планируемого учреждения – «вышний суд» – позволяет предполагать с высокой степенью вероятности, что, разрабатывая свой проект, Екатерина опиралась на опыт Петра I, который в конце сво-

его царствования также создал судебный орган с таким названием и аналогичной юрисдикцией¹⁰.

В ходе последующей доработки некоторые изменения претерпело название судебного органа и его структура. Так, термин «вышний суд» был заменен на «верхний уголовный суд» (в черновиках первое название зачеркнуто и написано второе)¹¹. Сохранился датированный 29 августа 1785 г. набросок структуры Главной расправной палаты, в котором ее второй департамент уже прямо назван «верхним уголовным судом»¹². Таким образом, самое начало работы над проектом относится, очевидно, к более раннему времени. Кроме того, Генеральный суд с одной стороны и «верхний уголовный / вышний суд» с другой, ранее обозначавшие одно учреждение, теперь были разделены. Последний сохранил статус одного из департаментов (в конечном счете – второго) Главной расправной палаты и стал следственной (в современном понимании) инстанцией по вышеозначенным категориям дел, Генеральный же суд превратился в отдельный орган и стал по этим делам судебной инстанцией. Высшие чиновники «в случае неисполнения должностей или тяжкой вине ничьему суду не подлежат кроме Императорского Величества Генерального суда, исследования же вины чинит верхний уголовный суд»¹³. Возбуждение дела происходило «по доносу частных людей или по жалобе стряпчих или по сообщении судебного места или повеления сената или приказании импер[аторского] величества»¹⁴.

Разделение Высшего и Генерального судов произошло, видимо, еще до переименования первого. Согласно отложившемуся в архиве перечню вопросов, требующему дальнейшей разработки и неоднократно упоминающему Вышний суд, читаем:

«4. Вышний суд первая инстенция по делам касающимся до оскорбления величества

5. департамент Сената вторая инстенция

6. полная собрания Синода Сената и пяти первых классах составляющие Генер[альный] суд»¹⁵.

Таким образом, налицо некоторые колебания в определении юрисдикции, которые продолжатся некоторое время и впоследствии: в нее включали то преступления высших должностных лиц, то государственные преступления.

Более или менее законченный вид устройство Генерального суда было изложено только в проекте, касающемся устройства Сената¹⁶, где следствие и суд по делам о государственных преступлениях

ниях и преступлениях высших должностных лиц приобрело уже четырехступенчатую структуру: кроме Верхнего уголовного суда и затем второго департамента Сената, в случае необходимости, дело поступало также в общее собрание Сената и только потом в Генеральный суд. Таким образом, Верхний уголовный и Генеральный суды представляли собой крайние – первую и последнюю – инстанции четырехступенчатой следственно-судебной системы. «Буде по следствию в верхнем уголовном суде доказано; во втором сената департаменте предварительной приговор учинен; в сената общее собрание ревизии ревизии о порядочном производстве окончено и Сенат усмотрит, что дело подлежит Генеральному суду, тогда взносит доклад императорскому величеству дабы собран был генеральной суд»¹⁷.

Согласно проекту, ведению Генерального суда подлежали дела об умысле против «самодержавной особы» и «самодержавной власти», «презрение власти» и высшая измена». Судебная коллегия составлялась из членов Сената и Синода, особ четырех первых классов и «председателей государственных и прочих судебных палат или коллегий... налицо находящихся в том месте»; представители местных судебных учреждений включались в состав Генерального суда в соответствии с сословным положением обвиняемого. Подсудимый имел право отвести две трети судей. Предусматривалось наличие квалифицированного защитника, который имел право представить суду обстоятельства и материалы, оправдывающие или смягчающие вину подзащитного. Рассмотрением дела по существу и вынесением вердикта занималась небольшая коллегия, избираемая самими судьями из своего состава, большая коллегия лишь формулировала приговор, который поступал на утверждение императору¹⁸.

Насколько подобная система обеспечила бы беспристрастное рассмотрение дел, в настоящее время сказать сложно. Опыт функционирования во второй четверти – второй половине XIX в. Верховного уголовного суда показал, что в действительности самодержавные монархи не были заинтересованы в судебном преследовании высших чиновников и идея судебной инстанции (или системы инстанций), подобной Верхнему уголовному / Генеральному судам, выполняла скорее символические функции: продемонстрировать возможность такого преследования. Не исключено, конечно, что на раннем этапе существования идея Верхнего уголовного / Генерального суда выступала альтернативой института опалы, что было

особенно актуально именно для высших чиновников; страх перед неограниченным ничем монаршим гневом был столь устойчив, что даже в 1785 г. в Жалованной грамоте дворянству Екатерина II сочла необходимым провозгласить, что «без суда да не лишится благородной дворянского достоинства» (а также чести, жизни и имения)¹⁹. Впрочем, распространение идеи законности и постепенная общая гуманизация во второй половине XVIII столетия как уголовного законодательства, так и правосознания привели к тому, что потребность лиц, приближенных к престолу, в судебном механизме защиты от эксцессов самодержавия, явно сходилась на нет. С редкими рецидивами неограниченного деспотизма, вроде тех, что имели место в царствование Павла I, дворянство научилось справляться иными, и также внесудебными, средствами.

Что же касается государственных преступлений, то учреждение, подобное Верхнему уголовному / Генеральному судам имело определенное будущее, однако общая его громоздкость и явная ориентация на политическую значимость судебного процесса делали возможным рассмотрение в нем лишь очевидных дел, которые не требовали большого количества времени и сложной юридической работы и не грозили власть предержавшим сокрушительным фиаско. Таковыми стали в 1826 г. дело о восстании и заговоре декабристов, а во второй половине XIX в. – дела о покушениях на царубийство.

В любом случае создание системы Верхнего уголовного / Генерального судов могло стать в конце XVIII столетия серьезным шагом в развитии российской юстиции, в том числе и потому, что, введение всеобщей судебной (именно судебной) ответственности, хотя бы в качестве декларированного принципа, в итоге уменьшало роль в уголовном процессе самого монарха, что составляло одно из необходимых условий модернизации самодержавия и в конечном счете – его выживания как политической системы.

---

¹ *Омельченко О.А.* Конституция «просвещенного абсолютизма» (Неизвестные законодательные проекты Екатерины II) // Советской государство и право. 1989. № 8. С. 136–142; *Он же.* К истории судебной политики просвещенного абсолютизма в России // Вопросы истории права и права и правовой политики в эксплуататорском государстве. М., 1989; *Он же.* Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века): учебное пособие. М., 1989; *Он же.* «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993. Многие статьи впоследствии в перера-

ботанном виде были вторично опубликованы в авторском сборнике: *Омельченко О.А.* Власть и Закон в России XVIII века: Исследования и очерки. М., 2004.

² *Боленко К.Г.* Верховный уголовный суд по делу декабристов и М.М. Сперанский: рождение концепции // *Родина*. 2008 (в печати).

³ Памятные записки А.В. Храповицкого. М., 1862. С. 27.

⁴ *Коркунов Н.М.* Два проекта преобразования Сената второй половины царствования императрицы Екатерины II (1788 и 1794 годов). СПб., 1899; *Омельченко О.А.* Законодательные проекты императрицы Екатерины: проблемы изучения рукописного наследия // *Он же*. Власть и Закон в России XVIII века. С. 358.

⁵ *Омельченко О.А.* Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века). С. 125; *Он же*. Конституция «просвещенного абсолютизма». С. 137; *Он же*. Идеи конституционного закона и «всеобщей законности» в правовой политике «просвещенного абсолютизма» в России: неизвестный проект Екатерины II «О узаконениях вообще» // Проблемы правовой и политической идеологии: сборник научных трудов / Отв. ред. З.М. Черниловский, И.А. Исаев. М., 1989. С. 86, 91–95, 102–103.

⁶ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 329. Записка императрицы Екатерины II о главной расправной палате.

⁷ О путанице в бумагах Екатерины II, возникшей при их архивной разборке в середине XIX в., см.: *Омельченко О.А.* Идеи конституционного закона и «всеобщей законности...». С. 77.

⁸ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 329. Л. 5.

⁹ Там же Л. 5–6.

¹⁰ *Серов Д.О.* Забытое учреждение Петра I: Вышний суд (1723–1726 гг.) // Российское самодержавие и бюрократия: Сборник статей. в честь Н.Ф. Демидовой / Отв. ред. А.А. Преображенский. М.; Новосибирск, 2000. С. 219–237.

¹¹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 329. Л. 7–8. В некоторых случаях отражены несколько стадий правки: например, сначала зачеркнуто «вышном» и над строкой вставлено «верхном» и только затем дописано «уголовном» (Л. 7).

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 7.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 9.

¹⁶ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 320.

¹⁷ Там же. Л. 109 об.

¹⁸ Там же. Л. 109 об.–116.

¹⁹ ПСЗ. Т. 22. № 16187. Ст. 8–11.

УКЛАД ЖИЗНИ В БОГАДЕЛЬНЯХ МОСКВЫ XVIII ВЕКА

Н.В. Козлова

Своеобразным срезом социальной жизни города, обычно ускользающим от внимания исследователей, является среда обитания и условия существования людей, которые по старости, болезням, увечьям и будучи нетрудоспособными, нуждаются в помощи и заботе. Обычно они рассматриваются лишь как объект воздействий со стороны правительства, церкви, общества и частных лиц в рамках проблемы истории благотворительности и общественного призрения. В итоге изучается главным образом сам институт в развитии его форм, но из поля зрения пропадает человек с его болезнями и увечьями, дряхлостью и немощью, с одиночеством, с его стремлением найти поддержку у оставшихся родственников, приют за монастырскими стенами, в богадельнях при приходских церквях или во дворе состоятельного соседа. Благодаря новейшим работам мы многое узнали о благотворителях, но при этом почти не продвинулись в знании об объекте социальной благотворительности. Особенно это относится к дореформенному периоду. Изменение акцента в изучении нетрудоспособного люда, нуждавшегося в призрении и опеке, позволит увидеть особый срез социальной жизни и своеобразие общества в целом в конкретный исторический момент его развития.

Уклад жизни богаделенных людей в XVIII в. совсем не изучен, и дело не только в практическом отсутствии необходимых источников, но, главным образом, в том, что эти источники мало кто пытался найти, поскольку применительно к рассматриваемому времени необходимые данные могут находиться среди самых разных документов, чаще всего в виде сопутствующей и косвенной информации. Собранная по крупицам, она хоть в какой-то степени позволяет представить повседневную жизнь тех обездоленных людей, кто коротал век в городских богадельнях.

Основной массив сведений (если это определение вообще подходит к скудному объему нужной информации) удалось извлечь из фондов учреждений, в ведении которых в разные годы состояли

богадельни и нищие¹. Особую ценность в плане разнообразия и детальности информации представляют многочисленные и прежде никогда не использовавшиеся дела об определении разных чинов людей в богадельни и на пропитание в монастыри, об источнике и порядке выплаты полагающихся им кормовых денег, об отпуске из богаделен для свидания с родственниками, о переводе из одной богадельни в другую или в монастырь. Важны также делопроизводственные документы Московской полицмейстерской канцелярии, которая не только занималась выявлением, поимкой и сортировкой по соответствующим ведомствам бродячих в Москве нищих, но и отвечала за строительство и ремонт богаделенных зданий в старой столице. В итоге в ее фонде отложились различного рода описи и сметы, как и архитектурные планы, которые позволяют судить о внешнем виде и состоянии московских богаделен за разные годы.

Данные исповедальных ведомостей 1740–1790-х гг. свидетельствуют о том, что в это время почти при каждой третьей приходской церкви Москвы содержались богаделенные люди. В разные годы число богаделен было от 87 до 98. В них в совокупности проживало от трех до пяти тыс. чел.

По данным, приведенным Б.Н. Мироновым, даже в середине XIX в. среди городских сословий России лиц в возрасте старше 60 лет насчитывалось всего 7 %². Лишь немногим счастливым удавалось дожить «до того момента, когда исчерпывалась естественная жизнеспособность человеческого организма»³. Именно такими «счастливыми» и заполнялись богадельни. Средний возраст состоявших в них лиц был 63–64 года, причем в отдельных богадельнях нищие были существенно старше. Стабильно высоким, свыше 100 лет, был их максимальный возраст.

Богадельные строения. Материал, размер, внешний вид

В большинстве своем богадельни представляли собой обычную деревянную пятистенную избу. Об этом, в частности, свидетельствует Сенатский указ от 19 мая 1733 г., повелевавший построить в Петербурге в добавление к трем существующим 17 новых при церквях богаделен или «изб с сеньми» на 20 чел. каждую⁴. Нередко в источниках богадельня, как и столетиями назад, именуется богаделенной избой, однако в Москве в XVIII в. стали появляться и здания

богаделен, построенные из камня. В петровское время каменных богаделен было немного – сказывался действовавший с 1714 г. запрет на каменное строительство в Москве. К тому же деревянные здания в климатических условиях Центральной России было легче протапливать, они более пригодны для сохранения тепла, хотя и менее долговечны, чем сооруженные из камня. В 1748 г. императрица Елизавета Петровна указала строить при церквях вместо деревянных богаделен каменные с крепкими каменными сводами, длиною в жилье 5 сажен, а шириною 3 сажен и 3 аршина⁵, что составляло 20 кв. сажен или 90 кв.м.

Судя по описи 1763 г., составленной в Коллегии экономии в связи с проводимым ею освидетельствованием состояния московских богаделен, указ императрицы возымел свое действие. К концу ее царствования почти 70 % богаделен Москвы располагались в каменных строениях (66 из 95)⁶. Правда, к этому времени в большинстве из них многие деревянные части зданий (дощатые полы, бревенчатые потолки, покрытые тесом кровли, оконницы и рамы, лавки и полаты, дровяные сараи) сгнили и требовали срочного ремонта или полной замены. При этом каменные стены, как правило, оставались крепки, хотя имелись и печальные исключения. Так, состояние мужской богадельни, расположенной при храме Иоанна Предтечи в Казенной слободе, характеризовалось следующим образом: «Келья каменная и вся разседалась, и внутрь ее потолок накатной деревянной весьма ветх, и подстав множество, и опасно, чтоб людей не подавило. Також печь и кровля весьма ветхи, да в окнах трех ставен и четырех стекол нет, да одни рамы згнили»⁷.

В год освидетельствования состояния московских богаделен иные из них и через 20 лет после сооружения оставались «во всем исправны» (например, богадельня при церкви Никиты Великомученика в Старой Басманной), другие, несмотря на перестройку, вновь ветшали и требовали ремонта. В начале 1760-х гг. только 18 (из 95) богаделен были признаны «во всем исправны», в их числе деревянных было три, все выстроенные заново. Большинство же деревянных строений в это время оказались «весьма ветхи» и требовали уже не ремонта, а сноса. Их описание говорит само за себя: «Весьма ветхая, ...множество подстав, и углы все отпали, и задняя стена вывалилась вся, ...и кровля вся упала, ...печь вся развалилась и топить весьма опасно» (Воскресенская в Остожье); «стены и углы,

и кровли, и внутрь потолки обвалились, и состоят на многих подпорах, и опасно, чтоб людей не подавило» (Введенская на Сретенке, Воздвиженская и Неопалимовская близ Новодевичьего монастыря, Покровская в Левшине, Риз Положенская близ Донского монастыря, Богословская в Бронной, Вознесенская за Никитскими воротами, Рожественская на Дмитровке и др.)⁸.

Понятно, что жить в таких ветхих строениях было не только неудобно, но и опасно. С приближением холодов страдания находившихся в них людей еще более возрастали. Неисправные или вовсе развалившиеся печи создавали угрозу пожара, вызывали угар и стужу. «И в нынешнее холодное время (октябрь 1762 г. – *Н.К.*) приемлем себе великую нужду, понеже многие в той богадельне имеютца богаделенные престарелые и больные», – сообщала в Канцелярию синодального экономического правления староста Николаевской богадельни в Столпах. Перечисляя различные «ветхости», она опасалась «дабы в нынешнее время вящего не претерпеть нам хлада»⁹.

В 80-х гг. XVIII в. уже три четверти всех московских богаделен располагались в каменных строениях (66 из 87)¹⁰, правда, только 20 каменных и 17 деревянных богаделенных зданий (42,5 %) в это время использовались по назначению. В остальных жили священно- и церковнослужители, располагались команды дворцовой канцелярии и Коллегии экономии, часть богаделен оставалась пустой, некоторые обветшали, а другие были проданы Коллегией экономии частным лицам или сдавались под наемное жилье.

Каменные здания, как правило, были значительно просторнее деревянных богаделен. Их средняя площадь вдвое превышала размер средней площади богаделен, выстроенных из дерева (соответственно 158 кв.м и 79,5 кв.м). Значительно различались также максимальные и минимальные размеры каменных (583 кв.м и 40 кв.м) и деревянных (174 кв.м и 27 кв.м) строений. Судя по размерам богаделен начала 1780-х гг., их строители нисколько не ориентировались на утвержденные Елизаветой Петровной в конце 1740-х гг. нормативы площадей для каменных зданий богаделен. Только две каменные богадельни из 42, относительно которых имеются сведения о размере их площадей, точно соответствовали требуемым нормативам; размер трех богаделен был меньше, а 37 – больше задаваемых параметров (площади 10 строений превышали их в два и более раз).

Преобладающим конструктивным типом здания богадельни по-прежнему оставалась двухкамерная постройка (изба с сенями), характерная в целом для жилого дома Москвы XVIII в.¹¹. Сени, как правило, имелись и при каменных зданиях, что отмечалось в различных описях («Николаевская на Мясницкой с сенми», «Харитоньевская в Огородниках с сенми», «Федосьевская на Лубянке с сенми» и т.д.)¹². Встречались и более просторные трехкамерные постройки (две избы, соединенные сенями). Такой тип жилья в меньшей степени получил распространение в Москве. Большинство зданий, деревянных и каменных, были одноэтажными. Точные известия о двухэтажных зданиях имеются только относительно четырех богаделен¹³, а также о расположении одной под колокольней церкви Николая чудотворца в Берсеневке. При богадельнях иногда сооружалась часовня «для прошения милостыни»¹⁴. Возможность сбора подаяния без «хождения по миру», строго запрещенного властью, давала некоторый прибыток к скудному содержанию богаделенных людей.

Интерьер богаделен, будь то деревянные или каменные строения, воспроизводил убранство обычной избы. «Полы дощатые, потолок бревенчатой, кровля покрыта тесом» – обычный набор характеристик зданий богаделен. Зимой для защиты от сырости на окна со стеклами набивали доски. В целях защиты от воровских людей, «ибо чинятся многие и частые покражи пожиткам богаделенных», изнутри окна укрепляли ставнями со скобами¹⁵.

Убранство составляли лавки и «верхние палаты», которые в случае «множества и тесноты богаделенных» сооружались «во всю келью»¹⁶. Обязательной принадлежностью жилого пространства была кирпичная печь с трубою. Правда, иногда печь была «простой» без трубы, или труба имелась, но в другом углу, а не над печью, «и от того во время топления бывает великой дым, и богаделенные претерпевают крайнюю нужду и угар»¹⁷. «Великий угар» нередко случался и тогда, когда «печь разселась», или «у печи труба повалилась»¹⁸. При богадельнях имелся дровяник и «нужник». Построенные из дерева они быстро ветшали и требовали частой починки. «Дровеник и нужник почти обвалились», «дровеник и нужник перестроить» – таковы обычные зарисовки состояния этих необходимых элементов быта.

Построенные, как правило, на церковной земле богадельни обычно располагались внутри церковной ограды на погосте. Слу-

чалось, что богадельня размещалась вне погоста, «в отдалении, на пустом месте» (Успенская в Печатниках)¹⁹ или среди обывательских домов. Именно так было с просторным в 127 кв.м каменным зданием богадельни, построенным на земле церкви Гребневской Пресвятой Богородицы на Лубянке. К началу 1780-х гг. Коллегия экономии, на средства которой богадельня была выстроена, продала пустующее здание некоему купцу для использования его под жильё харчевников²⁰.

До начала 1760-х гг. преобладающая часть нищих (свыше 80 %) проживала в богадельнях, в которых имелось более 20 призреваемых, причем почти половина этого числа находилась в богадельнях с числом нищих от 50 чел. и выше. В итоге абсолютное большинство богаделен (в 1717 г. – 82 %, в 1741 г. – 52 %, в 1751 г. – 61 %), расположенных у приходских храмах, являлись местом приюта не менее 20 нищих²¹. Иной ситуация стала после определения штата столичным богадельням и отправления большей части их жителей в так называемые «инвалидные города». В начале 1780-х гг. в деревянных богадельнях находилось от 5 до 10 чел. В значительно более просторных каменных богадельнях размещалось от 6 до 38 чел., и только в богадельне Московского магистрата имели приют 100 чел. обоего пола²².

Уклад жизни в московских богадельнях

За порядком в богадельнях наблюдали старосты из числа находившихся в богадельне людей. По возрасту старосты ничем не отличались от всех тех, кто находился в богадельнях. Как и большинство нищих, они, за редким исключением, были старше 60 лет²³.

Между тем на старостах лежали ответственные функции. Им вменялось в обязанность «отвесть место» и иметь за богаделенными «наикрепчайшее смотрение», чтоб они «по миру не ходили и никаких противных указом непорядочных поступков не чинили и были в той богадельне безотлучно». «А ежели отлучится собою (кто-то из нищих. – *Н.К.*), то объявлять в Коллегию экономии того ж числа»²⁴. Сами новые богаделенки давали расписку, чтоб им в тех богадельнях быть «несходно, по миру не ходить и с воровскими людьми знания не иметь и никаких противных указом непорядочных поступков не чинить»²⁵.

Таким образом, старосты принимали присылаемых в богадельни нищих, устраивали их на места, следили за порядком в богадель-

не, в том числе за тем, чтобы богаделенные люди «по миру не ходили» и милостыни не просили. В обязанности старост входило получение под расписку кормовых денег и целевой милостыни на всех призреваемых. Выдача денег осуществлялась ежемесячно или за два месяца сразу комиссаром Коллегии по богадельням по именованным спискам всем имевшимся налицо с расписками²⁶. Лица, официально отпущенные для свидания с родственниками, на время отсутствия жалования не получали. Реестр расписок с рукоприкладствами отсылался в центральное ведомство.

Богаделенные нищие обязаны были «несходно» жить в богадельнях. Перемещение из богадельни в богадельню, или из богадельни на монастырское пропитание и обратно могло осуществляться только с соблюдением установленного порядка и при обязательной санкции со стороны центрального ведомства. В принципе, такие переходы и не носили массового характера, но при наличии мест обычно разрешались. Чаще всего мотивом, побуждавшим богаделенного человека менять место своего приюта, становилось стремление быть поближе к родным местам, к остававшимся там членам семьи или к семье, если она обитала где-то еще.

Так было с двумя отставными солдатами Агеем Тобухиным и Григорием Федоровым, первый из которых находился в Никитской богадельне за Яузой, а второй – в Николаевской богадельне в Хамовниках. В 1755 г. они были отпущены из своих богаделен для свидания с родственниками в дворцовую волость Метлей Симбирского уезд. Вернувшись в 1762 г. в Москву, они уведомили Коллегию экономики, куда сдали выданные им 7 лет назад для свободного проезда в Казанскую губернию паспорта, о нежелании впредь быть в московских богадельнях и переводе их в богадельни Казани. Оба бывших солдата в своих доношениях объясняли свою просьбу одинаково: проживанием в тех краях жены и других родственников, «которые в случае недостатка оставить... [их] не могут». О том, что при всей стереотипности это была не пустая фраза, свидетельствует возможность длительного пребывания богаделенных людей вне своего нового приюта без причитавшегося им «корма», которого они лишались, покидая даже временно богадельню. В то же время Агей Толбухин счел необходимым пояснить причину своего возвращения в Москву после столь длительного отсутствия. В своем доношении, видимо, имея в виду родственников, он отметил, что его «более держать не стали». Что именно стоит за этой фразой, узнать

уже не удастся. Можно лишь гадать о действительных причинах, побудивших солдат спустя много лет вновь проделать неблизкий путь до Москвы, чтобы попробовать обрести покой в родных местах и при этом по возможности облегчить своим родственникам заботу о себе. Было ли это их добровольное решение? А если нет, то от кого оно исходило? От родни, от общины, от дворцовой администрации? Кто знает? Как бы то ни было, Коллегия экономии вынесла решение об отправки обоих отставных солдат в Казанскую губернскую канцелярию для определения по их желанию в богадельню. Причитавшееся им жалованье следовало, как того требовали указы, выплачивать местной администрации «из наличных... сборов на счет собираемого со крестьян рублевого сбора против находящихся в московских богадельнях, счисляя по одной копейке на день»²⁷. Губернской же канцелярии поручался и полицейский надзор за вновь поступавшими богаделенными людьми²⁸.

Естественное стремление обосноваться поближе к семье порой дополнялось отчетливым желанием не столько получением помощи себе, сколько возможностью оказания такой помощи жене и детям. Так, в июле 1762 г. отставной солдат Яков Якимов, проживавший в Федоровской богадельне за Никитскими воротами, просил Коллегию экономии прикрепить его для пропитания к Высокопетровскому монастырю. Свою просьбу он мотивировал тем, что имел «у себя законную жену и малолетних детей, и за мало получаемым жалованьем во оной богадельне быть» впредь не желал, дабы «ему з женою и з детьми не претерпеть крайней нужды». По справке в Коллегии экономии оказалось, что Яков был прислан из Военной конторы с прочими отставными в 1760 г. согласно его желанию был определен в Федоровскую богадельню. Тогда он имел троих детей (годовалого сына и двух дочерей, 7 и 5 лет)²⁹. Поскольку размер ежедневного жалованья, выдаваемого богаделенным нищим, составлял 1 коп., совершенно очевидно, что на эти деньги прокормиться отставному солдату с семьей было невозможно. Трудно представить, как они выкручивались и сводили концы с концами. Вероятно, жена пробивалась случайными заработками, чередуя их с нищенством. О том, что подобная ситуация была не редка, видно из многочисленных доношений отставленных от службы и уже определенных в богадельни солдат о своих женах и малолетних детях, которые скитались по чужим углам, «где день, где ночь» и про-

бивались подаянием, порой терпя «глад немалой» и «немалую нужду»³⁰. Радея о своих близких, одни отставные солдаты видели выход в том, чтобы помочь им обрести место в богадельне, другие, как Яков Якимов, возлагали надежду на переход под монастырское попечение, при котором отставным сверх денежного (для солдат из расчета тех же 1 коп. в день) выдавалось и хлебное жалованье. В данном случае довод Якова, семья которого за прошедшие два года с рождением еще одной дочери увеличилась, был очевиден и для Коллегии экономии, которая удовлетворила его просьбу.

Основная масса документов, однотипных по своему характеру, фиксируя все этапы распределения отставных воинов по монастырям и богадельням, лишь в общих чертах передает о них отдельные биографические сведения. В контексте широких обобщений особенно ценны встречающиеся среди официальных документов нестандартные зарисовки, позволяющие хоть в какой-то степени увидеть на социальном фоне отдельную личность, почувствовать ее боль и смятение.

Один из таких редких случаев связан с желанием отставного солдата Давыда Шелоносова, находившегося в Московской Климонтовской богадельне у Варварских ворот, повидаться со своими родственниками. В январе 1762 г. он подал доношение об этом в Канцелярию синодального экономического правления, прося «для проходу в пути до онога села... дать паспорт». Такие свидания были обычными и разрешались Канцелярией на основании личного доношения богаделенного человека. Распространенность подобной практики лишний раз убеждает в заинтересованности определяемого в монастырь или богадельню отставного воина поселиться поближе к своим родным. Правда, у Давыда обстоятельства складывались иначе. Со слов некоего капрала Василия Десятинникова, когда-то бывшего в одном с Шелоносовым госпитале в прусском городе Мемеле, он слышал от солдат, что «родина ево, Шелоносова, Кунгурского уезда в селе Рожественском, в котором селе имеются отец, жена и дети». Об этом солдат успел сообщить капралу в начале своего пребывания в госпитале на лечении, когда он еще мог говорить, поскольку вскоре «в горячке» у него «отнялся язык»³¹.

Причина, по которой место определения Давыда Шелоносова вопреки обычной практике находилось в столь отдаленном расстоянии от его родных мест, где оставалась его семья, скорее всего

объяснялась его немотой, которая не позволила ему сообщить обычные сведения о себе и выразить желание о месте определения на житье. Эти предположения подкрепляются обнаруженной в другом деле прямой ремаркой, сделанной в Канцелярии синодального экономического правления в связи с расспросами очередной партии отставных воинов. Вместо сказки Данилы Шелоносова записано, что он «нем», а потому обычную в таких случаях сказку взять у него невозможно. В итоге он был определен в московскую богадельню при церкви св. Климента папы Римского у Варварских ворот³². Василий Десятинников готов был проводить немого солдата до Казани (возможно, он сам, получив отставку, возвращался к себе домой или отправлялся к месту своего нового пристанища), полагая, что дальше до родного села его товарищ с данным ему паспортом сможет пойти один, поскольку то село от Казани «близ двухсот верст» (!)³³.

Можно только удивляться и гадать, каким образом несчастный больной инвалид, не имея никаких (ни устных, ни письменных) возможностей общения с другими людьми (и, скорее всего, финансовых средств), предполагал добраться до родных мест, преодолев огромное расстояние. Сколь же велика должна была быть одолевавшая его тоска и желание встречи с родней, чтобы решиться на такое!

Срок временного увольнения из богаделен для свидания с родственниками был различным и заранее не оговаривался. Он мог продолжаться от месяца до нескольких лет³⁴. Вернувшиеся «из отпуска» богаделенные люди подавали доношение о принятии их в богадельню по-прежнему и возвращали выданные им для отлучки паспорта. После этого они вновь получали кормовые деньги.

Законным основанием временного отпуска из богаделен считался также уход на богомолье, продолжительность которого тоже могла быть разной. Например, «непомнящий родства» богаделенный Федор Архипов, многие годы находившийся во Владимирской богадельне у Никольских ворот, в 1757 г. был отпущен «для моления» в Соловецкий монастырь. В Москву же он вернулся лишь спустя 5 лет, в 1762 г. Причем из записи на обороте его паспорта, сделанной в Главной полицмейстерской канцелярии в 1759 г., следует, что задержанный «в прощении милостыни», он содержался в той канцелярии, после чего был выслан в Москву в богадельню³⁵. Ремарка петербургской полиции примечательна. Она указывает на

средства, с помощью которых богаделенным людям, лишенным на время отпуска из богаделен источника пропитания, удавалось кормиться в пути. Вряд ли это было новостью для всех тех учреждений, что следили за исполнением указов о борьбе с бродячими нищими или ведали размещением их по богадельням. Все дело было в том, что этим занимались разные учреждения, и каждое из них отвечало за ту часть общей проблемы, что входила в круг его полномочий. Полиция ловила нищих, направляла их по ведомственной принадлежности, а Канцелярия синодального экономического правления (или Коллегия экономии) распределяла в богадельни. При этом та же Канцелярия, несмотря на предписания старостам «смотреть накрепко, ... дабы из богаделен никого для прошения по улицам милостыни не выпускали», фактически сама провоцировала нарушение этих установлений. А как еще старый, дряхлый и больной человек при отсутствии средств мог получить пропитание?

В 1764 г. Духовная комиссия, устанавливавшая штаты «всех духовных мест», признала, что богадельням в Москве и Петербурге, «яко в самих резиденциях состоящих, быть не прилично», а потому их обитатели подлежали высылке в определенные для их поселения так называемые «инвалидные города»³⁶. Увечным и престарелым позволялось дожить свой век, но впредь на место выбывших и умерших разрешалось принимать в богадельни только отставных и увечных военных и их вдов. Штаты московских нищих включали 1 тыс. чел. с жалованьем каждому по 6 руб. в год. Эта мера привела к резкому сокращению численности не только «жалованных» нищих, но и тех, кто содержался в богадельнях, устроенных по церковным приходам двух столиц. Правда, и в дальнейшем в обеих столицах допускалось устройство богаделен за счет частных лиц, но только «чтоб оныя в пристойных и от проезжих дорог в отдаленных местах были»³⁷.

В екатерининское время социальное призрение было поставлено на иные принципы и обрело новые формы, что не могло не сказаться на укладе жизни богаделенных людей в это время.

---

¹ Канцелярия синодального экономического правления – ф. 390 РГАДА, Коллегия экономии – ф. 280 РГАДА.

² Согласно закону (указ 29 марта 1784 г.) под определение «престарелых», подлежащих наряду с увечными общественному призрению, попадали лица не моложе

60 лет. Для вдов церковников минимальный возраст для помещения в богадельни при Архиерейских домах составлял 40 лет. См.: *Стог А.Д.* Об общественном призрении в России. Ч. 1. СПб., 1818. С. 143, 145.

³ См.: *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 72.

⁴ ПСЗ. Т. IX. № 6406.

⁵ *Снегирев И.* Московские нищие в XVII столетии. Б.м, б.г. С. 15.

⁶ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 3. Д. 25448. Л. 41–54 об.

⁷ Там же. Л. 43.

⁸ Там же. Л. 52 об.

⁹ Там же. Л. 52 об., 9–10.

¹⁰ *Бензин В.М.* Церковно-приходская благотворительность на Руси. СПб. 1907. С. 106. В это время основным строительным материалом в Москве по-прежнему оставалось дерево. Каменные строения в разных полицейских частях старой столицы составляли от 10 до 24 % всей застройки. См.: *Любартович В.А.* Дворец Куракина на Старой Басманной и его культурное пространство: учебное пособие. М., 1999. С. 22.

¹¹ *Ворожбитова М.В.* Повседневный уклад жизни московского населения середины XVIII в. (по материалам Канцелярии конфискации). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 15.

¹² РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 3. Д. 25448. Л. 2–5.

¹³ При церквях: Благовещения Пресвятой Богородицы за Тверскими воротами (90 м?), Космы и Дамиана в Кадашеве (149 кв.м), Варлаама Хутынского на Ордынке (205 кв.м) и Алексея митрополита в Алексеевском (363 кв.м). См.: *Молиар В.* Исторический очерк Императорского Екатерининского богаделенного дома и заведений Приказа общественного призрения, получивших свое начало в стенах здания богадельни. М., 1888. С. 17, 18; *Бензин В.М.* Указ. соч. С. 106, 107.

¹⁴ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 3. Д. 25448. Л. 14, 44.

¹⁵ Там же. Л. 54, 57.

¹⁶ Там же. Л. 46, 51 об.

¹⁷ Там же. Л. 49 об.

¹⁸ Там же. Л. 44, 57.

¹⁹ Там же. Л. 44.

²⁰ *Бензин В.М.* Указ. соч. С. 108.

²¹ Данные за 1717 г. подсчитаны на основе публикации: Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, собранные из книг и дел прежде бывших Пат-

риарших приказов свящ. В.И. и Г.И. Холмогоровыми / Под ред. И.Е. Забелина. М., 1884. Т. 1. С. 1095–1097; за 1741 и 1751 г. на основе исповедальных ведомостей. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 45, 46, 48, 49, 50, 173, 174, 194, 208.

²² Из-за отсутствия данных о площади магистратской богадельни нельзя судить о том, насколько оно было просторным или, напротив, тесным для содержащихся в нем лиц.

²³ Согласно данным исповедальных ведомостей приходского населения Москвы 1741 г. старосты 21-й женской богадельни из 26-ти, относительно которых имеются данные о возрасте богаделенных людей, были старше 60 лет. См.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 46. Л. 38, 57–57 об., 68 об., 105 об., 236–238, 316, 356–357; Д. 50. Л. 130–131, 139–140 об., 253–255, 472–473, 210–213.

²⁴ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 3. Д. 25434. Л. 27; Д. 25894. Л. 18–18 об.

²⁵ Там же. Л. 27 об.

²⁶ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 2. Д. 7452. 1743 г. Л. 8 об.–9.

²⁷ Реальное продуктовое наполнение 1 коп. в Казанской губернии и Москве, несомненно, было в пользу Казани.

²⁸ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 3. Д. 25423. Л. 1–5.

²⁹ Там же. Д. 25459. Л. 1–6.

³⁰ Там же. Ф. 280. Оп. 5. Д. 122. Л. 6–6 об.

³¹ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 3. Д. 24744. 1762 г. Л. 1–3.

³² Там же. Д. 24717. Л. 4 об.

³³ Любопытное свидетельство восприятия расстояния людьми XVIII в. – с учетом реальных возможностей передвижения, в основном пешком!

³⁴ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 3. Д. 25130. Л. 1–13.

³⁵ Там же. Л. 5–6 об.

³⁶ В список, совместно составленный Духовной и Воинской комиссиями, вошел 31 город: Муром, Хлынов, Касимов, Арзамас, Шацк, Тамбов, Пенза, Лебедян, Козмодемьянск, Чебоксары, Кадом, Алатырь, Темников, Керенск, Саранск, Нижний Ломов, Инсар, Путивль, Пронск, Козельск, Ряжск, Бежецк, Зарайск, Сызрань, Уржум, Ядрин, Курмыш, Слободской, Козлов, Свияжск и Верхний Ломов. См.: ПСЗ. Т. XVI. № 12060. С. 564.

³⁷ ПСЗ. Т. XVI. № 12060. С. 564; Бензин В.М. Указ. соч. С. 109.

ЗУБОВЫ В ЛИТВЕ (ОБЗОР ФОНДОВ РГАДА)

Н.Ю. Болотина

Российский государственный архив древних актов (РГАДА) – уникальное государственное архивохранилище России, где размещены документы бывших великокняжеского и царского архивов, материалы учреждений высшего, центрального и местного управления Российского государства и Российской империи вплоть до начала XIX в.; личные и монастырские фонды представляют материалы до 1917 г. В архиве сосредоточены обширные комплексы документальных материалов о жизни и деятельности представителей различных дворянских родов и выдающихся исторических личностей. Среди них имеется довольно много документов о Зубовых.

О последнем фаворите императрицы Екатерины II – князе Платоне Александровиче Зубове (1767–1822)¹ сложилось представление как о человеке, не наделенном никакими талантами и способностями, стремящемся пользоваться своим высоким положением при дворе исключительно для личного обогащения – одним словом, довольно негативные оценки. Возможно, они не вполне соответствуют действительности и связаны в значительной степени с общим негативным отношением к институту фаворитизма. Исследование этого явления абсолютной монархии XVIII столетия, проведенные в последние годы, дают возможность по иному взглянуть на личности и деятельность фаворитов и их родственников².

Фаворитизм – это своего рода универсальная характеристика системы управления абсолютистского государства, которую в полной мере следует считать неформальным институтом власти. Государственный деятель как человек, в силу своего служебного положения и важной роли в системе государственного управления способный и обязанный принимать решения, имеющие общегосударственное значение, оказывался в системе абсолютистского государства тем более эффективен, чем больше был приближен ко двору и лично к монарху³. Отсюда такое специфическое состояние, связанное с государственной деятельностью, как положение фаворита. Фаворит, как правило, находился в тесных личных отноше-

ях с государем и в связи с этим получал возможность распоряжаться частью его неограниченной власти. Фаворитизм является одним из существенных инструментов в системе государственного управления абсолютизма. Его следует определять как назначение на государственные посты и должности исходя из личной заинтересованности монарха в деятельности того или иного человека. При этом фаворитизм – всегда нарушение общего принципа назначения на государственные должности.

В настоящее время оценки прошлого становятся более объективными и непредвзятыми, и, на наш взгляд, появляется возможность для исследования своеобразной и противоречивой личности П.А. Зубова, а также различных аспектов его государственной деятельности. Первым шагом в этом направлении должно стать изучение богатейшего архивного комплекса, сосредоточенного в РГАДА.

П.А. Зубов начал свою карьеру поручиком Конной гвардии. В 1789 г. он был назначен флигель-адъютантом и чрезвычайно быстро стал продвигаться по службе. Став фаворитом императрицы Екатерины II, Платон Александрович постепенно приобрел значительное влияние, а после смерти Г.А. Потемкина получил многие его должности; к нему перешло высшее военное управление, и огромную роль он стал играть в вопросах дипломатических. В 1793 г. он уже генерал-адъютант и шеф Кавалергардского корпуса, в 1794 г. – генерал-фельдцейхмейстер, Новороссийский, Екатеринославский и Таврический генерал-губернатор, в 1796 г. ему поручается начальство над Черноморским флотом. Императрица питала к своему любимцу безграничное доверие и лишь в редких случаях обходилась без его советов. В 1793 г. он был возведен в графское достоинство вместе со всей семьей; в 1794 г. стал светлейшим князем Римской империи, кавалером орденов св. Александра Невского, Анны, Владимира I степени и высшего российского ордена св. Андрея Первозванного. В последний год царствования Екатерины II П.А. Зубов сосредоточил в своих руках до тринадцати должностей по высшему управлению империи, получил значительные земельные владения, а после третьего раздела Польши (1795 г.) – Шавельскую экономию более чем с 13 тыс. душ и ежегодным доходом в 100 тыс. руб.

Павел I после вступления на престол оставил за Платоном Александровичем часть его полномочий, но вскоре ему было предписано выехать за границу. Некоторое время он жил в Германии и

Праге, затем был вызван императором в Россию и отправлен вместе с братом в одно из своих имений под строгий надзор местного губернатора. В 1800 г. П.А. Зубову было разрешено приехать в Петербург; вскоре он получил доступ ко двору и был назначен начальником Сухопутного кадетского корпуса. Платон Александрович стал одним из самых деятельных участников заговора, прекратившего царствование Павла I, и при Александре I был назначен членом Государственного совета. Он представил императору обсуждавшийся потом в неофициальном комитете проект о запрещении продавать крестьян без земли и об освобождении дворовых путем выкупа на средства казны. После Отечественной войны 1812 г. П.А. Зубов поселился в своем имении Янишки Ковенского уезда Виленской губернии и занялся сельским хозяйством. После его смерти все литовские имения перешли к брату Дмитрию Александровичу Зубову и племянникам.

Брат Платона Александровича – Валериан Александрович Зубов (1771–1804), пользуясь преимуществами родственника фаворита, быстро продвинулся по службе. В 1789 г. он был направлен Г.А. Потемкиным к Екатерине II с известием о взятии Бендер, в ноябре 1789 г. назначен флигель-адъютантом, награжден 10 тыс. руб., в 1790 г. отличился при штурме Измаила и был направлен к Екатерине II с известием о взятии крепости. Осенью 1794 г. при переправе через реку Западный Буг Валериан Александрович был ранен осколком и потерял левую ногу. Во время Персидского похода 1796 г. он стал главнокомандующим. В сентябре 1798 г. так же, как и за братом, за В.А. Зубовым был установлен секретный надзор, в апреле 1799 г. ему приказано жить в имении; 22 августа имения Валериана Александровича были конфискованы «за недостающие суммы по Персидскому походу». В 1800 г. он был возвращен ко двору и назначен директором Второго кадетского корпуса. В декабре 1800 г. ему были возвращены конфискованные имения, однако пользоваться ими разрешено лишь в начале марта 1801 г.

Основной массив документов о жизни и деятельности Платона и Валериана Зубовых, некоторые материалы об организации управления на территории созданной в 1795 г. Литовской губернии (затем переименованной в Виленскую), а также сведения о пожаловании Платону Александровичу Шавельской экономии, сосредоточен в разрядах Государственного архива Российской империи. Он

возник в 1801 г. в качестве хранилища дел особой политической и государственной важности в Архиве Коллегии иностранных дел в Петербурге, где началась концентрация материалов, специально выделявшихся из личных императорских канцелярий, государственных и личных архивов. В 1917 г. документы Госархива были перевезены частично в Москву, частично – в Кирилло-Белозерский монастырь, в 1925 г. Госархив вместе с МГАМИД присоединен к Древлехранилищу Московского отделения исторического архива РСФСР, в дальнейшем – ЦГАДА СССР, в настоящее время – РГАДА.

В фонде 5 (разряд V) «Переписка высочайших особ с частными лицами» хранятся письма и указы Екатерины II П.А. Зубову и его брату Валериану за 1789–1796 о ходе военных действий против Турции и Швеции, мерах по восстановлению монархии во Франции, награждениях. В отличие от «любовного монолога» Екатерины II, обращенного к фавориту Г.А. Потемкину, ее послания к Платону Александровичу почти не содержат личных, интимных строк, а только рабочие вопросы. В одном из писем императрицы Екатерины II (автограф) графу П.А. Зубову за февраль 1796 г. говорилось о пожаловании его брату Валериану 12 тыс. руб.: «Граф Платон Александрович, внесенные из Кабинета двенадцать тысяч рублей к вам, я жалую брату вашему графу Валериану Александровичу»⁴. Здесь также хранятся письма Екатерины II В.А. Зубову о его награждении орденом св. Георгия II степени и П.А. Зубову с разрешением принять титул князя Священной Римской империи.

Фонд 7 (разряд VII) «Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция» сформирован из отдельных документов Преображенского, Разрядного и Тайного приказов, Преображенской канцелярии и делопроизводства Тайной канцелярии и Тайной экспедиции Сената. В этом фонде хранятся материалы о репрессиях царствования Павла I, в том числе о политической слежке за князем П.А. Зубовым и его братом Валерианом. В биографической литературе имеются данные об определении места жительства Платона Александровича в его имении Янишки Шавельского уезда, однако материалы дела не подтверждают этого.

12 января 1798 г. состоялся императорский указ на имя генерал-прокурора Сената П.В. Лопухина о том, что следует узнать местоположение П.А. Зубова за границей и сообщить ему о срочном «в четыре недели» возвращении под страхом конфискации всех име-

ний. В указе четко регламентировалось: «Когда же он приедет в российские пределы, дайте ему приказание, чтоб он прямо ехал на пребывание впредь до указа в какую-нибудь деревню, ему собственно или братьям его принадлежащую с тем, однако ж, чтоб она не была ни в Санкт-Петербургской ни в Московской губернии, ниже в провинциях в последнее время от Польши к империи Всероссийской присоединенных». Таким образом, Платону Зубову наоборот было запрещено жить в Шавельском имении. К нему предписывалось приставить чиновника, «который наблюдая за его поведением доносил Вам о всем там происходящем»⁵.

22 сентября посланник в Берлине граф П.И. Панин сообщил находящемуся в Праге Платону Александровичу о распоряжении Павла I. Уже 27 сентября П.А. Зубов ответил, что поспешит вернуться в Россию и поедет кратчайшим путем через Бреслав и Варшаву. Руководители всех губерний, в том числе и Литовской, через которые должен был проехать князь, были предупреждены о необходимости доносить о его проезде. Уже 9 октября 1798 г. литовский губернатор сообщил, что П.А. Зубов въехал 4 октября в границы Литовской губернии, а затем через четыре дня прибыл в Вильну, и на следующий день отправился в Белорусскую губернию в местечко Усвяты, принадлежащее его брату⁶.

Платон Александрович написал 21 октября 1798 г. обер-прокурору Сената П.В. Лопухину о своем намерении выехать через Смоленск и Московскую губернию «в владимирские деревни в село Фетинино»⁷, принадлежащее его брату Николаю Александровичу, где он и провел все время своей ссылки. Рядом с ним жил В.А. Зубов. Материалы слежки за братьями зафиксировали по дням их времяпрепровождение: что они делали, куда ездили и кто приезжал к ним, причем визиты официальных лиц к опальным братьям не поощрялись верховной властью. Довольно интересно, как провел П.А. Зубов первый день в Фетинине: «Первый день своего приезда, то есть в прошедшее воскресенье был он в том же селе Фетинине у литургии, после чего награждал крестьян щедро деньгами серебряною монетою, подарил в сей день свою и своего брата кормилиц каждой по сто червонных. 2-е число сего ноября всем дворовым людям и крестьянам брата его дан был обед, первых кормили в господском доме, а других в манежи, те и другие получили щедрую награду серебрянными деньгами»⁸. После донесения о таком пове-

дении Платону Александровичу было предписано не кутить, и «на-
прасных гуляний не устраивать».

В деле о слежке за братьями Зубовыми имеются также сведения о смене управляющего мызой Руенталь, принадлежавшей графу В.А. Зубову и переданной в казну (26 августа 1800 г.), просьба шляхтича Станислава Ясевича от имени жителей местечка Янишки графу П.А. Зубову о сохранении привилегий и льгот, дарованных им «от семи королей польских» (11 ноября 1799 г.) и выписка из декрета Комиссии по управлению Шавельским поветом Жмудского воеводства по судному делу мещан местечка Янишки с вице-администратором Шавельской экономии И. Вилиословским, обвинявшим их в невыполнении городской повинности. Приводятся сведения о привилегиях местечку Янишки, данных польскими королями Сигизмундом III, Владиславом IV, Яном III и Августом II (XVI в.)⁹. Эти документы свидетельствуют о том, что Платон Александрович осуществлял руководство литовскими имениями, находясь во владимирской деревне своего брата Николая.

Фонд 11 (разряд XI) «Переписка разных лиц» сформирован из документов личных императорских канцелярий, а также личных и служебных архивов государственных деятелей. Среди сохранившейся в фонде переписки П.А. Зубова следует отметить дело, в котором имеются послания генерал-губернатора Виленской губернии Н.В. Репнина Платону Александровичу с сообщениями о штатах Виленского наместничества, числе жителей обоего пола в 1796 г. в губернии (в Шавельской округе разного состояния людей: м.п. 12416, ж.п. 12611, крестьян м.п. 38336, ж.п. 37046; всего м.п. 50972, ж.п. 49637). Особый интерес вызывает письмо Н.В. Репнина от 13 сентября 1796 г. с просьбой о том, чтобы оставить в казне два дома экономии в Шавле, построенных для судебных мест и почты, на котором сохранилась собственноручная запись П.А. Зубова о своем согласии¹⁰. В другом деле этого фонда «Разные записки и прошения, подаваемые князю Зубову» были обнаружены документы, связанные с обращением участников восстания жителей Шавельской экономии к вельможе о помощи в освобождении «из неволи, в коей при порте Рогельском содержимся», от 7 декабря 1795 г. Просятели писали о том, что «наши вельможи ко всему нас принуждали и чрез их нас, хлебопашеством живших, из домов наших российские казаки захватили по сумнительству в бунте, о коем и

мысль наша не постигала». К прошению приложен поименный список (около 100 человек) с указанием деревень и ключей, где проживали люди до ареста¹¹.

В фонде также имеются письма к Платону Александровичу различных государственных деятелей: белорусского генерал-губернатора П.Б. Пассека, курляндского генерал-губернатора П.А. Палена и др.

Фонд 12 (разряд XII) «Дела о Польше и Литве» сформирован из документов личных императорских канцелярий, Коллегии иностранных дел (преимущественно по истории Белоруссии, Литвы, Польши) и личных архивов государственных деятелей. К нашей теме относятся дела, содержащие донесения Екатерине II и П.А. Зубову от командующих русскими войсками в Польше и Литве генералов барона О.А. Игельстрома и М.Н. Кречетникова. Литовский генерал-губернатор князь Н.В. Репнин неоднократно писал императрице и Платону Александровичу об организации управления на вверенной ему территории, а в одном из дел имеется «Список уездов и городов Виленской губернии» с указанием Шавельского уезда и его центрального города – Шавле¹².

Следует отметить, что параллельно копии указов и манифестов Екатерины II о присоединении новых территорий к Российской империи, материалы о создании губерний и уездов, организации управления и деятельности российской администрации сохранились в фонде Сената (**фонд 248**), который являлся высшим правительственным органом государства¹³. В специальной инструкции Сената курьеру, посланному в Литву к генерал-губернатору Н.В. Репнину с манифестом императрицы, говорилось о том, что «будучи в пути никаких обид и притеснений никому не чинить и от неизвестных вам разглашений воздержаться»¹⁴.

В материалах **фонда 16 (разряда XVI)** «Внутреннее управление» сохранились доношения П.А. Зубова по управлению землями Северного Причерноморья, во главе которых он был назначен после смерти Г.А. Потемкина. Определенный интерес представляет дело этого фонда, в котором сосредоточены сведения о казенных землях в Литовской губернии, в повете Шавельском называется староство Спиклевское, иначе именуемое Сонкилы (41 чел.) и староство Шакиновское (379 чел.)¹⁵. В этом же деле среди материалов о раздаче имений в новых землях нам удалось обнаружить проект именного

указа императрицы Екатерины II, написанный рукой ее статс-секретаря Д.П. Трошинского, о пожаловании генерал-фельдцейхмейстеру графу П.А. Зубову в день мирного торжества «за похвальные, усердные и ревностные труды его, паче за дело возвращения и соединения древних российских областей» в вечное и потомственное владение в Литовской губернии из бывших королевских столовых имений экономию Шавельскую¹⁶.

Точно датировать указ позволяют материалы дворцового архива, сосредоточенные в **фонде 1239** «Дворцовый отдел». Здесь в Журнале записи именных указов императрицы Екатерины II за 1795 г. была обнаружена копия ее указа от 18 августа 1795 г. о пожаловании Платону Александровичу Зубову «в Литовской губернии бывших королевских столовых имений экономию Шавельскую» и роспись от того же числа о пожалованиях, где за ним записана экономия Шавельская с количеством душ 13669¹⁷. В этом варианте указа говорится об изготовлении жалованной грамоты, которая была, видимо, выдана ему на руки. В деле также имеется копия указа Екатерины II от 18 августа 1795 г. о пожаловании Валериану Александровичу Зубову в вечное и потомственное владение в Курляндской губернии замка Ругенталь с экономией и всеми землями и угодьями¹⁸.

В делах Дворцового ведомства сохранился комплекс журналов записи императорских указов и высочайших резолюций по делам, бывшим в производстве статс-секретарей, входящих и исходящих документов за 1790-е гг., а также журналы записи распоряжений П.А. Зубова за 1792–1796 гг. и его переписка с различными лицами. В этих документах содержится значительный материал, позволяющий проанализировать степень участия последнего фаворита Екатерины II в управлении государством, его компетентность в решении тех или иных вопросов и непосредственную деятельность на различных административных постах.

В **фонде 20** «Дела военные», представляющем собой коллекцию документов по армии и флоту, сохранились указы Военной коллегии П.А. Зубову за 1792–1796 гг.¹⁹. Несомненно, основные материалы, отражающие роль фаворита и его родственников в решении и осуществлении вопросов, связанных с развитием армии и флота, находятся в РГВИА.

Нельзя обойти вниманием личный фонд князя Платона Зубова (**фонд. 193**), сформированный из его служебных документов и

частично хозяйственных материалов графа П.Н. Зубова, поступивших в архив в составе МГАМИД в 1925 г., а также из других хранилищ в 1933 г. Основную часть составляют письма и донесения (в том числе по польским и литовским делам), разных лиц Платону Александровичу за 1780–1990 гг., систематизированные по алфавиту адресатов. К сожалению, материалов о пожаловании ему земель в Литве здесь не обнаружено. Можно только отметить дело «Опись дел принятых в кантору Шавельской экономии П.А. Зубова» за июль 1802 г.²⁰

Значительная часть писем содержит просьбы о денежной помощи, повышении чина, определении на службу, награждениях и т.п., обращенные к могущественному фавориту, поздравления; много посланий эмигрантов из Франции к Платону Александровичу с просьбами и благодарностями. Можно назвать письма виленского воеводы князя Михаила Радзивилла за 1792–1795 гг., послание польского короля Станислава Августа Понятовского от 1 февраля 1796 г. из Гродно о пожаловании П.А. Зубову польского ордена Белого орла и с сожалением «о неведении своего будущего», много обращений польских и литовских дворян в основном на французском языке²¹.

В **сборном фонде 154** «Жалованные грамоты» сохранились некоторые патенты на чины Платону и Валериану Зубовым. Один из них – патент П.А. Зубову на звание лейб-гвардии корнета (9 августа 1784 г.), написан на пергамене и украшен орнаментом, изображающим оружие, военных, тройки лошадей²².

Особый интерес представляет обнаруженный нами комплекс документальных материалов представителей рода Зубовых в **фонде 1467** «Сборный личный». Во время разбора имеющихся в архиве россыпей документов за XIX–XX вв. они не были присоединены к фонду П.А. Зубова, и в связи с этим долгое время оставались неизвестными для исследователей.

Отметим некоторые интересные документы, связанные с литовскими имениями, унаследованными от Платона Александровича его родственниками. Эти земли в документах называются принадлежащими его племянникам графам Александру Николаевичу Зубову (1797–1875) и внуку А.В. Суворова-Рымниковского Платону Николаевичу Зубову (1798–1855).

В черновой записке об увеличении ежегодных доходов «во время управления Шавельским его светлости князя Зубова имени-

ем» имеются сведения о получении за наем земель с 4000 дымов – 9600 руб., с арендных корчем – 6000 руб., с рогатого скота – 3600 руб., всего в год серебром – 19200 руб., а также другие данные по хозяйственной части²³.

В прошении 1826 г., поданном графами Александром и Платоном Николаевичами Зубовыми генерал-штаб-доктору гражданской части О.О. Реману о содержании аптеки в литовском имении без провизора говорится о переходе земель к новым владельцам: «По кончине означенного князя Зубова и дочери его, имение его, состоящее в Литовско-Виленской губернии, от бывшей опеки поступило к нам законным наследникам с заведенным в нем хозяйственным устройством»²⁴. Можно назвать также дело, содержащее квартальные и годовые приходно-расходные ведомости, в том числе и волостных касс, за 1827–1845 гг. по Плунонскому, Груздевскому и Юрбургскому имениям графов Зубовых²⁵. Эти документы показывают, из каких сумм составлялся приход имений (казенные подати, земские повинности, акцизы, сборы на аптеку и т.п.) и на какие нужды расходовались средства: жалованье лекарю, фельдшеру, инспекторам, сторожам, другим служащим, а также на покупку медикаментов, продуктов, гербовой бумаги и т.д.

В декабре 1840 г. наследник литовских имений князя П.А. Зубова граф Зубов выдал доверенность помещику Виленского уезда С.Я. Сидоровичу о назначении его уполномоченным во всех судебных делах, связанных с имением Плунонжаны Телешевского уезда Виленской губернии, в которой писал: «По вечно-дележному акту между нами братьями 1833 г. августа 14 поставленному, а 18 того же месяца в Виленской палате гражданского суда совершенному, имение Плунонжаны называемое, Виленской губернии в Темшевском уезде состоящее, досталось в вечное и потомственное владение и собственность». В документе упоминается раздельная запись доверителя от 6 октября 1827 г. со своим дядей, к моменту составления документа уже покойным, генерал-майором графом Дмитрием Александровичем Зубовым²⁶. Таким образом, мы видим, что литовские имения П.А. Зубова после его смерти и кончины дочери перешли к брату и племянникам фаворита.

Сохранившийся в фонде список книг графа Зубова на французском языке, возможно, принадлежал именно владельцам литовских имений²⁷. Среди дел имеется письмо Александру Николаевичу

Зубову об бывшего управляющего польскими имениями его дяди П.М. Соймонова за сентябрь 1838 г. с просьбой о назначении ему пенсий²⁸. Можно назвать также, документы, не относящиеся непосредственно к Литве – это, например, два свидетельства Глебовского конного завода в Московской губернии на лошадей, принадлежащих Платону Николаевичу Зубову (1856 г.)²⁹.

В РГАДА хранится богатейший картографический материал, в котором карты и планы по Виленской губернии представлены в небольшом количестве. Следует отметить карту Ковенской губернии (XIX в.)³⁰, литографию археологической карты Ковенской губернии с обозначением Шавельского уезда, а также некоторые планы дач за конец XIX в. по Вилкомирскому, Ковенскому, Новоалександровскому, Понежевскому, Россиенскому, Тельшевскому, Шавельскому уездам, составленные в ходе специального межевания. По Шавельскому уезду имеются планы имений Почголы и Янополь владения титулярного советника А.Д. Люткевича; владений графа А.-Г. Шлятер-Зиберга: замка Ширвуцы имения Кутовсяны, имений Жолнели и Шило-Йодубис, Йолуце, деревни Гудмоншки имения Куртовяны и др.

Можно говорить о том, что практически в каждом фонде РГАДА, где имеются материалы эпохи Екатерины II, есть вероятность найти документы так или иначе связанные с жизнью и деятельностью представителей рода Зубовых. Оценивая обширный и до настоящего времени мало изученный документальный комплекс источников, отражающий жизнь и деятельность Платона Зубова, его родственников и наследников, можно предположить, что при тщательном и непредвзятом его изучении возможно изменение историографической картины в отношении последнего фаворита императрицы Екатерины II. Как видим, в источниковом плане для этого имеется большой потенциал.

---

¹ См. биографию П.А. Зубова в журнале «Русская Старина» (1876. Т. 16, 17).

² См.: Болотина Н.Ю. К вопросу об институте фаворитизма в России // Российская государственность: история и современность. М., 2007. С. 230–264.

³ См., например: Она же. Князь Потемкин. Герой эпохи Екатерины Великой. М., 2006. С. 160.

⁴ РГАДА. Ф. 5. Д. 87. Л. 138.

- ⁵ Там же. Ф. 7. Д. 3252. Л. 153.
- ⁶ Там же. Л. 166.
- ⁷ Там же. Л. 172.
- ⁸ Там же. Л. 178 об.
- ⁹ Там же. Л. 13–14 об.
- ¹⁰ Там же. Ф. 11. Д. 968. Л. 41–42, 120–120 об.
- ¹¹ Там же. Д. 960. Л. 76–78а.
- ¹² Там же. Ф. 12. Д. 242. Л. 5.
- ¹³ Там же. Ф. 248. Д. 4800.
- ¹⁴ Там же. Л. 682.
- ¹⁵ Там же. Ф. 16. Д. 244. Л. 20.
- ¹⁶ Там же. Л. 228.
- ¹⁷ Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 65054. Л. 146–146 об., 201 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 202–202 об.
- ¹⁹ Там же. Ф. 20. Д. 330.
- ²⁰ Там же. Ф. 193. Д. 1334.
- ²¹ Там же. Д. 912, 909.
- ²² Там же. Ф. 154. Оп. 3. Д. 85. Л. 1
- ²³ Там же. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 1913д. Л. 1.
- ²⁴ Там же. Д. 1902. Л. 1–2
- ²⁵ Там же. Д. 1903. Л. 39–40.
- ²⁶ Там же. Д. 1904. Л. 1–1 об.
- ²⁷ Там же. Д. 1878. Л. 1–2 об.
- ²⁸ Там же. Д. 1872.
- ²⁹ Там же. Д. 1913. Л. 1, 2.
- ³⁰ Там же. Ф. 192. Оп. 1. Ковенская губерния. №1, 2.

ОБРАЗ И ЭПОХА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ В КОМЕДИИ А.С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА»*

Е.В. Пчелов

Екатерина II оставила яркий след в истории русской культуры, и воплощение её личности и её эпохи в произведениях литературы, живописи, музыки и других областях искусства ещё требует специального изучения¹. Период екатерининского царствования нашёл отражение и в бессмертной комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1822–1824). Общим местом историографии можно считать идею о выраженном в комедии противопоставлении автором одинокого героя нового поколения, Чацкого, миру «старой Москвы»; просвещённого представителя «века нынешнего» – «веку минувшему», воплощённому в образе Фамусова и других героев пьесы. Это «сравнение», бесспорно, являющееся одним из стержневых мотивов всей комедии, использует целый ряд образов и понятий, характеризующих «минувший век», причём, если для Фамусова и лиц его круга они особенно значимы и ценны, то для Чацкого они представляют собой лишь повод для иронии и скепсиса. В этой картине прошлого, чьи живые «отблески» появляются в пьесе, отчётливо проступают черты ностальгии по екатерининскому «золотому веку» и неизбежная его мифологизация.

Культурный контекст эпохи Екатерины II обозначается в пьесе разными способами: и словесно-речевой характеристикой персонажей круга Фамусова (на екатерининское царствование пришлась их молодость) и прямыми отсылками в тексте. При этом непосредственные отсылки к образу императрицы встречаются по ходу действия пьесы несколько раз. Происходит это на разных смысловых и оценочных уровнях.

---

* Автор чрезвычайно благодарен О.И. Елисейевой, чья блестящая статья о пушкинской «Пиковой даме» послужила импульсом для размышлений над «Горем от ума».

Естественно, что для Фамусова и людей его поколения блестящая эпоха екатерининского правления представляется поистине «золотым веком» благоденствия и процветания, что особенно ярко проявляется в диалоге Фамусова и Чацкого (действие II, явление 2). Здесь возникает поистине былинный образ фамусовского дяди – Максима Петровича, позволяющий племяннику нарисовать идиллическую картину с гиперболизированной-величественным размахом²:

Вот то-то все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал; сто человек к услугам;
Весь в орденах; ездил-то вечно цугом;
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны! в сорок пуд...
Раскланяйся, тупеем не кивнут.
Вельможа в случае, тем паче,
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб:
На куртаге³ ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкий:
Был высочайшею пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругорядь – уж нарочно,
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по вашему? по нашему смышлён.
Упал он больно, встал здорово.
За то бывало в вист кто чаще приглашён?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович. Кто пред всеми знал почёт?

Максим Петрович! Шутка!
В чины выводит кто и пенсии даёт?
Максим Петрович! Да! Вы, нынешние, – нутка!⁴

Мифологизация «золотого века» в словах Фамусова достигает гротеска. Нарочитое преувеличение как бы подчёркивает основательность и мощь фигуры дяди («А в те поры все важны! в сорок пуд...»), однако, этот «чудо-богатырь» достигает своего положения не героическими свершениями, а тривиальным падением на придворном приёме. В данном случае физическое **падение** обернулось социальным **восхождением**. Движение в одной плоскости сменилось противоположным движением в другой. Причина этого оказалась проста. «Богатырь» на время превратился в шута, веселящего государыню, и таким образом попал «в случай». Замечательно, что А.С. Грибоедов в этой сценке невольно передаёт определённую «простоту» нравов и непосредственность, как бы ожидаемую во времена Екатерины II. Если отвлечься от сатирического подтекста этой сцены, реакция императрицы не кажется необычной – напротив, она **как бы** естественна. И эта естественность проецируется на «минувший век», только в который такое и могло быть возможно...

Предвосхищение фамусовского рассказа можно усмотреть в словах Чацкого, обращённых к Софии: «Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?» (действие I, явление 7; хотя здесь, конечно, имеется в виду дядя Софии, а не дядя Фамусова).

Чрезвычайно показательно и имя екатерининского вельможи: его зовут **Максим Петрович**. Имя «Максим» буквально означает «самый большой, величайший», то есть оно вполне соответствует масштабному образу дяди. С другой стороны, оно и непосредственно отсылает к екатерининской эпохе, которая предстаёт как время великих деяний великой императрицы (ср. исторический эпитет Екатерины – Великая). «Петрович» – отчество, соотносённое с именем другого великого государя – Петра I. Идеологическая и культурная ориентация на великого предшественника, как известно, была одной из ярко выраженных доминант екатерининского правления. Екатерина II воспринималась как прямая продолжительница деяний Петра I, «совершающая» начатое в его царствование. Таким образом, имя Максима Петровича непосредственно отсылает к екатерининскому времени. Тем в более гротескном виде предстаёт случившееся с ним происшествие.

Возможно, антропонимическая «перекличка» в образе Максима Петровича только этим не ограничивалась. Важно иметь в виду, что в первоначальном варианте пьесы сам Фамусов носил не менее показательное имя – Павел Петрович⁵. Имя «Павел» восходит к латинскому «малый». В соединении с именем Великого Петра оно выглядит весьма показательным (вряд ли здесь могла подразумеваться связь с именем Павла I), но ещё более замечательна его «перекличка» с именем Максима Петровича. «Великий» дядя – Максим Петрович – соотносится с «малым» племянником – Павлом Петровичем (Фамусовым) так же, как эпоха великих деяний отражается в измельчавшем обществе её продолжателей и почитателей. В окончательном варианте пьесы эта соотнесённость оказалась редуцированной, поскольку имя персонажа изменилось («Павел Афанасьевич» вместо «Павел Петрович»)⁶.

Упоминается в пьесе и другой московский «туз», которого зовут Кузьма Петрович. Фамусов собирается посетить его похороны. Очень важно в связи с этим наблюдение В.А. Филиппова над временем действия пьесы. Оно происходит, по-видимому, в четверг, а погребение Кузьмы Петровича также назначено на четверг. Значит, он остаётся непохороненным более недели (!), что возможно лишь при бальзамировании тела, которое осуществлялось только в случае особой знатности умершего⁷. Любопытно, что на тот же четверг назначен вечер у Тугоуховских, куда Княгиня хотела пригласить Чацкого. Отчества Максима Петровича и Кузьмы Петровича совпадают. Но если Максим Петрович – «величайший», то Кузьма Петрович, в соответствии с этимологией имени, олицетворяет собой «мир» (в космическом смысле) и «порядок». Русская форма имени показывает, что это «порядок» русского мира. Так что смерть Кузьмы Петровича также символична.

По свидетельству М.И. Пыляева, в Максиме Петровиче усматривали некоего московского барина-чудака Новосильцева, бывшего когда-то «в случае» при Екатерине II, а в александровскую эпоху жившего в Москве в своём большом, «нелюдимом» доме и ведшего замкнутый образ жизни⁸. Кого имел в виду писатель, совершенно неясно, поскольку знаменитый государственный деятель Николай Николаевич Новосильцов (1762–1838) ничего общего с нарисованным М.И. Пыляевым портретом не имеет, да, и образ, созданный М.И. Пыляевым, мало походит на образ Максима Петровича.

По мысли С.А. Фомичёва, история падения Максима Петровича «вызывала в памяти читателя начала XIX в. комедию Я.Б. Княжнина “Чудаки”» (1790)⁹. И действительно, один из персонажей этой пьесы, Трусим, так описывает приключившийся с ним случай:

У милостивца мне Андроса то случилось:
В тот раз, чихнув, платок изволил уронить.
Обрадовавшись, я вдруг низко поклонился;
И, чтоб в усердии других опередить,
Как самый быстрый конь, платок поднять пустился;
Пол гладок был, как лёд, я как-то зацепился
И ногу повредил, ударившись виском.
Был долго болен я; с тех пор и глух и хром.

Кроме самого факта падения ничего общего между двумя этими эпизодами нет. Их обстоятельства совершенно различны. Герой княжнинской пьесы Трусим – чрезвычайно **услужливый** персонаж. Он и оказывается калекой именно по причине своей услужливости, за что не ждёт (и не получает) никакого вознаграждения. История Максима Петровича – абсолютно иная и своим появлением всецело обязана гению А.С. Грибоедова. А вот отражения этой истории в дальнейшей литературе действительно имеются.

Можно вспомнить сказку П.П. Ершова «Конёк-Горбунок» (1834):

Царь смотрел и дивовался,
Гладил бороду, смеялся
И скусил пера конец.
Тут, уклав его в ларец,
Закричал (от нетерпенья),
Подтвердив свое веленье
Быстрым взмахом кулака:
«Гей! позвать мне дурака!»
И посыльные дворяна
Побежали по Ивана,
Но, столкнувшись все в углу,
Растянулись на полу.
Царь тем много любовался
И до колотья смеялся.
А дворяна, усмотря,

Что смешно то для царя,
Меж собой перемигнулись
И вдругоредь растянулись.
Царь тем так доволен был,
Что их шапкой наградил.
Тут посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана
И на этот уже раз
Обошлись без проказ.

Этот эпизод не имеет никакого существенного значения для развития сюжета сказки П.П. Ершова и является чисто вставным. Его генетическая связь с «Горем от ума» вполне очевидна и подтверждается даже лексически – и в том, и в другом случае употреблено одно и то же слово «вдругорядь».

А вот уже случай из жизни, демонстрирующий, что «уроки» Максима Петровича остаются актуальными и в наши дни. Приведём рассказ из книги А. Коржакова «Борис Ельцин: от рассвета до заката»: «Нашим соседом по дому стал и писатель-сатирик Михаил Задорнов. Его дружба с Ельциным завязалась ещё в Юрмале, во время отдыха. Миша умел развеселить Бориса Николаевича: потешно падал на корте, нарочно промахивался, острил. И вот так полушутя вошёл в доверие. Он любил рассказывать президенту про своих родителей – как им нелегко жить в Прибалтике. После отпуска мы продолжили парные теннисные встречи в Москве. И вдруг Задорнов потихонечку ко мне обратился: “Саша, я узнал про новый дом. А у меня очень плохой район, в подъезде пьяницы туалет устроили. Этажом выше вообще алкоголик живёт. Возьмите к себе”. Мы взяли... Вскоре у него начались концерты, и он мастерски издевался над президентом в своих юморесках. Только спустя года три после этих выступлений мы, наконец, объяснились – оказывается, Миша мог гораздо сильнее разоблачать Бориса Николаевича, но шадил его из-за добрососедских отношений».

Всё-таки Екатерина Великая вряд ли могла бы ожидать подобной благодарности от Максима Петровича...

Если для Фамусова и людей его круга эпоха Екатерины Великой – героический век, который вспоминается с чувством ретро-утопической ностальгии, то для Чацкого это явная архаика, в лучшем

случае заслуживающая лишь снисходительно-насмешливого отношения. «Времена Очаковские и покоренья Крыма» (действие II, явление 4) – как раз и были наиболее яркой страницей триумфальной стороны царствования Екатерины II. Присоединение Крыма в 1783 г. (окончательно оформленное в рамках международной политики по Ясскому договору 1791 г.) и взятие Очакова в 1788 г. приходились действительно на молодость Фамусова¹⁰.

Но самая показательная аллюзия на екатерининскую эпоху содержится в знаменитых словах Чацкого: «А тётушка? всё девушкой, Минервой? / Всё фрейлиной Екатерины Первой? / Воспитанниц и мосек полон дом?» (действие I, явление 7). Исследователи неоднократно отмечали блистательную гиперболу А.С. Грибоедова, подчёркивающую нелепость устаревшей традиционности и в устах Чацкого выглядящую не случайной, а сознательной оговоркой (разумеется, никакая фрейлина Екатерины I не могла пережить её время почти на сто лет). И конечно же, здесь имелась в виду не Первая Екатерина, а Вторая, поскольку именно с ней устойчиво ассоциировалась Минерва. Можно даже сказать, что в екатерининскую эпоху возник настоящий культ императрицы в образе Минервы – его воплощения в поэзии, живописи, скульптуре, медальерном искусстве и т.д. можно перечислять до бесконечности... И всё же «оговорка» Чацкого не так очевидна, как кажется.

Представление русской императрицы в образе богини мудрости и богини-воительницы Минервы возникает ещё в период петровского царствования, хотя традиция аллегорической презентации женщины-правительницы в России идёт ещё со времён царевны Софьи. Но применительно к ней использовались или образы исторических цариц древности, или обезличенные аллегории добродетелей в виде женских фигур с соответствующими атрибутами. Проникновение же образов античных богов в русскую культуру приобрело особенную активность в петровское время и сопровождалось их сближением с образами государей, вплоть до непосредственного отождествления. Так, для Петра I особенно значимыми были образы Марса и Геркулеса. Минерва же, с одной стороны, воплощала женское начало, с другой, мужское (как богиня-воительница, воплощение справедливой войны), кроме того, как богиня мудрости она олицетворяла разумную государственность. С этой точки зрения Минерва идеально подходила для символизации императрицы, осо-

бенно единоличной правительницы, хотя каждая из преемниц Петра I усиливала в этом символе те или иные его функциональные черты.

Первой императрицей, кто «примерил на себя» образ Минервы, была как раз Екатерина I. Впервые, вероятно, она предстаёт в этом образе в декоре кабинета Петра I в Большом Петергофском дворце (1718–1720). Здесь французский мастер Николя Пино на одной из резных дубовых панелей изобразил Екатерину I в профиль в виде античной богини войны и мудрости. Изображениями Минервы буквально наполнен Летний дворец Петра в Петербурге (1710-е гг.). Можно привести и другие примеры активного использования образа Минервы в аллегорическом тексте культуры петровского времени. Позднее образ Минервы был «взят на вооружение» и последующими императрицами – Анной Иоанновной и Елизаветой Петровной, но только Екатерина Великая буквально с первых лет царствования сумела не просто усилить, но и поднять эту аллгорию на принципиально новый уровень. Теперь Минерва не только символически воплощала те или иные стороны жизни страны, не только означала императрицу, но отождествлялась с ней, причём постоянно и повсеместно. Это и имел в виду Чацкий, хотя, спроецировав этот образ на время Екатерины I, невольно оказался также недалёк от истины.

Существенно во фразе Чацкого и слово **девушка**. Минерва считалась богиней-девственницей. Видимо, в своё время это сыграло роль в сопоставлении с Минервой европейских королев – традиции, идущей от английской «королевы-девственницы» Елизаветы I (впрочем, с Минервой соотносили ещё Жанну д'Арк). В XVII в. в образе Минервы предстала ещё одна европейская государыня – шведская королева Кристина, также оставшаяся незамужней. Так что «палладияльная» традиция в России имела глубокие европейские корни, хотя и несколько иной смысл (в отличие от европейских «коллег» русские императрицы, кроме Елизаветы Петровны, замужем побывали). Тётушка же Софии, по-видимому, так и не вышла замуж.

В.А. Филиппов предположил, что здесь имеется в виду Амфиса Ниловна Хлёстова¹¹, сестра жены Фамусова и тётя Софии, появляющаяся в третьем действии пьесы. Помимо родственной связи в пользу этого, казалось бы, говорят такие значимые детали, как «воспитанницы» и «моськи», которых у «тётушки» полон дом. И действительно, Хлёстова появляется у Фамусова с **собачкой** (которую Молчалин называет шпицем, а Чацкий – моськой) и **арapkой**-

девкой¹². Арапку для услуг (то есть служанку) вряд ли можно счесть воспитанницей Хлёстовой, да и сам образ московской барыни совершенно не вяжется с образом тётушки-фрейлины, когда-то, видимо, блиставшей при дворе. К тому же, очевидно, что Хлёстова была замужем («свояченицы деток» упоминает Фамусов)¹³.

Упоминание «воспитанниц» и «мосек», возможно, также указывают на Екатерину II. Напомню, что **воспитанию** императрица придавала особенное значение и даже сделала его важной частью своей культурной политики. Именно при Екатерине II была основана целая сеть воспитательных учреждений, включая знаменитый Смольный институт, с воспитанницами которого императрица подерживала дружеские связи¹⁴.

Столь же показательна для екатерининской эпохи и мода на домашних собачек (правда, у императрицы это были левретки), которые в большом количестве жили в комнатах государыни¹⁵.

Помимо различных отсылок к екатерининской эпохе в комедии появляется живое воплощение образа императрицы. Несмотря на то, что оно представлено в сатирическом ключе, отношение А.С. Грибоедова к нему в общем-то лишено злой иронии, сарказма. Речь идёт о Графине бабушке.

Давно подмечено, что Графиня бабушка говорит с определёнными фонетическими особенностями. Приведу полностью две сцены третьего действия (явления 19 и 20):

Графиня бабушка

Что? что? уж нет ли здесь пошара?

Загорецкий

Нет, Чацкий произвёл всю эту кутерьму.

Графиня бабушка

Как, Чацкого? Кто свёл в тюрьму?

Загорецкий

В горах изранен в лоб, сошёл с ума от раны.

Графиня бабушка

Что? к фармазонам в клуб? Пошёл он в пусурманы!

Загорецкий

Её не вразумишь.

(Уходит)

Графиня бабушка

Антон Антоныч! Ах!

И он пешит, все в страхе, впопыхах.

Графиня бабушка и Князь Тугоуховский.

Графиня бабушка

Князь, князь! ох, этот князь, по палам, сам чуть тышит!

Князь, слышали? –

Князь

А! хм?

Графиня бабушка

Он ничего не слышит!

Хоть мошет видели, здесь полицмейстер пыл?

Князь

Э-хм?

Графиня бабушка

В тюрьму-га, князь, кто Чацкого схватил?

Князь

И-хм?

Графиня бабушка

Тесак ему, да ранец,

В солтаты! Шутка ли! переменил закон!

Князь

У-хм?

Графиня бабушка

Да!.. в пусурманах он!

Ах! окаянный волтерьянец!

Что? а? глух, мой отец; достаньте свой рожок.

Ох! глухота большой порок.

Примеры из других литературных произведений (предшествующего периода) показывают, что А.С. Грибоедов сознательно обозначил особый акцент Графини.

Вот речь Адама Адамыча Вральмана из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль»: «Ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умарит хотят репёнка! Магушка ты мая! Сшался нат сфаей утропой, катора дефять месесоф таскала, – так скасать, асмое тифа ф сфете. Тай фолю этим проклятым слатейам. Ис такой калафы долго ль палфан? Ушь диспозисион, фсё есть».

А вот слова немецкого принца Трумфа из шуто-трагедии И.А. Крылова «Подщипа»:

Старофа ль, анкель мой! прелесна мой княшон!

Для плапалушна шас, кохта мой пудешь жон,

Мой ноши весь не спит, и серса польна шототся;

Прелесна тфой фикур на мой туша шифётся.

Курит ли трупка мой, – из трупка тфой пихтишь.

Или мой кафе пил, – тфой в щашешка сидишь;

Фезте мой фидит тфой – на поля и на пушка,

И кочет auf ein Mal уфидеть на патушка,

Корона, скиптра, трон и слафа растелить,

И фместе на слатей из пушешка палить.

Даже при поверхностном сравнении очевидно, что Графиня бабушка говорит с немецким акцентом. Определивший «иностранный акцент этой титулованной представительницы “русской” аристократии» В.А. Филиппов писал: «Как это было свойственно многим немцам, жившим в России, и в частности остзейским баронам, иногда хорошо владевшим русским **языком**, но так и не овладевшим русским **выговором**, и старуха Хрюмина не научилась правильно произносить слова на русский лад»¹⁶. Дело, конечно, не в остзейском происхождении Графини бабушки. Акцент Графини – очень незначительный: с точки зрения морфологии и синтаксиса её речь правильна, А.С. Грибоедов лишь подчёркивает небольшую фоне-

тическую особенность (ср. с вышеприведёнными примерами из других произведений). Иными словами, Графиня бабушка – это не немка, живущая в России, а скорее русская, которая **была когда-то** немкой¹⁷ – как и Екатерина II.

Речь Графини бабушки представляет собой как бы соединение признаков просторечия, даже некоторой архаичности живой русской речи (подобно яркому, сочному, **русскому** языку Хлёстовой¹⁸) – обращение «мой отец», «бусурманы», «шутка ли! переменил закон» – с такими языковыми приметам «нового времени», как «фармазоны», «клоб»; а особенно великолепно в этом контексте сочетание **окаянный волтерьянец** – подлинный шедевр А.С. Грибоедова. Соединение русского (а в случае с **окаянным** даже древнерусского!) и иностранного, старого и нового – всё это должно создавать особенно комическое впечатление, но именно такими сочетаниями и была наполнена екатерининская эпоха. Без сомнения, слово «бусурманы» могло быть актуально не в грибоедовское время, а во времена Екатерины II (времена молодости Графини бабушки), когда Россия вела войны с Турцией, – как раз во «времена Очаковские и покоренья Крыма». Именно на екатерининское время приходился подъём деятельности в России масонских лож («фармазонов»), и именно при Екатерине II началась с ними борьба. Благодаря императрице имя Вольтера стало известно в России, и с той эпохи ведут своё происхождение русские «вольтерьянцы». Все эти слова суть приметы екатерининского времени, отсылки всё к тому же пласту русской культуры, который так дорого Фамусову и людям его поколения. Графиня бабушка очевидно старше. Для неё золотой век – не далёкое и прекрасное прошлое юности, а вполне актуальное время сегодняшней жизни. Часы истории для неё остановились... И теперь, в кульминационном действии всей комедии, можно сказать, в её апофеозе, зритель может познакомиться с живым воплощением «века минувшего» – двумя стариками, равно глухими (Князь глух по определению, а у Графини бабушки «уши заложило») и потому не понимающими ни друг друга, ни происходящего. Это не просто юмористический диалог глухого с немым, ожидаемый для комедии той литературной эпохи. Это – высшая точка развития действия, можно сказать его кульминация, кульминация всей интриги с сумасшествием Чацкого – того, что получает он, в конечном итоге, от московского **общества**, от того мира, который

он не принимает и который так же не принимает его. То, что в этой кульминационной точке оказываются живые «остатки» **минушего** золотого века – особенно показательно. Вот почему сцена Графини бабушки и Князя имеет, на мой взгляд, существенное значение. Это отнюдь не просто юмористическая сценка, не обычный комедийный эпизод – это самая суть того **прошлого**, которое физически живо в **настоящем**.

Обращу внимание и на то, что этой **высшей точке** действия соответствует и **высшее** социальное положение её персонажей. Князь и Графиня бабушка – представители титулованной аристократии – безусловно, стоят на самом верху иерархической лестницы русского дворянства. Они выше Фамусова и Хлестовой, не говоря уже о Скалозубе и прочих, что подчёркивается А.С. Грибоедовым в пьесе. Достаточно вспомнить **громогласное** объявление Фамусова о приезде Князя («Ждём князя Пётра Ильича, / А князь уж здесь!...») или тот факт, что, несмотря на присутствие других гостей, приехавшая на бал Хлестова здоровается только с Княгиней¹⁹ (кстати, не с Князем, поскольку понимает, что тот не самостоятельная фигура и находится в подчинении у жены).

Конечно, великолепным примером мастерства А.С. Грибоедова является и подчёркнуто **русская** фамилия Графини бабушки – **Хрюмина**. По-видимому, прототипом для неё послужила известная дворянская фамилия **Бестужевы-Рюмины** (одна из ветвей этого рода действительно носила графский титул), но добавив к ней всего одну букву, А.С. Грибоедов совершенно преобразил её. Хрюмина – это уже абсолютно русская фамилия, можно даже сказать, **показательно** русская. Благодаря возникшему звукоподражанию она воспринимается как исключительно простая, даже простонародная – и тем сильнее оказывается неестественность сочетания русской фамилии Графини и её немецкого происхождения. Как немка Екатерина II стремилась всеми силами стать именно **русской** императрицей (что ей блестяще удалось!), так и немка Графиня бабушка (благодаря, очевидно, замужеству) обрела чисто русскую фамилию.

Ещё один маленький штрих – это собственно наименование Графини в пьесе. Она **Графиня бабушка** (поскольку есть и **Графиня внучка**), а не просто Графиня Хрюмина. Такое наименование легко объяснимо самим «набором» действующих лиц пьесы. Однако замечу, что комедия написана в годы правления Александра I,

внука Екатерины II, изначально подтвердившего верность заветам и традициям **«бабушки»**. Тем самым, возможно, совершенно невольно, А.С. Грибоедов и в этом наименовании сделал отсылку к образу императрицы.

Если Графиня бабушка хотя и плохо слышит, но говорит, то её собеседник Князь Тугоуховский не говорит вовсе. Вернее, он произносит по ходу пьесы лишь несколько звуков. **О-хм!** и **И-хм!** при своём появлении, и **А-хм?**, **Э-хм?**, **И-хм?** и **У-хм?** в диалоге с Графиней бабушкой. Как известно, даже эти несколько звуков талантливого актёра может произнести так, что он окажется самым запоминающимся персонажем из всех действующих лиц спектакля (как это случилось с первым исполнителем роли Князя П. Степановым при первой постановке сцен из комедии в Москве)²⁰. Между тем «в полном смысле этого слова “бессловесный”»²¹ Князь всё же как-то реагирует на происходящее. Так, кстати говоря, он всё-таки понимает распоряжение жены звать к ним «на вечер, в четверг» Чацкого, и даже ожидают от него какие-то слова, обращённые к потенциальному гостю (и, возможно, жениху одной из дочерей), но всё ограничивается тем, что Князь «вьётся около Чацкого и покашливает». По мысли В.А. Филиппова, А.С. Грибоедов мог в этой ремарке дать указание на то, как следует понимать эти «хм». Именно так, односложным старческим покашливанием передавал «речь» Князя актёр Д.А. Богданов²². Но, если более внимательно присмотреться к тексту пьесы, можно понять, что А.С. Грибоедов скорее стремился передать реакцию **глухого** человека на обращённые к нему слова. Князь как бы переспрашивает говорящего, подобно тому, как произносят, например, **Ась?**, не поняв или не услышав сказанного. Особенно хорошо это видно в диалоге с Графиней бабушкой, где вопросительная интонация «хмыканья» Князя обозначена в тексте. В разговоре же с Княгиней эта интонация приобретает иной характер. Князь слышит и понимает то, что говорит ему жена, и отвечает ей с восклицательным «знаком» – подобно тому, как подчинённый в армии отвечает **Есть!** на приказ своего начальника²³. Эту особенность передал и Д.Д. Минаев, в своей шутке-водевиле «Москвичи на лекции по философии» (1863), где представлены персонажи московского общества «Горя от ума». Здесь на реплику Княгини «Князь, князь, стой! сюда иди» супруг бодро отвечает: «Огм!...».

Вернёмся к личности Князя. Как известно, он носит «говорящую» фамилию – Тугоуховский, соответствующую и его реальному физическому состоянию, и, вероятно, умственной глухоте. Он как бы символизирует глухоту того общества, к которому обращается Чацкий и которое его не слышит и не понимает. То, что развитие интриги о безумии Чацкого заканчивается именно Князем – он последнее лицо в цепи распространения слуха – персонажем, находящимся на высшей ступени социальной иерархии (в данном случае даже субординация титулов соблюдена точно: Графиня – Князь), чрезвычайно значимо. Это полная, **абсолютная** глухота (Графиня – скорее полуглая, Князь – глухой совсем и практически нем). Это тупик, законченное воплощение той глухоты, в которой тонут все пламенные речи Чацкого. По сути, именно Князь Тугоуховский – его абсолютный антипод. И это при том, что на самом деле в обществе Князь воспринимается особенно умным человеком (по крайней мере, женой – «Послушать, так его мизинец / Умнее всех, и даже князь-Петра!»; ср. слова Фамусова о «наших старичках» – «Прямые канцлеры в отставке – по уму!»). Вероятно, именно потому, что он не произносит ни слова (по принципу «Молчи – за умного сойдёшь...»; в пьесе есть и другой «молчащий» «умник», только «умник» в чисто практическом смысле, с говорящей фамилией Молчалин).

В то же время фамилия Князя указывает на его особенно аристократическое происхождение. Именно по такой схеме (с суффиксом и окончанием **-ский**) образовывались древние княжеские фамилии «природных» (а не пожалованных) князей, восходящие к наименованиям их владений (город Одоев – Одоевский, город Оболенск – Оболенский, река Волхонка – Волконский и т.п.). Такое высокое происхождение объясняет особое почтение, которым окружена семья Князя в московском обществе²⁴. Имя Князя **Пётр** составляет хорошо известную и устойчивую символическую пару с именем Фамусова **Павел** – а ведь это имена двух самых высокопоставленных персонажей пьесы. Только Фамусов, конечно, «меньше» (Павел – «маленький») Князя Петра, что и сам он прекрасно осознаёт («А я забился там, в портретной»). Но на самом деле, это своего рода именно пара: можно сказать, что Князь Тугоуховский – это будущее Фамусова, то, каким он станет через несколько лет...

Помимо указания на древность рода в фамилии Князя заложена и иная аллюзия – схожими были и знаменитые почётные фа-

мили: князя и графы Таврический, Рымникский, Крымский и др., традиция которых восходит опять-таки к эпохе Екатерины II. Таким образом, в сатирическом апогее третьего действия пьесы в сцене диалога Графини бабушки и Князя как бы персонифицированы герои Золотого века: императрица – Графиня бабушка и её верный соратник – Князь Тугоуховский.

Екатерининская эпоха предстаёт перед зрителем в персонифицированном облике, а сам образ императрицы, незримо присутствовавший ранее, обретает реальные черты стареющей и не понимающей новые времена графини²⁵. Финальный аккорд Графини бабушки ещё более показателен: «Поетем, матушка, мне, прафо, не под силу, / Когда-нибудь я с пала та в могилу». Эпоха Минервы уходит в небытие...

---

¹ См.: *Каменский А.Б.* Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997. С. 270–281 (Глава «В стихах и в камне»).

² *Фомичёв С.А.* Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума». Комментарий. М., 1983. С. 87–88.

³ *Филиппов Вл.* Комментарий // Грибоедов А.С. Горе от ума. Пьеса. Статьи. Комментарий. М., 1946. С. 232.

⁴ Текст пьесы здесь и далее приводится в соответствии с изданием «Горя от ума» в серии «Литературные памятники» (Второе издание, дополненное. М.: Наука, 1987), которое подготовил Н.К. Пиксанов при участии А.Л. Гришунина. В издании пьесы 1946 г., которое также готовил Н.К. Пиксанов, слова «Екатерине» и «высочайшею» выделены разрядкой (*Грибоедов А.С.* Горе от ума. Пьеса. Статьи. Комментарий / Под ред. Н. Пиксанова и Вл. Филиппова. М., 1946. С. 36–37), что подчёркивает их особенное значение. Текст о Максиме Петровиче был изъят по цензурным соображениям в издании пьесы М., 1833 (*Грибоедов А.С.* Горе от ума. М., 1987. С. 404).

⁵ *Грибоедов А.С.* Указ. соч. 1987. С. 135.

⁶ Анализ антропонимии пьесы кажется оправданным, поскольку сам автор очевидно придавал ей большое значение (что хорошо изучено на уровне фамилий героев).

⁷ *Филиппов Вл.* Указ. соч. С. 232.

⁸ *Грибоедов А.С.* Указ. соч. С. 459; *Он же.* Горе от ума. Комедия. Комментарий С.А. Фомичёва. СПб., 1994. С. 183–184.

⁹ *Фомичёв С.А.* Указ. соч. С. 88.

¹⁰ В первой редакции пьесы (Музейный автограф, 1823 г.) этот текст звучал следующим образом: «А судьи кто!? – За древностию лет / В отставке, вечный толк их о

придворных штатах, / Сужденья черпают из забытых газет / Годов семьсот осмидесятых, /...» (*Грибоедов А.С. Горь от ума*. М., 1987. С. 181), то есть давалось даже чёткое хронологическое указание.

¹¹ В первой редакции пьесы – Амфиса Карповна (*Грибоедов А.С. Указ. соч.* С. 259). Возможно, и здесь семантическая близость понимания имён (Карп, как название рыбы, и Нил, как название реки)?

¹² *Филиппов Вл.* Указ. соч. С. 230.

¹³ С.А. Фомичёв пытается выйти из этого затруднения тем, что Чацкий называет Хлестову фрейлиной «в шутку» (фрейлины, действительно, были незамужними, но, кстати, то, что тётушка так и осталась в девицах из текста пьесы прямо не следует). Однако такому отождествлению, на мой взгляд, противоречит прежде всего сам образ Хлестовой, этой исключительно московской барыни. Исследователь также обратил внимание и на возможную перекличку этих слов Чацкого с упоминанием Лизой тётушки Софии, у которой «из дому сбежал молодой француз» (*Грибоедов А.С. Горь от ума*. Комедия. Комментарий С.А. Фомичёва. СПб., 1994. С. 170–171). Эта история вполне может относиться к тётушке-«Минерве», но вряд ли к Хлестовой.

¹⁴ *Елисеева О.И.* Повседневная жизнь благородного сословия в Золотой век Екатерины. М., 2008. С. 130–136.

¹⁵ Там же. С. 95–98.

¹⁶ *Филиппов Вл.* Язык действующих лиц «Горь от ума» // Грибоедов А.С. Горь от ума. Пьеса. Статьи. Комментарии. М., 1946. С. 164–165.

¹⁷ «Гениальная наша актриса О.О. Садовская, замечательнейшая воплотительница образа графини-бабушки, играла её немкой. Не коверкая слова на немецкий лад, а **внося в произношение реплик немецкую мелодию речи**, эта актриса, обладавшая редкостным чутьём языка, интуитивно поняла, что Хрюмина – немка» (*Филиппов Вл.* Указ. соч. С. 165; выделение моё. – Е.П.). Следовательно, Садовская **абсолютно точно** уловила особенность речи Графини бабушки.

¹⁸ *Филиппов Вл.* Указ. соч. С. 139–140.

¹⁹ Там же. С. 158.

²⁰ Там же. С. 157.

²¹ *Фомичёв С.А.* Указ. соч. С. 138.

²² *Филиппов Вл.* Указ. соч. С. 157. В.А. Филиппов полагает также, что «реплики Князя... являются первой стопой ямба, поэтому здесь всюду ударение на «хм»», так же как и в случае с «А-хм?» в диалоге Князя с Графиней бабушкой, где «А-хм?» является «третьей стопой, разделённой между тремя репликами строки» (*Филиппов Вл.* Комментарии. С. 236). Это наблюдение, казалось бы, выделяет именно «хм» в речи князя, а не гласные звуки. Но мнение Вл. Филиппова отнюдь не очевидно – реплики Князя скорее выделяются из стихотворного размера, нежели соответствуют ему.

²³ В первой редакции пьесы реплики Князя в диалоге с Графиней бабушкой были восклицательными (А! хм, Э хм!, И хм!, У хм!) (*Грибоедов А.С.* Горь от ума. М., 1987. С. 233–234).

²⁴ Именно так воспринималась фамилия «Тугоуховский» в грибоедовское время. Сестра Грибоедова, Мария Сергеевна Дурново вспоминала: «Я предупреждала Александра, что он с комедией наживёт кучу врагов себе, а ещё более мне, потому что станут говорить, что злая Грибоедова указала брату на оригиналы. – “Да какие же оригиналы?” – спросил он. – “Помилуй, да ведь твои Тугоуховские разве на Ш-х-ские?” – “Я твоих Ш-х-ских не знаю”, – отвечал он» (Цит. по: *Грибоедов А.С.* Указ. соч. С. 445). Фамилия Тугоуховских, таким образом, сближалась с княжеской фамилией Шаховских.

²⁵ В этой связи любопытны наблюдения О.И. Елисейевой над пушкинской «Пиковой дамой», где образ *графини*, возможно, также отсылает к Екатерине II (*Елисейева О.И.* Тот самый Сен-Жермен: Кто скрывается за образами «Пиковой дамы» // Родина. 2000. № 6. С. 17–20). Замечательно, что прославленная актриса Малого театра В.Н. Рыжова играла Графиню бабушку, надев горностаевую накидку, там самым как бы невольно уловив «царственное» происхождение этого образа.

УДАР – ПОЦЕЛУЙ: ТАКТИЛЬНЫЙ КОНТАКТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVIII ВЕКА

О.И. Елисеева

«Здесь часто можно видеть, как господа и крепостные танцуют вместе, а посещая незнакомые дома, я не раз недоумевала, как различить хозяйку и горничную», – рассуждала Марта Вильмот. «Смесь фамильярности и гордыни кажется мне удивительной особенностью этой страны»¹. Не одна ирландская гостья бывала сбита с толку отсутствием видимой границы между господами и слугами. Уже в 20-х гг. XIX в. генерал А.Ф. Ланжерон попал впросак, по рассеянности поцеловав руку горничной. Когда ему указали на это, он ответил: «Ах, Боже мой! Путешествуя по центральным губерниям России, я перецеловал столько босоногих барышень!».

Другой случай поразил мисс Вильмот не меньше. «Во время десерта подошли несколько крестьянок с подношением яиц... Я стояла у крыльца, любуясь живописной группой... Внезапно одна из девушек схватила и поцеловала мою руку, да вдобавок расцеловала меня в обе щеки, приняв за свою госпожу. Не переставая выкрикивать слово «нет», я указывала на госпожу Полянскую; убедившись в своей ошибке, бедняжка повторила всю церемонию, а потом, бросившись на землю, обняла ноги своей госпожи; остальные последовали ее примеру, а затем таким же манером они приветствовали господина Полянского. К чести обоих надо сказать, что упомянутый обычай причинил им настоящие страдания»².

Мы не знаем, действительно ли господа Полянские страдали. Скорее им было неловко перед иностранной гостьей. За тринадцать лет до приведенного случая с крепостными путешественник Франсиско де Миранда рассказал о сходной ситуации, в которой фигурировали люди свободные и даже благородные. Находясь в Каневе при князе Г.А. Потемкине, он видел, как «какой-то офицер в форме явился к князю поговорить о служебных делах, не знаю, в связи с чем, но прежде чем начать разговор, пал ниц и все пытался поцеловать ему ноги, что князь, стесняясь моего присутствия, запретил и даже отчитал его. Офицер изложил свое дело, князь удовлетворил его

просьбу, и тот снова бросился на землю, стал целовать ему ступни, икры, все, до чего мог дотянуться. Какие тут к черту республиканские идеи и свобода! Видел также, как бедные женщины, когда мы с королем (Станиславом-Августом. – *О.Е.*) проезжали мимо на лошадях, падали перед ним ниц, уткнув лицо в землю и обхватив руками голову. Далеко, очень далеко до свободы, коль скоро подобные изъявления чувств воспринимаются без всякого смущения!»³.

Дело происходило в Польше. Падающие ниц местные жители – поляки, но то же самое можно было увидеть и в России во время путешествий Екатерины II: крестьяне сначала кланялись в землю, а потом подходили к императрице. Сходна реакция Г.А. Потемкина и господ Полянских – в обоих случаях они смущены присутствием иностранца, на родине которого такое не принято. Но если в 80-х гг. XVIII в. иной раз и проситель благородного происхождения позволял себе унизиться перед милостивцем, то к рубежу столетий такое поведение осталось уделом крепостных.

Обратим внимание на другой момент – баре не возражали ни против поцелуя рук и ног, ни против поцелуя дворовыми в щеку. Первый выражал покорность, второй радость по поводу приезда хозяев. Следует отметить, что для русской культуры XVIII столетия тактильный контакт значил гораздо больше, чем сейчас. Люди познавали мир и друг друга через прикосновения, подкрепляя речевой акт неким действием. Не достаточно было выбрать слугу, чтобы он понял, чего от него хотят. Следовало дать ему затрецину, в противном случае простолюдин забывал сказанное через минуту. Точно также и поощрение, благодарность барина выражалась не только в словах или пожаловании дорогой вещи, но и в поцелуе. Тогда холоп знал, что им довольны. Такое поведение, до сих пор характерное для детей и подростков, свидетельствует о недостаточной развитости языковых контактов, о необходимости наглядно подтвердить слова.

В самом начале своего петербургского житья Дж. Казанова похвалился одному из друзей, что доволен служившим у него казачком и хочет снискать его приязнь ласкою. Друг только посмеялся: «Коль не будете его бить, он однажды сам вас излупит». Так и вышло. «Однажды он так упился, что не мог мне прислуживать, я грубо изругал его и с угрозой взмахнул палкой. Он тотчас кинулся и ухватился за нее, и если б я не повалил его в тот же миг, наверняка бы

поднял на меня руку». Пришлось выставить казака. «Странный этот русский обычай – бить слугу, чтобы выучить его уму-разуму! – заключал Дж. Казанова. – Слова тут силы не имеют, убеждает только плеть. Слуга, рабская душа, почешет в затылке после порки и решит: “Барин меня не гонит, раз бьет, значит, любит, я должен верно ему служить”»⁴.

Кроме того, прикосновение означало присвоение. Вспомним, как Екатерина II еще в бытность великой княгиней, надавала пощечин своему новому камердинеру Василию Шкуруину за то, что тот посмел донести на нее. Случай был чисто женский. Екатерина хотела подарить императрице Елизавете два отреза красивых тканей и обмолвилась об этом камердинеру. Тот сообщил надзиравшей за царевной графине Марье Чоглоковой, а последняя, опередив великую княгиню, передала ткани. Произошедшее обидело Екатерину. «Я отправилась в маленькую переднюю, где Шкурин обыкновенно находился по утрам и где были мои платья; застав его там, я вlepила ему изо всех сил здоровую пощечину и сказала, что он предатель и самый неблагодарный из людей... что я осыпала его благодеяниями, а он выдал меня... что я его прогоню и велю отодрать. ...Мой Шкурин упал на колени, заливаясь горячими слезами, и просил у меня прощения с искренним, как мне показалось, раскаянием»⁵. «Я его спросила, на что он рассчитывает при таком поведении; ведь я всегда останусь тем, что я есть, а... его прогоню и велю отодрать»⁶. Пощечина в данном случае наглядно продемонстрировала то, что царевна говорила словами. С этого момента Шкурин признал в Екатерине госпожу и горой стоял за ее интересы.

Великая княгиня пощечинами вколотила В. Шкуруину понимание, кто его истинная хозяйка, и после уже оба были абсолютно довольны друг другом. Преданность Василия не имела границ. Когда 10 апреля 1762 г. его госпожа тайно рожала сына от Г.Г. Орлова, камердинер поджег свой дом, чтобы толпа придворных ринулась смотреть пожар и на время покинула дворец. Позднее маленький бастард Алексей Бобринский первые годы жизни воспитывался в семье В. Шкурина. Такова оказалась цена разбитого носа.

Это единственный известный за Екатериной случай рукоприкладства, и она не без умысла поместила его в свои «Записки». Он очень характерен для атмосферы, царившей при дворе Елизаветы Петровны.

Г.Р. Державин, описывая Елизавету в поэме «Царь-девица», едва ли не с умилением рассказывал, как та была «бояр» башмачком за провинности.

Царь жила-была девица, –
Шепчет русска старина, –
Будто солнце светлолица,
Будто тихая весна.

.....

И вливала чувство тайно
С страхом чтить ее, дивясь;
К ней прийти необычайно
Было, не перекрестясь.

.....

Статно стоя, няньки, мамки
Одаль смели чуть дышать
И бояр к ней спозаранки
В спальню с делом допускать.

С ними так она вещала,
Как из облак божество;
Лежа царством управляла,
Их журя за шаловство.

Иногда же и тазала
Не одним уж языком,
Если больно рассерчала,
То по кудрям башмачком...

При этом образ главной героини остается возвышенным и достойным преклонения вельмож: «Все они царя-девицы / Так боялись, как огня», «И без памяти любили». Страх и любовь – два чувства, которые по понятиям того времени должен был внушать государь. Екатерина II попыталась заменить их в личном общении на более привычные нам – доверие и любовь. Следует заметить, что битые слуг

туфлей тогда считалось в порядке вещей. Если царица «учит» вельмож, то почему бы барыне не делать этого с сенными девушками?

В мемуарах Е.П. Яньковой есть рассказ о ее бабушке по отцовской линии, дочери известного историка В.Н. Татищева, переданный со слов няньки: «Генеральша была очень строга и строптива; бывало, как изволят на кого из нас гневаться, тотчас и изволят снять с ножки башмачок и живо отшлепают. Как накажут, так и поклонись в ножки и скажешь: “Простите, государыня, виновата, не гневайтесь”. А она-то: “Ну пошла, дура, вперед не делай”. А коли кто не повинится, она и еще побьет. Уж настоящая была барыня: высоко себя держала, никто при ней и пикнуть не смей; только взглянет грозно, так тебя варом и обдаст. Подлинно барыня. Упокой ее Господи. Не то, что нынешние господа»⁷.

В 40-х – 60-х гг. XVIII в. такое поведение никого не удивляло, а Евпраксия Васильевна Татищева слыла «очень хорошо воспитанной и ученой» раз «говорила по-немецки», однако уже к 1790-м гг. внучка вспоминает поступки родни не без осуждения. За вторую половину столетия русское общество проделало заметный путь и морально повзрослело. Немалая заслуга в этом принадлежит екатерининскому царствованию с его нарочитой, насаждаемой сверху «мягкостью нравов». Пассаж деревенской няньки с упреком «нынешним господам», де поизмельчали, порастеряли барство – можно было бы обратиться и к императрице, подававшей подданным «дурной пример».

Любопытно, что стремление императрицы «церемониться» с русскими дворянами осуждалось некоторыми европейскими наблюдателями как неуместное и даже вредное для нации дикарей. Так французский дипломат Мари Даниэль де Корберон, посетив в 1775 г. Сенат, сравнивал нравы петровской эпохи с современными ему не в пользу Екатерины II. «На столе указы Петра I, – писал он, – как вести себя на собраниях, не ругаться и т.п., правила приблизительно такие же, как в парижских бильярдных; но Петр I, великий человек по своему гению, управлял варварами, и было необходимо преподавать правила приличия мужикам, из которых он хотел сделать государственных людей. Конечно, следовало иногда бить их палками, что он отлично проделывал собственноручно. Если бы государыня последовала его примеру, она совершила бы лучшие дела и больше, нежели с ее нежным и романтическим духом, который здесь не годится»⁸.

В 1801 г. из Лондона в Петербург прибыл сын бывшего русского посла С.Р. Воронцова Михаил Семенович. Он отправился во дворец к дяде-канцлеру А.Р. Воронцову, но привратник, видя скромного одетого юношу без сопровождения слуг, долго не хотел его пускать. Если бы приезжий вместо того, чтобы объясняться, сразу залепил холопу оплеуху, тот немедля узнал бы «барскую руку», но будущий генерал-губернатор Крыма и Кавказа был слишком хорошо воспитан в Англии. Он продолжал словесно отстаивать свои права, которые в тогдашней русской среде доказывались ударом.

Неприглядная модель поведения. Зато действенная. Путешествовавший по югу России в 1787 г. Ф. де Миранда описал расквартированные в Новороссии полки: «Нет такой работы по механической части или в доме, для исполнения которой тут не имелось бы собственных мастеров... И самое необыкновенное, что каждый обучается ремеслу, не имея иного учителя, кроме палки, готовой обрушиться на его спину, если он не научится и не сделает того, что велено... Названное средство действует безотказно»⁹.

Современный человек всячески избегает тактильных контактов: толкнули ли его в транспорте, стиснули в толпе или смачно расцеловали родственники – это равным образом неприятно. Два столетия назад, напротив, соприкосновение чаще всего воспринималось не без удовольствия. Троекратные, а иногда и шестикратные поцелуи при встречах, широкие объятия, пожимание рук влюбленными, тисканье детей и даже кулачные бои – все это формы обмена прикосновениями и энергией, плескавшей через край. Если собеседник хотел обратить внимание на что-то важное в своих словах, он брал того, с кем разговаривал, за руку. Одно касание могло сказать больше, чем длинная речь, или страстное признание.

Мисс Вильмот представляла культуру, где процесс автономизации личностей шел к завершению. Впереди была еще целая эпоха подавления личных стремлений правилами викторианской морали, однако британское общество уже имело понятие о суверенитете персоны, с которым русскому еще предстояло познакомиться. Я, моя комната, мои книги, письма, бумаги, платья, тем более тело – суть неприкосновенны. На этом пути отказ от тактильного контакта – одно из важнейших условий. И естественно, что этот процесс шел параллельно с развитием языка, от высших сословий к низшим.

Англия на данном пути опережала не только Россию, но и европейское континентальное общество в целом. Даже перегибала

палку. Так, на острове поцелуй кавалером руки даме воспринимался как нечто не вполне приличное. Когда в 1816 г. великий князь Николай Павлович (будущий император Николай I) посещал Англию, он во время одного из аристократических вечеров поцеловал руку жене русского посла Д.Х. Ливен, благодаря ее за игру на рояле, «что показалось английским дамам странным, но в то же время решительно желанным», – записал очевидец, лейб-медик принца Кобургского Штокмар¹⁰.

Среди дел об убийстве барами своих слуг есть один случай, не вполне укладывающийся в общую канву. В 1781 г. курский помещик Солодилов обвинил своего дворового человека Гончарова в притворной болезни живота, из-за которой тот якобы отлынивал от работы. Прежде Гончаров несколько раз бежал, так что теперь барин решил проучить его и избил ружейным дулом. Через некоторое время Солодилов пришел к выводу, что холоп все-таки не врет, захотел с ним помириться, пригласил к себе, посадил на кровать, налил стакан вина и поцеловал. В тот же день Гончаров умер, неизвестно от побоев ли, или от желудочного воспаления. Суд решил, что барин виновен, по приказу императрицы Солодилова лишили чинов и дворянства, предали церковному покаянию и сослали в Сибирь на вечную каторжную работу¹¹. Для нас в данном случае любопытно сочетание крайних форм: наказания и поощрения, побоев и поцелуя. Помещик и его холоп обитали в мире, где то и другое было не просто возможно, а широко распространено.

Следует познакомиться с описанием барского выезда, оставленным П.В. Нащокиным по младенческим воспоминаниям. Его отец путешествовал из воронежского села в Москву со всеми чадами и домочадцами. За повозкой с десятью «дураками» наблюдала специально приставленная к ним к качеству надзирательницы и няньки чернокожая горничная Марья. «С отцом моим ладила, она всегда его одевала, и, если случится, ему на нее рассердиться и дать ей тычка, – она, наоборот, – и тем и кончится, что: “Ой, Машка, ой, черная кошка, спасибо”. Он был необыкновенно горяч и очень силен; и потому нередко его тычки были опасны, но Марья-арапка была сама здорова и ему не спускала, и вот почему она была его непременный подкамердинер»¹².

Поражает простота отношений барина и холопа, какая-то человеческая короткость. Марья-арапка отвешивала барину тумаки,

чтобы тот не расхотелся. Эта черта помещичьего быта бросалась иностранным наблюдателям в глаза, но ее трудно было проинтерпретировать из-за разницы культур.

Крестьяне порой считали себя в праве требовать с бар ответ за неудовольствия и обиды. Марта Вильмот описала случай, когда во время обеда в одном из московских домов «женщина (по одежде крепостная) ворвалась в гостиную и... обратилась к хозяину дома господину Мерлину, и по интонации и жестикеляции было видно, что ему делается выговор. Вдруг она в слезах подбежала ко мне, яростно сжимая кулаки, как бы собираясь драться». Оказалось, что эта служанка приревновала своего мужа к иностранной гостье и вздумала отгузить соперницу. «Мне удалось уговорить присутствующих успокоить ее»¹³, – пишет М. Вильмот. Окружающих происшествие не столько рассердило, сколько позабавило, хотя молодая ирландка оказалась в шоке.

Трудно было привыкнуть к странным отношениям то дерущихся, то целующихся господ и слуг. К тому, что дворовые открывали двери в барские покои без стука, ибо «здесь такая манера»¹⁴. Порой невозможно было понять, что больше травмировало мирозерцание европейского наблюдателя: порабощение помещиками слуг или то, что последние не знают своего места.

---

¹ Письма сестер М. и К. Вильмот из России // Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева, сост. Г.А. Веселая. М., 1987. С. 227.

² Там же. С. 222.

³ *Миранда Ф. де*. Путешествие по Российской империи. М., 2001. С. 119.

⁴ *Казанова Д.* История моей жизни. М., 1990. С. 568.

⁵ *Екатерина II.* Записки // Сочинения Екатерины II. М., 1990. С. 126–127.

⁶ Там же.

⁷ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 12.

⁸ *Корберон М.Д.* Записки // Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 181.

⁹ *Миранда Ф. де*. Указ. соч. С. 37.

¹⁰ Николай I и его время: документы, мемуары. Т. I. 2002. С. 249.

- ¹¹ *Семевский М.И.* Крестьяне в царствование Екатерины II СПб., 1881. Т. 1. С. 196, 212.
- ¹² Воспоминания Павла Воиновича Нащокина // Прометей. 1974. Т. 10. С. 89–91.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Письма сестер М. и К. Вильмот из России. С. 232.

ХУДОЖНИК ЛЕОНТИЙ СЕМЁНОВИЧ МИРОПОЛЬСКИЙ И ЕГО ТВОРЧЕСТВО

С.В. Моисеева

Необходимость изучения наследия живописцев «второго плана», традиционно причисляемых к кругу какого-либо крупного мастера, осознается в наши дни особенно отчетливо. В искусствоведческой литературе они удостоивались обычно лишь упоминания, реже – краткой характеристики одного-двух произведений, не выходящей за рамки привычного представления о достаточно хорошем профессионализме и невысоком творческом потенциале этих художников. Между тем без поиска их затерянных полотен, без реконструкции хотя бы в общих чертах их жизненного пути, целостное представление об искусстве XVIII–XIX столетий вряд ли окажется возможным.

Среди портретистов второй половины XVIII – начала XIX в. Леонтий Семенович Миропольский по праву может считаться одной из самых загадочных фигур: слишком немногие принадлежащие его кисти произведения были известны исследователям. А.Н. Бенуа констатировал в «Русской школе живописи», что «совершенно обижены судьбой Миропольский и Камеженков. От первого сохранилось два портрета – живописца Козлова и князя Вяземского, от второго... наполовину достоверный портрет»¹. Н.М. Чегодаева, обращаясь шестьдесят лет спустя к вопросу о школе Д.Г. Левицкого, его учениках и последователях, также писала о «единичных достоверных портретах Дрождина, Камеженкова и Миропольского»².

Если небольшая статья о Е.Д. Камеженкове появилась еще в 1920-е гг.³, то попытки суммировать имеющиеся данные о Л.С. Миропольском были предприняты Н.Г. Пресновой только в 1980-х гг.⁴. Н.Г. Преснова не только систематизировала в своих статьях известный историкам искусства архивный и изобразительный материал, но и ввела в научный оборот новые документы и новые произведения – погрудные парные портреты А.А. и Е.Н. Вяземских. К сожалению, обе публикации не свободны от неточностей. Впрочем,

неточности в освещении отдельных моментов биографии Л.С. Миропольского стали в искусствоведении своего рода традицией, восходящей к каталогам и справочникам конца XIX – начала XX в.

В IV томе «Подробного словаря русских гравированных портретов», изданного Д.А. Ровинским в 1889 г., сказано, например, следующее: «Митропольский Леонтий Семенович (Mitropolski); 1759 + 1828; Академик живописи. По Петрову (Биограф. Словарь) Миропольский, ученик Левицкого, 1749+1811»⁵. В 1905 г. С.П. Дягилев напечатал в «Каталоге историко-художественной выставки русских портретов» более подробную справку: «Миропольский, Леонтий Семенович. (род. 1749–54? г., сконч. 1828–11? г.) Портретист, ученик Левицкого. Малоросс по происхождению. В 1779 г. произведен в “назначенные”; в 1794 г. за портрет Г.И. Козлова признан академиком. Писал образа для Андреевского собора в Кронштадте, в 1812...»⁶. В 1908 г. эту информацию дословно повторил в «Каталоге старинных произведений искусств, хранящихся в Императорской Академии художеств», Н.Н. Врангель⁷. С.Н. Кондаков в «Юбилейном справочнике Императорской Академии художеств» в основном следует Д.А. Ровинскому, С.П. Дягилеву и Н.Н. Врангелю, но приводит конкретную дату смерти Л.С. Миропольского – 15 августа 1819 г.⁸. С.К. Исаков годом позже воспроизвел те же сведения в каталоге живописи академического музея⁹ и, закрепившись таким образом в литературе, они дошли до наших дней практически без изменений.

Между тем, звание «назначенного» Л.С. Миропольский получил в 1778 г., а не в 1779 г. Сейчас трудно сказать, почему С.П. Дягилев, Н.Н. Врангель, С.Н. Кондаков и С.К. Исаков приняли именно эту дату, ведь еще П.Н. Петров процитировал в первом томе «Сборника материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств» сохранившийся протокол публичного собрания от 13 сентября 1778 г., в котором говорилось о присуждении художнику первого академического звания «за написанной с натуры мужской портрет»¹⁰. Не доверять такому документу нет, кажется, никаких оснований¹¹.

Дела фонда Академии художеств в Российском государственном историческом архиве позволяют уточнить и день смерти живописца. 26 августа 1819 г. его вдова Екатерина Григорьевна Миропольская подала во временное правление Академии проше-

ние о выдаче ей свидетельства «для свободного в российских городах жительства». «Показанной муж мой, – говорилось в прошении, – находился в ведомстве Императорской Академии художеств Академиком с 1794-го года, и сего августа 16-го дня по долговременной болезни волею божией скончался»¹². Следовательно, произошло это событие не 15 августа, как указывал С.Н. Кондаков, а днем позже. Все-таки он оказался гораздо ближе к истине, нежели Д.А. Ровинский, С.П. Дягилев, Н.Н. Врангель и составители каталога «У истоков русской живописи», относившие смерть Л.С. Миропольского к 1811 г. или даже к 1828 г.¹³.

Далеко не так просто определяется время рождения художника. Д.А. Ровинский, С.Н. Кондаков и авторы каталога «У истоков русской живописи» считали таковым 1759 г.¹⁴. П.Н. Петров располагал информацией, которая подсказывала ему более раннюю дату. «Миропольский Леонтий Семенов., – свидетельствует одна из его записей, – член Имп. Акад. худ. портрет. живоп. р. 1749 (1785 36 л. по Обывательской книге г. Спб-га № 2146)»¹⁵. С.П. Дягилев и Н.Н. Врангель приняли 1749 г., но, учитывая временные границы книги (1785–1789) и специфику ее ведения, они не исключали возможности рождения Л.С. Миропольского и в течение последующих пяти лет, вплоть до 1754 г.¹⁶. Поскольку, 1759 г. так и не был подтвержден какими-либо источниками, в трудах Н.М. Чегодаевой, в каталогах живописи Государственного Русского музея (1980), Государственной Третьяковской галереи (1984) и ряда периферийных музеев был опубликован именно этот вариант – 1749 (1754?) гг.¹⁷.

Между тем, существуют по меньшей мере три документа, позволяющие назвать еще более раннюю дату. Два из них – это подписанные самим художником прошения от 9 июля и 20 сентября 1817 г.¹⁸. В первом из них Л.С. Миропольский обращается к обер-прокурору Синода князю А.Н. Голицыну по поводу приобретения поколенного портрета Александра I, выполненного им для Грузино-Имеретинской синодальной конторы, во втором – по поводу приобретения портрета императора во весь рост, который он начал тогда писать по собственной инициативе. Благоприятное решение вопроса помогло бы художнику, по его выражению, «восстановить долговременным ожиданием расстроенное мое состояние», и он не теряет надежды на то, что влиятельный вельможа «не откажется быть покровителем семидесятитрехлетнему старику»¹⁹. П.Н. Петров, ско-

рее всего, видел эти документы, во всяком случае, и в его «Каталоге живописи музея Академии художеств», и в материалах, вошедших в хранящийся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки фонд Н.П. Собко, совершенно определенно указаны 1745–1746 гг.²⁰. Со ссылкой на П.Н. Петрова отметил 1745 г. в своей картотеке и сам Н.П. Собко²¹.

Н.Г. Преснова, упоминая и цитируя в своих статьях прошения Л.С. Миропольского, считает наиболее вероятным временем его рождения 1744–1745 гг.²². Эта же дата рождения художника была указана и в каталоге живописи XVIII в. Русского музея 1998 г.²³. Думается, что 1744 г. можно принять без особых сомнений. Еще одним тому доказательством стала найденная нами запись в метрической книге собора Андрея Первозванного за 1819 г., свидетельствующая о кончине «Академика по живописной части 9-го класса Леонтия Семеновича Миропольского» в возрасте семидесяти пяти лет²⁴.

К сожалению, архивы не сообщают точного места рождения Л.С. Миропольского. В протоколе публичного собрания Академии художеств от 13 сентября 1778 г. он наименован «малороссийским уроженцем». Формулярный список брата художника Дмитрия Семеновича Миропольского, обнаруженный в Российском государственном архиве Военно-Морского флота, добавил на первый взгляд немного – «происходил из малороссийских казачьих детей»²⁵. Вместе с тем, этот ответ на обычный для тогдашнего делопроизводства вопрос «из какого звания происходит?» оказывается пока единственной информацией о той среде, в которой воспитывался будущий портретист. Ничего не известно о том, как складывалась его жизнь до переезда в Петербург, затруднительно пока назвать и более или менее конкретную дату его появления в столице. Неясно также, кто именно мог рекомендовать публичному собранию Академии «написанной с натуры мужской портрет» для присуждения звания «назначенного». Нет никаких достоверных сведений и об ученичестве Л.С. Миропольского.

Впрочем, традиция упорно называет его учителем Д.Г. Левицкого. Об этом писали и П.Н. Петров, и Д.А. Ровинский, и С.П. Дягилев, и Н.Н. Врангель, и С.К. Исаков. В 1920-е гг. данная точка зрения нашла отражение и в каталоге выставки «У истоков русской живописи», в 1960-е гг. к такому же выводу пришла в своих работах Н.М. Чегодаева, в конце 1980-х гг. Н.Г. Преснова так и озаглавила

первую из статей – «Художник школы Левицкого». С одной стороны, это убеждение не столь уж беспочвенно, ведь существует подписанная Д.Г. Левицким 11 мая 1786 г. программа на звание академика «г-ну Художнику Императорской Академии Художеств назначенному Леонтию Семеновичу Еропольскому»²⁶, предписывающая ему выполнить портрет адъюнкт-ректора Академии Г.И. Козлова. С другой стороны, этот документ не является, сам по себе, свидетельством непосредственного ученичества Л.С. Миропольского у Д.Г. Левицкого – согласно Уставу 1764 г., возможность получения академических званий предоставлялась не только кончившим курс воспитанникам, но и всем желающим. Закономерно возникает вопрос и о том, в какой форме мог происходить процесс обучения – был ли Л.С. Миропольский питомцем портретного класса Академии художеств или занимался у Д.Г. Левицкого частным образом. Академический архив дает ответ однозначный: ни в экзаменационных списках, ни в делах о выпускниках 1760–1770-х гг. фамилии Л.С. Миропольского нет²⁷. Что же касается частных занятий, то Н.М. Чегодаева и в самом деле упоминала о проживавших в доме Д.Г. Левицкого в 1770-х гг. нескольких учениках, в том числе и украинцах, но и среди них присутствие Л.С. Миропольского не отмечено²⁸.

Не удалось, к сожалению, установить источник, на основании которого П.Н. Петров сделал чрезвычайно интересный вывод о причастности Л.С. Миропольского к школе А.П. Антропова²⁹, однако, ни Н.М. Чегодаева, ни И.М. Сахарова, проверявшие исповедные росписи церкви Рождества Христова на Песках, в приходе которой жил А.П. Антропов, ничего об этом не сообщали³⁰.

Итак, аксиома «Миропольский – ученик Левицкого» других оснований, кроме цитированной выше программы, которую Д.Г. Левицкий должен был подписать как руководитель портретного класса Академии художеств, как выяснилось, не имела. Насколько же справедливым оказывается в этой связи мнение Н.М. Чегодаевой о «старательном воссоздании в композиционных и цветовых решениях художника обычной схемы рядовых портретов Левицкого»³¹?

Прямая аналогия Д.Г. Левицкому в творчестве Л.С. Миропольского действительно намечалась. Описания портретов Александра I 1817 г. свидетельствуют, что образцом для одного из них стала «Екатерина-Законодательница». Л.С. Миропольский начал тогда писать «портрет Государя Императора во весь рост, и коего сюжет

на жертвеннике сжигает мак, что значит, не жалеет покоя для России и всей Европы; на архитектуре же по колоннам означены Гербы освобожденных наций Государем Императором...»³². Тем не менее, визуальное сопоставление произведений пока не представляется возможным: каких-либо сведений о завершении портрета и истории его бытования обнаружить не удалось.

Портрет, приобретенный для Грузино-Имеретинской синодальной конторы, представлявший императора «с приличными Царскому Величеству регалиями как то: Стол, на котором Императорская Корона, Держава и Скипетр, Ландкарта и ордена, законные книги, на которые облокотясь Его Величество рассуждает»³³, имел, однако, совсем иной ориентир – портрет Александра I, выполненный в 1806 г. Ж.-Л. Монье³⁴. Если же учесть, что и в 1780–1790-е гг. портреты М.В. Ломоносова и О.А. Жеребцовой создавались Л.С. Миропольским на основе их же изображений, выполненных Г.К. Преннером и Ж.Л. Вуалем, то совершенно очевидно, произведения Д.Г. Левицкого не могли быть единственным источником композиционных идей. С другой стороны, не чуждался опыта европейских мастеров и сам Д.Г. Левицкий. В частности, жест персонажей, воплощавший в портретах А.Ф. Кокоринова, А.М. Голицына, П.А. Демидова и в «Екатерине – Законодательнице» имеет принципиально важную для Просвещения идею оправдания высокого сословного положения полезными обществу трудами, восходит, в качестве одного из образцов, к портрету К.Г. Разумовского 1766 г. работы П.-Дж. Батони³⁵. Тем не менее, программно принятое в искусстве той эпохи изучение и копирование полотен крупнейших художников ни в коей мере не препятствовало переосмыслению оригинала в желаемом для того или иного автора направлении и не дискредитировало его как творческую личность. Метод Л.С. Миропольского ничем не отличался в этом плане от метода его современников, следовательно, воссоздание «обычной схемы рядовых портретов Левицкого» можно с полным правом расценивать как воссоздание общеевропейских портретных форм.

Конечно, в силу авторитета одного из крупнейших русских портретистов, Д.Г. Левицкий вполне мог служить Л.С. Миропольскому ближайшим примером для подражания. Замечательный мастер композиции, он и в однотипных, казалось бы, парадных и камерных изображениях выстраивал ее каждый раз по-новому.

«Вариациями ракурса, – писал в этой связи Г.Н. Голдовский, – масштаба, формата (овал, овал, вписанный в прямоугольник, прямоугольник, почти квадрат) Левицкий добивается того, что... повторяющиеся приемы никогда не воспринимаются как автоцитаты, как найденная раз и навсегда канонизированная композиционная схема»³⁶. Л.С. Миропольский также использует и овал, и овал, вписанный в прямоугольник, и прямоугольник (чаще всего), но он неизмеримо каноничен, подчеркнута каноничен в решении композиционно живописных задач. Неизменными в его портретах остаются однажды усвоенные поворот корпуса и головы, абрис лиц, разрез глаз, очертания губ, жесты рук и передача фактуры тканей, особенно кружев. Столь однородная манера серьезно затрудняла датировку произведений художника. Тем не менее, архивные материалы, литературные источники и «внешние признаки» позволили конкретизировать время создания большинства портретов – 1780-х – начала 1790-х гг.

Первыми в их числе должны быть названы портреты Д.Ф. Астафьевой (Государственный Русский музей) и генерал-прокурора Сената князя А.А. Вяземского, находившийся до 1941 г. в Киевском музее русского искусства и затерянный в период Великой Отечественной войны.

Изображение Д.Ф. Астафьевой поступило в Русский музей благодаря П.И. Нерадовскому³⁷. В последующие десятилетия он неоднократно упоминался в различных изданиях, но, по существу, не изучался: в каталоге Государственного Русского музея 1980 г. отчество Д.Ф. Астафьевой указано неточно – Федоровна (?)³⁸. Н.Г. Преснова установила, что она является родной сестрой Евграфа Федотовича Комаровского, впоследствии генерал-адъютанта Александра I и графа³⁹. В статье «Творчество Леонтия Семеновича Миропольского» исследовательница, со ссылкой на «Петербургский некрополь», сообщила годы жизни Д.Ф. Астафьевой⁴⁰.

При этом в «Петербургском некрополе» значится не Дария Федотовна, а «Астафьева Мария Федоровна, рожд. Комаровская, жена колл. сов., р. 17 марта 1754, браком сочеталась 27 января 1773 + 7 сентября 1786 (Волково православное кладбище)»⁴¹. Тем не менее, указанные в «Записках» Е.Ф. Комаровского дата замужества сестры – «через два года после кончины матушки (17 августа 1770 г. – С.М.) сестра моя, Дария Федотовна, вышла замуж за А.Н. Астафьева и уехала в Петербург», и дата ее смерти – «в 1786-м г. я имел

несчастье лишиться сестры моей Дарии Федотовны»⁴², совпадающие с приведенными в «Петербургском некрополе», не оставляют сомнений в том, что речь идет о Д.Ф. Астафьевой⁴³. Портрет, скорее всего, прижизненный – по костюму и прическе он хорошо соотносится с портретами Д.Г. Левицкого начала 1780-х гг.⁴⁴. Кроме того, осуществленное в Государственном русском музее С.В. Римской-Корсаковой технологическое исследование выявило наличие переписок. В инфракрасном свете слева внизу просматривается столик с книгой, на котором, как предположила С.В. Римская-Корсакова, лежала рука изображенной⁴⁵. По каким-то причинам этот вариант не удовлетворил художника, он изменил положение руки и дописал собачку. В результате, композиция стала более завершенной, а портрет в целом более монументальным.

Аналогичным образом решены и портреты племянницы Г.А. Потемкина А.В. Браницкой, урожденной Энгельгардт, из Государственного Эрмитажа и частного собрания в Москве. Если авторская живопись первого из этих произведений находится в прекрасной сохранности, то портрет из частного собрания, как свидетельствует сделанная в Государственном Русском музее рентгенограмма, почти полностью переписан в конце XVIII – начале XIX в.⁴⁶. Сопоставление ее с рентгенограммами эталонных портретов все же позволяет допустить возможность выполнения Л.С. Миропольским нижележащего изображения – как и на эрмитажном портрете А.В. Браницкая была представлена с белочкой в руках. Что же касается еще одного ее портрета, который находится в собрании Русского музея, то он явно вторичен по отношению к первым двум и его принадлежность кисти Л.С. Миропольского более чем сомнительна⁴⁷. Рисунок ткани платья, в которое в данном случае одета А.В. Браницкая, полностью совпадает с рисунком ткани платья Д.Ф. Астафьевой, что создает некоторые предпосылки для датировки всех трех портретов А.В. Браницкой той же первой половиной 1780-х гг.

К этому же времени должен быть отнесен и находившийся в Киевском музее русского искусства портрет князя А.А. Вяземского. В круг изображений интересующего нас периода его позволяют включить два фактора – наличие у персонажа ордена св. Владимира I степени, пожалованного 22 сентября 1782 г., и описание в «Подробном словаре русских гравированных портретов» Д.А. Ровинского сохранившегося оттиска с текстом «Грав: Г. Скородумовъ 1786 Года»⁴⁸.

До поступления в Киевский музей портрет находился в Архиве Министерства иностранных дел в Москве и экспонировался в 1905 г. на историко-художественной выставке в Таврическом дворце⁴⁹. На обороте холста имелась пометка «пис. Миропольский», и не исключено, что это был один из самых ранних портретов генерал-прокурора его кисти. Насколько позволяют судить сделанные с этого портрета фотографии, А.А. Вяземский выглядел здесь значительно моложе, чем на идентичном по композиции изображении из музея «Кусково» и на двух портретах из собрания Государственного Эрмитажа и Государственной Третьяковской галереи, почти дословно повторяющих оригинал К.-Л. Христинека 1768 г. (Государственная Третьяковская галерея), и приписываемых Л.С. Миропольскому без достаточных на то оснований. Изображение из музея «Кусково» является бесспорной работой Л.С. Миропольского, но создано оно позже – в самом конце 1780-х гг.

Если же вернуться к произведениям первой половины и середины десятилетия, то особого разговора, безусловно, заслуживает единственный на сегодня подписной и датированный 1786 г. портрет, традиционно называемый в литературе портретом великого князя Константина Павловича. Он поступил в Русский музей в начале XX в., но первые сомнения кандидатура изображенного вызвала лишь у составителей каталога живописи 1980 г.⁵⁰ Н.Г. Преснова сняла в своих статьях поставленный каталогом знак вопроса, более того, сделала попытку доказать парность этого произведения и небольшого овального портрета девочки из фондов того же Русского музея, определенного ею как портрет великой княжны Марии Павловны и соотнесенного с циклом изображений особ царствующего дома, заказанных в 1797 г. Академии Департаментом уделов⁵¹. Л.С. Миропольский действительно работал тогда над эскизами портретов великих княжон Александры Павловны и Марии Павловны, однако, находящееся в Российском государственном историческом архиве «Дело о писании всей Императорской фамилии портретов для департамента Уделов художниками Императорской Академии Художеств» не дает никаких оснований связывать с этим заказом произведение из собрания Русского музея. Согласно договору, Л.С. Миропольский должен был представить великих княжон во весь рост, а портрет девочки всего лишь поясной и достаточно далекий по своему решению от требуемой парадности. Кроме того, данная

архитектором А.Д. Захаровым мера – «вышиною 3 1/4, шириною 2 ар.»⁵² (по современному счету приблизительно 230 x 140 см) существенно отличается от размеров овального портрета – 59 x 45 см⁵³. Попытка Н.Г. Пресновой квалифицировать его как эскиз также выглядит малоубедительной – в Павловском дворце-музее хранится эскиз портрета великой княжны Елены Павловны, изображенной В.Л. Боровиковским в точном соответствии с условиями договора «во весь рост в робе»⁵⁴, не имеющий ничего общего с портретом девочки. Датировка последнего устанавливается путем сопоставления его с написанными Д.Г. Левицким в конце 1780-х – начале 1790-х гг. портретами М.А., А.А. и Е.А. Воронцовых (Государственный Русский музей) и великих княжон Александры Павловны, Марии Павловны, Екатерины Павловны (Павловский дворец-музей) и Елены Павловны (Киевский музей русского искусства), одетых в платье с идентичной кружевной отделкой.

Предположению Н.Г. Пресновой о парности детских изображений из фондов Русского музея это, строго говоря, не противоречит: бывали случаи, когда какой-то из портретов дописывался позже. Другое дело, что одинаковое написание глаз, бровей, носа, губ, которое исследовательница считает решающим доказательством в пользу кандидатуры Марии Павловны, с той же степенью вероятности может оказаться и следствием приверженности художника к определенным живописным приемам. К тому же поиск сходства имел бы смысл в том случае, если бы мы располагали бесспорным портретом Константина Павловича, а это как раз и вызывает серьезные сомнения. В описании внешности Константина, сделанном принцессой Кобургской, матерью его будущей жены Юлианы-Генриетты-Ульрики, в русском варианте Анны Федоровны, сказано, например, что у великого князя было широкое круглое лицо, курносый нос и большие голубые глаза⁵⁵. У запечатленного Л.С. Миропольским мальчика глаза темно-карие. Константин был чрезвычайно похож на своего отца Павла Петровича. Кроме того (это, пожалуй, самое важное), в обоих детских портретах обращает на себя внимание отсутствие орденов св. Андрея Первозванного и св. Екатерины, получаемых членами императорской семьи при рождении и обязательно наличествующих во всех их изображениях. В этом плане достаточно сопоставить изображение девочки с изображением Марии Павловны из Павловского дворца-музея и портрет мальчика с

портретом Константина Павловича из Государственного художественного музея Республики Беларусь⁵⁶. Во втором случае сопоставление произведений представляет особый интерес, так как его предметом оказываются два портрета кисти Л.С. Миропольского. Н.М. Гершензон-Чегодаева, упоминая в монографии о Д.Г. Левицком его портрет великого князя Александра Павловича в детстве (1787, Государственная Третьяковская галерея), высказала предположение о существовании парного портрета великого князя Константина Павловича⁵⁷. Вышедший в 1987 г. каталог выставки Д.Г. Левицкого сообщил, что такой портрет находится в Белорусском Государственном художественном музее⁵⁸, однако авторство Д.Г. Левицкого в отношении этого произведения составителями каталога принято не было. Вопрос остался тогда открытым и лишь проведенные в Государственной Третьяковской галерее Л.И. Гладковой исследования позволили назвать имя Л.С. Миропольского. Подтвердила это определение и С.В. Римская-Корсакова⁵⁹. В 1787 г. Г.И. Скородумовым была выполнена гравюра с этого портрета, таким образом, создавался он практически одновременно с портретом мальчика из Русского музея. Кроме того, в 2004 г. в Русский музей поступили для исследования аналогичные парные портреты великих князей Александра Павловича и Константина Павловича (Москва, частное собрание), которые были определены автором настоящей статьи как произведения Л.С. Миропольского. Это обстоятельство делает несходство персонажей еще более очевидным, что позволяет снять с повестки дня и традиционную атрибуцию данного произведения, и предложенное Н.Г. Пресновой определение портрета девочки.

В 1787 г. Л.С. Миропольским был написан портрет М.В. Ломоносова (Музей М.В. Ломоносова, Санкт-Петербург). Повествующее об этом дело из архива Академии наук было опубликовано М.Е. Глинкой более тридцати лет назад. Несмотря на небольшой объем, оно содержит довольно много интересных фактов. Начинается оно с полученного канцелярией Академии 8 февраля 1787 г. ордера за подписью Е.Р. Дашковой. «Отдать живописцу Миропольскому, – говорилось в нем, – взятый у Константинова портрет покойного Ломоносова, и когда он с оного копию снимет, то ему 35 рублей заплатить и поставить оный в Конференц-зале, а оригинал Константинову возвратить»⁶⁰. Тем же 8 февраля помечена и до-

веренность на получение портрета – единственный в своем роде документ, в котором сообщается о наличии у Л.С. Миропольского ученика: «Прошу отпустить портрет Михаила Васильевича Ломоносова ученику моему Осипу Михееву, коему верю взять и отвечаю я, живописец Леонтий Миропольский». Здесь же свидетельство, что «портрет получил ученик Иосиф Михеев»⁶¹. Заказ был выполнен быстро – 25 февраля канцелярия уже смогла возвратить портрет владельцу.

Г.И. Смагиной, автору посвященной Е.Р. Дашковой монографии «Сподвижница Великой Екатерины», удалось восстановить историю исполнения Л.С. Миропольским портрета М.В. Ломоносова более детально. Желание украсить Конференц-зал Академии наук портретом великого русского ученого было высказано Е.Р. Дашковой в январе 1787 г. 22 января академик-секретарь И.И. Лепехин доложил об этом на заседании академической Конференции. Первоначально было предложено выкупить портрет, находящийся у библиотекаря Академии А.А. Константинова, зятя М.В. Ломоносова. М.Е. Глинка считала, что этот портрет был вторым прижизненным портретом ученого, выполненным для его семьи, вероятно, Г.К. Преннером⁶². А.А. Константинов отказался продавать портрет, поэтому было решено просить его о разрешении сделать копию⁶³. 25 февраля художнику по распоряжению «госпожи Директора» было выплачено 35 руб. Приводя в своей статье два документа, подтверждающие выплату Л.С. Миропольскому именно 35 руб., М.Е. Глинка писала, что живописец получил только 20 руб.⁶⁴. Г.И. Смагиной удалось разрешить путаницу, доказав, что запись в журнале Канцелярии Академии наук от 16 февраля 1788 г., согласно которой Л.С. Миропольский «за писанный портрет Ломоносова» получил 15 руб., относится к еще одному, второму портрету М.В. Ломоносова, написанному художником в том же 1787 г.

1 марта 1787 г. «господа академики» рассматривали написанный Л.С. Миропольским портрет, однако, Е.Р. Дашкова планировала поместить в Конференц-зале два изображения – М.В. Ломоносова и Д. Бернулли. Портрет кисти Л.С. Миропольского оказался «слишком мал и овальной формы». Тогда же было решено «велеть художнику в будущую пятницу прийти в Конференцию, дабы господа академики могли объяснить ему намерение и волю Ее Сиятельства госпожи Директора»⁶⁵. Л.С. Миропольский выполнил новый заказ,

но принять его Е.Р. Дашкова смогла лишь 16 февраля 1788 г. Тогда же последовало распоряжение выдать Л.С. Миропольскому 15 руб., которые он и получил изданными в академии книгами. 18 февраля Е.Р. Дашкова прислала, как было записано в протоколе Конференции, «копию портрета славного Ломоносова той же величины и в том же стиле, как и портрет славного Даниила Бернулли, который надлежит повесить в зале собрания, что и будет исполнено»⁶⁶. Местонахождение первого, овального портрета М.В. Ломоносова неизвестно, второй находится ныне в Музее М.В. Ломоносова в Санкт-Петербурге.

Сравнивая портрет Л.С. Миропольского с портретом Г.К. Пренера и в статье сборника «Ломоносов», и в книге «М.В. Ломоносов. Опыт иконографии», М.Е. Глинка подробно проанализировала все моменты сходства и различия с оригиналом. Исследовательница пишет, что, оставив без изменения основную композиционную идею, Л.С. Миропольский «уменьшил изображение, срезав все четыре стороны, вследствие чего пейзаж за окном... исчез, и фигура Ломоносова показана не по колено, а лишь ниже пояса и придвинута ближе к столу»⁶⁷. В результате этого, вне поля зрения оказались чернильница и чертежные инструменты, заметно спокойнее стала поза М.В. Ломоносова. В целом, композиционная схема портрета типична для произведений Л.С. Миропольского второй половины 1780-х – начала 1790-х гг., но вялая, как будто бы не свойственная ему живопись, стала в конце концов вызывать сомнения в принадлежности этого документированного и с достаточно хорошо выявленным провенансом изображения его кисти. Тем не менее, произведенное Л.П. Вязьменской в лаборатории научно-технической экспертизы Эрмитажа рентгенографирование портрета подтвердило руку Л.С. Миропольского. На рентгенограмме отчетливо виден короткий дугообразный мазок, аналогичный мазку в эталонном портрете мальчика из собрания Русского музея⁶⁸. Правда, сходство это наблюдается больше в живописи костюма – живопись лица в портрете М.В. Ломоносова неожиданно бесфактурна и плоскостна. Объясняется это, вероятно, тем, что, не имея возможности работать с натуры, художник попросту «списывал» оригинал.

По-видимому, Е.Р. Дашкова хорошо знала художника. По сведениям Н.Г. Пресновой, в ноябре 1787 г. Екатерина II повелела «выдать из Кабинета живописцу Миропольскому за написанный им Ея

Величества портрет для княгини Екатерины Романовны Дашковой семь сот рублей»⁶⁹. В самое последнее время было высказано предположение о принадлежности кисти Л.С. Миропольского и портрета самой Е.Р. Дашковой из собрания Института русской литературы (Пушкинский Дом). К сожалению, художественные качества этого произведения далеки от мастерства эталонных портретов Л.С. Миропольского.

Использование Л.С. Миропольским портрета работы Г.К. Пренера обусловлено заказом Е.Р. Дашковой, однако, в творчестве художника такие примеры нередки, достаточно вспомнить многочисленные портреты А.А. Вяземского, восходящие к оригиналу К.Л. Христинека (1767, Государственная Третьяковская галерея). Они изучены довольно обстоятельно. Пожалуй, нет такой биографической справки о Л.С. Миропольском, в которой не упоминался бы портрет А.А. Вяземского, находящийся ныне в Государственной Третьяковской галерее (ранее – собрания А.Б. Лобанова-Ростовского и Государственного Русского музея). И.Г. Котельниковой в каталоге «Портретная живопись в России XVIII в. из собрания Эрмитажа» был опубликован еще один почти аналогичный портрет генерал-прокурора⁷⁰. Автор каталога, привлекая при его исследовании произведения из Русского музея, Третьяковской галереи и музея «Кусково», отметила, что «портрет, «более живописно свободный и хронологически самый поздний из группы, технологически отличается и несколько выделяется из этого однородного комплекса...»⁷¹. В самом деле, хотя И.Г. Котельникова и сочла возможным поставить в каталоге против имени художника знак вопроса, технологическая экспертиза, как указано в тексте аннотации, авторство Л.С. Миропольского не подтвердила. Отрицательный вывод был сделан Л.И. Гладковой и по итогам изучения портретов А.А. и Е.Н. Вяземских из Третьяковской галереи⁷². Не исключено, что изображения из Государственной Третьяковской галереи и воспроизведенный в каталоге Эрмитажа портрет А.А. Вяземского, являются копиями с каких-то пока не обнаруженных портретов Л.С. Миропольского – слишком велико их формальное сходство с произведениями художника. Очень важно, что число последних пополнил погрудный портрет А.А. Вяземского, также атрибутированный Л.С. Миропольскому И.Г. Котельниковой⁷³.

По всей видимости, бесспорно принадлежащими кисти Л.С. Миропольского изображениями А.А. и Е.Н. Вяземских распо-

лагают сейчас три музея – Государственный Эрмитаж (погрудный портрет А.А. Вяземского), Государственный музей искусств Республики Казахстан (портрет Е.Н. Вяземской, переданный в 1936 г. из Третьяковской галереи) и музей-усадьба «Кусково» (парные портреты), но для четкой датировки этих произведений сегодня еще нет достаточных оснований. Н.Г. Преснова относит портреты из музея-усадьбы «Кусково» к 1789 г., руководствуясь обнаруженным В.К. Станюковичем повелением Н.П. Шереметева заказать Л.С. Миропольскому «холст грунтовый для живописного художества, требующийся Иваном Аргуновым»⁷⁴. Очевидно, однако, что в этом интереснейшем документе, сообщающем о несомненно имевших место, но совершенно не исследованных связях Л.С. Миропольского с Аргуновыми, речь идет не о портретах. С другой стороны, Н.Г. Преснова не так уж и неправа, поскольку парные изображения А.А. и Е.Н. Вяземских очень хорошо соотносятся с портретами Н.Н. и П.Н. Трубецких(?) (Пензенская картинная галерея) и Г.И. Козлова (Государственный Русский музей). Стилистическое сходство этих произведений столь явно, что конкретизация времени создания любого из них может стать ключом к датировке всех остальных.

Персонажи двойного портрета из собрания Пензенской картинной галереи предположительно определены автором настоящей статьи в результате сопоставления списков кавалеров ордена св. Владимира III степени, сержантских списков Преображенского полка и всевозможных родословных справочников⁷⁵. Выявленных таким образом семейных дуэтов оказалось свыше двадцати. Около половины из них удалось по разным причинам отвести, и среди оставшихся кандидатур предпочтительнее выглядели именно Николай Никитич и Петр Николаевич Трубецкие, брат и племянник Е.Н. Трубецкой, в замужестве Вяземской, почетного члена Академии художеств П.Н. Трубецкого и президента Академии И.И. Бецкого. Князь Н.Н. Трубецкой родился в 1744 г., следовательно, ко времени получения ордена св. Владимира III степени (22 сентября 1788 г.), ему было сорок четыре-сорок пять лет. Приблизительно столько же можно дать и персонажу. Согласно «Российской родословной книге» П. Долгорукова, князь Петр Трубецкой родился в 1773 г.⁷⁶ Тем самым, к моменту награждения отца ему должно было исполниться пятнадцать-шестнадцать лет, что приблизительно соответствует возрасту изображенного мальчика. Если допустить, что

изображенными и в самом деле являются Н.Н. и П.Н. Трубецкие, то портрет выполнен, скорее всего, около 1789 г. – как уже отмечалось, князь Николай Трубецкой получил орден в конце 1788 г., а сержант Петр Трубецкой перестал упоминаться в списках Преображенского полка с 1790 г.⁷⁷ Кроме того, в начале 1790-х гг. фасон париков заметно изменился.

История бытования портрета пока не восстановлена. известно лишь, что в 1909 г. он едва не был приобретен Русским музеем. Во всяком случае, журнал «Аполлон» сообщил об этом как о свершившемся факте. «Тем отраднее, – писал «Аполлон», – когда в Музей приобретаются хорошие картины, как недавно купленные холсты Венецианова и отличный портрет XVIII в. “мужчина с мальчиком”, весьма основательно приписываемый Л.С. Миропольскому»⁷⁸. Обнаруженный в фототеке Государственного Русского музея отпечаток свидетельствует, что переговоры о приобретении портрета действительно проводились, но само приобретение, видимо, не состоялось – в музейной документации оно не зафиксировано⁷⁹. В итоге, портрет исчез из поля зрения историков искусства еще на тридцать лет, пока не поступил в 1936 г. от Е.С. Михайлова в Ленинградскую экспертно-закупочную комиссию, которая три года спустя передала его в Пензенскую картинную галерею⁸⁰.

История бытования портрета Г.И. Козлова, напротив, не вызвала никаких вопросов. Написанный как программа на звание академика, портрет находился с 1794 г. в зале заседаний Совета Академии, регулярно упоминался в каталогах академического музея XIX – начала XX в. и поступил из Академии в Русский музей в 1923 г.⁸¹.

Сложнее определяется конкретное время его выполнения. П.Н. Петров называл в своих материалах и 1786 г. и 1789 (!) г., Н.Г. Преснова не исключала возможности его создания и в 1790-х гг.⁸². Далеко разошедшиеся с момента получения программы до момента получения звания академика временные границы допускали вероятность любой из этих датировок, однако, четко сформулированное программой требование «представить в картине портрет Императорской Академии Художеств г-на Адъютант-ректора... по препорции прежде писанных в Академии **с натуры** (выделено мной. – С.М.) портретов»⁸³ побуждает проанализировать произведение именно с точки зрения его соответствия натурной работе. Несмотря на всю

условность этого понятия по отношению к искусству XVIII в., характер светотеневого построения, мягкая лепка лица с применением тончайших лессировок, несколько неловкая, но вместе с тем естественная, поза и какое-то свое, личное отношение к изображенному позволяют предположить, что художник завершил портрет при жизни Г.И. Козлова, то есть до 1791 г. В этом случае, более поздняя из указанных П.Н. Петровым дат оказывается близкой к истине.

Таким образом, вторая половина 1780-х – начало 1790-х гг. были для Л.С. Миропольского периодом активной творческой деятельности, несомненных художественных удач, известности, относительного материального благополучия. В самое последнее время список его произведений пополнился портретом Е.А. Мельгуновой, урожденной Барыковой, из Республиканского художественного музея в Сыктывкаре, очень вероятно авторство художника и в портрете вельможи из собрания областного музея изобразительных искусств Ростова-на-Дону⁸⁴. По всей видимости, не меньшей популярностью он пользовался и в 1790-е гг. – подтверждением этому является уже упоминавшийся факт привлечения Л.С. Миропольского для «писания всей Императорской фамилии портретов для департамента Уделов» наравне с лучшими портретистами того времени. Портреты художника 1790-х гг. практически не известны. Автору статьи удалось атрибутировать Л.С. Миропольскому лишь два изображения – портрет О.А. Жеребцовой из собрания Ульяновского художественного музея и «Портрет неизвестного в зеленом кафтане», принадлежащий Архангельскому музею изобразительных искусств.

До недавнего времени о существовании выполненного Л.С. Миропольским портрета О.А. Жеребцовой было известно лишь из материалов архива Академии художеств. В 1792 г. живописец обратился в Совет Академии с прошением, в котором выражал намерение «написанной мною портрет супруги господина камер юнкера Жеребцова Ольги Александровны Жеребцовой... представить Императорской Академии Художеств в доказательство моей работы в числе Назначенных; Почему Высокопочтенный Совет сим покорнейше и прошу помянутой портрет удостоить своим принятием для поставления его между работ назначенных»⁸⁵. Л.С. Миропольский ходатайствовал о разрешении экспонировать его на очередной публичной академической выставке, следовательно, портрет был за-

вершен до 28 июня 1792 г. Причины появления портрета, останутся, скорее всего, неизвестными. Можно лишь предполагать наличие очередного заказа на исполнение вольной копии и в таком случае дополнить перечень петербургских заказчиков художника этой в высшей степени неординарной личностью. Сестра Платона, Валерияна и Николая Зубовых, она «замечательно хорошо умела говорить, была знакома с Вольтером и пользовалась успехом во Франции...»⁸⁶. Вместе с братьями она примет, несколько лет спустя, самое активное участие в заговоре против императора Павла I.

В каталогах музеев портрет О.А. Жеребцовой кисти Л.С. Миропольского, тем не менее, не значился. Обладатели подобных изображений – Государственный Русский музей, Государственный Эрмитаж, художественные музеи Одессы и Ульяновска единодушно называли их автором Ж.Л. Вуаля. Произведения из петербургских и одесского собраний и в самом деле написаны французским мастером. Что же касается портрета из Ульяновского областного художественного музея, то он производит совершенно иное впечатление, и дело здесь в изменении не столько поворота корпуса и головы, сколько в психологической характеристике образа. Грациозная сдержанность персонажей Ж.Л. Вуаля уступает здесь место тому задумчиво-печальному состоянию, той подчеркнутой серьезности, которую умел сообщить своим моделям Л.С. Миропольский. Характерными именно для Л.С. Миропольского, а не для Ж.Л. Вуаля, оказываются и чисто живописные приемы – оставленный в тени охристый грунт теплого тона, индивидуальная манера лепки носа, губ, подбородка, передача буклей парика. В отличие от М.В. Ломоносова, О.А. Жеребцова была современницей художника, поэтому, даже воспользовавшись композицией Ж.Л. Вуаля, он должен был привнести в портрет явное ощущение натуры. К сожалению, технологически портрет до сих пор не изучался. Что же касается «Портрета неизвестного в зеленом кафтане» из собрания Архангельского музея, то он был исследован в Государственной Русском музее в 2006 г. и авторство Л.С. Миропольского полностью подтвердилось. По особенностям костюма персонажа его можно датировать серединой 1790-х гг.

Не так много сведений удалось обнаружить и о частной жизни художника. Судя по исповедным росписям Петербурга, в 1787 г. он проживал вместе с братом Дмитрием Семеновичем в приходе

церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, что на Васильевском острове⁸⁷. С 1789 г. в росписях упоминалась жена художника Матрена Ефимовна, с 1790 г. – сын Алексей⁸⁸. О Дмитрие Семеновиче Миропольском известно, что, вступив в 1783 г. «Правительствующего Сената в 3-й Департамент ко письменным делам копиистом», он последовательно повышался в чинах, перешел в 1806 г. на службу в Адмиралтейств-коллегию уже будучи надворным советником, и в 1816 г. получил чин коллежского советника. Был женат, имел сына Ивана, достигшего к 1816 г. шестнадцатилетнего возраста и находящегося «в I Кадетском корпусе кадетом»⁸⁹. Встречаются в документах Адмиралтейств-коллегии сведения и об Алексее Леонтьевиче Миропольском. Правда, графа формулярного списка А.Л. Миропольского «из какого звания происходит?» свидетельствует о его происхождении «из обер-офицерских детей»⁹⁰, но это не противоречит имеющимся данным – звание назначенного соответствовало по табели о рангах военным обер-офицерским чинам. Те же исповедные росписи позволяют установить, что семья Л.С. Миропольского жила на 12-й линии Васильевского острова до 1797 г.: в росписи за этот год значится только «Академика Леонтья Миропольского сын Алексей»⁹¹. Росписи Благовещенской церкви упоминают знакомую фамилию и в 1805 г., но речь идет о Дмитрие Семеновиче Миропольском, его жене Татьяне Андреевне и двух их крепостных⁹². «Санктпетербургская адресная книга» 1809 г. указывает уже иное место их жительства – «Вас.ч. по Средн. просп. № 342»⁹³. Вопрос о том, где проживал в это время живописец Л.С. Миропольский, остается пока открытым, а вот жена его Матрена Ефимовна отмечена в 1810 г. в росписях собора Андрея Первозванного⁹⁴. Вскоре после этого она, по-видимому, умерла – 30 января 1814 г. художник женился на Екатерине Григорьевне, той самой, которая пять лет спустя будет просить у Академии свидетельство для свободного во всех российских городах жительства⁹⁵. Метрическая книга церкви апостола Матфея, что на Петербургской стороне, сохранила интересную запись о венчании художника «с отпущенной вечно на волю от пример майора Данилы Бернера крепостною дворовою девкою Екатериною Яковлевою» и имена поручителей – надворного советника Семена Аркадьевича Неелова, коллежского секретаря Якова Николаевича Иллера, надворного советника Дмитрия Семеновича Миропольского, сенатского регист-

ратора Ивана Ивановича Штоббе»⁹⁶. В остальном жизнь Л.С. Миропольского 1790-х – 1810-х гг. остается загадкой.

Немногочисленны и сведения о его творчестве этого периода. Более подробно архивные материалы и литературные источники освещают лишь 1797 г. А.И. Успенский сообщил, например, что художник работал тогда в Зимнем дворце, «в покоях Его Высочества Великого Князя Александра Павловича, переделанных из Шепелевского дома»⁹⁷.

В 1797 г. Л.С. Миропольский принял участие в исполнении заказанных департаментом уделов изображений членов императорской фамилии, но закончилось это для него неудачно – эскизы портретов великих княжон Александры Павловны и Марии Павловны не были приняты Академией. Впрочем, предписание «зделать другой прожект» получили С.С. Шукин, И.Ф. Тупылев и П.С. Дрождин⁹⁸. «Других прожектов» Л.С. Миропольский, однако, не делал: Академия поручила ему и Е.В. Мошкову рассматривать в Совете все вновь сделанные эскизы⁹⁹. Кстати, Н.Г. Преснова утверждала, что художник состоял в Академии на действительной службе¹⁰⁰. Это не так. Получив звание академика, он так или иначе оказывался в ее ведомстве, но никогда не был связан с ней более официальными отношениями. Подтверждением тому являются списки «академическим чинам, кои не состоят при должностях», регулярно упоминавшие Л.С. Миропольского¹⁰¹. Нет ничего необычного в том, что Академия сочла возможным привлечь его к написанию портретов для департамента уделов вместе с Д.Г. Левицким, В.Л. Боровиковским, И.Ф. Тупылевым, П.С. Дрождиным, Г.И. Угрюмовым и С.С. Щукиным. В случае получения какого-либо важного или срочного заказа она располагала правом выбора мастеров. При этом художник мог и не состоять в ее штате. К тому же, по сведениям К.В. Малиновского, Л.С. Миропольский уже выполнял в 1780-х гг. задание Академии, реставрируя вместе с Ф. Яковлевым живопись Петропавловского собора. Руководил этой работой Г.И. Козлов¹⁰².

Неудачи продолжали преследовать художника и в начале нового века. «Поданным на Высочайшее имя прошением, – сообщал М.Н. Муравьев президенту Академии художеств А.С. Строганову 23 августа 1805 г., – живописец Л.С. Миропольский, представляя писанные им с оригиналов портреты Государя Императора Петра Первого, Патриарха Филарета, князей Менъшикова, Ромодановско-

го и Долгорукова, просит о повелении поручить ему заготовление полного собрания таковых изображений для целой галереи»¹⁰³.

5 сентября того же года последовал ответ. Оценивая работу Л.С. Миропольского, А.С. Строганов выразил свое мнение в довольно резкой форме. «Намерение сего художника, чтоб собранием таковых портретов сохранить память отличившихся великими подвигами соотчичей наших, конечно, заслуживает всякую похвалу и совершенно выполняет истинную цель свободных художеств, — писал он. — Но для меня весьма прискорбно, что я не могу таким же образом отозваться и о самом искусстве этого художника. Представленные им портреты, в которых едва ли можно найти посредственное искусство, поистине не могут быть поставлены в таком месте, где всяк будет приходить искать изображение славных соотчичей своих, и которое не избежит внимания самых иностранцев»¹⁰⁴. Столь отрицательный отзыв просвещенного мецената вполне мог оказаться следствием быстро меняющихся вкусов: если к тому времени был практически забыт Д.Г. Левицкий, что же говорить о Л.С. Миропольском, менее значительном и известном художнике. Впечатление от его работ усугубляло, видимо, и то обстоятельство, что копированные им оригиналы должны были выглядеть в начале XIX в. еще большей архаикой. Как бы то ни было, судить о достоинствах этих произведений достаточно сложно, а их местонахождение вряд ли удастся установить.

Попытка Л.С. Миропольского создать «полное собрание таковых изображений для целой галереи» — красноречивое доказательство того, что поиск заказов становился для стареющего живописца проблемой

В 1812 г. он обращается в Экспедицию поправления Кронштадского порта с предложением «для строящейся в Кронштадте каменной соборной церкви во имя св. Андрея Первозванного... написать изящным искусством на медных досках и на холсте осмнадцать образов разной величины из собственных своих хороших красок и материалов»¹⁰⁵. Экспедиция сочла нужным обратиться в Академию художеств за рекомендациями. Совет Академии определил «ответствовать, что искусство г. Миропольского свидетельствуется самым признанием его Академиею своим академиком и сверх того произведенными им многими сего рода работами, которых реестр сообщить в кронштадскую экспедицию: в рассуждении же цены

(Л.С. Миропольский запросил 4500 руб. – С.М.) никто из достойных художников не только дешевле писание сих образов взять на себя не вызвался, но большая часть и за сии цены написать оные отказались»¹⁰⁶. Упомянутый в определении реестр действительно был направлен Академией в Адмиралтейств-коллегию и находится сейчас в Российском государственном архиве Военно-Морского флота¹⁰⁷. «Реестр работам, произведенным в разное время академиком Миропольским», был включен Н. Лансере в примечания к статье «Захаров и его Адмиралтейство», опубликованной в «Старых годах»¹⁰⁸, но в дальнейшем внимания исследователей он не привлекал. Между тем, уже одним перечислением иконостасов, созданных для И.А. Безбородко и С.С. Яковлева, для Гатчинской дворцовой церкви, для Армянской церкви, для церкви Сергия Радонежского, что на Литейной, для церкви при Медико-хирургической академии и т.п., этот документ отчетливо выявляет необходимость изучения иконописного наследия художника¹⁰⁹.

Для Кронштадтской соборной церкви Л.С. Миропольский, как сообщают архивы, исполнил только семь образов – «Запрестольное распятие Христово, Архангелы Михаил и Гавриил, Святый Апостол Андрей Первозванный, Александр Невский и дел преподобных», освидетельствованных Советом Академии 31 декабря 1813 г. Совет, «рассматривая оные и соображая толь краткое время, в какое один художник долженствовал написать образа сии, и цену, за какую они писаны», признал их «весьма стоящими»¹¹⁰.

По-видимому, в последние годы жизни нужда преследовала художника особенно остро. В прошениях 1817 г. говорится о «временном куске хлеба», о «долговременным ожиданием расстроенном моем состоянии»¹¹¹. И совсем трагически звучит «всеподданнейшая просьба» Екатерины Миропольской от 12 июня 1822 г., обращенная ко вдовствующей императрице Марии Федоровне. «Муж мой Леонтий Миропольский, – сказано в этом прошении, – службу Его Императорскому Величеству продолжал в Санкт-Петербургской Академии художеств Академиком 10 класса с 1794-го 1819-го Августа по 16-е число, а того числа волею божию помер, оставя меня при старости лет моих без всякого пропитания, и к сугубому нещастию моему лишилась зрения, сим же и всех способов прокормления себя трудами, от чего дошла до совершенной нищеты и обременила себя сверх сил долгом, чрез который, дабы неподпасть нещастиям, я осмеливаюсь повергнуться к священнейшим стопам Вашего Импера-

торского Величества и всеподданнейше просить еликовозможного в горестном положении моем вспомошествования»¹¹². К прошению приложено и свидетельство, данное «Императорской Академии Художеств Академика 10-го класса Леонтия Миропольского жене вдове Катерине Григорьевой дочери в том, что она поведения весьма честного и находится весьма в недостаточном состоянии». Ниже стоят подписи И.П. Мартоса, С.С. Щукина, Г.И. Угрюмова, Ф.Я. Алексеева, А.Е. Егорова. В архивном деле имеется пометка – «получила Катерина Миропольская пятьдесят рублей»¹¹³.

Прошение указывает, что в 1822 г. она еще жила в доме № 41 I-го квартала Василеостровской части, в котором и умер художник¹¹⁴. Дальнейшая судьба ее, как, впрочем, и Алексея Леонтьевича Миропольского, неизвестна.

Многое еще предстоит узнать и о живописце Л.С. Миропольском. Последовательное отрицание творческой самостоятельности этого незаурядного портретиста, устойчивое отношение к нему как к «художнику круга» привело бы в конце концов к его окончательному забвению. Н.Г. Преснова, следует отдать ей должное, впервые попыталась проанализировать наследие живописца как явление, заслуживающее специального изучения. Работу в этом направлении необходимо продолжить.

---

¹ Бенуа А.Н. Русская школа живописи. Вып. 1. СПб., 1904. С. 15.

² Чегодаева Н.М. Д.Г. Левицкий // История русского искусства / Под ред. И.Э. Грабаря. Т. VII. М., 1961. С. 91.

³ Материалы по русскому искусству. Т. 1. Л., 1928.

⁴ Преснова Н.Г. Художник школы Левицкого // Художник. 1988. № 12; Она же. Творчество Леонтия Семеновича Миропольского // Памятники культуры. Новые открытия. 1989. М., 1990.

⁵ Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. IV. СПб., 1889. Стб. 707.

⁶ Каталог состоящей под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце, в пользу вдов и сирот павших в бою воинов 1905 года. Ч. VIII. СПб., 1905. С. 46.

⁷ Каталог старинных произведений искусств, хранящихся в Императорской Академии Художеств: Барон Н.Н. Врангель // Старые годы. 1908. Приложение. СПб., 1908. С. 67.

- ⁸ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914 / Сост. С.Н. Кондаков. I. Часть историческая. СПб., 1914. С. 129.
- ⁹ Императорская Академия Художеств: Музей: Русская живопись: Каталог / Сост. С.К. Исаков. Пг., 1915. С. 164.
- ¹⁰ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования: В 3 т. / Под ред. П.Н. Петрова. Т. 1. СПб., 1864. С. 138; РГИА. Ф. 789. Оп. 19. Отд. VIII. Д. 1566. Л. 56.
- ¹¹ Н.Г. Преснова, со ссылкой на П.Н. Петрова, утверждала, что Л.С. Миропольский получил звание азначенного в 1779 г. Это ошибка – как указано выше, П.Н. Петров называет 1778 год. – *Преснова Н.Г.* Указ. соч. С. 300; Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств. С. 138.
- ¹² РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч.1. 1819. Д. 2984. Л. 1. Н.Г. Преснова цитирует прошение Е.Г. Миропольской от 12 июня 1822 г., также подтверждающее дату смерти художника – 16 августа 1819 г. – *Преснова Н.Г.* Художник школы Левицкого. С. 39.
- ¹³ *Ровинский Д.А.* Указ. соч. Стб. 261, 707; Каталог историко-художественной выставки русских портретов 1905 года. С. 46; Каталог старинных произведений искусств, хранящихся в Императорской Академии Художеств. С. 67; У истоков русской живописи: каталог выставки в ознаменование двухсотлетия со дня основания Академии Наук СССР. ГТГ. 1925. С. 49, 120; Юбилейный справочник Императорской Академии Художеств. С. 129.
- ¹⁴ *Ровинский Д.А.* Указ. соч. Стб. 261, 707; Юбилейный справочник Императорской Академии Художеств. С. 129; У истоков русской живописи. С. 49, 120.
- ¹⁵ ОР РНБ. Ф. 708. Д. 1301. Л. 564.
- ¹⁶ Каталог историко-художественной выставки русских портретов 1905 года. С. 46; Каталог старинных произведений искусств, хранящихся в Императорской Академии Художеств. С. 67.
- ¹⁷ *Чегодаева Н.М.* Указ. соч. С. 91; Государственный Русский музей. Живопись. XVIII – начало XX века: каталог. Л., 1980. С. 206; Государственная Третьяковская галерея. Каталог живописи XVIII – начала XX века (до 1917 года). М., 1984. С. 298; Казахская Государственная художественная галерея имени Т.Г. Шевченко: каталог. Алма-Ата, 1961. С. 34.
- ¹⁸ Н.Г. Преснова считала, что оба прошения написаны рукой Л.С. Миропольского. Между тем, они лишь подписаны художником. – *Преснова Н.Г.* Указ. соч. С. 39; РГИА. Ф. 733. Оп. 16. Д. 89. Л. 12–13 об.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 16. Д. 89. Л. 12.
- ²⁰ Там же. Ф. 789. Оп. 2. Д. 120. Л. 29; ОР РНБ. Ф. 708. Д. 1301. Л. 563.
- ²¹ ОР РНБ. Ф. 708. Д. 130. Л. 1362.
- ²² *Преснова Н.Г.* Указ. соч.. С. 39; *Она же.* Творчество Леонтия Семеновича Миропольского. С. 305.

- ²³ Государственный Русский музей. Живопись. XVIII век: каталог. Т. 1. СПб., 1898. С. 128.
- ²⁴ РГИА. Ф. 19. Оп. 111. Д. 167 б. Л. 301 об.
- ²⁵ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 2. Д. 93. Л. 1–2.
- ²⁶ В архивных документах встречаются разные транскрипции фамилии художника – Еропольский, Яропольский и т.п. Собственноручная его подпись однозначна – Миропольский.
- ²⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 150, 308, 384, 529; Оп. 19. Отд. IV. Д. 673, 681 и т.д.
- ²⁸ *Гершензон-Чегодаева Н.М.* Дмитрий Григорьевич Левицкий. М., 1964. С. 290.
- ²⁹ ОР РНБ. Ф. 708. Д. 1301. Л. 563.
- ³⁰ *Гершензон-Чегодаева Н.М.* Указ. соч.; *Сахарова И.М.* Алексей Петрович Антропов. М., 1974.
- ³¹ *Чегодаева Н.М.* Указ. соч. С. 90.
- ³² РГИА. Ф. 733. Оп. 16. Д. 89. Л. 13.
- ³³ Там же. Ф. 733. Оп. 16. Д. 89. Л. 5.
- ³⁴ Великий князь Николай Михайлович. Русские портреты XVIII – XIX веков. Т. I. СПб., 1905. № 1.
- ³⁵ Там же. Т. II. СПб., 1906. № 13.
- ³⁶ *Голдовский Г.Н.* Типологические особенности портретного творчества Д.Г. Левицкого // Д.Г. Левицкий. 1735–1822: сборник научных трудов. Л., 1987. С. 8–9.
- ³⁷ Государственный Русский музей. Живопись. XVIII век: каталог. Т. 1. С. 128.
- ³⁸ Государственный Русский музей. Живопись. XVIII – начало XX века: Каталог. № 3629.
- ³⁹ *Преснова Н.Г.* Художник школы Левицкого. С. 40.
- ⁴⁰ *Она же.* Творчество Леонтия Семеновича Миропольского. С. 307.
- ⁴¹ Петербургский некрополь. Т. 1. СПб., 1912. С. 104.
- ⁴² Оснадцатый век. Кн. 1. М., 1869. С. 387.
- ⁴³ В комментариях к «Запискам генерал-адъютанта графа Е.Ф. Комаровского», частично опубликованных в «Русском архиве», ошибочно указано, что женой А.Н. Астафьева была А.Ф. Комаровская. – Русский архив. 1867. С. 548–549.
- ⁴⁴ В их числе можно назвать портреты Е.А. Бакуниной (1782, ГТГ), А.Л.Д. Шмидт (начало 1780-х, Нижегородский Гос. художественный музей) и т.д.
- ⁴⁵ Р ГРМ 80/125, 126–90.
- ⁴⁶ Р ГРМ 55/82-90.

- ⁴⁷ Р ГРМ 81/127, 128-90.
- ⁴⁸ *Ровинский Д.А.* Указ. соч. Стб. 541–542.
- ⁴⁹ Каталог историко-художественной выставки русских портретов 1905 года. № 605.
- ⁵⁰ Государственный Русский музей. Живопись. XVIII – начало XX века: каталог. № 3627.
- ⁵¹ *Преснова Н.Г.* Указ соч. С. 307–308.
- ⁵² РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1335. Л. 8, 8 об.
- ⁵³ Государственный Русский музей. Живопись. XVIII век: каталог. Т. 1. С. 129.
- ⁵⁴ *Алексеева Т.В.* Владимир Лукич Боровиковский и русская художественная культура на рубеже XVIII–XIX веков. М., 1975. С. 190.
- ⁵⁵ Русский биографический словарь. Кнаппе-Кюхельбекер. СПб., 1903. Стб. 163.
- ⁵⁶ Государственный художественный музей Республики Беларусь. Инв. № РЖ-1372.
- ⁵⁷ *Гершензон-Чегодаева Н.М.* Указ. соч. С. 315.
- ⁵⁸ Дмитрий Григорьевич Левицкий. 1735–1822: каталог. Л., 1987. С. 73.
- ⁵⁹ Автор благодарит зав. отделом экспертизы ГТГ Л.И. Гладкову и заведующую отделом технологических исследований ГРМ С.В. Римскую-Корсакову за сообщенные сведения.
- ⁶⁰ *Глинка М.Е.* Портрет Ломоносова кисти Миропольского // Ломоносов: сборник статей и материалов. Вып. IV. М.; Л., 1960. С. 358–362.
- ⁶¹ Там же. С. 361.
- ⁶² Там же. С. 361–362.
- ⁶³ *Смагина Г.И.* Сподвижница Великой Екатерины. СПб., 2006. С. 192–193.
- ⁶⁴ *Глинка М.Е.* Указ. соч. С. 361–362.
- ⁶⁵ *Смагина Г.И.* Указ. соч. С. 195–196.
- ⁶⁶ Там же. С. 195–196.
- ⁶⁷ *Глинка М.Е.* Указ. соч. С. 361–362; *Глинка М.Е.* М.В. Ломоносов. Опыт иконографии. М.; Л., 1961. С. 14–15.
- ⁶⁸ Автор выражает признательность зав. лабораторией научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа Л.П. Вязьменской за предоставленную возможность ознакомиться с рентгенограммой портрета М.В. Ломоносова.
- ⁶⁹ *Преснова Н.Г.* Творчество Леонтия Семеновича Миропольского. С. 305.
- ⁷⁰ Портретная живопись в России XVIII века из собрания Эрмитажа: каталог выставки. Л., 1987. № 33.
- ⁷¹ Там же.

- ⁷² В статье Н.Г. Пресновой «Творчество Леонтия Семеновича Миропольского» допущена неточность: воспроизведение портрета А.А. Вяземского из собрания ГТГ сопровождается указанием его происхождения из собрания ГЭ. *Преснова Н.Г.* Указ. соч. С. 307.
- ⁷³ Э 1900/РЖ, неопубликованная атрибуция И.Г. Котельниковой, подтвержденная результатами проведенного в Государственном Эрмитаже технологического исследования (заключение № 336 от 20 сентября 1990 г.).
- ⁷⁴ *Преснова Н.Г.* Указ. соч. С. 306.
- ⁷⁵ Подробнее об этом портрете см.: *Моисеева С.* Искусствоведы продолжают поиск // *Художник.* 1988. № 5. С. 49–50.
- ⁷⁶ Российская родословная книга П. Долгорукова. Ч. 1. Гл. 1. СПб., 1854. С. 324.
- ⁷⁷ Отдел редкой книги Государственного Эрмитажа. № 74659.
- ⁷⁸ Аполлон. 1909. № 1. Хроника. С. 13.
- ⁷⁹ Фототека ГРМ. С-2906; ОР ГРМ. Ведомственный архив. Д. 3.
- ⁸⁰ ОР ГРМ. Ф. 5. Д. 2. Л. 3 об.
- ⁸¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2866. Л. 9 об.; Каталог старинных произведений искусств, хранящихся в Императорской Академии художеств. С. 67; ОР ГРМ. Ведомственный архив. Д. 4–5.
- ⁸² ОР РНБ. Ф. 575. Д. 62. Л. 2; Каталог исторической выставки портретов лиц XVI–XVIII веков, устроенной Обществом поощрения художников / Сост. П.Н. Петров. СПб., 1870. С. 117; *Преснова Н.Г.* Художник школы Левицкого. С. 44.
- ⁸³ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 965. Л. 1.
- ⁸⁴ Авторство Л.С. Миропольского в портрете Е.А. Мельгуновой предположительно определено С.В. Римской-Корсаковой (Р ГРМ. 32/41. 42–89); портрет вельможы из собрания областного музея изобразительных искусств Ростова-на-Дону атрибутирован автором настоящей статьи.
- ⁸⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1123. Л. 2.
- ⁸⁶ Великий князь Николай Михайлович. Русские портреты XVIII – XIX веков. Т. 1. № 115.
- ⁸⁷ РГИА. Ф. 19. Оп. 112. Д. 344. Л. 106 об.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 19. Оп. 112. Д. 362. Л. 184; Д. 370. Л. 641.
- ⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 2. Д. 93. Л. 1 об.–3 об.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 406. Оп. 2. Д. 91. Л. 172; Д. 224. Л. 101.
- ⁹¹ РГИА. Ф. 19. Оп. 112. Д. 439. Л. 57.
- ⁹² Там же. Ф. 19. Оп. 112. Д. 520. Л. 540.
- ⁹³ Санктпетербургская адресная книга на 1809 год. СПб., 1809. С. 262.

- ⁹⁴ РГИА. Ф. 19. Оп. 112. Д. 568. Л. 61 об.
- ⁹⁵ Там же. Ф. 789. Оп. 1. ч.1. Д. 2984. Л. 3.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 19. Оп. 111. Д. 176. Л. 90 об.
- ⁹⁷ *Успенский А.И.* Словарь художников. в XVIII веке писавших в императорских дворцах. М., 1913. С. 121.
- ⁹⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. ч.1. Д. 1335. Л. 32 об.
- ⁹⁹ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств. С. 371.
- ¹⁰⁰ *Преснова Н.Г.* Творчество Леонтия Семеновича Миропольского. С. 303–304.
- ¹⁰¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 886. Л. 15 об.
- ¹⁰² *Малиновский К.В.* Материалы по истории хранения и реставрации живописи в России в ХУШ веке // Советское искусствознание. 1982. Вып. I. М. 1983. С. 374.
- ¹⁰³ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств. С. 591.
- ¹⁰⁴ РГИА. Ф. 1485. Оп. 9. Д. 114. Л. 1–1 об.
- ¹⁰⁵ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств. С. 37.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 37.
- ¹⁰⁷ РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3285. Л. 107, 107 об.
- ¹⁰⁸ *Лансере Н.* Захаров и его Адмиралтейство. «Старые годы». 1911. декабрь. С. 55–56.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 55–56.
- ¹¹⁰ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. ч.1. Д. 2368. Л. 1–4.
- ¹¹¹ Там же. Ф. 733. Оп. 16. Д. 89. Л. 12–13.
- ¹¹² В метрической книге собора Андрея Первозванного 1819 года Л.С. Миропольский назван академиком 9-го класса ошибочно. См.: РГИА. Ф. 19. Оп. 111. Д. 167 б. Л. 301 об.
- ¹¹³ РГИА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 22. Л. 222.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 222–223.

УСАДЬБА В СЕЛЕ ТРОИЦКОМ И ЕЕ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ 1930-Х ГОДОВ

Л.Я. Тайёжная

Мало кому известно, что в 1920–1930-е гг., когда историческая значимость личности такого масштаба, какой была княгиня Е.Р. Дашкова, замалчивалась, ее любимое имение – Троицкое сыграло важную роль в становлении отечественной школы изобразительного искусства, в частности – живописной школы. По счастливому стечению обстоятельств со второй половины 1930-х гг. в Троицком стали проводиться студенческие практики Московского государственного института им. В.И. Сурикова. Бывшее имение Дашковой еще хранило следы усадебного строительства, некогда предпринятого княгиней. Оно состояло из флигелей, церкви, хозяйственных построек и лежавшего в руинах главного усадебного дома. Украшением усадьбы оставались белокаменные ворота. Закрытие ВХУТЕМАСа, а затем ВХУТЕИНа в 1930 г. ставило вопрос о необходимости создания в Москве художественного института со специализациями по живописи и скульптуре. После развала в первые послереволюционные годы системы академического художественного образования, утвердившейся в дореволюционной России, вновь настало время воссоздания прежней художественной школы.

С этой целью был основан в 1935 г. Московский государственный институт им. В.И. Сурикова. Возглавил институт известный деятель культуры художник, реставратор, искусствовед И.Э. Грабарь. В институте преподавали мастера русской дореволюционной школы С.В. Герасимов, Б.В. Иогансон и А.А. Осмеркин и др. Все они стояли у истоков формирования советской реалистической школы, созданной на основе преемственности традиции русской и мировой классики. Существенным было то, что И.Э. Грабарь и другие педагоги поддерживали идею преемственности в искусстве, «считая опыт старых европейских мастеров Тициана, Веронеза, Веласкеса, а так-

же мастеров русской реалистической школы наиболее плодотворным в условиях становления современной реалистической живописи»¹. По воспоминаниям одного из учеников И.Э. Грабаря, народного художника России В.Г. Цыплакова, «Грабарь совершенно справедливо считал, что лицо школы определяют не бумажные декларации... а ее творческая направленность, художественная сущность произведений. В подкрепление своих идей, несмотря на большую занятость, Грабарь ездил по периферийным школам, отбирая для ведущего художественного ВУЗа страны наиболее одаренную молодежь»². Система обучения, основанная на глубоком знании и изучении природы, была необычайно продуктивной. «Идите друзья, любил повторять Грабарь, всегда от природы, бойтесь заученного тона... Мы с Серовым и Коровиным вышли на натуру. Жуковский тоже»³. Неслучайно картины, учебные постановки старались писать на пленэре.

Несомненное влияние на формирование пленэрного подхода в рамках воссоздания школы оказала природная среда села Троицкого Калужской области, его ландшафтное окружение. Именно здесь, в Троицком, недалеко от Серпухова, в конце 1930-х гг. студенты Суриковского института проходили летнюю практику. Этой практике И.Э. Грабарь придавал большое значение. Он радовался отмечая, что студенты «очень выросли за первую декаду (практики. – Л.Т.) и даже, невзирая, на отсутствие руководства...». «Заботясь о мастерстве, усвоении принципов пленэра, Грабарь просматривал систематически все до одной работы...»⁴. Как сам И.Э. Грабарь, так и другие педагоги Суриковского института воспитывали в студентах способность воспринимать натуру, видеть, чувствовать природную стихию. Впечатления, возникавшие у студентов от общения с высокими образцами искусства, увиденными в музейных собраниях Москвы и других городов, умел точно направлять организовывать известный педагог Суриковского института Г.М. Шегаль. Он так же, как и И.Э. Грабарь, бережно вводил молодежь в таинственный мир искусства, соотнося его с природным, пространственным окружением. Как человек большой культуры, Г.М. Шегаль ценил живопись не только старых мастеров, но и мастеров нового времени. Среди них особенно выделял П. Сезанна. Когда студентам вместе с Г.М. Шегалем удавалось выехать на пленэр, Григорий Михайлович знакомил их со спецификой работы художника на пленэре. Как живописец Г.М. Шегаль уделял большое внимание освещению в картине и учил «режиссировать свет». Он говорил, что свет должен объединять фигуры, как это было у Гварди («Венецианский

дворик») или у барбизонцев Руссо и Добиньи⁵. Еще один замечательный педагог, В.В. Почиталов, выступая в качестве ассистента Г.М. Шегаля, открыл студентам немало интересного и полезного. Почиталов говорил о связи музыки, живописи и литературы. Его истинной стихией была краска, а любимым жанром – натурный этюд. В.В. Почиталов прививал студентам понимание цветового восприятия, гармонии. Предостерегая их от увлечения заученной манерой, педагог поощрял самостоятельность, способность видения живой природы. Усилия В.В. Почиталова привели к несомненным успехам. Это проявилось в целом ряде этюдов, созданных участниками практики в Троицком.

Отдельные неудачи только еще начинавших работать на пленэре студентов педагогами воспринимались с пониманием и сочувствием. Так, И.Э. Грабарь стремился успокоить студентов, объясняя «тем, что они никогда пленэр не писали»⁶. В целом же И.Э. Грабарю понравилась практика в Троицком: «все идет хорошо, и я ожидаю больших успехов. А обстановка отличная, много лучше прежней»⁷. Из скупых замечаний этого знаменитого художника, ректора Суриковского института, можно заключить, что студенты с радостью окунулись в сельскую среду, жили по избам. Кухня, как отмечал И.Э. Грабарь, была прекрасная, оборудована как в городе, персонал подобран хороший. Надо полагать, что система обучения студентов в Суриковском институте дала свои первые наиболее ощутимые плоды на пленэрной практике в Троицком. Ставшие впоследствии известными выпускники Суриковского института В.К. Нечитайло, С.П. Рычагов, М.В. Савченкова, В.Г. Цыплаков и др. с благодарностью вспоминали о Троицком, как о месте связанном с их юношеским мужанием, возрастанием их профессионального мастерства. Некоторые из них в дальнейшем связали свою жизнь и творчество с этим тихим, мало приметным, но удивительно живописным уголком. К числу этих художников можно отнести Г.Г. Королева, С.П. Рычагова, В.Г. Цыплакова и др. По признанию одного из них, В.Г. Цыплакова, село Троицкое стало для него одним из любимых мест, неотделимых от понятия Родины. Затерявшееся нынче в Калужской земле, оно было когда-то очень известным благодаря неутомимой деятельности княгини Е.Р. Дашковой.

В своих работах художники запечатлели остатки усадьбы: ворота, усадебную церковь, хозяйственные постройки, привнося в них долю романтизма, присущего, как известно, изображениям памятных мест прошлого. Вслед за первыми выпускниками живописцев-

суриковцев новое поколение художников время от времени устремлялись в Троицкое. Оно привлекало, также, внимание творческой молодежи. Здесь бывали и подолгу работали, любуясь необъятными далями, сложным ландшафтом А.Г. и С.Г. Королевы, Д.И. Хамин, Н.В. Цыплаков-Таежный. В творчестве этих современных художников наряду с идиллическостью картин природы запечатлелись и перемены, произошедшие в окрестностях Троицкого на рубеже XX–XXI вв. Их можно охарактеризовать как заброшенность, небрежение по отношению к оставшимся строениям усадьбы Е.Р. Дашковой. Особенно пронзительно эти ноты звучат в цикле произведений рано ушедшего из жизни молодого художника Н.Г. Цыплакова-Таежного.

Пленэрная направленность остается одной из тем в творчестве ныне работающих в Троицком художников, в частности, Г.В. Цыплакова-Таежного, М.Г. Таежной, Д.Д. Коноваловой, О.А. Григорьева и др. Надо полагать, что устоявшаяся традиция летних пленэров оказалась плодотворной, в немалой степени определила форму пленэров, летних практик и в других живописных уголках страны. Она стала восприниматься как возможность художественных поисков и служить источником вдохновения, совершенствования творческого метода, связанного с реалистической школой. Можно сказать, что благотворное воздействие просветительской деятельности княгини Е.Р. Дашковой незримо сопровождает и обогащает отечественную культурную традицию. Подтверждение этого можно найти в изложенной нами истории проведения практик Суриковским институтом. В сущности, в советское время в сфере культуры художники этого круга были едва ли не единственными свидетелями одаренности натуры Е.Р. Дашковой, масштаба ее личности сравнимого с ломоносовским универсализмом.

---

¹ Цыплаков В.Г. Воспоминания. М., 2006. С. 7.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Грабарь И.Э. Письма. 1917–1941. М., 1977. С. 398.

⁵ Цыплаков В.Г. Указ. соч. С. 9.

⁶ Грабарь И.Э. Указ. соч. С. 285.

⁷ Там же.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ С ИМЕНЕМ Е.Р. ДАШКОВОЙ

Л.М. Пищулина

Много-много лет назад, когда нашего города не было ни на карте, ни в проекте, и в село Троицкое при разливе Протвы плавали на огромных лодках (большого моста через реку тоже не было), возле Храма Живоначальной Троицы стояли надгробные камни с надписями XIX в. Именно тогда, с трудом открыв скрипучие железные двери, я заглянула в заброшенный храм, который тянул к себе с невероятной силой. Ноги сами понесли внутрь, взгляд невозможно было оторвать от фресок, сохранившихся на могучих стенах. Так, поговорив с сельчанами, я открыла для себя место, которому поклонялись и по сей день поклоняются, многие поколения. Это место памяти образованнейшей женщины России того времени, государственного деятеля, просветителя XVIII в. Екатерины Романовны Дашковой.

Судьба привела меня жить и работать в эти благословенные места, и наступил день, когда было принято решение о создании мемориального музея Е.Р. Дашковой. Решение это должна была принять... я. Душа трепетно ждала осуществления мечты, и она осуществилась не без помощи добрых людей. Первые и самые главные вновь обретенные друзья, без которых ничего бы не состоялось – Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой во главе с ректором Ларисой Викторовной Тычиной. С первых дней нашего знакомства институт внес весомый материальный вклад в создание музея, кроме того, все десять лет мы получаем от него моральную, материальную и методическую помощь.

Итак, 28 марта 1998 г. был торжественно открыт школьный мемориальный музей великой россиянки. По распоряжению губернатора Калужской области В.В. Сударенкова нашей школе было присвоено имя Е.Р. Дашковой, а 10 апреля того же года законодательным собранием Калужской области было подписано постановление о присвоении Екатерине Романовне Дашковой звания «Почетный гражданин Калужской области».

В день открытия музей представлял собой комнату с пятью стендами, выполненными вручную. Нет в оформлении музея ни одного элемента, выполненного с помощью компьютера, он целиком рукотворный. Рядом со стендами находятся витрины с экспонатами: подлинными (предметы с инициалами Е.Р. – Екатерина Романовна) и копированными (документы РГАДА и других архивов). Экспонаты тематически соответствуют материалам стендов, которые кратко и образно рассказывают о роде Воронцовых, о знакомстве юной Екатерины Воронцовой с великой княгиней Екатериной Алексеевной, об участии Дашковых в дворцовом перевороте 1762 г. и восшествии Екатерины II на трон, о путешествиях и встречах княгини со знаменитостями, о достижениях великой женщины во времени управления ею двумя академиями. Последний посвящен любимой усадьбе Екатерины Романовны – селу Троицкому, которое княгиня считала самым красивым местом на земле и где провела последние годы. Именно этот период ее жизни наиболее близок и дорог нам, живущим здесь сегодня, через 265 лет после ее рождения.

Тогда, десять лет назад, фонд музея был совсем небольшой, и мы не делили его на основной и вспомогательный. Подлинные экспонаты составляли 19 единиц хранения, вспомогательный фонд (схемы, копии, книги, брошюры, журналы) – 43 единицы хранения. В центре зала стояли четыре тумбы, предназначенные для макета усадьбы, на который просто не было средств. Через год С.С. Шершнева из города Малоярославец Калужской губернии, побывав в музее, был настолько поражен увиденным, что подарил нам средства на изготовление макета. Очень скоро в центре зала под стеклянным колпаком уже красовался макет фрагмента усадьбы княгини, выполненный архитекторами из Калуги А.С. Днепровским и А.В. Никитиным. Это было одно из самых крупных приобретений музея. Через некоторое время представители города Кремёнки присутствовали на открытии выставки картин нашего выпускника В. Голика, изобразившего памятные места села Троицкого.

Следующая новинка – портрет Е.Р. Дашковой (копия с портрета Д.Г. Левицкого), написанный протвинским художником Виктором Фирсовым. К трехлетию музея была выполнена творческая работа учителя технологии нашей школы «Платье XVIII в.». У платья родилась новая экскурсия – «Мода галантного века».

Примерно через полгода прошла презентация новой экспозиции, посвященной религиозным воззрениям Екатерины Романовны и состоящей из трех икон: Владимирской Калужской и Казанской Божьей Матери. На представлении присутствовал священник Троицкого Храма о. Владимир.

Музей за десять лет не изменился коренным образом, но его содержание постепенно расширяется: основной фонд с 19 единиц вырос до 120, а вспомогательный – с 43 единиц до 140.

На праздничной неделе, посвященной 10-летию присвоения школе имени Е.Р. Дашковой и 10-летию открытия мемориального музея княгини (приуроченных к ее 265-летию), была открыта новая экспозиция, которую собирали много лет. Назвали мы ее «Черты моей жизни», а представлены в ней собранные нами и подаренные музеем портреты княгини, «обрамленные» изображениями тех мест, где бывала и жила Екатерина Романовна.

Готовится к экспозиции выставка рисунков – иллюстраций к «Запискам» Е.Р. Дашковой художника Екатерины Николаевны Фирсовой, подарившей школьному музею не только эти, но и многие другие свои работы, в том числе лепные. Все подарки мы выставляем для обозрения в пристендовые витрины, которые с удовольствием рассматривают наши гости.

В музее бывают разные посетители: дети из школ нашего города, из Жуковского района, из городов Протвино и Серпухова Московской области, из Москвы. Бывают и гости издалека: из Воронежа и Орла, Санкт-Петербурга и Таджикистана, Киргизии и Франции, Германии и Австралии. За десять лет музей посетило в общей сложности шесть тысяч человек: детей и взрослых из 23 городов России, ближнего и дальнего Зарубежья. Нами проведено более 600 экскурсий и 570 лекций.

Более всего (со слов гостей) при входе в музей поражает оригинальный интерьер и интеллигентность. Ведущая роль в создании образа музея принадлежит художнице Ларисе Владимировне Лесковой, выполнившей основную работу в самом музее под руководством главного «архивариуса» Марии Сергеевны Кузиной. Часть эскизов воплотил в жизнь наш выпускник, художник В. Голик. Все решения творческой группы исполняла вместе с художниками Ольга Алексеевна Никитина, а главный вдохновитель и обладатель «табу» – директор школы Лидия Михайловна Пищулина.

Мечты освещают нам путь, указывают курс и подают сигналы. Они проявляются в каждом поступке и в каждый момент меж предметов и людей. Наши мечты мы постепенно превращаем в реалии и растем, развиваемся, становимся умнее вместе с детьми. Это они, семьдесят учащихся разного возраста, на русском, английском, немецком и французском языках целых десять лет радуют всяк сюда входящего теплым взглядом и добрым словом. Мы приглашаем всех желающих приобщиться к Великому и Красивому, Старинному и Умному – войти в музей, замереть и прислушаться. ...И зазвучит радостная мелодия самой жизни. Оттого, что все здесь ново и волнительно, но зато необычайно красиво и важно.

Как представить будущее школы без музея? Это уже невозможно, так же, как представить линейку в нашей школе без традиционного менюэта, первоклассников – без посвящения в день св. Екатерины, праздники – без дворецких, зажигающих свечи в канделябрах, а конец учебного года – без традиционного Сиреневого бала. Традиции мы не меняем и не теряем, только приобретаем новые и находим новых друзей.

Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой как старый верный друг постоянно помогал и помогает храму Живоначальной Троицы в селе Троицком, обучает выпускников нашей школы на льготных условиях, приглашает нас ежегодно на Дашковские чтения, дни открытых дверей, на все значимые события в жизни института. Мы глубоко признательны за это.

Как не поблагодарить за подаренный автомобиль губернатора Московской области Б.В. Громова: «Школе имени Е.Р. Дашковой за воспитание чувства глубокого патриотизма». Благодарим за помощь в создании музея и предоставление первых документов Светлану Романовну Долгову – заведующую Отделом использования и публикаций Российского государственного архива древних актов, кандидата филологических наук, заслуженного работника культуры, лауреата Всероссийского конкурса журналистских произведений 2001–2002 гг. «Женщины России на службе Отечеству» за цикл статей о Е.Р. Дашковой. Благодарим художника-искусствоведа Екатерину Николаевну Фирсову за большую любовь к нашей школе и за подаренные ею работы. Благодарим мецената Семена Савича Шершнева за средства на изготовление макета усадьбы княгини, а Виктора Васильевича Гробцова, председателя колхоза им. Ленина,

расположенного в селе Троицком, – за понимание и материальную помощь. Невозможно всех перечислить, но при встрече каждому поклонимся.

Не оскудеет Земля Русская меценатами: Михаил Федорович Морозов в день св. Екатерины подарил школе икону св. Великомученицы Екатерины, которая стала первым экспонатом в новом музее истории школы, торжественно открытом в День музеев 18 мая 2007 г., который рассказывает о людях, посвятивших себя служению Отечеству и просвещению.

26 августа 2007 г. при нашем активном участии в Кремёнках был открыт сквер с мраморным бюстом Е.Р. Дашковой. Теперь это любимое место отдыха горожан.

В ближайшие планы школы входит расширение площади музея за счет примузейной комнаты. Там мы собираемся открыть уголок крестьянского быта села Троицкого, чтобы можно было представить Е.Р. Дашкову не только президентом двух академий, политическим деятелем, литератором, но и помещицей, жившей бок о бок с крестьянами, носившей крестьянское платье, сажавшей цветы и плодовые деревья, обучавшей своих крепостных музыке и сценическому мастерству. Главная цель – воссоздать подробнее жизнь Екатерины Романовны в ее любимом Троицком.

Подводя итоги десятилетнему пути с именем Е.Р. Дашковой, мы счастливы, потому что точно знаем, что СЧАСТЬЕ – это уверенность в том, что ты на верном пути.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ РУССКИХ УСАДЕБ – ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

В.А. Стручков

Неумолимое время все дальше уносит от нас события дореволюционной России. Тех, кто может рассказать о том периоде русской истории, остались единицы, но существуют негласные свидетели той эпохи – русские дворянские усадьбы – не только памятники архитектуры, но и частицы нашей истории, хранящие в себе такие подробности быта, нравов и традиций, каких не сыщешь ни в одном архиве. К сожалению, многие из них не сохранились. Тем бережней, внимательней мы должны относиться к уцелевшим комплексам. Некоторые из них разумно используются как национальные музеи – Ясная Поляна, Тарханы, Рахманино, Спаское-Лутвиново, Карабиха – то есть те усадьбы, где жили и творили люди, вошедшие своими славными делами в историю. Но разве не найдется в почти каждом дворянском роду человека, чьи дела связаны со славными событиями истории России? Дворяне всегда были в авангарде всех важнейших исторических событий России с XVI в. по XX в. Фамилии Долгоруких, Голицыных, Вяземских, Шуваловых, Шуйских, Воронцовых, Орловых и многих других можно встретить, знакомясь с каждым мало-мальски значимым эпизодом нашей истории. Сохраняя и восстанавливая дворянские усадьбы, мы сохраняем не только памятники архитектуры, но и памятники истории.

Большую часть жизни я провел в селе Новотомникове Тамбовской области, где находится усадьба И.И. Воронцова-Дашкова, по мере сил способствуя ее сохранению и созданию историко-краеведческого музея-заповедника. Много сил администрация области, района, местные краеведы приложили для превращения этого красивейшего уголка русской земли в национальный киноцентр, затем была идея превратить его в пансионат для кратковременного доступного отдыха с культурной программой: посещением архитектурных памятников не только нашей усадьбы, но и многочисленных памятников на Шацкой земле (Черниев монастырь XVI в, женский и мужской монастырь XVIII в, чудодейственный источник в Эмма-

нуиловке, редчайшая деревянная усадьба Голицыных). Образовывался как бы второй круг «Золотого кольца», менее древний, ем первый, но не менее значимый для патриотического воспитания, так как каждое из этих мест связано с каким-либо событием истории России от монголо-татарского нашествия до событий 20-х годов XX столетия. К сожалению, все эти проекты остались неосуществленными из-за финансовых трудностей.

В настоящее время два основных здания дворцового ансамбля в Новотомникове, находящиеся в распоряжении Управления образования Тамбовской области, спасаются от разрушения, Благовещенская церковь действует и находится в хорошем состоянии, а вот здания конного завода, дома для прислуги, хозяйственные постройки и парк разрушаются. Еще немного – и они исчезнут, как исчезли торговый комплекс, здание земской школы, земская больница и многое другое. Наконец, как исчезает предмет особой гордости И.И. Воронцова-Дашкова – племенные орловские рысаки Новотомниковского конного завода. Попав в частные, но нечестные руки, они распродаются за гроши кому попало, чуть ли не на мясо, а администрация района и области ничего не может сделать – бумаги оформлены по закону.

Если не будут приняты меры, то очень скоро Новотомниковский конный завод перестанет существовать. Я предлагаю создать комитет по его спасению, обратиться с требованием к правительству о немедленном принятии его на федеральный бюджет, направлении туда соответствующих руководящих кадров и соответствующего финансирования, благо здания конюшен еще не успели приватизировать. В соответствии с проектом о размещении в здании дворца реабилитационного центра для одаренных детей из малообеспеченных семей, при наличии в селе школы народного творчества и средней общеобразовательной школы мы получим великолепный центр патриотического воспитания, способный эффективно работать над формированием разносторонне развитой личности, любящей свою Родину – Россию, гордящуюся ею и способной преумножить ее славу. По подобной схеме мы можем и должны работать и в отношении других русских дворянских усадеб. В этом я вижу наш гражданский, человеческий и профессиональный долг перед будущим России – нашей молодежью.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ	Государственный Исторический музей
ГРМ	Государственный Русский музей
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
РГА ВМФ	Российский государственный архив военно-морского флота
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА	Российский государственный военно- исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
Сб. РИО	Сборник Императорского Русского исторического общества
ЦИАМ	Центральный архив г. Москвы